

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР**

Институт истории СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА

(ответственный редактор),

В. И. БУГАНОВ

(заместитель ответственного редактора),

М. А. АЛПАТОВ, Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ,

М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ,

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ, В. А. ДУНАЕВСКИЙ,

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,

В. П. НАУМОВ,

член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ, В. И. САЛОВ,

академик Л. В. ЧЕРЕПНИН,

В. П. ШЕРСТОБИТОВ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА • 1978

По историографии отечественной истории в сборнике помещены статьи по следующим проблемам: научно-техническая революция и рабочий класс СССР, основные направления советской историографии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., деятельность КПСС в годы Великой Отечественной войны, периодизация русского освободительного движения XIX в. в мелкобуржуазной историографии. Раздел «Историки и их труды» содержит работы: вопросы истории Финляндии в трудах А. М. Коллонтай, Е. В. Тарле — историк Крымской войны, движение декабристов в исторической концепции Н. П. Огарева, В. И. Модестов как историк античности. К 250-летию Академии наук публикуются статьи: центры изучения истории Академии наук (XVIII—XX вв.), историческая проблематика в периодических изданиях Академии наук за 1725—1917 гг. Кроме того, в сборнике помещены статьи и сообщения: «русские источники» и проблема их обработки в английской историографии конца XVI — начала XVII в. (по данным хроники Стоу — Хауэса), Общество истории и древностей российских при Московском университете, и другие.

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

**XXV СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ
И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ**

И. Д. Ковальченко, А. М. Сахаров

Руководящая и направляющая роль в развитии советской исторической науки принадлежит Коммунистической партии Советского Союза. Партийные документы обобщают опыт общественной практики, воплощают новые ступени развития марксистско-ленинской теории. В соответствии с этим партия определяет научные и идейно-политические задачи изучения истории и пропаганды исторических знаний, выдвигаемые на каждом этапе социалистического и коммунистического строительства, обеспечивает создание необходимых организационных условий для разрешения этих задач.

Партийное руководство исторической наукой обеспечивает ее неразрывную связь с общественной практикой, активную роль науки в создании научной основы руководства общественными процессами. При этом партия уделяет неослабное внимание борьбе с буржуазной и ревизионистской методологией и идеологией, за чистоту марксистско-ленинской теории, являющейся твердой основой для научного, историко-материалистического познания прошлого, для служения настоящему и коммунистическому будущему человечества.

Возрастание руководящей роли КПСС есть коренная закономерность коммунистического строительства. Ярким воплощением растущей роли партии в условиях развитого социализма стал XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, явившийся крупнейшим историческим событием современности. Определяя дальнейшие перспективы коммунистического строительства в нашей стране, XXV съезд КПСС поставил перед советскими учеными важные задачи и наметил пути их решения. Партия ориентировала советских историков на фундаментальное и комплексное изучение важнейших процессов и явлений общественного развития на всех его этапах и особенно в современную

эпоху, на повышение *эффективности и качества* научных исследований.

Для претворения в жизнь задач, поставленных перед советскими учеными XXV съездом КПСС, необходимы: повышение идейно-теоретического и научно-методологического уровня исторических исследований; концентрация усилий на фундаментальной разработке наиболее актуальных проблем, на создании обобщающих, имеющих общетеоретическое и мировоззренческое значение трудов; расширение фактической основы и совершенствование методов этих исследований; усиление критики буржуазной и ревизионистской социологии и историографии.

Важную роль в решении этих задач должно сыграть совершенствование изучения и преподавания историографии. Прежде всего, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС, «на нынешнем этапе развития страны потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей»¹. В этом плане изучение истории исторической науки имеет не только прикладное значение (для определения задач и путей исследования какого-либо конкретного вопроса или проблемы), но и общетеоретическое, так как история науки раскрывает одну из важнейших черт развития человеческого общества — процесс познания обществом своего прошлого и настоящего и мобилизации полученного знания на службу общественной практике. История исторической науки, или, как мы ее обычно называем, историография, дает исключительный по своему значению материал для утверждения превосходства марксистско-ленинского, историко-материалистического принципа подхода к общественным явлениям над всеми видами и разновидностями буржуазно-идеалистической и ревизионистской методологии. Л. И. Брежнев говорил на XXV съезде о том, что «проблемы идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план, а правда о социализме — могучее оружие в этой борьбе»².

В этом свете особо важное значение приобретает изучение опыта развития советской, марксистско-ленинской исторической науки. Историографии принадлежит очень важная роль в деле развенчания той клеветы на марксистское понимание истории, которая распространяется врагами нашего дела из империалистического лагеря. Особый долг историографии состоит в том, чтобы раскрыть во всей полноте достижения исторической науки при социализме. Речь идет об изучении опыта не только советской исторической науки, но и марксистской историографии братских социалистических стран. На XXV съезде в Отчетном докладе ЦК особо подчеркивалось, что «за последние годы значительно расширилось наше идеологическое сотрудничество с партиями брат-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, с. 531.

² Там же, с. 458.

ских стран»³. Изучение и обобщение опыта творческого сотрудничества историков-марксистов социалистических (и не только социалистических) стран представляет собой актуальную задачу советских историографов.

За последние годы стали налаживаться контакты между историками исторической науки социалистических стран. В первую очередь это относится к связям историков СССР и ГДР. Идет подготовительная работа по созданию совместного коллективного труда, посвященного истории советской исторической науки, который будет создаваться в университете имени Мартина Лютера в Галле, в октябре 1977 г. там же состоялась конференция пяти стран по теме «Советская историческая наука».

Вопросы историографии находят отражение в ставших ныне регулярными семинарах преподавателей истории СССР в университетах социалистических стран.

Опыт истории исторической науки в СССР должен стать достоянием историков-марксистов в социалистических странах, а для этого необходимо совместно изучать процессы развития марксистской науки в условиях борьбы за социализм на широком фоне социалистического сотрудничества, выявлять закономерности и особенности развития марксистско-ленинской исторической науки на современном этапе. В этой связи должен быть внимательно продуман и обобщен опыт преподавания историографии всеобщей истории в той части, в какой она охватывает историю марксистской исторической науки в социалистических странах. Здесь потребуются дальнейшее совершенствование преподавания, усиление обобщающего материала, переход в освещении предмета к анализу и синтезу историографических процессов.

В области изучения истории советской исторической науки за последние годы достигнуты значительные успехи, выразившиеся в создании ряда фундаментальных исследований, посвященных анализу истории изучения крупнейших проблем — истории рабочего класса, крестьянства, советской культуры. Историографические обзоры и введения к монографиям в советской историографии уже перестают быть основной формой изучения опыта нашей науки, теперь полноправное место занимают специальные историографические монографии. Существует большое количество трудов, изданных еще к 50-летию Советской власти и анализирующих полувековое развитие отдельных отраслей советской исторической науки. В различных сборниках обобщается путь советской историографии от XXV съезда КПСС. Однако рост исследований все еще не завершен крупными обобщающими трудами по истории советской исторической науки.

Говоря о необходимости новых энергичных усилий в области разработки и обобщения материалов по истории советской исторической науки, мы должны подчеркнуть важность более глубо-

³ Там же.

кого раскрытия социальной функции марксистско-ленинской историографии, ее теснейшую связь с общественной практикой, ее роль в строительстве коммунистического общества. Чрезвычайно важно показать общественное, идейно-политическое значение марксистско-ленинского исторического метода на каждом этапе социалистического строительства, особенно на современном этапе развитого социализма. Тем самым мы углубим наши представления о современных задачах исторической науки, дадим новый аспект для исследования вопросов, связанных с определением перспектив развития исторической науки.

Раскрытие общественного значения исторической науки, ее места в жизни советского общества особенно важно в преподавании курсов историографии. Эта сторона дела имеет большое значение для повышения профессиональной подготовки и воспитания молодого поколения историков, для развития у нашей молодежи ясного сознания общественной значимости профессии историка, его долга перед обществом.

Внимание историографов должны привлечь не только такие вопросы, как значение исторической науки в идейно-политическом воспитании трудящихся и овладении ими богатствами, созданными культурой прошлого, но и роль нашей науки в развитии таких глубинных, коренных процессов, к которым относится, например, формирование исторической общности людей — советского народа. Кому, как не историографам, надлежит обобщить опыт развития творческих связей между историками наших республик, показать значение пропаганды знаний в области истории народов СССР, роль вузовских и особенно школьных курсов истории народов СССР в воспитании социалистического патриотизма и интернационализма, в выработке нового общественного сознания — сознания принадлежности к советскому народу, единой общности людей, живущих в нашей огромной стране. Эту задачу можно решить только совместными, координированными усилиями историков союзных республик.

И по отношению к более ранним этапам развития советской историографии точное определение ее взаимосвязи с общественной практикой является необходимым условием для научной, объективной оценки каждого из этих этапов. Конечно, есть внутренние закономерности развития научного знания, есть его относительная самостоятельность, есть преемственность в этом процессе. Все это в полной мере должно быть проанализировано. Но историческая наука вообще, всегда и везде была и есть общественная наука не только потому, что она занимается изучением общества, но и еще потому, что она самым непосредственным образом связана с решением практических задач общественного развития. Оценить содержание этапов в развитии науки невозможно вне связи с решением общественно-политических задач и с общественно-политическими условиями развития науки.

В этом отношении первостепенное значение имеет глубокое

раскрытие исторической роли партийных документов для развития нашей науки. Взятые в строго конкретно-историческом аспекте, эти документы в трудах, лекционных курсах и семинарах будут раскрыты во всем величии и многообразии их значения как для самого исторического познания, так и для оценки роли исторической науки в общественно-политической жизни общества. Глубокое и всестороннее изучение руководящей и направляющей роли Коммунистической партии на всем протяжении пути развития советской исторической науки представляет собой важнейшую задачу советских историографов.

Дело заключается не только в том, чтобы излагать и комментировать те или иные постановления и другие мероприятия партии в области исторической науки, а прежде всего в том, чтобы показать исторические предпосылки возникновения и формулирования задач историков-марксистов, и в том, чтобы увидеть эти документы в действии, в реальном воплощении их идей в практике изучения истории общества и пропаганды исторических знаний. Это прямо и непосредственно относится к решению той задачи, о которой шла речь ранее, — показать историю в современности, исторические знания в реальной жизни советского общества. Тем самым историографы вносят свой вклад в дело первостепенной политической важности — всестороннего раскрытия руководящей роли Коммунистической партии в развитии социалистического общества. Таков один из важнейших аспектов историографических исследований, внимание к которому в свете решений XXV съезда КПСС должно быть усилено.

На съезде вновь было подчеркнуто принципиальное положение марксистско-ленинской теории о том, что «в борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам»⁴. Это положение прямо и непосредственно относится к нашей работе в области истории исторической науки. История является ныне полем напряженной идеологической борьбы двух систем, что ярко проявилось, в частности, на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско в 1975 г. Этот конгресс с полной отчетливостью показал углубление кризиса современной буржуазной историографии, который предстает перед нами как одна из коренных проблем марксистско-ленинской истории исторической науки. В этом отношении важно изучение как процессов, протекающих в современной буржуазной историографии, так и тех форм кризиса, который переживала русская буржуазная историография в эпоху империализма, в начале XX века. Есть своего рода исторический «опыт», если можно так сказать, своя преемственность в развитии кризисных явлений, познание которых немислимо без изучения их в историческом развитии. Углубленное исследование проблемы кризиса буржуазной историографии дает твердую методологическую, научную основу

⁴ Там же, с. 533.

для борьбы с буржуазными и иными фальсификаторами истории и еще более убедительно показывает превосходство марксистско-ленинской теории познания исторического процесса. Важно также показать методологическую несостоятельность исторических концепций всякого рода критиков марксизма. Историография является той областью исторической науки, которая глубже и полнее всего раскрывает не только конкретно-историческую, но и, главное,— методологическую несостоятельность современных немарксистских и антимарксистских теорий исторического развития общества.

В этой связи большой интерес представляет изучение вообще кризисных ситуаций в истории исторической науки, специфики переходных периодов от одного этапа в историографии к другому. Сосредоточивая наши исследовательские усилия на вопросах советского периода истории отечественной исторической науки, мы никак не можем недооценивать значения исследования и преподавания дореволюционной истории исторической науки в нашей стране. Это имеет как конкретно-научное, так и большое теоретическое значение. Труды историков прошлого содержат богатейший запас исследованного фактического материала, приемов исследования, решения многих и многих конкретных вопросов.

Теоретико-методологическое значение изучения истории исторической науки в прошлом имеет много аспектов. Один из них состоит в том, что без знания прошлого истории исторической науки мы не в состоянии в полной мере познать значение марксистско-ленинского понимания истории и историю советской исторической науки, которая, порывая с методологическими и политическими традициями старой историографии, все же не может быть понята вне борьбы с этими традициями и вне усвоения всего лучшего, что давала домарксова историография⁵.

Другой аспект состоит в том, что изучение процесса развития науки углубляет понимание общих закономерностей развития познания в целом, как об этом уже говорилось. Напомним, что в конспекте книги Ф. Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса» В. И. Ленин включил историю «отдельных наук» в число тех областей знания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика... история познания вообще», он говорил о том, что «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»⁶. Процесс познания человечеством своей истории есть составная часть истории человеческой мысли — одно из проявлений истории человеческой мысли вообще, истории познания объективного мира в прошлом и настоящем — в частности и особенно.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57—58; т. 18, с. 364.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 314, 131.

Новая пятилетка, как подчеркивалось на съезде, является *пятилеткой эффективности и качества*. Поставленная партией задача повышения эффективности и качества всей нашей работы есть самое насущное требование нашего времени. Оно всецело относится к исторической науке, которая должна подняться на новую ступень в своем развитии. Это должно найти свое выражение в создании фундаментальных трудов по отечественной и всеобщей истории, которые будут иметь общетеоретическое и общеметодологическое значение.

В этом отношении историографии принадлежит особо значительная роль. Теперь всем ясно, что без предварительного историографического изучения и обобщения невозможно приступать к серьезному исследованию какой-либо проблемы — старой или новой для науки. В последнем случае также невозможно обойтись без историографической «разведки», потому что самый подход к изучению любого вопроса не может быть осуществлен вне связи с определенными историографическими традициями. В свою очередь, глубина историографической «разведки» по той или иной проблеме зависит от степени изученности процесса развития науки в целом, потому что только в этом свете и в соответствии с принципом марксистского историзма можно понять происхождение тех или иных предшествующих оценок и решений изучаемой проблемы, а следовательно, понять и определить их значение для решения сегодняшних задач исследования проблемы. Нет сомнения в том, что без историографии ныне не может быть достигнут высокий уровень исследования.

Поэтому вопрос о характере историографических разделов исторических исследований приобретает ныне особо важное значение как средство повышения их эффективности и качества. Мы должны усилить внимание и повысить требовательность ко всем историографическим элементам в исследовательских трудах, учебных пособиях, в лекционных курсах, диссертациях и студенческих работах, памятуя, что через историографию лежит путь к повышению эффективности и качества работ в области истории.

Усиление роли историографии в исторической науке требует, естественно, повышения эффективности и качества работы в самой историографии; надо, в частности, со всей серьезностью поставить вопрос о том, что налаживание научной информации, в том числе библиографической (а внутри нее — ретроспективной библиографии), есть не что-то второстепенное, что можно решать «потом», «попутно», а первостепенное дело, без которого нельзя и думать об эффективности и качестве. Непонимание, недооценка вопросов информации и библиографии сегодня является нетерпимым анахронизмом в научной и учебной работе.

Во-вторых, нужно еще раз подчеркнуть необходимость публикации научных исследований и обмена информацией и опытом в области исторической науки вообще и историографии в частности.

Назрела необходимость создания межвузовских неперiodиче-

ских сборников по проблемам историографии, закрепив их за определенными учебными заведениями. Опыт в этом отношении у нас есть. Достаточно указать на систематическую публикацию Томским университетом трудов по вопросам методологии и историографии. Именно на этом пути мы видим реальный выход для разрешения возможностей публикации историографических исследований.

Наконец, самое главное, на что следует обратить внимание, — это повышение уровня проблемных историографических исследований. Речь должна идти не просто о том, чтобы дать возможность побольше печататься, но и отбирать то, что действительно достойно печати. У нас все еще появляются историографические работы, представляющие собой аннотированную библиографию. Библиография очень важна сама по себе, но худо, когда неполная, примитивно аннотированная библиография подменяет собой подлинную научную историографию.

Историографические исследования по тем или иным проблемам должны не только анализировать предшествующий опыт и итоги изучения проблемы для определения задач и путей дальнейших исследований, но и подниматься до общ исторических обобщений, раскрывать общий процесс развития исторической науки.

Надежным и высокоэффективным средством повышения качества нашей работы является широкий творческий обмен мнениями. Научные дискуссии и обмен опытом работы давно и прочно вошли в нашу жизнь, как одно из проявлений того коллективного характера науки, который свойствен прежде всего марксистско-ленинской историографии. Творческие дискуссии нам остро нужны, без них наука подвергается опасности застоя. Важно лишь, чтобы эти дискуссии были хорошо подготовлены и проводились на уровне тех высоких требований, которые предъявляют к нам решения партии. Нашим дискуссиям присущи высокая партийность и научная принципиальность. «На XXIV съезде, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXV съезду, — указывалось на то значение, которое имеет создание творческой атмосферы в научной работе. Эта задача и сегодня остается такой же важной, как и вчера. Разумеется, творческое сопоставление взглядов должно основываться на нашей общей марксистско-ленинской идейной платформе. Важно, чтобы последовательно соблюдались принципы партийности в науке, чтобы давался решительный отпор правооппортунистическим и левацким взглядам зарубежных идейных противников»⁷. Эти указания партии будут нами неуклонно проводиться в жизнь при подготовке и проведении научных конференций и дискуссий, больших и малых.

В связи с проблемой повышения эффективности и качества работы с новой силой ощущается потребность не только в про-

⁷ Брежнев Л. И. Указ. соч., т. 5, с. 532.

стой координации работы ученых, принадлежащих к разным исследовательским институтам и учебным заведениям, но и в расширении сфер совместной коллективной работы. Хорошим примером подобной работы является организация конференций преподавателей историографии Научным советом по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР и его региональными отделениями, Научно-техническим советом Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Научно-методическим советом по истории Министерства просвещения СССР.

На конференциях последних лет, проходивших в Смоленске, Томске, Грозном, Калининe и других городах, отчетливо проявилось значение творческого содружества ученых академических и вузовских учреждений. Это содружество имеет для работников высшей школы огромное значение. Быстрый рост сети университетов, повсеместное введение курсов историографии, значительное увеличение контингентов молодых ученых, приходящих ежегодно на кафедры высших учебных заведений, выдвигают с особенной силой потребность в расширении творческого общения с наиболее опытными и эрудированными работниками науки, большинство из которых сосредоточено в академических учреждениях, крупнейших университетах и педагогических институтах.

В новом пятилетии еще более возрастет роль академических учреждений. Л. И. Брежнев сказал на XXV съезде: «Партия высоко ценит деятельность академии и будет поднимать ее роль как центра теоретических исследований, координатора всей научной работы в стране»⁸. Это значит, в частности, что Научному совету по проблеме «История исторической науки» и его региональным секциям предстоит позаботиться не только об организации конференций всесоюзного и регионального масштаба, но и о теснейшей связи в вопросах организации историографических публикаций и подготовки кадров в области историографии. Подготовка межвузовских сборников по историографии немыслима без самого активного участия местных региональных секций Научного совета, а в Научно-техническом совете Министерства высшего и среднего специального образования СССР (Минвуз) при определении постоянного состава редакционных коллегий этих сборников обязательно следует привлекать к работе ученых академических учреждений, и не только местных, но и столичных.

Конференции преподавателей историографии высших учебных заведений стали традиционной формой коллективной работы в этой области. Еще в 1961 г. была проведена первая такая конференция в Московском университете, а в 1973 г. Отделение истории, Минвуз и Министерство просвещения СССР провели большую конференцию преподавателей историографии в Смоленске.

⁸ Там же, с. 502.

Результатом ее работы явился сборник «Вопросы историографии истории СССР и всеобщей истории в высшей школе» (Смоленск, 1976), содержащий богатый и интересный материал.

Не менее плодотворной была Всесоюзная конференция по вопросам исследования и преподавания историографии в Калининне (1976 г.). Большое значение для преподавателей Высшей школы имеют также широкопредставительные Пленумы Научного совета по проблеме «История исторической науки». Очевидно, что мы имеем дело с хорошей традицией совместных встреч работников высшей школы и академических институтов в области историографии.

В организации преподавания историографии в вузах СССР многое сделано за последние годы, но многое предстоит еще сделать. Теперь, когда в учебных планах всех университетов и педагогических институтов закрепились лекционные курсы и семинарские занятия по историографии, составлены и утверждены новые программы по этой дисциплине, нам очень важно усилить как подготовку учебников и учебных пособий, так и методологическую работу.

В преподавании историографии важно совершенствовать лекционные курсы. Прежде всего необходимо расширять освещение теоретических и методологических аспектов истории исторической науки, полнее раскрывать философские основы различных направлений в историографии. Надо прежде всего вооружать студентов теорией и методом историографического анализа, а не только знанием трактовок теми или иными историками тех или иных проблем или событий. Для последней задачи нужно ставить больше специальных курсов по историографии. Общие же курсы следовало бы наименовать в соответствии с их содержанием «историей исторической науки», по крайней мере применительно к историографии истории СССР. Далее, следует придать курсам большую стройность и внутреннее единство, одним из путей к чему является сокращение количества лекторов, читающих курс. Понятно, что дело трудное — прочесть одному огромный по богатству материала курс, но все-таки дело это достижимое. Разноманерность и разнохарактерность чтения разных разделов курса, пусть даже выдающимися специалистами по своим разделам, очень мешают его усвоению студентами. Это относится как к лекциям по историографии истории СССР, так и всеобщей истории. Тем более важно решить эту задачу, что часов на курсы отведено не так уж и много.

Нужно усилить изучение историографии на факультетах повышения квалификации преподавателей высшей школы. В Московском университете ежегодно читается небольшой курс (из 10 лекций): «Предмет, метод и основные этапы развития отечественной историографической науки». В пределах учебного плана факультета намного увеличить это время невозможно. Предложение о проведении специальных наборов на ФПК преподавателей исто-

риографии и выработке для них специального плана повышения квалификации в течение семестра заманчиво, но требует тщательной подготовки с организационной стороны. В принципе следует поддержать идею проведения занятий на ФПК по специальности «Историография и источниковедение». Пока же надо ввести элементы самостоятельной работы слушателей ФПК по вопросам историографии, что серьезно повысит эффективность занятий.

Давно уже не издавались лекционные курсы по историографии, а делать это необходимо, так как индивидуальные курсы могут стать очень хорошим дополнением к учебникам и учебным пособиям. Вузы ждут также и учебных пособий, в частности по историографии всеобщей истории, которые соответствовали бы реальным пределам дисциплины, определенным учебным планом. Требуются методические пособия. Сейчас готовится пятое издание методического пособия по историографии истории СССР, в которое впервые будут введены материалы по организации чтения лекционных курсов и ведению семинарских занятий. Необходимо приступить к разработке и изданию методических указаний по курсу историографии всеобщей истории. Возникло интересное предложение о создании пособия по советской историографии всеобщей истории.

Крайне важно ускорить выпуск в свет учебного пособия по советской историографии, подготовленного под редакцией академика И. И. Минца и профессора В. Е. Иллерицкого.

Нет пока и лекционного курса по советской историографии. Пока нет учебника,— подготовить такой курс в установленном для подобных изданий скромном объеме в 10 печатных листов очень трудно. Курс лекций может быть лишь дополнением к учебнику, при таком листаже он не может иметь самостоятельного значения.

Серьезную проблему представляет собой обеспечение учебных занятий материалами по историографии, каковыми в первую очередь являются труды историков, документы, игравшие важную роль в истории исторической науки. Библиотеки вузов, особенно новых, далеко не всегда имеют необходимые книги, а если имеют, то, как правило, в недостаточном количестве. Это создает большие трудности для самостоятельной работы студентов над историографией истории СССР и в еще большей степени — историографией всеобщей истории. Рассчитывать на массовое переиздание трудов историков прошлого не приходится, да в этом нет и надобности. Придется, видимо, пойти по пути издания хрестоматий по историографии. Следует внимательно обдумать и обсудить проекты этих изданий. В нынешней пятилетке надо обеспечить высшую школу необходимыми пособиями по историографии.

Большая и сложная задача — организация изучения историографии народов СССР. Трудности в этом вопросе очевидны для всех, нет нужды их перечислять. Мы установили в новой прог-

рамме, что историография союзных и автономных республик будет преподаваться по установленным на местах планам в рамках общего курса историографии истории СССР. Но это лишь первый и, в общем, простейший шаг к решению сложной проблемы. Здесь в полной мере должны быть использованы (что и делается во многих союзных и автономных республиках) возможности, заложенные в учебном плане по графе «специальной дисциплины» и «факультативные курсы».

Необходимо ввести специальные курсы по истории исторической науки в республиках. Особенно важно не забывать об этом в той части курса, которая отводится советской историографии, так как это имеет самое прямое отношение к упомянутой проблеме формирования новой исторической общности людей — советского народа и роли марксистско-ленинской исторической науки в этом процессе. Таким образом, предстоит большая работа по дальнейшему строительству вузовских дисциплин историографии истории СССР и зарубежной историографии.

Советские историки, отвечая на заботу партии о развитии науки и высшего образования в нашей стране, не пожалеют сил, чтобы наилучшим образом выполнить поставленные XXV съездом КПСС задачи и тем самым внести свой вклад в строительство коммунизма.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС СССР (К историографии проблемы)

В. С. Лельчук, Е. И. Пивовар

Небывало бурный рост производительных сил, ознаменовавший середину XX столетия, со всей очевидностью показал, что человечество «вступает в период научно-технического переворота, связанного с овладением ядерной энергии, освоением космоса, с развитием химии, автоматизации производства и другими крупнейшими достижениями науки и техники»¹. Уже в 1955 г., характеризуя сущность этого глобального процесса, его темпы и масштабы, Коммунистическая партия на июльском Пленуме ЦК КПСС сформулировала тезис о научно-технической революции (после чего названный термин прочно вошел в нашу повседневную жизнь).

С того времени научная литература непрерывно пополняется различного рода трудами, авторы которых стремятся осветить и исследовать основные проявления НТР, вскрыть важнейшие закономерности и специфику современного этапа развития науки и техники в СССР, показать главные движущие силы этого процесса, его взаимосвязь с общим ходом строительства материально-технической базы коммунизма, с изменениями в социальной структуре советского общества. С самого начала НТР изучается специалистами всех отраслей гуманитарных наук, в первую очередь — философами, экономистами, социологами, историками естественных и технических наук. По мере проявления тенденций, отражающих исключительную сложность НТР, которая по своей природе охватывает все стороны жизни человека, более комплексный характер приобретают и работы, посвященные осмыслению НТР в целом, изучению характера ее проявлений в условиях социализма.

Постепенно научно-технический переворот становится предметом специального исследования и для историков, лучшим свидетельством чего служат статьи и книги, изданные в 70-е годы. Ознакомление с вышедшей литературой по истории КПСС и советского общества показывает, что главное внимание в ней уделяется освещению таких вопросов, как НТР и развитой социализм, усиление ведущей роли рабочего класса в коммунистическом строительстве, в организации социалистического соревнования, в развертывании борьбы за научно-технический

¹ Программа КПСС. М., 1976, с. 27.

прогресс². Гораздо менее полно, можно даже сказать, фрагментарно рассматривается влияние НТР на изменения в численности и составе рабочих кадров, хотя общее число статей и монографий, в той или иной степени касающихся данной проблематики, отнюдь не мало³.

Отмеченное противоречие нельзя считать случайностью. Оно, естественно, требует разъяснения. Данная статья является попыткой решить эту задачу и тем самым внести определенную лепту в историографический анализ проблем, раскрывающих социальную сущность НТР, развертывающейся в условиях становления и упрочения зрелого социалистического общества.

Приступая к решению намеченной задачи, следует еще раз подчеркнуть, что интересующая нас тема изучается широким кругом специалистов общественно-научного знания. При этом представители различных гуманитарных наук далеко не всегда ставят одинаковые цели; чаще всего каждый выбирает свой аспект исследования, связанный с его профессиональными интересами и замыслами. Последнее накладывает заметный отпечаток на всю совокупность исследований, отличающуюся большой пестротой, отсутствием общепризнанной терминологии, весьма неодинаковым толкованием ряда важнейших понятий.

Необходимо учитывать и другое обстоятельство. Историки КПСС и историки советского общества еще только начинают освещать истоки и начало НТР, предпосылки и сам процесс развертывания научно-технического переворота, его воздействие на состав рабочего класса СССР.

Именно поэтому представляется целесообразным построить статью следующим образом: сначала остановиться на имеющихся в литературе точках зрения о сущности и содержании НТР, ее основных направлениях, а затем рассмотреть наиболее типичные трактовки вопроса о влиянии научно-технического переворота на состав советского рабочего класса. При таком подходе к теме первая часть статьи будет связана с разбором трудов, авторами которых в 70-е годы чаще всего выступали экономисты и философы, а основу второй части составит анализ работ, написанных главным образом историками.

В 60—70-е годы в философской, экономической, науковедческой и социологической литературе был выдвинут ряд мнений

² Подробнее об этом см.: *Карабанова Л., Смирнов П., Фаддеев Е.* Проблемы научно-технической революции и ее социальных последствий (Обзор литературы). — «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2; *Касьяненко В. И.* Историография научно-технической революции и соединения ее достижений с преимуществами развитого социализма. — В кн.: *История и историки. Историографический ежегодник.* 1974. М., 1976; *Пивовар Е. И.* Новые исследования о научно-технической революции — «Вопросы истории», 1976, № 2.

³ *Ворожейкин И. Е.* Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975, с. 96—127.

по кардинальным вопросам, характеризующим развертывание НТР. Однако исследователи, как правило, не предпринимали специальных попыток историографического анализа работ своих предшественников. Это объясняется тем, что в названных областях знаний характеристика литературы по теме не является традиционным и обязательным компонентом исследования.

Исключение составляет подготовленная сотрудниками Института истории естествознания и техники АН СССР монография, в которой охарактеризованы точки зрения о сущности НТР, представленные рядом исследователей об НТР в целом⁴. За время, прошедшее после выхода в свет данного труда, изучение проблем НТР заметно продвинулось вперед. Этому во многом способствовала выдвинутая XXIV съездом КПСС задача — органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования. Реальная действительность с новой силой потребовала от специалистов общественных наук дальнейшего углубления анализа и осмысления НТР, более разностороннего исследования ее сущности, основных направлений ее влияния на все стороны материальной и духовной жизни нашего общества.

За годы, прошедшие после XXIV съезда партии, был опубликован ряд фундаментальных исследований, посвященных обобщенной характеристике научно-технического переворота в СССР и за рубежом, вышли в свет десятки монографий, исследующие разнообразные процессы, протекающие в условиях НТР и испытывающие ее многостороннее воздействие. Журналы «Коммунист», «Политическое самообразование», «Вопросы философии», «Вопросы экономики», «Рабочий класс и современный мир», «Мировая экономика и международные отношения», «Философские науки», «Экономические науки», «Научный коммунизм», «Социологические исследования» и другие постоянно публикуют материалы по этому вопросу⁵. В ряде изданий созданы постоянные рубрики, посвященные НТР⁶. Издан весьма обширный указатель литературы, посвященной НТР⁷, появились первые учебные

⁴ Современная научно-техническая революция. Историческое исследование. М., 1967 (изд. 2-е. М., 1970). Частично этот вопрос затрагивается в интересной монографии Г. Н. Волкова (*Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники.* М., 1976).

⁵ См. также периодическое издание Института истории естествознания и техники АН СССР: «Вопросы истории естествознания и техники».

⁶ Например, рубрики: «Органически сочетать достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйствования» — в журнале «Политическое самообразование»; «Человек — наука — техника» — в журнале «Вопросы философии»; «Экономические проблемы научно-технического прогресса» — в журнале «Вопросы экономики».

⁷ Современная научно-техническая революция и создание фундамента коммунизма. Рекомендательный указатель литературы. М., 1972.

пособия для высшей школы⁸; проблемы НТР обстоятельно рассматривались на ряде совещаний, научных сессий, конференций, в том числе и совместных с исследователями других социалистических стран.

Проблематика трудов, опубликованных в прошедшие годы, чрезвычайно многообразна, постоянно расширяется круг вопросов, рассматриваемых исследователями, выявляются новые аспекты в изучении НТР. В рамках небольшой работы нет возможности рассмотреть даже часть этой чрезвычайно разнообразной по сюжету и научному профилю литературы. Авторы данной статьи ставят перед собой узкую задачу — в известной мере систематизировать наиболее распространенные точки зрения, дающие обобщенное представление о современном научно-техническом перевороте и его воздействии на рабочий класс СССР; в центре внимания при этом характеристика данного процесса в целом, определения сущности НТР, ее периодизации и основных направлений, представленных в работах, опубликованных главным образом в 1971—1975 гг.

В литературе уже прочно утвердился такой подход к анализу НТР, при котором она рассматривается в сопоставлении с предшествовавшими ей переворотами в науке и технике⁹. В исследованиях Н. В. Маркова, Н. И. Дряхлова, В. Д. Камаева, таких коллективных монографиях как «Человек — Наука — Техника», «Научно-техническая революция и социализм», «Научно-техническая революция и общество», «Партия и современная научно-техническая революция» и др., вышедших в СССР в 70-е годы, эта линия также нашла свое отражение¹⁰. Авторы характеризуют научные и технические революции прошлого, прослеживают историческую преемственность, общее и особенное в научно-техническом перевороте современности.

Анализируя развитие в прошлом революций в науке и технике, подавляющее большинство исследователей считает, что только на современном этапе произошло не только совпадение по

⁸ Глаголев В. Ф., Гудожник Г. С., Козиков И. А. Современная научно-техническая революция. М., 1974.

⁹ Современная научно-техническая революция. Историческое исследование.

¹⁰ Дряхлов Н. И. Социальные проблемы современной научно-технической революции. М., 1972; Камаев В. Д. Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. М., 1972; Марков Н. В. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия, изд. 2-е. М., 1973; Бляхман Л. С., Шкараган О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973; Человек — Наука — Техника. Опыт марксистского анализа научно-технической революции. М., 1973; Научно-техническая революция и общество. М., 1973; Научно-техническая революция и социализм. М., 1973; Партия и современная научно-техническая революция в СССР. М., 1974; Научно-техническая революция. Общетеоретические проблемы. Отв. ред. С. В. Шухардин и В. И. Гуков. М., 1976; Плотников А. А. Научно-техническая революция в условиях развитого социалистического общества. Саратов, 1976 и др.

времени, но и органическое слияние в единый процесс научной и технической революций, что и породило такое явление как НТР. Техническая революция второй половины XVIII — начала XIX вв., переворот в науке эпохи Возрождения — эти и другие революционные потрясения в научном познании, технике и материальном производстве проходили изолированно. «В прошлом перевороты в естествознании и технике иногда лишь совпадали во времени. Ныне они сливаются в единый процесс научно-технической революции. Научно-техническая революция есть явление современной исторической эпохи, не встречающееся ранее», — отмечают авторы монографии «Человек — Наука — Техника»¹¹. «История человеческого общества знает три ступени взаимодействия науки и производства, — пишут Л. С. Бляхман и О. И. Шкаратан. — На первом этапе, со времени возникновения научного знания до промышленной революции XVIII в., наука развивалась по своим внутренним законам, не была непосредственно связана с производством и техникой и влияла на них случайно», а на втором этапе «уже само создание машин опиралось на достижения такой науки, как механика. Появились первые изобретения, использовавшие производственные аспекты научных исследований... При этом наука отделена от производства... Третий этап исторического развития науки начинается с прямой кооперации ученых и производственников, которые становятся смежниками в полном смысле этого слова. Наука — первый этап современной техники и технологии. Путь новых изделий, машин, материалов, технологических процессов начинается не в цехе, а в лаборатории»¹².

Следует отметить, что подобные точки зрения высказывались и прежде. Так, Ю. С. Мелещенко в 1968 г. предложил отказаться от термина «современная научно-техническая революция». Если научные и технические революции имели место и в прошлом, то их органическое сочетание — процесс принципиально новый, термин «современная» становится излишним, так как он «невольно вызывает представление, что подобная революция имела прецеденты в прошлом»¹³.

Значительная часть исследователей, характеризуя современный этап развития науки и техники как органическое слияние научной и технической революций представляет данный процесс как обобщенную характеристику НТР¹⁴.

¹¹ Человек — Наука — Техника, с. 21.

¹² Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. Указ. соч., с. 11—13.

¹³ Мелещенко Ю. С. Характер и особенности научно-технической революции. — «Вопросы философии», 1968, № 7, с. 18.

¹⁴ Марков Н. В. Указ. соч., с. 11—13; Научно-техническая революция и социализм, с. 25; Научно-техническая революция и общество, с. 54; Глаголев В. Ф., Гудожник Г. С., Козиков И. А. Указ. соч., с. 4; из более ранних работ см.: Современная научно-техническая революция. Историческое исследование. М., 1967, с. 72, изд. 2-е, с. 95; Зворыкин А. А. Научно-техническая революция и ее социальные последствия. М., 1967, с. 6.

Однако в современной советской литературе, посвященной НТР, имеются и другие точки зрения. Ряд авторов считают, что НТР имели место и в прошлом. Так, Е. Ф. Борисов часто употребляет термин «научно-технические революции», «научно-технические революции прошлого»; по его мнению, в XX в. произошли две НТР: в начале века — электротехнический переворот, в середине столетия началась современная НТР¹⁵. А В. Г. Марахов, наоборот, считает, что в настоящее время необходимо называть «протекающую ныне научно-техническую революцию *современной*», поскольку «возникают отчетливые признаки *новой* научно-технической революции»¹⁶.

Среди работ последних лет мнение о том, что процесс органического сочетания революций в технике и науке имел место в прошлом и возможен в будущем, наиболее полно и развернуто представлено в статье С. Н. Смирнова¹⁷. В истории развития науки автор предлагает выделять два вида научных революций: «практически-экстенсивная революция в познании» и «теоретически-интенсивная научная революция». По его мнению, развертывание любой общей технической революции «вызывает объективную необходимость использования в принципе всего потенциала знания, в том числе и научного, накопленного в рамках духовного производства» и «требует в качестве своего необходимого условия создания принципиально новых научных дисциплин и построения более широкой системы научного знания»¹⁸. Таким образом, создание новой системы наук в период широкого развития общетехнической революции и представляет собой «практически-акстенсивную» общенаучную революцию. Причем, эти процессы органически сливаются, в единой НТР. А «теоретически-интенсивная» научная революция «создающая принципиально новый стиль научного мышления» не совпадает по времени с революцией в технике, ее результаты будут использованы уже на базе новой революции в технологическом способе производства¹⁹. Автор предлагает свою интерпретацию взаимосвязей этих двух видов революций в науке с техническими переворотами на протяжении всей истории человечества, и его выводы интересны.

Однако необходимо отметить, что большинство исследователей НТР понимает под общенаучной революцией, прежде всего коренной переворот во всей системе теоретического научного знания. Так, академик Б. М. Кедров пишет по этому поводу: «Революция в естествознании наступает, когда начинается коренная

¹⁵ Борисов Е. Ф. Политико-экономические проблемы современной научно-технической революции. М., 1970, с. 71, 81.

¹⁶ О сущности научно-технической революции.— «Философские науки», 1973, № 5, с. 89—91.

¹⁷ Смирнов С. Н. Исторический подход к пониманию сущности современной научно-технической революции.— «Вопросы истории», 1975, № 1.

¹⁸ Там же, с. 21.

¹⁹ Там же, с. 20—21.

ломка, и перестройка в самой основе ранее установившихся воззрений, пересмотр фундаментальных положений, законов и принципов естествознания в результате предшествующего накопления новых экспериментальных данных, открытия новых явлений, не укладывающихся в рамки прежних воззрений»²⁰. Ю. С. Мелещенко рассматривает революцию в науке как «коренное изменение сложившихся представлений о явлениях общественной жизни и природы, а также о процессах их познания»²¹. То есть исследователи связывают ее и с «теоретически-интенсивным» прогрессом, по терминологии Смирнова, и при характеристике органического слияния в наши дни научной и технической революций исходят из такого представления о современном перевороте в системе научного знания.

Несмотря на существенные различия в оценке процесса органического слияния в наши дни переворотов в науке и технике, само его наличие признают все исследователи НТР. На наш взгляд, такой подход наиболее плодотворен, он не только позволяет обобщенно представить сущность НТР, но и дает возможность определить основные направления ее конкретно-исторического изучения: анализ проявлений революционных изменений в технике, науке и материальном производстве, их взаимообусловленности и воздействия на развитие общества.

В чем же проявляется слияние в один процесс революции в науке и современной технической революции? По мнению В. Г. Афанасьева, НТР это — «коренное качественное преобразование производительных сил, охватывающее систему «наука — техника — производство»». «Наука является генератором идей, техника — их материальным воплощением, производство — пространством, где разворачивается функционирование техники, где научно-технические достижения используются людьми для получения необходимых материальных благ»²². Подобные представления нашли уже отражение и в исторической литературе. Так, В. И. Куликов пишет, что «осуществляемые в ходе научно-технической революции изменения ведут к тому, что складывается единая система «наука — техника — производство», звенья которой тесно взаимодействуют. В ряде отраслей происходит слияние предприятий, научных центров и проектных организаций в единый комплекс»²³. Понимание НТР как качественно нового этапа во взаимоотношениях науки, техники и производства детализирует процесс органического соединения современной революции в науке и технической революции наших дней. Несколько иной

²⁰ Кедров Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1967, с. 21.

²¹ Мелещенко Ю. С. Указ. соч., с. 14.

²² Афанасьев В. Г. Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972, с. 90.

²³ Куликов В. И. О научно-технической революции в сельском хозяйстве. — «История СССР», 1974, № 1, с. 9.

точки зрения придерживаются Н. И. Дряхлов и И. А. Майзель. Эти авторы ограничивают данную систему двумя компонентами («наука — техника») и считают, что она начала складываться в более ранний период времени, а в условиях НТР достигает своей зрелости²⁴.

Понимание НТР как процесса, протекающего на базе развития принципиально нового состояния и науки, и техники, и производства — единой системы, независимо от количества ее компонентов (авторы исследования «Человек — Наука — Техника» включают в систему такие компоненты как наука, техника, производство, общество, человек)²⁵, является определенным шагом вперед в деле изучения процессов, связанных с научно-технической революцией. «Данная система отличается внутренней целостностью, причем составляющие ее компоненты взаимно обуславливают и видоизменяют друг друга»²⁶. В рамках данной системы и происходит развертывание процессов, совокупно составляющих содержание НТР.

Важнейшей проблемой, которая встает перед исследователем, является выяснение сущности НТР. Общепринятая точка зрения по этому вопросу еще не выработана. Об этом красноречиво свидетельствует и проведенный журналом «Философские науки» обмен мнениями. Все участники дискуссии высказали свое особое мнение о сущности НТР. В значительной части работ в роли сущности НТР выступает автоматизация производства и управления²⁷, развитие кибернетики²⁸, использование атомной энергии²⁹, проникновение человечества в космическое пространство и «космизация» производства³⁰ и т. д. В последние годы среди авторов, стремящихся дать определение сущности НТР, исходя из одного ее направления, наибольшее распространение получили точки зрения, согласно которым сущность научно-технической

²⁴ Дряхлов Н. И. Указ. соч., с. 80—83; Майзель И. А. Наука, автоматизация, общество. Л., 1972, с. 185; из более ранних работ см.: Мелещенко Ю. С. Указ. соч., с. 19, который писал: «Только теперь революция в науке одновременно является и революцией в технике, совершенной наукой, причем, не в ограниченных рамках, а в масштабах всей системы «науки и техники» (там же).

²⁵ Человек — Наука — Техника, с. 353.

²⁶ Майзель И. А. Указ. соч., с. 185.

²⁷ Современная научно-техническая революция. Историческое исследование, изд. 2-е, с. 95; Марков Н. В. Указ. соч., с. 32, 37; Партия и современная научно-техническая революция в СССР, с. 35; Смирнов С. Н. Указ. соч., с. 22 и др.

²⁸ Зворыкин А. А. Указ. соч., с. 6.

²⁹ Шейнин Ю. Научно-техническая революция и некоторые проблемы современности.— «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 2, с. 3.

³⁰ Фаддеев Е. Т. Движение от науки к производству.— «Вопросы философии», 1968, № 12, с. 21; *он же*. О сущности научно-технической революции.— В кн.: Соревнование двух систем. Рабочий класс в условиях НТР. М., 1971, с. 388—403; О сущности научно-технической революции. Обмен мнениями.— «Философские науки», 1973, № 5, с. 99.

революции — это автоматизация производства, передача техническим средствам логических производственных функций, переход от машинного фабричного производства к комплексно-автоматизированному, с одной стороны, а также космизация науки и техники, — с другой.

Сторонники первой точки зрения, на наш взгляд, совершенно правомерно основываются на одном из важнейших законов технического прогресса, который выражается в последовательной передаче производственных функций от человека техническим средствам. Наиболее распространенным приемом, при этом, является сопоставление технической революции конца XVIII — начала XIX вв., анализ которой был дан К. Марксом, с научно-техническим переворотом XX в., причем основное внимание уделяется развитию рабочих машин, их замене автоматическими техническими устройствами.

Необходимо отметить, что собственно технический прогресс рассматривается большинством советских исследователей как совершенствование искусственно созданных средств труда³¹, а техническая революция — как коренной переворот в принципах, на основе которых создавались прежние средства труда³². Процесс развития машинной техники состоял в передаче от человека машинам исполнительных и двигательных функций (промышленная революция XVIII — XIX вв.), а в условиях НТР происходит процесс передачи автоматическим устройствам логических, контрольных, управляющих функций человека.

Таким образом, автоматизация является следующей (после внедрения в производство рабочих машин) ступенью технического прогресса. Часть исследователей на этом основании, то есть на основании анализа поступательного развития, совершенствования техники, характеризует автоматизацию как сущность НТР. Н. В. Марков, в частности, предлагает исходным пунктом современной научно-технической революции считать переход от трехзвенной структуры машин к четырехзвенной, «когда добавляется новое звено.., управляющее, контролирующее и регулирующее автоматическое устройство.., происходит взаимосвязанное революционное изменение всех звеньев машины и создание на этой ос-

³¹ Современная научно-техническая революция. Историческое исследование, изд. 2-е, с. 29; *Майзель И. А.* Указ. соч., с. 187. В зарубежной марксистской литературе это понятие иногда трактуется более широко, в частности, болгарский исследователь Л. Бакалов пишет, что технический прогресс «не означает развитие только самой техники, ...а в первую очередь, постоянное усовершенствование внутренних элементов производства, в средствах труда, силовых источниках, предметах труда, технологии, организации производства и выпуске продукции» (*Бакалов Л.* К вопросу о содержании и особенностях научно-технического прогресса и научно-технической революции.— В кн.: Академия за общественных науки и Социално управление при ЦК БКП. Научне трудове. Серия икономика. София, 1972, с. 60—61).

³² Научно-техническая революция и общество, с. 27.

нове автоматической системы машин... Сущность современной научно-технической революции... заключается в переходе от машинно-фабричного производства к комплексно-автоматизированному»³³.

Значение автоматизации как одного из важнейших проявлений современного научно-технического переворота неизменно признается всеми исследователями. Ряд авторов, которые не рассматривают ее в качестве сущности НТР, тем не менее видят в автоматизации ядро НТР, ее сердцевину, основное направление и т. д.³⁴ В 60-е годы высказывались предложения рассматривать процесс передачи функций управления производственными элементами техническим устройствам как сущность современной технической революции³⁵.

В определенной мере с этой точкой зрения перекликается весьма своеобразная концепция сущности НТР, предложенная Смирновым. Исходя из своего понимания двух видов научных революций, автор считает, что любая научно-техническая революция как специфический процесс коренного преобразования всей системы научного познания и всей системы техники представляет собой не что иное, как органическое сочетание определенной революции в технологическом способе производства с соответствующей практически-экстенсивной общенаучной революцией. «При этом сущность данной научно-технической революции составляет не что иное, как соответствующая революция в технологическом способе материального производства. Такое понимание специфики научно-технической революции как особого явления в развитии науки и техники позволяет сделать вывод, что сущность современной научно-технической революции это — современная революция в технологическом способе производства — автоматизация»³⁶. Представляется, что в подобном понимании современного переворота в науке и технике бесспорным является утверждение, что автоматизация является сущностью современной революции в технологическом способе производства, то есть обобщенной революции. Что же касается представления об автоматизации как сущности НТР в целом, то здесь автор менее убедителен, поскольку такое понимание существа современной НТР почти не отражает упомянутого им «процесса коренного преобразования всей системы научного познания».

Е. Т. Фаддеев рассматривает в качестве сущности НТР «космизацию» науки и техники. Автор небезосновательно констатирует, что «среди необходимых предварительных условий поиска сущности того или иного явления нужно назвать выделение по-

³³ Марков Н. В. Указ. соч., с. 32, 37.

³⁴ Глаголев В. Ф., Гудожник Г. С., Козиков И. А. Указ. соч., с. 15—16; О сущности научно-технической революции, с. 93 (мнение С. В. Шухардина).

³⁵ Мелещенко Ю. С. Указ. соч., с. 14—15.

³⁶ Смирнов С. Н. Указ. соч., с. 22.

следнего, по возможности в чистом виде. Относительно НТР подобное выделение ... пока не проведено»³⁷. Раскрывая свое понимание сущности НТР, Фаддеев пишет что быстрый переход по всему фронту научно-технического прогресса от познания и практического использования по преимуществу макроземных объектов к научному исследованию и технической эксплуатации по преимуществу объектов микро- и мегамира, а также их воздействия на макроземную природу является общей чертой нынешнего революционного этапа в развитии науки и техники, взятых вместе. «Данный переход,— заключает он далее,— получивший название космизации научно-технической сферы, оказывается... коренным качественным изменением теоретического и практического отношения человека к действительности... Наш макроземной мир перестает быть не только единственным, но и главным объектом научно-технической деятельности... Есть основание рассматривать космизацию науки и техники не просто как одну из общих черт, а как искомую сущность НТР»³⁸.

Подобное толкование сущности НТР получило, на наш взгляд, справедливую критику в литературе последних лет. В частности, Смирнов отметил тот факт, что «все революционные процессы в современном развитии науки и техники могут быть определенным образом сведены к космизации..., но на основании других зависимостей все эти процессы, в том числе и само освоение космоса, могут быть сведены, скажем, к автоматизации или превращению науки в непосредственную производительную силу»³⁹. Требуем осмысления и тезис о том, что только космизация научно-технической сферы является коренным качественным изменением теоретического и практического отношения человека к окружающей его природе. Отношение человека к природе — процесс гораздо более широкий и включает, прежде всего, всю совокупность мероприятий по ее охране и преобразованию на основе новейших достижений науки и техники, восполнению потерь окружающей среды, в том числе и в связи с научно-техническим прогрессом, а не только лишь использование законов и процессов, осуществляемых в космических параметрах и масштабах.

Необходимо отметить, что еще в 60-е годы стремление дать характеристику сущности НТР, исходя из ее направлений (автоматизации производства, развития кибернетики, использования атомной энергии и т. д.) вызвало возражения у ряда исследователей НТР. Так, Мелешенко писал: «Если говорить о научно-технической революции в целом, то такое однозначное определение ее сущности, сводящее ее к автоматизации, не представляется достаточным, так как остаются вне поля зрения процессы,

³⁷ О сущности научно-технической революции. Обмен мнениями, с. 96.

³⁸ Там же, с. 99.

³⁹ Смирнов С. Н. Указ. соч., с. 5.

протекающие в науке, а также, что весьма важно, особенности взаимосвязи науки и техники»⁴⁰, и далее: «Кибернетика и кибернетическая техника, их успехи и развитие являются существенным выражением научно-технической революции, недаром эту революцию уже не раз в литературе именовали кибернетической. Однако при всей универсальности идей кибернетики, при всей их бесспорной значимости и перспективности трудно согласиться с тем, что эти идеи достаточно полно выражают даже то новое, что характеризует сейчас революционные изменения в науке»⁴¹.

В 70-е годы эта линия получила развитие в работах В. Д. Камаева, И. А. Майзеля, Г. С. Гудожника, ряде коллективных монографий⁴². Так, авторы труда «Человек — Наука — Техника» отмечают: «Передача непосредственных производственных функций человека техническим системам, осуществляемая на основе автоматизации и кибернетизации, хотя и является существенным моментом научно-технической революции, однако полностью не характеризует особенность осуществляемых ею революционных изменений в производительных силах. Необходимо учитывать также и те качественные сдвиги, которые имеют место в науке и преобразования, происходящие во всей структуре производительных сил»⁴³. В специальном учебном пособии для студентов, выпущенном в 1974 г. издательством «Высшая школа», говорится: «При раскрытии сущности научно-технической революции некоторые авторы ее основное содержание сводят к одной лишь автоматизации производства, к кибернетизации общественной жизни, или к овладению атомной энергией, к качественному изменению управления производством и т. д. На наш взгляд, научно-техническая революция — явление сложное и сводить ее сущность к отдельным ее направлениям было бы неправильным»⁴⁴.

Комплексный подход к исследованию проблем НТР, резкое увеличение в последние годы работ, написанных специалистами в области исторического материализма, политэкономии и научного коммунизма, способствовали, с одной стороны, более пристальному изучению социальных условий развертывания НТР, с другой, — привели ряд исследователей к мысли, что социальный аспект является важнейшей стороной сущности НТР⁴⁵. Эти авторы

⁴⁰ Мелещенко Ю. С. Указ. соч., с. 15.

⁴¹ Там же, с. 16—17.

⁴² Камаев В. Д. Указ. соч., с. 44; Майзель И. А. Указ. соч., с. 183; Глаголев В. Ф., Гудожник Г. С., Козиков И. А. Указ. соч., с. 16 и др.

⁴³ Человек — Наука — Техника, с. 34. См. также: Экономические проблемы научно-технической революции при социализме. М., 1975.

⁴⁴ Глаголев В. Ф., Гудожник Г. С., Козиков И. А. Указ. соч., с. 16.

⁴⁵ Научно-техническая революция и ее социальная проблематика. — «Вопросы философии», 1971, № 12; Камаев В. Д. Указ. соч.; Рихта Р. Научно-техническая революция и развитие человека. — «Вопросы философии», 1970, № 1—2; Человек — Наука — Техника; Научно-техническая революция и общество; О сущности научно-технической революции.

усматривают «сущность» НТР в коренном перевороте во всех производительных силах общества.

Подобный подход к характеристике современного переворота в науке и технике представляется наиболее плодотворным; он не только позволяет охватить всю систему «наука — техника — производство», но включить человека, субъекта революционных изменений в вещественных сторонах производительных сил общества в НТР в качестве важнейшего фактора. Так, например, В. Д. Камаев отмечает: «Современная научно-техническая революция — это совокупность коренных качественных изменений в средствах, технологии и организации производства на основе новых научно-технических принципов в сочетании с изменением положения работника в системе технического разделения труда»⁴⁶. Авторы соответствующей статьи в «Философском словаре» дают следующее определение: «Изменение, происходящее в современной системе производительных сил, захватывающее все компоненты этой системы, все стороны технологических отношений и характеризующееся прежде всего тем, что техника вступает в новый этап своего развития — этап автоматизации, которая представляет собой генеральное направление научно-технической революции». Академик П. Н. Федосеев указывает: «Научно-техническая революция в основе своей — это коренное качественное преобразование производительных сил в результате превращения науки в ведущий фактор развития общественного производства. Заменяя все более физический труд человека использованием сил природы в технических устройствах и вообще устраняя его непосредственную включенность в производственный процесс за счет функционирования подконтрольного человеку овеществленного знания, она радикально изменяет всю структуру и компоненты производительных сил, условия, характер и содержание труда»⁴⁷.

Наиболее развернуто понимание сущности НТР, как коренного и, вместе с тем, универсального переворота в производительных силах общества представлено в последних фундаментальных работах «Человек — Наука — Техника», «Научно-техническая революция и общество». «Научно-техническая революция и социализм». Авторы первых двух исследований понимают под НТР «коренное преобразование науки и техники, их связей и общественных функций, ведущее к универсальному перевороту в структуре и динамике производительных сил общества в смысле

Обмен мнениями (см. выступления В. Г. Марахова, С. В. Шухардина, Н. И. Дряхлова и др.); *Курылев А. К.* К вопросу о социальных последствиях научно-технической революции. — «Вестник МГУ», серия XIII, 1973, № 2; *Бляхман Л. С., Шкаратан О. И.* Указ. соч.; *Федосеев П. Н.* Социальное значение научно-технической революции. — «Вопросы философии», 1974, № 7 и др.

⁴⁶ *Камаев В. Д.* Указ. соч., с. 53.

⁴⁷ *Федосеев П. Н.* Указ. соч., с. 5.

изменения роли человека в системе производительных сил на базе комплексного технологического применения науки, как непосредственной производительной силы, проникающей во все составные части производства и преобразующей внешние условия жизни человека»⁴⁸. Такое понимание НТР выдвигает «человеческий фактор» или социальный аспект сущности НТР на первый план в процессе переворота в производительных силах общества.

В литературе наметились и попытки конкретизировать переворот в производительных силах, составляющий сущность НТР, охарактеризовать сами изменения в структуре производительных сил. Так, отмечая, что производительные силы следует понимать как «широкую и меняющуюся совокупность всех сил, «производящих» жизнь людей, включая общественные связи, науку, творческие способности человека и овладение им самим силами природы», ученые подчеркивают, что если сущностью промышленной революции явился переворот в орудиях производства, который отодвинул на второй план предметы труда и противопоставил машине (как вечного неотделимого антипода) простую рабочую силу, то в условиях НТР формируется новая структура производительных сил, где средства труда уже не представляют отдельных машин, а изменения затрагивают не только орудия производства, но и предметы труда (расширяется круг материалов, некоторые предметы труда сами становятся средствами труда, например, искусственные алмазы) и «субъективный фактор» производства: постепенно отпадают одни и появляются другие элементы труда рабочего⁴⁹. В этом проявляется универсальность переворота в производительных силах наших дней.

Проблема социального аспекта НТР только поставлена в литературе, кроме того ее изучение осложняется тем обстоятельством, что не все социальные процессы, сопутствующие развитию НТР, можно включить в ее сущность. По этому поводу важная мысль была высказана в одной из передовых статей журнала «Вопросы философии»: в изучении НТР «один ряд социальных явлений, непосредственно включенных в развертывание научно-технической революции, рассматривается как ее важнейший аспект, а другой ряд образует систему опосредованных ею социальных явлений. Тогда вопрос о ее социальных последствиях приобретает, по-видимому, более ясный смысл»⁵⁰.

⁴⁸ Человек — Наука — Техника, с. 352; Научно-техническая революция и общество, с. 63—64; это же определение сущности НТР приводит С. В. Шухардин (О сущности научно-технической революции. Обмен мнениями, с. 94).

⁴⁹ Научно-техническая революция и социализм, с. 71—73.

⁵⁰ «Вопросы философии», 1971, № 12. См. также: Научно-техническая революция и особенности социального развития в современную эпоху. М., 1974; Научно-техническая революция и преимущества социализма. М., 1975; Социально-философские проблемы научно-технической революции (исследования 1971—1975 гг.) — «Вопросы философии», 1976, № 2.

Выделение помимо социальных последствий НТР, социальных аспектов ее сущности, наметившееся в литературе 70-х годов, имеет чрезвычайно важное значение для историков, занимающихся проблемами, связанными с НТР, так как позволяет рассматривать последнюю прежде всего как социальный процесс и характеризовать изменения в облике работников не столько как следствие НТР, сколько как ее проявление.

Сопоставляя различные точки зрения, относящиеся к понятию «сущность НТР», следует отметить определенный прогресс, наметившийся в работах последних лет. В литературе, посвященной данной проблеме, прослеживается отход от характеристики сущности НТР путем перечисления отдельных черт этого процесса или выделения одного из направлений в качестве основополагающего. Как справедливо отмечает И. А. Майзель, «любое атрибутивное определение всегда можно сократить или, наоборот, расширить, и все же в нем не схватывается сущность исследуемого явления»⁵¹ и переход к анализу механизма слияния в единый поток революции в науке и технике, а также к исследованию роли человека и общества в целом в этом процессе.

Большое значение для плодотворного изучения НТР имеет выяснение соотношения понятий «научно-технический прогресс» и «научно-техническая революция». Долгое время эти термины употребляли как синонимы, в последние годы подавляющее большинство исследователей стремится разграничить данные процессы и выделить специфические особенности каждого из них⁵².

Так, Н. В. Марков, на наш взгляд, вполне обоснованно считает, что объем понятия «научно-технический прогресс» значительно шире объема понятия «научно-техническая революция». Последняя включается в понятие прогресса, выступает как его составная часть. Исторически следует различать две формы научно-технического прогресса: эволюционную и революционную. Таким образом, понятие «научно-технический прогресс» более широкое по объему, поскольку включает в себя как революционную, так и эволюционную формы развития науки и техники. И в настоящее время не всякое совершенствование техники и технологии включается в содержание НТР. Поэтому понятие «научно-технический прогресс» употребляется чаще, ибо оно в наиболее обобщенном виде выражает все процессы развития современной науки, техники, технологии, совершенствования производства»⁵³. Подобное разграничение данных понятий нашло отражение и в исторической литературе. Так, В. И. Куликов пишет,

⁵¹ Майзель И. А. Указ. соч., с. 183.

⁵² Курьлев А. К. Указ. соч., с. 58; Куликов В. И. Указ. соч., с. 6; О сущности научно-технической революции. Обмен мнениями, с. 100—101 (мнение Н. И. Дряхлова).

⁵³ Марков Н. В. Указ. соч., с. 9—10.

что «для уяснения сути НТР важно четко представить ее взаимосвязь и отличие от научно-технического прогресса. Если последний наблюдался на многих ступенях исторического развития, то НТР — явление, возникающее лишь на определенном историческом этапе»⁵⁴.

Как и в предыдущие годы, в ряде работ, опубликованных за последние 5—8 лет, рассматривается вопрос о хронологических рамках и периодизации НТР⁵⁵. Подавляющее большинство исследователей относит ее начало к концу 40-х — началу 50-х годов XX в. «Дата, казалось бы определяется с почти исчерпывающей точностью, — указывали в 1969 г. Ю. С. Мелешенко и С. В. Шухардин. — В 1945 г. — атомная бомба, в 1954 г. — первая в мире атомная электростанция, вступившая в строй в СССР, в 1945—1946 гг. — в США создаются первые скоростные вычислительные машины, в 1950 г. — в СССР пущен первый в мире автоматический завод по производству поршней, в США начинается автоматизация на заводах Форда»⁵⁶.

Сопоставляя эти даты, авторы, однако, придерживаются несколько иной точки зрения. Они выделяют два исторических этапа развития НТР, разграничительная линия между которыми находится, по их мнению, около 1940 г. Начало первого этапа авторы связывают с переломом в науке, который обнаружился в конце XIX — начале XX в.; этот этап они называют «подготовительным». «Научно-техническая революция, начавшаяся с революции в физике конца XIX в. и начале XX в., прошла подготовительную фазу и в 50-е годы вступила в первую фазу, когда ее особенности развернулись достаточно выпукло и полно»⁵⁷.

Близкой точки зрения придерживается В. Д. Камаев, который выделяет три этапа в развитии НТР: 1) научный, подготовительный этап с начала XX столетия; 2) современный этап (перестройка технической и отраслевой структуры), становление которого совпало с началом Второй мировой войны; 3) этап крупного автоматизированного машинного производства (переход к нему произойдет в 90-х годах XX в., а полное развитие он получит уже за пределами 2000 года)⁵⁸. Здесь уместно заметить, что вопрос о завершающем этапе развития НТР остается открытым и «ответ на него требует установления точных признаков и параметров научно-технической революции, обоснован-

⁵⁴ Куликов В. И. Указ. соч., с. 6.

⁵⁵ Марков Н. В. Указ. соч., с. 38—40; Смирнов С. Н. Указ. соч., с. 18; Куликов В. И. Указ. соч., с. 6; Человек — Наука — Техника, с. 31; Партия и современная научно-техническая революция в СССР, с. 43; Камаев В. Д. Указ. соч., с. 78; из более ранних работ см.: Мелешенко Ю. С., Шухардин С. В. Ленин и научно-технический прогресс. Л., 1969 и др.

⁵⁶ Мелешенко Ю. С., Шухардин С. В. Указ. соч., с. 291.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Камаев В. Д. Указ. соч., с. 78.

ного прогноза на будущее, касающегося перспектив развития науки и техники»⁵⁹.

Нам представляется более обоснованной точка зрения на начальный этап НТР, предложенная в работе «Человек — Наука — Техника», где отмечается, что «рубеж XIX и XX вв., когда началась «новейшая революция в естествознании», является предпосылкой возникновения научно-технической революции. Лишь с начала 40-х годов нашего века можно обнаружить первые проявления этой революции... Развернулась же она только в середине XX в.»⁶⁰. Оригинальную точку зрения по вопросу о завершающем этапе НТР выдвинул Н. В. Марков. По аналогии с развитием промышленной революции, которая завершилась комплексным машинным производством (то есть производством машин машинами), автор считает, что «если началом современной научно-технической революции служит изобретение и распространение автоматов и ЭВМ, то ее завершением, как логично будет предположить, станет возникновение производства автоматов автоматами»⁶¹.

Периодизация развития НТР в СССР предложена в 1970 г. в работе Г. С. Гудожника. В более сжатой форме автор повторил свою точку зрения в 1974 г.⁶² Он отмечает, что современная научно-техническая революция в СССР начинает развертываться уже в годы первых пятилеток, в ходе индустриализации страны. «Это было обусловлено самим характером социалистических общественных отношений... Создание материально-технической базы социализма осуществлялось с использованием всех новейших достижений отечественной и мировой науки и техники... Начальный этап научно-технической революции, который длился с 20—30-х годов до конца 40-х годов, характеризовался тем, что он проходил в условиях создания материально-технической базы социализма». В конце 40-х — начале 50-х годов, продолжает автор, начинается бурное развитие научно-технической революции: пущена первая в мире атомная электростанция, создаются автоматизированные заводы, «начался новый этап научно-технической революции в СССР»⁶³.

На наш взгляд, говорить о 30—40-х годах XX в. как о начале НТР нельзя. Видимо, более правильным был бы анализ этого периода, как этапа формирования предпосылок НТР, вызванных преимуществами социализма (планомерное развитие науки, техники, производства, подъем всей экономики СССР). Поэтому можно согласиться с авторами монографии «Партия и современ-

⁵⁹ Мелешенко Ю. С., Шухардин С. В. Указ. соч., с. 291.

⁶⁰ Человек — Наука — Техника, с. 31.

⁶¹ Марков Н. В. Указ. соч., с. 39.

⁶² Гудожник Г. С. Научно-технический прогресс: сущность, основные тенденции. М., 1970, с. 246—247; Глаголев В. Ф., Гудожник Г. С., Козиков И. А. Указ. соч., с. 15.

⁶³ Гудожник Г. С. Научно-технический прогресс: сущность, основные тенденции, с. 93.

ная научно-техническая революция в СССР», которые считают, что современная НТР началась в нашей стране в начале 50-х годов⁶⁴.

Характеристика основных черт или направлений НТР в той или иной мере присутствует во всех работах, посвященных НТР. Однако состав предлагаемых проявлений НТР у подавляющей части исследователей разный. Вместе с тем следует отметить, что такое положение вещей не вызвало еще дискуссии или каких-либо встречных предложений со стороны тех или иных авторов. Разумеется, в настоящее время, когда НТР находится на начальной стадии своего развития, определить все даже основные ее направления практически невозможно. Однако именно этот вопрос имеет первостепенное значение для плодотворного изучения собственно исторической проблематики НТР, ведь конкретный исторический анализ развертывания основных направлений НТР и их воздействия на рабочий класс, на развитие общества в целом является одной из важнейших задач историков, исследующих проблемы НТР.

Исходя из понимания сущности НТР как универсального переворота во всей структуре производительных сил, можно выделить следующие основные направления современной НТР, из числа отмечаемых исследователями:

Процесс передачи третьей производственной функции (управления) от человека — автоматам, автоматизация производства, использование ЭВМ в материальном и духовном производстве, социальном управлении и т. д.

Улучшение природных и создание принципиально новых, не существующих в природе материалов с заранее заданными свойствами (пластмассы, синтетические волокна, искусственные алмазы и др.).

Резкое увеличение энерговооруженности труда, создание и использование новых источников энергии (атомной, солнечной и других).

Революция в технологии. Использование в производстве процессов и условий, не существующих в атмосфере.

Процесс превращения науки в непосредственную производительную силу, а производства — в технологическое применение науки⁶⁵.

⁶⁴ Партия и современная научно-техническая революция в СССР, с. 43.

⁶⁵ Вопрос о содержании процесса превращения науки в непосредственную производительную силу является дискуссионным. Часть советских исследователей рассматривает его как «одну из важнейших особенностей» современной НТР (Современная научно-техническая революция. Историческое исследование, с. 112), однако ряд специалистов в области истории науки и техники считают, что речь может идти не о процессе в целом, а о современном этапе превращения науки в непосредственную производительную силу, в то время как сращивание науки с производством началось задолго до современного научно-технического переворота (см. Майзель И. А. Указ. соч., с. 185).

Изменение социальной ориентации науки. Становление науки как определяющего фактора в управлении общественным прогрессом, в воспитании человека⁶⁶.

Изменение места и роли человека в производственном процессе: в содержании и характере труда, степени влияния человеческой деятельности на конечный результат производства и всего общественного развития в целом⁶⁷.

Конечно, этот перечень далеко не полон. Составленный нами на основе вышедших работ, он охватывает лишь главные направления или проявления НТР, которые чаще всего рассматриваются в анализируемой литературе (к сожалению, лишь в самом общем плане). Но вместе взятые, они, по нашему мнению, отражают утвердившееся понимание НТР как комплексного переворота в производительных силах.

Подводя краткие итоги анализу представленных в литературе последних лет точек зрения о важнейших процессах, характеризующих НТР, представлений о ряде понятий, связанных с НТР, необходимо еще раз отметить появление новых, на наш взгляд, более плодотворных подходов к решению некоторых кардинальных проблем НТР. Вместе с тем к настоящему времени многие вопросы данной темы еще не освещены совсем или лишь поставлены в литературе. В аспекте данной статьи уместно подчеркнуть, что это относится прежде всего к социальной проблематике. И именно здесь, на этом участке советского обществоведения нужна в исторических исследованиях ощущается все более остро, ибо без конкретно-исторического освещения проблем, связанных с возникновением и нарастанием НТР, нельзя сколь-нибудь значительно восполнить имеющиеся пробелы.

Говоря об этих назревших задачах, нужно сказать и о том, что они вовсе не относятся к отдаленному будущему. Практически их разработка уже ведется. И это вполне логично, ибо по мере развития научно-технического прогресса в СССР и уяснения основных понятий, характеризующих научно-технический переворот современности, проблема человека, производителя как никогда ранее становится центральным вопросом. В журнале «Вопросы философии» в этой связи верно было сказано: так как именно человек является источником возникновения научно-технической революции, ее субъектом, вместе с тем он же становится и объектом научно-технической революции; по словам

⁶⁶ Из более ранних работ об этом см.: *Волков Г. Н.* Изменение социальной ориентации науки. — «Вопросы философии», 1969, № 1; *Рихта Р.* Указ. соч. Волков отмечает, в частности, что «смена основной социальной ориентации науки в современном мире — основная черта научно-технической революции» (*Волков Г. Н.* Указ. соч., с. 15).

⁶⁷ Чехословацкий исследователь Р. Рихта пишет по этому поводу, что «иногда из поля зрения выпадают общественные и человеческие стороны научно-технической революции, несмотря на то, что они в действительности составляют ее неотделимую часть» («Вопросы философии», 1970, № 1, с. 69).

Ф. Энгельса, производство будущего станет нуждаться в людях высокоразвитых, оно же и создаст их⁶⁸. Советская историография, отражая реальный ход событий, в значительной мере отобразила процесс рождения в СССР нового человека, труженика социалистического общества, строителя бесклассовой формации. Большое внимание при этом было уделено росту рабочего класса СССР на этапе НТР, изменениям в его численности и составе, а также подъему его культурно-технического уровня.

В литературе неоднократно анализировались данные, согласно которым на рубеже 50—60-х годов рабочие впервые составили половину занятого в СССР населения (против одной трети в конце 30-х годов). В середине 70-х годов рабочие превысили 61% всего населения страны. Причем, если за период довоенных пятилеток, т. е. в условиях индустриализации, их число возросло с 8,7 млн. человек в 1928 г. до 23,7 млн. человек в 1940 г.—увеличение на 15 млн. человек,— то только за 1960—1975 гг. общий прирост достиг почти 26 млн. человек⁶⁹.

Одновременно разительно изменилась общеобразовательная подготовка рабочих, существенно повысился уровень квалификации и профессиональной подготовки. По своему культурному облику, по характеру труда они сплошь и рядом не отличались от инженерно-технических работников. Выступая на XV съезде профсоюзов СССР, Л. И. Брежнев отметил: «Передовой рабочий сегодня — это человек, обладающий глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду, он чувствует себя хозяином производства, человеком, ответственным за все, что происходит в нашем обществе. Такой рабочий политически активен, он нетерпим к расхлябанности и безответственности, к любым недостаткам в организации производства. Он непримиримый враг всякого мещанства, любых пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Идеалы партии, идеалы коммунизма стали для такого рабочего сутью всего его мировоззрения, они определяют его поступки, его отношения с людьми, всю его жизненную линию»⁷⁰.

Характерно, что уже в конце 60-х годов в литературе началось обсуждение вопроса о расширении в структуре рабочего класса прослойки рабочих-интеллигентов. В начале 70-х годов таких рабочих, имеющих дипломы техников и инженеров и продолжающих, как и прежде, выполнять труд рабочего, было уже свыше 2 млн. человек. Теперь речь вполне правомерно шла об образовании нового социального слоя, сближающего советский рабочий класс с инженерно-техническими работниками, с производственной интеллигенцией.

⁶⁸ «Вопросы философии», 1974, № 7, с. 57.

⁶⁹ СССР в цифрах в 1976 году. Краткий статистический сборник. М., 1977, с. 9, 175.

⁷⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 3. М., 1972, с. 483—484.

В условиях зрелого социализма, когда заметно усилился процесс сближения классов и социальных слоев и когда со всей очевидностью проявились гигантские сдвиги, происходящие на производстве и в быту под воздействием современного научно-технического прогресса, некоторые авторы пришли к выводам либо об исчезновении в СССР классов вообще, либо о необходимости расширения границ рабочего класса путем включения в него инженерно-технической интеллигенции и части служащих. Как известно, большинство исследователей выступило против такой постановки вопроса ⁷¹.

Спор о границах рабочего класса, на наш взгляд, весьма симптоматичен. И можно лишь пожалеть о том, что его возникновение еще не получило должного разъяснения. В частности, следовало бы вспомнить об аналогичной ситуации 30-х годов. Тогда, в обстановке стремительного изменения социальной структуры нашего общества, быстрого роста численности рабочих, связанного с индустриализацией СССР, также возникали суждения об исчезновении классов вообще, в том числе и рабочего класса ⁷². Ныне мы вновь сталкиваемся с явным забеганием вперед, одной из главных причин чего является, по нашему мнению, переоценка темпов и масштабов НТР, а соответственно и ее социальных последствий. Появление конкретно-исторических исследований о предпосылках и начальных шагах научно-технического переворота, сопоставление его с периодом социалистической индустриализации позволит избежать подобных просчетов, поможет более глубоко разобраться в том воздействии, какое НТР оказывает на рабочий класс, на социальную структуру советского общества.

Определенные шаги в указанном направлении уже делаются. Больше всего это относится к освещению тех изменений, которые происходят в численности и профессионально-отраслевом составе рабочего класса под влиянием современного этапа НТР. Соответствующие материалы в том или ином объеме рассматриваются практически во всех ранее названных работах. Намечалась и специальная разработка проблемы «НТР и рабочий класс СССР» ⁷³. Наконец, имеется довольно значительная литература,

⁷¹ Подробнее см.: *Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л.* Рабочий класс — ведущая сила советского общества (Вопросы методологии и историографии). М., 1977, с. 116—121.

⁷² См.: Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк. 1917—1973. М., 1975, с. 315—318.

⁷³ *Бляхман Л. С., Шкаратан О. И.* Указ. соч.; КПСС и современная научно-техническая революция. Киев, 1974; Научно-техническая революция и рабочий класс (круглый стол «Вопросов философии» на Балтийском судостроительном заводе имени С. Орджоникидзе) — «Вопросы философии», 1974, № 6-7; Научно-техническая революция, рабочий класс и профсоюзы СССР. М., 1975; *Осипов В. Я.* Социальное развитие рабочего класса в условиях научно-технической революции. Саратов, 1975; *Ночевник М. Н., Подмарков В. Г.* Профсоюзы СССР: автоматизация и рабочий класс. М., 1976; Социальная структура развитого социалистического общества. М., 1976 и др.

представленная работами по экономике труда, социологии, истории, философии, которая, анализируя те или другие аспекты в развитии советского рабочего класса 60—70-х годов, учитывает и влияние на него НТР. Переходя к разбору всей литературы, хотелось бы еще раз отметить, что, с одной стороны, из-за стремительного развертывания научно-технического прогресса, а, с другой стороны, из-за неравномерности охвата им отдельных участков производства, в литературе появилась тенденция несколько расширительно толковать его влияние. Научно-технический прогресс действительно охватывает все стороны жизни современного общества, однако, это не означает, что он подменяет или включает в себя все остальные объективные процессы, протекающие в социалистическом производстве, особенности развития отдельных отраслей, демографические сдвиги и т. д., оказывающие серьезное воздействие на структуру рабочей силы.

Конкретно-исторический анализ влияния научно-технического прогресса на состав работников, предполагает не только установление самого факта этого влияния, но и анализ места научно-технического прогресса в ряду всех факторов, воздействующих на состав рабочих кадров. В определенной мере тенденция расширительно толковать влияние научно-технического прогресса, не разграничивать его прямое и опосредованное воздействие на состав рабочих кадров, а также соотношение с другими факторами связана со слабой разработкой данной проблемы историками, поскольку исторический подход предполагает не только выявление основного направления развития, но и характеристику целостной картины изменения состава рабочих кадров в условиях научно-технического прогресса. Отсутствие исторических исследований по данной проблеме сказалось и в довольно распространенном приеме: декларировании влияния НТР на рабочий класс и подтверждении этого тезиса данными, которые по сути дела являются иллюстрацией основных направлений развития советского рабочего класса, характерных для всей его истории (рост квалификации и общеобразовательного уровня, изменения профессионального состава и др.). Эти объективные процессы действительно имеют место. Но в современных условиях, связанных с развертыванием НТР, они протекают иначе, чем раньше, ибо испытывают влияние происходящего в нашей стране научно-технического переворота. Задача же историков состоит помимо всего прочего в выяснении степени и форм воздействия НТР на данные объективные процессы.

Факт влияния научно-технического прогресса на изменение состава рабочего класса СССР в 60—70-е годы признается всеми исследователями проблемы. В настоящее время можно выделить ряд общепризнанных положений, которые характеризуют данный процесс. К их числу следует отнести:

1. Изменения в профессиональном составе — сокращение удельного веса тяжелого, неквалифицированного труда и увели-

чение доли работников высокой квалификации, сочетающих умственные и физические функции, или точнее, труда творческого характера. Постоянное изменение содержания труда рабочих традиционных профессий, возникновение новых и исчезновение ряда профессий тяжелого неквалифицированного труда. Рост удельного веса рабочих широкого профиля.

2. Рост общеобразовательного уровня рабочих кадров. Вызванная научно-техническим прогрессом потребность в росте удельного веса работников со средним общим и специальным, а также высшим образованием на базе школы, ПТУ, технических училищ, техникумов и вузов. Изменение соотношения между навыками и уровнем образования в процессе получения рабочим квалификации, освоения профессии.

3. Возрастание объема и интенсификация процессов подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочих кадров в условиях, когда под влиянием научно-технического прогресса рабочему приходится в течение трудовой деятельности осваивать новую или смежную профессию, новые приемы труда, получать дополнительную к первоначальной подготовку для овладения новой техникой и т. д.

4. Вызванный развертывавшимся в нашей стране научно-техническим прогрессом процесс высвобождения рабочей силы на ранее отстававших в техническом отношении участках производства.

Большое внимание в литературе уделяется изменениям в профессиональном составе рабочих, вызванных научно-техническим прогрессом⁷⁴. Эти изменения, которые уже мы назвали, иллюстрируются данными конкретно-социологических исследований, характеризующих долю умственных и физических функций в труде высококвалифицированных рабочих, профессии которых вызваны к жизни научно-техническим прогрессом (наладчиков автоматов и автоматических линий, операторов пультов

⁷⁴ Семенов В. С. Преобразования в рабочем классе и интеллигенции в процессе перехода к коммунизму.— В кн.: От социализма к коммунизму. М., 1964; Технический прогресс и новые профессии. М., 1962; Рабочий класс и технический прогресс. М., 1965; Котляр Э. С. Рабочая сила в СССР. М., 1967; Сенявский С. Л. Рост рабочего класса СССР (1951—1965); Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968; Человек и его работа. Социологическое исследование. М., 1967; Кривневич В. В. Влияние научно-технического прогресса на изменение структуры рабочего класса СССР. Итоги и перспективы. М., 1971; Рабочий класс СССР (1951—1965). М., 1969; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Социальное развитие рабочего класса и изменение его структуры.— В кн.: Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция. М., 1971; *они же*. Социальное развитие рабочего класса в СССР.— «Вопросы философии», 1972, № 2; Шкаратан О. И. Проблемы изменения социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970; Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция; Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973; Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974, и др.

управления, части лаборантов-рабочих и т. д.), а главным образом материалами учета промышленных рабочих ЦСУ СССР⁷⁵. Методика этих обследований дает возможность проследить как изменение численности рабочих отдельных профессий и их доли в общей численности рабочих кадров, так и распределение всех работников по уровню механизации труда. Эту группировку очень часто используют для характеристики сокращения доли неквалифицированного труда и роста удельного веса рабочих высокой квалификации⁷⁶. Однако, на наш взгляд, в основе определения уровня квалификации прежде всего должно лежать содержание труда — профессия, а не степень его механизации.

Согласно методике ЦСУ СССР, применяемой при этих обследованиях, профессии ручного труда делятся на три группы: 1) рабочие, выполняющие работу вручную при машинах и механизмах; 2) рабочие, выполняющие работу вручную не при машинах и механизмах; 3) рабочие, выполняющие работу по наладке и ремонту машин и механизмов. При этом ряд профессий, характеризующих собой определенный уровень квалификации, попадает сразу в несколько групп, в зависимости от степени механизации труда. Так, например, слесари, электрослесари, электромонтеры — во 2-ю и 3-ю группы (часть их попадает и в группу механизированного труда), грузчики — в 1-ю и 2-ю группы и т. д.

В группе рабочих, занятых трудом без применения машин и механизмов, находятся и грузчики, и электромонтеры, и слесари-инструментальщики, и контролеры, и лаборанты, то есть работники разной квалификации. Поэтому безоговорочно применять данную группировку для характеристики процесса сокращения доли неквалифицированного ручного труда нам представляется неправомерно. К тому же научно-технический прогресс ведет не только к постепенной ликвидации профессий тяжелого ручного труда, но и к росту численности рабочих высококвалифицированного, но не механизированного, а ручного труда, занятых ремонтом, подналадкой и поддержанием в рабочем состоянии машин и оборудования, что вызывается постоянным ростом технической оснащенности производства и усложнением его технологии. Конечно, этот процесс, как справедливо отмечают многие исследователи, не свободен от диспропорций, однако изменения в составе рабочих немеханизированного труда в целом отражают прогрессивные сдвиги в профессиональном составе рабочих, вызванные научно-техническим прогрессом.

⁷⁵ К числу ранее названных работ следует добавить содержательную монографию Шистера Г. А. «Промышленные рабочие Узбекистана (Изменения в численности и составе). 1959—1970 гг.» (Ташкент, 1975), освещающую данный вопрос на материалах Средней Азии.

⁷⁶ ЦСУ СССР делит все профессии рабочих на следующие пять групп: выполняющие работы — 1) на автоматах; 2) механизированным способом; 3) вручную при машинах и механизмах; 4) вручную не при машинах и механизмах; 5) вручную по наладке, ремонту машин, механизмов.

В литературе уделяется внимание и такой важной проблеме, как формирование нового типа рабочего в условиях развертывания научно-технического прогресса. Машинный век выдвинул в качестве центральных фигур производства — механика и станочника. Современная НТР создала наладчика. «На протяжении всей истории развитие техники вело к специализации рабочего, превращало его в простой придаток машины, поточной линии», — пишет Гудожник. НТР кладет конец этому «однобокому» развитию рабочего. «Рабочий, обслуживающий автоматическую технику, обязательно должен знать каждую операцию и весь технологический процесс в целом»⁷⁷. Таким образом, НТР приводит к формированию рабочего широкого профиля. Этот термин уже прочно вошел в литературу. Однако вопрос о том, какие профессии и профессиональные группы отнести к данному слою, пока не решен.

Повышенные требования, которые предъявляет научно-технический прогресс к общеобразовательной подготовке советских рабочих, находятся также в центре внимания исследователей⁷⁸. Все авторы справедливо отмечают, что 50—60-е годы XX в. явились важным шагом в деле дальнейшего повышения уровня образования, об этом же свидетельствуют и материалы переписей населения 1959 и 1970 гг. Следует все-таки подчеркнуть, что было бы неправильно связывать бурный рост уровня общеобразовательной подготовки с одним только влиянием НТР. Повышение уровня образования в нашей стране, завершение перехода к всеобщему среднему образованию — важный аспект социальной политики КПСС, направленный на воспитание всесторонне развитой гармоничной личности социалистического общества, этот процесс охватывает все население нашей страны. Отсюда, по-видимому, и односторонность дискуссии экономистов и социологов по вопросу: «Какому уровню общеобразовательной подготовки соответствует технический уровень большинства современных производственных процессов?»

Таким образом, при характеристике роста общеобразовательной подготовки рабочего класса СССР, завершения перехода ко всеобщему среднему образованию рабочих кадров можно говорить, что НТР лишь ускоряет этот процесс. Другое дело, когда

⁷⁷ *Гудожник Г. С.* Научно-технический прогресс: сущность, основные тенденции. М., 1970, с. 95.

⁷⁸ *Ежов В. А.* Культурный рост советского рабочего класса в условиях научно-технической революции. — «Вестник ЛГУ». Серия истории, языка и литературы, 1971, вып. 3, № 14; *Бейлина Е. Э.* Подъем общеобразовательного уровня московских рабочих (1959—1965). — В кн.: Культурная революция в СССР. 1917—1965 гг. М., 1967; Молодежь и образование. М., 1972; *Шибанов М. Г.* Роль общей и профессиональной подготовки в условиях НТР. — В кн.: Проблемы политической экономики. Труды Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1972; *Кагало П. М.* Роль образования в социальном продвижении рабочих. — «Социологические исследования», 1977, № 2.

речь идет о тех передовых участках производства, где научно-технический прогресс требует от рабочего дополнительных знаний на базе полной средней школы (в рамках обучения в техническом училище, техникуме или даже ВУЗе). Для наиболее квалифицированных и сложных профессий, олицетворяющих собой научно-технический прогресс, уже в годы 8-й и 9-й пятилеток кадры формировались из работников со средним специальным и высшим образованием.

Тесно переплетается с предыдущей и проблема повышения специальной профессиональной подготовки рабочих кадров в условиях научно-технического прогресса. Исследователи отмечают, что в условиях, когда человеческий фактор становится решающим в деле дальнейшего повышения производительности труда, квалификация работника во многом определяет успех производства. Вместе с тем внедрение достижений научно-технического прогресса в производство требует от рабочего постоянного повышения специальной подготовки, иных методов обучения новых рабочих, овладения смежными профессиями или переподготовки⁷⁹.

Если вопросы влияния научно-технического прогресса на качественный состав рабочего класса СССР находятся в центре внимания исследователей, то проблема его влияния на изменения в количественном составе советских рабочих только поставлена в литературе. Хотя в ряде исследований и утверждается, что научно-технический прогресс оказывает свое воздействие на рост численности рабочих кадров, этот вывод не конкретизируется. Представляется, что утверждение — научно-технический прогресс ведет к дальнейшему росту численности работников — не совсем верно, так как прогресс в науке и технике способствует, прежде всего, интенсификации труда. Более точно утверждение, что он способствует возникновению, как одного из важнейших источников пополнения рабочей силой, процесса высвобождения рабочих, а также перераспределения работников путем быстрого роста численности рабочих передовых участков производства, отраслей и т. д. и сокращения занятости в устаревших производственных процессах.

Процесс высвобождения рабочей силы в условиях НТР довольно широко освещается в экономической литературе⁸⁰. Однако он не получил еще должной оценки в советской историографии как важный и перспективный источник пополнения рабочей силы, вызванный научно-техническим прогрессом.

⁷⁹ Новгородский Ю. Ф., Оттенберг Н. Н., Хайкин Н. М. Технический прогресс и совершенствование подготовки кадров, М., 1973; Батышев С. Я. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. М., 1974.

⁸⁰ Движение рабочих кадров в промышленности. М., 1973; Проблемы использования рабочей силы в условиях научно-технической революции. М., 1973; Баранникова Н. В. Высвобождение рабочих в промышленности. М., 1974, и др.

Мы уже отмечали, что для всесторонней характеристики изменений в составе рабочих кадров в условиях научно-технического прогресса необходимо проанализировать не только основные направления воздействия последнего на рабочий класс, но и выявить остальные факторы, оказавшие свое влияние на его состав. Остановимся на тех тенденциях в изменении состава современного рабочего класса СССР, которые представлены в исторической, историко-социологической и экономической литературе.

Одной из характерных черт количественного роста советского рабочего класса, отмеченной в работах последних лет, является «значительно больший, чем в каждый предшествующий период, абсолютный численный рост индустриальных рабочих при снижении темпов их роста»⁸¹. Данный процесс легко проиллюстрировать статистическими материалами о среднегодовой численности рабочих промышленности. Сведения о численности рабочего класса СССР, а также промышленных рабочих широко представлены в литературе⁸².

Характеризуя основные источники пополнения рабочих кадров, исследователи отмечают, что в современных условиях рост рабочего класса идет, прежде всего, за счет выходцев из рабочих семей. Так, например, отмечая возросшую роль внутренних источников пополнения рабочего класса, Л. А. Гордон и Э. В. Клопов указывают, что происходит переход от бурного количественного роста, обусловленного почти исключительно внешними причинами, к естественным, так сказать, стабильным формам пополнения рабочих кадров. Этот процесс они называют «процессом социальной стабилизации рабочего класса», проявившимся в снижении роли внешних источников пополнения рабочего класса и, как следствие этого, постоянном повышении удельного веса потомственных рабочих⁸³.

Большое значение для характеристики состава рабочего класса в 60—70-е годы имеют такие изменения в процессе его развития, как рост удельного веса женщин среди рабочих СССР; изменение возрастного состава за счет увеличения доли работников 26—35-летнего возраста и сокращения удельного веса рабочих до 25 лет; абсолютный и относительный рост рабочих с большим стажем⁸⁴.

⁸¹ Классы, социальные слои и группы в СССР, с. 34.

⁸² Рабочий класс развитого социалистического общества; Гусев С. В. Промышленные рабочие в период развитого социализма.— «Вопросы истории», 1974, № 5; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Указ. соч., и др. Следует отметить, что особенности роста численности рабочих кадров отдельных отраслей промышленности, экономических районов, предприятий и т. д. изучены еще недостаточно.

⁸³ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Указ. соч., с. 13.

⁸⁴ Бейлина Е. Э. Курс на интенсификацию производства и возрастная структура рабочего класса.— «История СССР», 1977, № 4; Попов С. В. Рабочая молодежь в социальной структуре развитого социалистического общества.— «Вопросы истории», 1976, № 4.

Появились исследования, анализирующие формы пополнения рабочими кадрами промышленности и такой ее отрасли как машиностроение и металлообработка в 1966—1970 гг., текучесть в промышленности и ее отдельных отраслях⁸⁵.

Почти все работы, анализирующие изменения в составе советских рабочих интересующего нас периода, содержат сведения о значительных сдвигах в профессиональном составе работников. Исследователи отмечают постепенное сокращение удельного веса и исчезновение ряда профессий тяжелого ручного труда (кузнецы ручнойковки, навалотбойщики, формовщики ручной формовки и т. д.); изменение содержания труда рабочих массовых профессий (станочники, газо- и электросварщики, слесари-сборщики и др.), снижение темпов прироста рабочих, занятых на складских, транспортных, погрузочно-разгрузочных работах, и увеличение численности рабочих, занятых наладкой, ремонтом, контролем за производственным процессом, а также рост численности слесарей-сборщиков, сборщиков, монтажников приборов, контролеров и т. д.⁸⁶ Широко отмечается и появление новых профессий, однако до сих пор в литературе еще не решен такой важный вопрос, как выяснение ведущей тенденции в изменении профессионального состава советских рабочих на современном этапе: появление новых и отмирание старых профессий, или изменение в содержании труда рабочих традиционных профессий. Представляется, что хотя обе эти тенденции имели место, ведущей была вторая.

В последнее время многие исследователи склоняются к мысли, что при анализе уровня квалификации, выделении среди работников различных по своей квалификации групп, более объективную картину дает изучение профессионального состава, а не распределение рабочих по тарифным разрядам. Исходя из различий в содержании труда работников отдельных профессий, ряд исследователей выделяет в составе современного рабочего класса несколько групп. Необходимо отметить, что при разделении рабочих профессий на группы исследователи чаще всего исходят из различных критериев. Во-первых, учитывается *характер подготовки по данной профессии*: 1) рабочие квалифицированного труда, имеющие определенный минимум общетеоретической подготовки

⁸⁵ Проблемы использования рабочей силы в условиях научно-технической революции; *Кайдалов Д. П., Суименко Е. И.* Актуальные проблемы социологии труда. М., 1974, и др.

⁸⁶ Применительно к периоду восьмой пятилетки наиболее полно эти вопросы освещены в коллективной монографии «Проблемы использования рабочей силы в условиях научно-технической революции». См. также: *Шафранова О. И.* Профессиональный состав рабочих промышленности СССР. М., 1972; *Гусев С. В.* Указ. соч.; Рабочий класс развитого социалистического общества; *Блякман Л. С., Шкаратан О. И.* Указ. соч.; *Чуланов Б. Г.* Изменение в составе и уровне активности рабочего класса СССР. Л., 1974; Рабочий класс на современном этапе, вып. 4. Л., 1974; и др.

и научно-технических знаний, а также специальную подготовку в ПТУ или на производстве сроком не менее 3-х месяцев; 2) рабочие малоквалифицированного труда, обладающие профессиями, не входящими в перечень профессий, по которым осуществляется подготовка квалифицированных рабочих; 3) рабочие неквалифицированного труда, имеющие профессии, не требующие определенных общеобразовательных знаний, специальной подготовки, а только инструктажа и знания техники безопасности (методика, разработанная ВНИИ профтехобразования)⁸⁷. Вторым критерий — это соотношение навыков и знаний в труде: 1) труд, для осуществления которого требуются только физические навыки (грузчики, возчики, подсобные рабочие, формовщики ручной формовки); 2) труд, требующий навыков и знаний (токари, вальцовщики, столяры, шлифовщики); 3) труд, для осуществления которого требуются, прежде всего, знания (лаборанты, наладчики и т. д.)⁸⁸. Третий критерий — это учет степени механизации и автоматизации труда (методика ЦСУ СССР, применяемая при единовременных учетах рабочих по профессиям); при сочетании этих характеристик выделяются: 1) рабочие неквалифицированного и малоквалифицированного труда, не использующие машин и механизмов, занятые трудом, не требующим профессиональной подготовки (подсобные рабочие, возчики, землекопы); 2) рабочие, занятые трудом на конвейере с принудительным ритмом, а также механизированным трудом со средней профессиональной подготовкой (обувщики, швейники); 3) рабочие, которые трудятся на машинах и механизмах и получают специальную подготовку (токари, фрезеровщики и т. д.), механизированный труд без принудительного ритма; 4) рабочие, управляющие автоматическим оборудованием, выполняющие функции операторов (автоматчики и полуавтоматчики в машиностроении); 5) рабочие ручного квалифицированного труда, требующего специальной профессиональной подготовки (слесари, регулировщики, наладчики); 6) рабочие, занятые управлением и наладкой автоматического оборудования (щитовые, пультовики, механики-наладчики, занятые выпуском продукции)⁸⁹.

В качестве критерия выступают также сочетания типа труда со степенью его механизации и автоматизации: 1) работники неквалифицированного физического труда (подсобники и т. д.); 2) работники нефизического труда средней квалификации (счетоводы, контролеры, браковщики и т. д.); 3) работники квалифицированного, преимущественно физического труда, занятые на машинах и механизмах (станочники, штамповщики, прессовщики, машинисты, мотористы всех наименований и т. д.); 4) работники квалифицированного, преимущественно

⁸⁷ Шкаратан О. И. Указ. соч., с. 350.

⁸⁸ Классы, социальные слои..., с. 51—52.

⁸⁹ Человек и его работа, с. 27.

физического ручного труда (слесари, сборщики-монтажники, электромонтеры и т. д.); 5) работники высококвалифицированного труда, сочетающие умственные и физические функции при обслуживании сложной техники (наладчики, настройщики автоматических линий, станков, автоматов, механики-наладчики автоматических линий).

Называя эти группы, уместно обратить внимание на расхождения исследователей в их обозначении и характеристике. Л. С. Бляхман и О. И. Шкаратан рассматривают эти группы как социально-профессиональные слои⁹⁰, Ю. Г. Чуланов называет их социально-профессиональными группами⁹¹, Н. Б. Лебедева — профессионально-квалификационными группами⁹². И. П. Труфанов — просто профессиональными группами⁹³ и т. д. И хотя приведенные расхождения не очень существенны, само их наличие лишней раз убеждает в необходимости выработки единых дефиниций, использование которых помогало бы ученым объединять свои усилия, дополнять друг друга.

На наш взгляд, наиболее точным является определение Н. Б. Лебедевой. Однако в отнесении рабочих к тем или иным группам Лебедева не всегда обнаруживает последовательность. Особенно это касается группы рабочих квалифицированного, преимущественно физического ручного труда и группы рабочих высококвалифицированного труда, сочетающих умственные и физические функции при обслуживании сложной техники. Непонятно, почему из всех слесарей во 2-ю группу попали только слесари по ремонту контрольно-измерительных приборов и автоматов. Если последние заняты, как правило, ремонтом амперметров, вольтметров, автоматических весов, киноаппаратуры, электронных усилителей и т. д., то слесари-ремонтники, например, ремонтируют вакуумные агрегаты, коробки скоростей, молоты, компрессоры, токарные и другие станки, токарно-револьверные автоматы, автоматические линии и т. д.⁹⁴ Трудом по ремонту и поддержанию сложного оборудования в рабочем состоянии занята и большая часть слесарей-электриков по ремонту электрооборудования, слесарей по ремонту аппаратного оборудования, электромонтеров и т. д.

Нам представляется, что выделение в группе профессий квалифицированного труда работников, занятых на машинах и ме-

⁹⁰ Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. Указ. соч., с. 198.

⁹¹ Чуланов Ю. Г. Указ. соч., с. 22.

⁹² Лебедева Н. Б. Деятельность ленинградской партийной организации по формированию рабочих кадров в годы восьмой пятилетки.— В кн.: Рабочий класс на современном этапе, вып. 3. Л., 1974, с. 39.

⁹³ Труфанов И. П. Деятельность партийных организаций Ленинграда по повышению жизненного уровня рабочего класса в годы восьмой пятилетки.— В кн.: Рабочий класс на современном этапе, вып. 3, с. 136.

⁹⁴ См. Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих, вып. II. М., 1972, с. 550—556, 592—599.

ханизмах, и работников ручного труда, то есть «уравнение» труда токаря и труда слесаря, электромонтажника не совсем удачно. Если подавляющая часть станочников действительно входит в группу средней квалификации, то этого нельзя сказать об электромонтерах, электриках, электромонтажниках, слесарях-ремонтниках и т. д., значительная часть которых, занятая контролем, поддержанием в рабочем состоянии и ремонтом все усложняющегося оборудования, исходя из современного этапа развертывания научно-технического прогресса, должна быть отнесена к группе рабочих высшей квалификации. Это же в определенной степени относится к слесарям-инструментальщикам и некоторым другим профессиональным группам.

Высказывая данное мнение, нам хотелось, чтобы оно воспринималось не как критическое замечание в адрес других авторов, а как размышление, подтверждающее необходимость дальнейшего обмена мнениями по вопросам социальной и профессиональной структуры рабочего класса, ныне претерпевающей изменения в условиях НТР. Это тем более важно сделать потому что, как ни важны критерии, положенные в основу упомянутых выше групп, они отнюдь не универсальны, и, следовательно, не могут с должным основанием использоваться ни для характеристики отдельных профессиональных групп рабочих строительства, транспорта, сельскохозяйственных рабочих, ни для характеристики работников отдельных производств в машиностроении (например, литейного производства) и т. д.

Таким образом, их трудно использовать для сравнения профессионально-квалификационного состава рабочих разных отраслей промышленности или народного хозяйства в целом, а также при сравнении состава рабочих машиностроителей 60—70-х годов и, например, довоенного периода. Не предлагая окончательных вариантов решения этого сложного вопроса, следует сказать, что более обобщенно выглядело бы деление всех работников на три группы, исходя из принадлежности к определенной профессии: на высшую, среднюю и низшую. Причем, в каждом конкретном случае, необходимо выделять эти группы в рамках однородного производства: одной отрасли, отдельной подотрасли и т. д., исходя из значимости, массовости данной профессии или профессиональной группы, и связи с научно-техническим прогрессом.

Внутри каждой из этих профессионально-квалификационных групп также можно выделить при необходимости высший, средний и низший компоненты, что позволит охарактеризовать «пограничные» группы. Данная градация позволяет достаточно полно представить профессионально-квалификационный состав рабочих и провести сравнительный анализ облика, отдельных его составных частей в различных отраслях промышленности, народного хозяйства и т. д. на разных этапах развития советского общества, то есть вести исследование профессионально-квалификационного состава как в вертикальном, так и в горизонтальном разрезе.

Все более существенное воздействие на развитие советского рабочего класса оказывает рост уровня общеобразовательной подготовки в нашей стране. Все исследователи данного вопроса отмечают постоянный рост общеобразовательной подготовки рабочего класса, увеличение удельного веса рабочих со средним общим образованием, сокращение доли работников, имеющих начальное образование, а также рост числа рабочих с дипломами техникумов и вузов⁹⁵. Отмечается также и тенденция к выравниванию общеобразовательного уровня среди рабочих различных профессий, отраслей производства и т. д. Л. А. Гордон и Э. В. Клопов указывают в этой связи, что если в 30-е годы среди металлургов и металлистов рабочие с образованием 7 классов и выше составляли 18%, а у швейников и текстильщиков — 6,7%, то к началу 60-х годов это различие почти полностью исчезло: неполное среднее образование имели 53% металлургов и металлистов и 48% текстильщиков и швейников⁹⁶.

Большое внимание в работах историков, социологов, экономистов уделяется проблемам подготовки рабочих кадров на производстве и в системе профессионально-технического образования, повышению квалификации советских рабочих. Исследователи отмечают рост численности рабочих, подготовленных непосредственно на предприятиях, характеризуют развитие сети профессионально-технических училищ, в том числе училищ со средним образованием, приводят сведения о числе рабочих, повысивших свою квалификацию по формам обучения (производственно-технические курсы, курсы целевого назначения, обучение вторым совмещаемым профессиям, школы передовых методов труда). В последние годы появился ряд исследований этого вопроса применительно к периоду 8-й и 9-й пятилеток⁹⁷. Особый интерес представляет работа Ю. Ф. Новгородского, Н. Н. Оттенберга, Н. М. Хайкина «Технический прогресс и совершенствование подготовки кадров», где анализируются проблемы подготовки рабочих кадров и формы повышения квалификации рабочих в СССР, а также процесс переподготовки кадров, связанный с научно-техническим прогрессом. Авторы, в частности, отмечают, что путем переподготовки сформировались такие профессии, как наладчики автоматических станков и автоматических линий в машиностроении: «На Москов-

⁹⁵ Кроме ранее названных работ см.: *Аутов Н. А.* Формирование и источники пополнения советского рабочего класса.— «Вестник МГУ», 1974, серия XIII, № 2.

⁹⁶ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Указ. соч., с. 16—17.

⁹⁷ Научно-технический прогресс и подготовка рабочих кадров.— «Советские профсоюзы», 1973, № 23; *Новгородский Ю. Ф., Оттенберг Н. Н., Хайкин Н. М.* Указ. соч.; *Лебедева Н. В.* Указ. соч.; *Багышев С. Я.* Указ. соч.; *Андросенкова З. М.* Подготовка квалифицированных рабочих кадров в системе профтехобразования (1969—1972) (по материалам Ленинграда).— В кн.: Рабочий класс на современном этапе, вып. 3; *Саюшев В.* Совершенствовать подготовку молодых рабочих.— «Коммунист», 1974, № 4, и др.

ском автозаводе имени И. А. Лихачева они были подготовлены из станочников, слесарей в учебно-курсовом комбинате завода, а на 1 ГПЗ токари, слесари и другие рабочие прошли подготовку по специальности наладчика автоматических линий на вечернем отделении при профтехучилище № 11»⁹⁸.

Не вдаваясь в подробную оценку других работ подобного рода, нельзя не отметить ряд слабых мест, отражающих общие недостатки рассматриваемой литературы. Как правило, все авторы стремятся показать воздействие НТР на рабочий класс, на изменения в его численности, отраслевом и профессиональном составе, культурном облике и т. п. Что же касается вопроса об обратном влиянии, о том, как перемены в рабочем классе сказываются на самом процессе развертывания НТР, то эти сюжеты в лучшем случае лишь затрагиваются, да и то в самом общем плане. Некоторое исключение составляют конкретно-исторические труды, в которых рассматривается деятельность рационализаторов и изобретателей, борьба партийных организаций за технический прогресс, успехи новаторов производства⁹⁹.

Нет нужды доказывать, что тема «НТР и рабочий класс» не может быть сведена к одностороннему рассмотрению материала о рабочем классе, как объекте современного этапа научно-технического переворота. При всей своей важности эта проблема освещает лишь часть того действительного хода событий, который в реальной жизни связан с повседневным творчеством рабочих, их производственным мастерством, культурно-техническим уровнем, профессиональной выучкой и т. д.

Подчеркивая острую необходимость создания таких книг и статей, нужно помнить, что в решении этой задачи должны участвовать историки всех союзных республик, всех ведущих промышленных центров, всех регионов страны, ибо нужны труды не только об общих закономерностях, но и о специфике, характеризующей роль отдельных отрядов рабочего класса в осуществлении технического прогресса на современном этапе, в органическом соединении достижений НТР с преимуществами зрелого социализма.

В обстоятельной разработке нуждается и вопрос о том, как Коммунистическая партия и Советское государство подготавливают и осуществляют мероприятия, направленные на осуществление НТР и соответствующие изменения в составе рабочего класса. Без таких трудов невозможно дать полную картину тех преимуществ, которые принципиально отличают ход НТР в нашей стране от аналогичного процесса в странах капитализма, где научно-технический переворот сопровождается обострением клас-

⁹⁸ Новгородский Ю. Ф., Оттенберг Н. Н., Хайкин Н. М. Указ. соч., с. 53.

⁹⁹ См., например: Толыго М. Ф. Партийные комитеты и технический прогресс. М., 1975; Алексеев Г. М. КПСС — организатор технического творчества рабочего класса в условиях развитого социализма. М., 1977.

совых противоречий, усилением социальных антагонизмов, ухудшением положения рабочих.

Также назревшей следует считать задачу написания работ о влиянии НТР на отдельные отряды рабочего класса. До сих пор исследователи оперируют данными, относящимися ко всем рабочим СССР либо к занятым в промышленном производстве. Правда, по отношению к аграрному отряду рабочего класса наметились важные сдвиги¹⁰⁰. То же самое можно сказать о железнодорожниках¹⁰¹. И все же это только начало. К тому же в тени остаются такие большие группы рабочих, как транспортники, строители, рабочие сферы обслуживания и т. д. Требуют более глубокого анализа и материалы о промышленных рабочих. Некоторые авторы по сей день не замечают, что в 60—70-е годы при общем увеличении числа происходит понижение удельного веса рабочих промышленности как в общей массе промышленно-производственного персонала, так и среди всех рабочих, занятых в народном хозяйстве. Другие явно преувеличивают масштабы автоматизации производства, общие размеры технического перевооружения народного хозяйства и его последствия.

Иначе говоря, проблема «НТР и рабочий класс» требует своего дальнейшего теоретического осмысления, неразрывно связанного с освещением конкретно-исторического материала. Ныне, когда исследованием этой актуальной проблемы все больше и больше начинают заниматься историки, особенно важным представляется использование ими того значительного опыта, который уже накоплен работниками смежных отраслей знаний. Такой подход к рассматриваемой нами теме сблизит существующие ныне точки зрения на НТР, облегчит устранение имеющихся пробелов и в сочетании с тем, что уже создано советской историографией, плодотворно скажется на подготовке и создании трудов, комплексно освещающих авангардную роль рабочего класса в развертывании научно-технической революции, которую партия рассматривает как главный рычаг создания материально-технической базы коммунизма.

¹⁰⁰ См.: Куликов В. И. Указ. соч.; Рубцов И. Е. Научно-технический прогресс в условиях развитого социалистического общества. М., 1975.

¹⁰¹ Загорский Б. М. Технический прогресс и социальное планирование на железнодорожном транспорте. М., 1974.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЗА 1965—1975 ГГ.

В. П. Наумов

Десятилетия, прошедшие после окончания Второй мировой войны, не уменьшили интереса к ее истории. Более того, внимание к событиям минувшей войны еще более возросло. Вторая мировая война оставила в сознании человечества глубокий след. И оно не остается равнодушным к вопросу о том, почему мир оказался ввергнутым в столь жестокую, кровопролитную войну, как была достигнута победа над фашизмом? В памяти человечества никогда не забудется подвиг советского народа-освободителя. «Чем дальше уходят от нас годы Великой Отечественной войны, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — тем глубже мы осознаем величие и значение героических свершений тех незабываемых лет»¹.

Советская историография внесла немалый вклад в изучение важнейших проблем истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., на фронтах которой развернулись решающие события, которые привели к победе над немецким фашизмом и японским милитаризмом.

Изучение истории Великой Отечественной войны началось задолго до ее окончания. Более чем 30-летний период ознаменовался значительными успехами советской исторической науки. В Советском Союзе за это время вышло более 16 тыс. книг, сборников статей, военных мемуаров, обобщающих опыт Великой Отечественной войны, раскрывающих события ее истории. Советская историография Великой Отечественной войны прошла в своем развитии длительный и сложный путь. Периодизация и характеристика основных этапов изучения истории Великой Отечественной войны дана в работах П. А. Жилина, А. В. Митрофановой и других².

Советская историческая наука пока еще не располагает обобщающей монографией по историографии Великой Отечественной

¹ Брежнев Л. И. Выдающийся подвиг защитников Тулы. — В кн.: Выдающийся подвиг защитников Тулы. М., 1977, с. 3.

² Жилин П. А. Актуальные проблемы исследования Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории», 1977, № 5; Митрофанова А. В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны. — В кн.: Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1976.

войны, однако следует признать определенные успехи в ее разработке. Первые историографические статьи были опубликованы еще в пятидесятые годы. За минувшие двадцать лет увидели свет десятки статей как в центральных, так и в местных изданиях по различным вопросам историографии Великой Отечественной войны. В семидесятые годы советская историческая наука пополнилась такими коллективными монографиями и сборниками историографических статей, как «КПСС — вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне. Историографический очерк» (М., 1973), «Очерки советской военной историографии» (М., 1974), «Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны» (М., 1976).

Ряд работ обобщающего характера принадлежит перу П. А. Жилина, Г. А. Куманева, А. В. Карасева, А. В. Митрофановой, А. М. Самсонова, И. В. Ставицкого и других³. В этих работах исследовались основные проблемы историографии деятельности КПСС в годы войны, истории военных действий, истории героического подвига советского рабочего класса и колхозного крестьянства, развития важнейших отраслей народного хозяйства, культуры в период войны.

Цель настоящей работы — рассмотреть основные направления советской историографии Великой Отечественной войны последнего десятилетия (1965—1975 гг.), определить наиболее характерные черты литературы этих лет. Следует заметить, что у авторов историографических работ выявились значительные различия в подходе к этим вопросам.

Определение основных направлений в изучении какой-либо проблемы — важная ступень в историографическом анализе. На этой ступени вся сумма литературы по данной проблеме получает первичную классификацию. Именно здесь формулируется система взглядов исследователя-историографа на изучение проблемы в целом, на определение взаимной связи и соподчиненности отдельных направлений в ее исследовании, позволяющих раскрыть, как, в какой степени каждое из них позволяет решать основные вопросы в изучении данной проблемы.

Большое значение для развития научных исследований имели документы Центрального Комитета партии, связанные с празднованием 30-летия Победы в Великой Отечественной вой-

³ Карасев А. В. Разработка истории Великой Отечественной войны. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962; Жилин П. А., Куманев Г. А., Ставицкий И. В. Коммунистическая партия — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. — В кн.: Очерки по историографии советского общества. М., 1965; Самсонов А. М. История Великой Отечественной войны в исследованиях, воспоминаниях и документах. — «Вестник Академии наук СССР», 1968, № 2; Митрофанова А. В. Указ. соч.; Зеленин И. Е. Основные направления в исследовании истории сельского хозяйства и крестьянства военных лет. — В кн.: Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1976.

не, об издании многотомной истории Второй мировой войны, труды Л. И. Брежнева, посвященные воинскому и трудовому подвигу советского народа.

Эти документы способствовали повышению теоретического уровня научных исследований.

Для современного этапа историографии Великой Отечественной войны характерно увеличение числа трудов обобщающего характера, в которых рассматривается ход войны в целом. В их числе такие фундаментальные издания, как «История КПСС» (т. 5, кн. 1. М., 1970), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. X. М., 1973), «СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (М., 1973). После шеститомной истории Великой Отечественной войны⁴, увидели свет подготовленный коллективом Института военной истории очерк Великой Отечественной войны⁵, монография Б. С. Тельпуховского и Г. А. Деборина, в которой анализируются итоги Великой Отечественной войны. К 30-летию Победы была издана монография А. М. Самсонова⁶.

Значительным научным событием явилось издание 12-томной «Истории Второй мировой войны. 1939—1945 гг.», которая подготавливается коллективами Института военной истории, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института истории СССР Академии наук СССР. В настоящее время вышло семь томов этого издания⁷. Первые два тома охватывают события предыстории Второй мировой войны, ее непосредственной подготовки, вооруженной агрессии фашизма против миролюбивых государств. В этих томах дан марксистский анализ внешней политики империалистических государств Западной Европы и США, политики попустительства агрессорам, показана борьба Советского Союза и других прогрессивных сил против фашизма и угрозы войны. Третий том посвящен исследованию военных действий первого периода Второй мировой войны — от вооруженного нападения фашистской Германии на Польшу до начала Великой Отечественной войны Советского Союза (сентябрь 1939 г.— июнь 1941 г.). В четвертом, пятом, шестом и седьмом томах рассматриваются важнейшие со-

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 1. М., 1960; т. 2. М., 1961; т. 3. М., 1961; т. 4. М., 1962; т. 5. М., 1963; т. 6. М., 1965.

⁵ Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1970.

⁶ Деборин Г. А., Тельпуховский Б. С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1975; 9 мая 1945 г., М., 1972; Самсонов А. М. Крах фашистской агрессии. М., 1976.

⁷ История второй мировой войны. 1939—1945, в 12 томах, т. 1 (Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира). М., 1973; т. 2 (Накануне войны). М., 1974; т. 3 (Начало войны. Подготовка агрессии против СССР). М., 1974; т. 4 (Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны»). М., 1975; т. 5 (Провал агрессивных планов фашистского блока). М., 1975; т. 6 (Коренный перелом в войне). М., 1976; т. 7 (Завершение коренного перелома в войне). М., 1976.

бытия Второй мировой войны, агрессия фашистской Германии против СССР, провал гитлеровского плана «молниеносной войны», коренной перелом в ходе войны.

Важный вклад внесли советские историки в изучение итогов Великой Отечественной войны, ее влияния на судьбы человечества, социальных и политических последствий, факторов, обеспечивших победоносное завершение войны. Среди этих важнейших вопросов на первый план выдвигается изучение руководящей и решающей роли КПСС в организации победы советского народа в годы Великой Отечественной войны. Литература о многогранной деятельности ленинской Коммунистической партии в годы войны весьма значительна. В ней отражены политические, экономические, военные события 1941—1945 гг., вопросы партийного руководства внешнеполитической деятельностью Советского государства в течение четырех военных лет. Коммунистическая партия в полной мере использовала опыт руководства В. И. Лениным страной в условиях войны (в годы гражданской войны и империалистической интервенции). Ленинская партия сгала вновь сражающейся, воюющей партией. С особой силой проявилась ее руководящая и направляющая роль, в исключительно трудных условиях она сумела мобилизовать советский народ на священную борьбу против фашистских захватчиков и, несмотря на временные неудачи в начальный период военных действий, добиться коренного перелома в ходе войны и обеспечить победоносное ее завершение. Эти вопросы обстоятельно рассмотрены, например, в новом коллективном труде «Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны» (М., 1975), в книгах Н. Д. Козлова и А. Д. Зайцева «Сражающаяся партия» (М., 1975) и А. А. Епишева «Партия — организатор наших побед» (М., 1976).

Одним из значительных событий в развитии советской исторической науки явился выход в свет первой книги пятого тома фундаментального труда по истории КПСС⁸. В нем использован огромный материал, в том числе впервые введены в научный оборот документы ЦК партии по вопросам руководства войной, защитой социалистического Отечества. Этот труд как бы венчает развитие историографии проблемы, обобщает ее достижения на современном этапе. В нем приводится много новых сведений о формах и методах руководства Коммунистической партией народным хозяйством СССР, деятельностью военных Советов фронтов и армий, о подборе и расстановке Центральным Комитетом партии руководящих хозяйственных и военно-политических работников. Особое внимание советская историография уделила идеоло-

⁸ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5 (Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938—1958), кн. 1 (1938—1945 гг.). М., 1970.

гической деятельности партии в годы войны, партийно-политической работе в Советских Вооруженных Силах⁹.

За последнее десятилетие вышло немало исторических исследований, в которых нашла отражение напряженная, многогранная деятельность Коммунистической партии по руководству борьбой советского народа и его вооруженными силами в годы Великой Отечественной войны¹⁰.

Оценивая литературу последнего десятилетия, нельзя не отметить ее широкую источниковую базу. Советскими историками глубоко разработан Центральный архив Советской Армии, фонды местных архивохранилищ партии и Советского государства. По общему объему введенного в оборот документального и архивного материала литература последнего десятилетия превосходит все предыдущие этапы.

В исторической литературе исследуемого десятилетия большое внимание уделяется исследованию предыстории всей Второй мировой войны, изучению причин ее возникновения, выяснению роли империалистических держав в ее развязывании. В центре внимания историков оказались проблемы, связанные с определением характера начавшейся войны. В советской историографии тщательно выяснен вопрос о том, кто породил фашистское чудовище, какие цели ставили политические деятели, поощряя и поддерживая фашистские режимы. Война, развязанная гитлеровской Германией, вспыхнула не по воле злого Провидения. И ее исход был определен не роковыми силами, как это, вопреки фактам, иногда утверждается в буржуазной исторической литературе. Ленин справедливо отмечал, что «было бы совершенно ошибочно забывать, что всякая война является только продолжением политики другими средствами», что «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»¹¹.

Германский фашизм, будучи порождением капитализма, его империалистической стадии, воплотился в наиболее жестоких формах. Человечеконенавистническая сущность этого строя, его политика, выразившая интересы монополистов и крупных землевла-

⁹ *Комков Г. Д.* Идеино-политическая работа КПСС в 1941—1945 гг. М., 1965; *Епишев А. А.* Некоторые вопросы идеологической работы в Советских Вооруженных Силах. М., 1975; *Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945.* М., 1968; *Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918—1973.* Исторический очерк. М., 1974.

¹⁰ Подробно литература о деятельности партии в годы войны рассмотрена в коллективной монографии «КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне». Историографический очерк М., 1973.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 134; т. 32, с. 79.

дельцев, характеризовались террором внутри своей страны и агрессивностью за ее пределами, стремлением к захвату чужих территорий, мировому господству, расизмом и ненавистью к другим народам.

Эта враждебная общественному прогрессу политика была нацелена прежде всего на уничтожение социализма. Продолжая свою оголтелую реакционную, агрессивную политику «другими средствами», германский фашизм развязал Вторую мировую войну. Политика империалистических государств, приведшая к новой мировой войне, всесторонне анализируется в коллективных трудах по всемирной истории и истории дипломатии Второй мировой войны¹². Среди работ, раскрывающих эти проблемы, в первую очередь следует отметить книгу П. А. Жилина «Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз» (М., 1974), в которой раскрыты основные направления подготовки гитлеровской Германии к агрессивной войне. На конкретных цифрах и фактах показана роль империалистических монополий в развязывании войны, в создании военной машины гитлеризма.

Важное значение в исследовании сущности фашизма как террористической диктатуры буржуазии, характера фашистских режимов Германии и Италии, их вооруженных сил, их внешней политики, направленной на подготовку и развязывание второй мировой войны, имеют монографии Л. И. Гинцберга, Д. М. Проэктора, Г. С. Филатова, В. Т. Фомина, посвященные истории возникновения и краха германского и итальянского фашизма¹³.

Вместе с тем, следует отметить, что последние годы ознаменовались также изданием ряда книг, в которых подробно рассматривалась политика Англии и Франции накануне Второй мировой войны, политика поощрения агрессии. Среди них монография И. Д. Овсяного «Тайна, в которой рождалась война. Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну» (М., 1971). В книге М. Панкрашовой и В. Сиполса¹⁴ дан глубокий анализ причин срыва реакционными кругами Англии и Франции летом 1939 г. переговоров в Москве о заключении военного договора против агрессоров. Большой интерес представляет последняя монография В. Сиполса¹⁵, которая опирается на многочисленные архивные материалы Советского Союза, а также ряда зарубежных стран, в том числе архива английского правительства. В этой

¹² Всемирная история, т. 10. М., 1965; История дипломатии, т. 3. М., 1965; т. 4. М., 1975; История Второй мировой войны. 1939—1945, тт. 1, 2.

¹³ Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963; Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972; Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972; Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.

¹⁴ Панкрашова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну? Московские переговоры СССР, Англии и Франции, 1939 г. М., 1970.

¹⁵ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974.

книге обстоятельно анализируется два политических курса: политический курс империалистических держав, который вдохновлял фашистских агрессоров, поощрял их безнаказанность, и курс Советского Союза, направленный на создание коллективной безопасности в Европе, на обуздание агрессора. Автору удалось убедительно, на конкретных фактах показать, что гитлеризм был направлен против социалистической революции в Европе, против Советского Союза, против освободительного движения народов всего мира.

Анализ причин возникновения Второй мировой войны имеет особенно важное значение, и советская историография сделала немалый вклад в глубокое и правильное освещение этой проблемы. Коммунистическая партия и Советское правительство, учитывая реально складывающуюся в мире обстановку, принимали необходимые меры к созданию прочных политических, экономических и военных основ обороноспособности страны. История со всей очевидностью свидетельствует, что Коммунистическая партия предвидела возможность новых империалистических войн и предупреждала об этой угрозе через свою печать и с трибуны партийных съездов. Опасность военных провокаций против СССР, угроза нового мирового пожара особенно усилились в конце 30-х годов, когда мировой экономический кризис вызвал резкое обострение противоречий империализма. Фашистские Германия и Италия, империалистическая Япония стали на путь военных захватов.

Вопросы социалистического строительства и укрепление обороноспособности решались Коммунистической партией и Советским правительством в неразрывном органическом единстве. Успехи, достигнутые в экономическом развитии, обусловили возможности технического перевооружения армии и флота в 1930—1938 гг. Особенно важным было создание новых образцов боевой техники, которые вполне соответствовали требованиям того времени.

В. И. Ленин в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» напомнил, что серьезно относиться к обороне страны, это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил¹⁶. И Советское правительство, учитывая соотношение сил, должно было принять самые чрезвычайные меры, чтобы в конце концов это соотношение смогло склониться в пользу Советской страны.

Оборонная промышленность Советского Союза в 1939—1941 гг. развивалась особенно быстрыми темпами. К моменту нападения фашистской Германии на СССР наша страна была одной из крупнейших индустриальных держав мира и располагала всем необходимым, чтобы выдержать и победоносно завершить тяжелейшую из всех войн, какие знало человечество.

¹⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 292.

Надвигавшаяся угроза войны вынуждала Коммунистическую партию и Советское государство принимать энергичные меры к повышению боевой мощи армии и флота. В сентябре 1939 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности, закрепивший переход армии к кадровой системе комплектования. Увеличились сроки военной службы. Численность вооруженных сил с 1939 г. возросла к началу войны более чем втрое. За два с половиной года было вновь сформировано 125 дивизий, реорганизована система противовоздушной обороны.

Все эти вопросы нашли глубокое освещение в таких трудах, как «История Коммунистической партии Советского Союза» (т. 5, кн. 1), III том «Истории Второй мировой войны». Впервые в этих изданиях были приведены извлеченные из советских архивов конкретные цифры и факты, убедительно, со всей наглядностью раскрывались темпы роста советской военной техники, повышение военной мощи Советской Армии и Флота. Важным вкладом в освещение этих проблем явилась коллективная монография «СССР в борьбе против фашистской агрессии» (М., 1976).

Другой круг вопросов, имеющий не меньшую остроту, это — история начального этапа войны. Этот период войны очень часто представлялся, как непрерывное отступление Советской Армии. В трудах М. В. Захарова, В. А. Анфилова, в томе 5 «Истории КПСС» и др. обстоятельно исследованы важнейшие сражения 1941 г.¹⁷ В этих книгах подробно описаны оборонительные сражения Советской Армии, показан тот урон, который нанесла Советская Армия гитлеровскому вермахту, рассказано, каким образом были сорваны планы гитлеровского командования. В этих книгах показаны и героические действия частей, подразделений, отдельных солдат и офицеров в трудные дни июля и августа 1941 г. Вместе с тем подробно рассказано и об успешных операциях, в частности, в книге Анфилова подробно описываются боевые действия на южном фланге советско-германского фронта в июне 1941 г., дан обстоятельный анализ Смоленского сражения, рассказано о Ельненской операции. Все эти труды дают основание по-новому оценить оборонительные сражения Советской Армии в 1941 г.

Важные сведения о боевых действиях Советских Вооруженных Сил в начале войны содержатся в воспоминаниях И. Х. Баграмяна, Н. Г. Кузнецова, В. Ф. Трибуца и других военачальников¹⁸.

¹⁷ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1965; *Анфилов В. А.* Бессмертный подвиг. М., 1971; *Он же.* Провал «блицкрига». М., 1974; *Сандалов Л. М.* На московском направлении. М., 1970; *Мурин Д. З.* Провал операции «Тайфун». М., 1972; *Журавлев Д. А.* Огненный щит Москвы. М., 1972.

¹⁸ *Баграмян И. Х.* Так начиналась война. М., 1971; *Кузнецов Н. Г.* На флотах боевая тревога. М., 1971; *Трибуц В. Ф.* Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1973.

Фактическая сторона истории Великой Отечественной войны изучена и описана с достаточной полнотой. Нам бы хотелось отметить труды, посвященные исследованию решающих битв и сражений Великой Отечественной войны¹⁹. Советская историография располагает фундаментальными исследованиями о битве под Москвой, об исторической Сталинградской битве, о танковом сражении на Курской дуге, о боях под Ленинградом, об освобождении Белоруссии и Донбасса, о битве за Кавказ, о крупнейших сражениях в Юго-Восточной Европе, в том числе о Яссо-Кишиневской и Белградской операциях, о боевых действиях в Карпатах²⁰, о Берлинской операции 1945 г.²¹ Все эти работы опираются как на архивные материалы, так и на воспоминания рядовых участников войны. Советские военные историки ведут активную работу по исследованию опыта ведения войны, по истории советской военной стратегии, стратегического руководства вооруженной борьбой в годы Великой Отечественной войны, руководящей деятельности Коммунистической партии в годы войны.

Большое значение имеют труды о боевых действиях видов и родов войск, соединений и отдельных частей Советской Армии. Мы располагаем монографиями о роли в разгроме врага в годы Великой Отечественной войны сухопутных войск — танкистов, артиллеристов, связистов, Военно-Воздушных Сил, военных моряков, особенно подводников.

Большое значение в изучении истории Великой Отечественной войны имеет военно-мемуарная литература. Особую ценность представляют воспоминания видных советских военачальников Г. К. Жукова, А. М. Василевского, И. Х. Баграмяна, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, К. С. Москаленко и др.²² В основу книг

¹⁹ Это направление в изучении истории Великой Отечественной войны представлено самой большой по объему литературой. Она обстоятельно проанализирована в книге «Очерки советской военной историографии» (М., 1974).

²⁰ *Барабашин И. П., Кузнецов А. И., Морозов В. П.* и другие. Битва за Ленинград. 1941—1944. М., 1964; *Морозов В. П.* Исторический подвиг Сталинграда. М., 1974; Битва за Сталинград. Волгоград. 1973; *Соловьев В. Г.* Вермахт на пути к гибели. М., 1973; *Колтунов Г. А., Соловьев В. Г.* Огненная дуга. М., 1973; Битва за Москву. М., 1975; Освобождение Белоруссии. 1944. М., 1974; В боях за Белоруссию. Минск, 1974; *Ершов А. Г.* Освобождение Донбасса. М., 1973; *Елисеев Е. П.* На Белостокском направлении. М., 1971; *Гречко А. А.* Через Карпаты. М., 1972; *Он же.* Битва за Кавказ. М., 1973; Будапешт — Вена — Прага. М., 1965; Белградская операция. М., 1964, и другие.

²¹ *Воробьев Ф. Д., Пароткин И. В., Шиманский А. Н.* Последний штурм (Берлинская операция 1945 г.). М., 1975.

²² *Баграмян И. Х.* Так начиналась война; *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., 1972; *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1972; *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. 1—2. М., 1974; *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1975; *Лелюшенко Д. Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М., 1975; *Москаленко К. С.* На Юго-Западном направлении, кн. 1—2. М., 1975; *Покрышкин А. И.* Небо войны. М., 1975; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны, кн. 1. Изд. 2-е. М., 1975;

положены факты, подтвержденные архивными документами, значительная часть которых еще не публиковалась. Мемуары видных советских полководцев помогают глубже раскрыть процесс принятия решения, показывают методы деятельности органов советского верховного командования, позволяют дать представление о глубине стратегического мышления. Для того чтобы представить себе объем и значение военно-мемуарной литературы в изучении Великой Отечественной войны, достаточно сказать, что с военными мемуарами выступили первый заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального Штаба и его руководящие работники в годы Великой Отечественной войны, почти все командующие фронтами, начальник тыла Советской Армии, командующий Военно-Воздушными Силами, командующие войсками связи, артиллерии, многие командующие армиями, командиры дивизий, полков, руководители советской военной промышленности, в том числе наркомы боеприпасов и авиационной промышленности. В этих трудах сосредоточен огромный фактический и аналитический материал.

Важным явлением в литературе о минувшей войне явилась серия книг, посвященная выдающимся советским военачальникам. Это книги о маршалах К. Е. Ворошилове, Л. А. Говорове, И. С. Коневе, Н. И. Крылове, К. К. Рокоссовском, С. М. Буденном и других ²³.

Значительные успехи советских историков направлены на исследование всенародной борьбы, развернувшейся в тылу врага (деятельность партизан, подпольных партийных, комсомольских, антифашистских организаций, борьба невооруженного населения, направленная на срыв экономических, политических, военных мероприятий захватчиков) ²⁴.

Партизанское движение сыграло важную роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков, оно явилось серьезным стратегическим фактором, оказавшим влияние на ход и исход войны. Ведущие проблемы истории советского партизанского движения

кн. 2. М., 1974; *Якубовский И. И.* Земля в огне. М., 1975; *Гречко А. А.* Годы войны. 1941—1943. М., 1976; *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 1976; *Катюков М. Е.* На острие главного удара. М., 1976, и другие.

²³ *Акишинский В. С.* Клемент Ефремович Ворошилов. М., 1974; *Бычевской Б. В.* Командующий фронтом. М., 1973; *Полевой Б.* Полководец. Биографическая повесть о И. С. Коневе. М., 1974; *Кондратович А. И.* Рубеж полковода. М., 1973; *Горбунов М. Н.* Солдат, полководец. М., 1973; *Кардашов В. И.* Рокоссовский. М., 1973; *Борзенко С. И., Денисов Н. И.* Самородок России (С. М. Буденный). М., 1970. *Кузнецов П. Г.* Генерал Черняховский. М., 1969, и другие.

²⁴ Историкографические работы по рассматриваемым проблемам сравнительно немногочисленны. В их числе наиболее значительны статьи А. М. Самсонова, А. А. Курносова, Т. А. Логуновой, В. Г. Адемина, А. Ф. Юденкова, С. В. Крыженко, Ю. П. Петрова (см.: *Азасский Н. Ф., Тюшкевич С. А.* Историография и некоторые вопросы методологии исследования темы. — В кн.: *Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941—1944.* М., 1976).

исследованы в коллективных монографиях «Война в тылу врага» (М., 1974), «Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941—1944» (М., 1976), в работе П. К. Пономаренко «Непокоренные» (М., 1975).

Большой интерес представляют работы, посвященные истории партизанского движения в Российской Федерации²⁵, в Белоруссии²⁶, на Украине²⁷, раскрывающие размах и силу всенародной борьбы в тылу врага, формы и методы руководства партизанским движением со стороны Верховного Советского командования, Центрального Комитета партии.

Советская историография пополнилась важными трудами, в которых глубоко раскрывается политическая работа партии среди населения временно оккупированных районов советской территории²⁸, организация партийного и комсомольского подполья²⁹. Среди исследований последнего десятилетия важны труды, раскрывающие провал гитлеровских планов использования экономики и природных ресурсов временно оккупированной территории нашей страны³⁰.

Исследование героического подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны представлено трудами различного характера. Большая литература посвящена подвигам городов-героев Одессы, Севастополя, Ленинграда, Москвы, Тулы, Новороссийска³¹. Огромное воспитательное значение имеет литература о боевых подвигах солдат и офицеров Советской Армии. Среди этих книг следует особо отметить издание о бессмертных подви-

²⁵ *Макаров Н. И.* Непокоренная земля Российская. М., 1976; *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1973; *Логунова Т. А.* Партийное подполье и партизанское движение в западных, центральных областях РСФСР (июль 1941—1943 гг.). М., 1973; Народная война в тылу врага. О партизанском движении в Калининской области. М., 1971; Уходили в поход партизаны. Смоленск, 1973; Шли на битву партизаны. Брянск, 1972.

²⁶ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь — июль 1944 г.), т. 1—3. Минск, 1973.

²⁷ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945, т. 1—3. Киев, 1975.

²⁸ *Юденков А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944 гг.). М., 1971.

²⁹ *Дзингарс Я.* Невидимый фронт (Очерки о подпольной антифашистской борьбе латышей в период Великой Отечественной войны). Рига, 1968; *Горобец Г. Г.* Партийное подполье на Украине (1941—1944 гг.). М., 1969; *Стельмах В. М.* По зову сердца, по долгу коммуниста. Из опыта деятельности партийного подполья на оккупированной территории западных областей РСФСР. 1941—1943. Тула, 1970, и другие.

³⁰ *Загорюлько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». М., 1974.

³¹ *Крылов Н. И.* Огненный бастион. М., 1973; *Дзенилжевич А. Р., Ковальчук В. М.* и другие. Непокоренный Ленинград. Л., 1974; Подвиг Новороссийска. Краснодар, 1974; *Ковальчук В. М.* Ленинград и Большая земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941—1943 гг. Л., 1975; Города-герои. М., 1975; На левом фланге. М., 1976, и другие.

гах Героев Советского Союза³². В каждом городе, крае, области, республике свято чтут память земляков, совершивших воинский подвиг на поле битвы. Нет такого областного, краевого, республиканского центра, где бы не издавались книги, брошюры о героях минувшей войны³³. В последние годы заметно усилился интерес к изучению патриотического движения советского народа в годы войны. Появились фундаментальные исследования по этой проблематике, среди них монографии А. М. Сеницына, А. Б. Колесника, Н. А. Кирсанова и других³⁴.

Советский народ под руководством Коммунистической партии в крайне тяжелых условиях войны, в небывало короткий срок смог наладить военное хозяйство, производство военной продукции в масштабах, необходимых для полного обеспечения Советских Вооруженных Сил. Перевод промышленности на военные рельсы занял несколько месяцев, перестройка всей экономики применительно к нуждам войны — меньше года.

Это был беспрецедентный в мировой истории подвиг народа. В его изучении большое значение имеют фундаментальные исследования, раскрывающие деятельность советского тыла, организацию промышленности, транспорта, сельскохозяйственного производства. Среди этих трудов следует назвать коллективную монографию «Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.» (М., 1970), издание трудов научной сессии «Советский тыл в Великой Отечественной войне» (кн. 1—2. М., 1974) и другие работы, раскрывающие всю сложность создания налаженного военного хозяйства в ходе развернувшейся войны³⁵.

В предвоенные годы и в годы войны Советский Союз создал такое оружие, превзойти которое не смогла промышленность, конструкторская и инженерная мысль капиталистических государств. Речь идет о реактивном оружии, об отдельных типах самолетов и танков. Вместе с качественным ростом вооружения были достигнуты и невиданные темпы его производства. В ходе войны была одержана не только военная, но и экономическая победа над фашистской Германией; Советский Союз значительно превзошел ее в производстве техники.

Советская историография уделяла большое внимание изучению

³² Люди бессмертного подвига (Очерки о дважды, трижды и четырежды Героях Советского Союза), кн. 1—2. М., 1973.

³³ Примером таких изданий может служить кн.: Герои огненных лет (Очерки о москвичах — Героях Советского Союза), кн. 1. М., 1975; кн. 2. М., 1976.

³⁴ Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту. М., 1975; Колесник А. Б. Народное ополчение городов-героев. М., 1974; Кирсанов Н. А. По зову Родины (Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны). М., 1974.

³⁵ Анализ освещения этих вопросов в советской исторической литературе дан в сборнике статей «Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны».

трудового подвига советского народа, в трудных условиях войны обеспечившего Советскую Армию всем необходимым для достижения победы.

В советской исторической науке сложилось важное направление, связанное с изучением истории рабочего класса и колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны. В трудах А. В. Аругюняна, А. В. Митрофановой, Г. Г. Морехиной, Г. А. Куманева, В. А. Ежова, Т. А. Докучаева и других³⁶, представляющих это направление, достаточно обстоятельно раскрывается трудовая деятельность советского рабочего класса и советского крестьянства в военные годы, организация социалистического соревнования, вклад рабочего класса и колхозного крестьянства в укрепление военной экономики страны, в восстановление народного хозяйства.

Вместе с тем в этих работах глубоко анализируются количественные и качественные изменения в составе рабочего класса и в целом по стране и по отдельным отраслям промышленности, культурно-технический уровень рабочих, их материально-бытовое положение.

Нужно отметить и ряд исследований, раскрывающих деятельность интеллигенции в годы войны. Среди них и специальные монографии и работы по истории советской культуры³⁷.

Важным вкладом в изучение проблем истории советского тыла явились многочисленные исследования о трудовом подвиге трудящихся отдельных областей, краев, республик в годы войны³⁸. Эти труды, охватывающие многие важные районы Советской стра-

³⁶ *Митрофанова А. В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. М., 1960; *Она же.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; *Ежов В. А.* Рабочие Ленинграда в борьбе за восстановление города (1944—1945 гг.). Л., 1961; *Морехина Г. Г.* Рабочий класс — фронт. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1962; *Куманев Г. А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1963.

³⁷ См.: *Веселов Г. П.* Советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны.— В кн.: Советская интеллигенция (История формирования и роста. 1917—1965). М., 1968; *Савельев В. М., Саввин В. П.* Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1974; *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М.—Л., 1966, *Максакова Л. В.* В рядах воюющего народа (Из истории советской культуры в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945). М., 1965; *Левшин Б. В.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1965; *Ладивир И. И.* Вклад ученых АН УССР в победу над фашистской Германией. Киев, 1970 (на укр. яз.).

³⁸ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Рига, 1970; Подвиг земли богатырской. Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1970; Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945, т. 1. Таллин, 1973; Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975; *Бабалашвили И. П.* Вклад Грузии в общее дело победы над фашизмом (1941—1945). Тбилиси, 1975; *Коваль М. В.* Общественно-поли-

ны, тем более интересны, что они по своему характеру являются комплексными работами. Будучи ограниченными определенной территорией, они в пределах ее границ рассматривают деятельность ведущих промышленных предприятий, колхозов, совхозов, показывают трудовой вклад в достижение победы представителей всех отрядов рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Много внимания уделяется в этих работах анализу участия трудящихся в патриотических движениях в годы войны.

Эти вопросы исследовались также в работах по истории отдельных регионов в Великой Отечественной войне³⁹. Вполне естественно, что во всех отмеченных выше трудах авторы не ограничиваются освещением только ратного подвига, но и в широком плане показывают усилия трудящихся отдельных республик, краев, областей в достижении победы над врагом. Публикация многочисленных сборников документов, раскрывающих вклад трудящихся отдельных республик и областей в достижение победы, позволяет надеяться на расширение исследовательской работы по этой проблематике.

Значительное место в трудах советских историков заняла тема борьбы братских славянских народов против гитлеровской агрессии. Этот вопрос исследовался в соответствующих томах фундаментальных изданий по истории Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, подготовленных коллективом ученых Института славяноведения Академии наук СССР. Эти же проблемы обстоятельно изучены в монографиях Л. Б. Валева, Р. Т. Абловой, В. Клокова и других⁴⁰.

В советской историографии глубоко изучаются проблемы истории движения Сопротивления народов Европы. В первую очередь следует назвать труды, в которых рассматривается участие советских людей в европейском Сопротивлении, в освободительной

тическая деятельность трудящихся Украинской ССР в период Великой Отечественной войны. Киев, 1977, и другие.

³⁹ *Джигишвили К. В.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Тбилиси, 1969; *Абазагов М. А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973; *Казахстан в Великой Отечественной войне.* Алма-Ата, 1974; *Кузнецов И. И.* Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Иркутск, 1974; *Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.*, т. I—III. Киев, 1975; *Мадагов Г. А.* Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку, 1975; *Советский Таджикистан в Отечественной войне.* Душанбе, 1975; *Сибирь в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — сентябрь 1945).* Новосибирск, 1976.

⁴⁰ *Клоков В.* Борьба славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961; *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период II мировой войны). М., 1964; *Аблова Р. Т.* Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941—1945). М., 1973; *Казак В. Н.* Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов Балканских стран. 1941—1945. М., 1975.

борьбе югославского народа, в движении Сопротивления во Франции. Вопросы антифашистского движения Сопротивления в Европе исследовались Г. С. Филатовым⁴¹. Это очень важная проблема, позволяющая со всей обстоятельностью раскрыть характер Второй мировой войны, дать всестороннюю оценку всех сил, которые принимали участие в борьбе с гитлеровской агрессией.

Еще Ф. Энгельс, исследовав одну из важнейших закономерностей войны в новых исторических условиях — решающее значение участия народных масс, подчеркивал, что «участие населения в войне, как в Европе, так и в Америке, стало не исключением, а правилом»⁴². Поддержка армии со стороны народа придает войне характер народной, неизмеримо усиливает армию. Ф. Энгельс писал: «Раз пробудился этот дух народного сопротивления, то даже армии в 200 000 человек не могут добиться многого в оккупации враждебной страны». И наоборот, разбитая армия может с успехом обороняться, «если только народ этой страны поднимет восстание» против оккупантов⁴³. Это предвидение Ф. Энгельса со всей силой, со всей глубиной нашло свое проявление в ходе Второй мировой войны и, в частности, в движении Сопротивления. Важно отметить, что во главе народного движения в Европе стояли коммунистические партии, которые в условиях подполья и партизанской войны превратили движение Сопротивления в кипящий вулкан антифашистской битвы.

Движение Сопротивления не ограничивало свою задачу только изгнанием оккупантов из пределов своей страны, оно также наметало вполне конкретную программу общественного обновления страны после окончания войны. Нельзя забывать, что коалиция народов стала воплощением великой стратегической цели, которую определили коммунистические партии на VII Конгрессе Коминтерна⁴⁴. Программа этого Конгресса — объединение народов для отпора и обуздания нацизма — нашла свое воплощение в ходе Второй мировой войны в Европе.

Советская историография располагает значительными трудами, раскрывающими помощь, которая была оказана Советской Армией народам Европы в завоевании своей независимости. Эти проблемы нашли отражение в трудах «Великий освободительный поход» (М., 1960), «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов» (М., 1960) и в работах о совместной борьбе Советских Вооруженных Сил и

⁴¹ Филатов Г. С. Указ. соч.; Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии 1943—1945. М., 1972; Семиряга М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970; Бродский Е. А. Во имя победы над фашизмом. М., 1970; Против общего врага. М., 1972; Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. М., 1973.

⁴² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 170.

⁴³ Там же, с. 188—189.

⁴⁴ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935.

народных армий стран Центральной и Юго-Восточной Европы против фашистской Германии. Среди изданий последних лет выделяются глубиной анализа коллективные монографии «Братство по оружию» (М., 1975), подготовленная историками СССР и ПНР, «На вечные времена» (М., Прага, 1975), подготовленная историками СССР и ЧССР, монография «Боевое содружество братских народов и армий» (М., 1975)⁴⁵.

Значение такого исторического события, как Вторая мировая война, оценивается не только по ее непосредственному результату, но и по тем последствиям, к каким она привела. Участие в войне Советского Союза, решающая роль пролетариата и коммунистических партий превратили эту войну в мировое демократическое, антифашистское, антиимпериалистическое движение. Вместо падения социалистического строя, вместо гибели завоевания Октября — гигантский прыжок вперед, к социализму. Победа над фашизмом оказала огромное политическое воздействие на народы всего мира. В Западной Европе, Франции, Италии, в странах Восточной Европы окрепли коммунистические партии, закаленные в многолетних антифашистских сражениях.

Война «явилась и тягчайшим испытанием и школой мужества. Она закончилась великой победой потому, что социализм обеспечил несокрушимое единство всего советского общества, мощь и невиданную мобильность его экономики, высокое развитие военной науки, воспитал замечательных воинов и военачальников»⁴⁶.

Разгром ударных сил мирового империализма — германского фашизма и японского милитаризма — явился мощным ускорителем революционного процесса, создал благоприятные условия для победы социалистических революций в ряде стран и образования мировой системы социализма, что, в свою очередь, расширило сферу влияния идей коммунизма. Возникли новые условия для решения очень важной проблемы современности — сохранения мира на земле.

⁴⁵ Якубовский И. И. Боевое содружество. М., 1971; Монин М. Е. Содружество, рожденное в боях. М., 1971; Ратников А. Н. В борьбе с фашизмом. М., 1974; Солдаты братских армий. М., 1971; Ангосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М., 1974, и другие.

⁴⁶ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970, с. 23.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КПСС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Обзор советской исторической литературы
за 1970—1975 гг.)

Г. А. Куманев, И. В. Ставицкий

В историографии Великой Отечественной войны¹ значительное место занимает литература о многогранной деятельности ленинской Коммунистической партии, которая возглавила борьбу советского народа против немецко-фашистских захватчиков и привела его к исторической победе. В этой литературе отражены политические, экономические и военные события 1941—1945 гг., вопросы партийного руководства внешнеполитической деятельностью Советского государства, а также проблемы развития самой партии в течение четырех военных лет.

Во время Великой Отечественной войны КПСС стала вновь, как и в период гражданской войны, сражающейся, воюющей партией. С особой силой проявилась ее руководящая и направляющая роль во всей жизни социалистического общества. В исключительно трудных условиях, отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», Коммунистическая партия «сумела мобилизовать советский народ на священную борьбу против фашистских захватчиков и, несмотря на временные неудачи в начальный период военных действий, добиться коренного перелома в ходе войны и обеспечить победоносное ее завершение... Своим личным примером, героизмом и мужеством коммунисты поднимали боевой дух масс, вели их на подвиги, вселяли твердую уверенность в полной победе над врагом. В годы войны неизмеримо возрос авторитет партии, еще теснее сплотились ее ряды, прочнее стало единство партии и народа»².

В течение трех послевоенных десятилетий в СССР была создана богатая и разнообразная литература, посвященная многогранной деятельности Коммунистической партии в различных сферах борьбы с гитлеровскими захватчиками. Уже к началу 1974 г. по этой тематике было опубликовано более 300 монографий, свыше 900 научных статей. Кроме того, о Великой Отечественной войне

¹ По данным Госкомиздата СССР и Всесоюзной книжной палаты, с 1945 по 1975 гг. в Советском Союзе было издано о Великой Отечественной войне одних только книг и брошюр более 15 тыс. названий общим тиражом свыше 600 млн. экземпляров («Вопросы истории», 1977, № 5, с. 9).

² Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1975, с. 5.

центральные и местные издательства выпустили в свет свыше 400 сборников документов и 500 с лишним книг мемуарного характера. Освещение роли КПСС как организатора победы советского народа над фашизмом нашло также отражение более чем в 60 очерках по истории республиканских, краевых и областных партийных организаций³.

Особенно увеличилось издание крупных трудов по истории партии военных лет в течение первой половины 70-х годов XX в. Так, если в 1965—1970 гг. в стране было опубликовано около 30 крупных исследований, посвященных деятельности КПСС во время минувшей войны, то в 1970—1975 гг.— более 100.

В целом ряде историографических очерков и обзорных статей, появившихся в 60 — начале 70-х годов, была охарактеризована общая литература по интересующей нас тематике, изданная в течение первых двух послевоенных десятилетий⁴.

³ КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (Историографический очерк). М., 1973, с. 6.

⁴ *Ставицкий И. В., Куманев Г. А.* Литература о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны (Краткий обзор).— «Вопросы истории КПСС», 1961, № 5; *Остапенко Ф. П., Кострица Н. Е.* О научной разработке истории КПСС периода Великой Отечественной войны.— В кн.: Вопросы истории КПСС периода Великой Отечественной войны (Материалы научной конференции, состоявшейся 28—30 сентября 1959 г. в Киевском университете). Киев, 1961; *Жилин П. А., Куманев Г. А., Ставицкий И. В.* Коммунистическая партия — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне.— В кн.: Очерки по историографии советского общества. М., 1965; *Васильев А. Ф.* Обеспечение партией экономических предпосылок для победы Советского Союза в Отечественной войне (К историографии вопроса).— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 7; *Гвоздев И. И. (Ставицкий И. В.)* В авангарде борющегося народа (Обзор литературы о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны 1941—1945).— «Вопросы истории КПСС», 1970, № 5; *Кукин Д. М.* Историческая наука о руководящей роли КПСС в годы Великой Отечественной войны.— «Вопросы истории КПСС», 1971, № 6; *Медведев М. Ф., Устинов В. М.* Партия во главе боевого и трудового содружества советских народов в годы Великой Отечественной войны (Обзор литературы, изданной в Казахстане и республиках Средней Азии).— «Вопросы истории КПСС», 1971, № 11; *Дербень Н. Е., Ткачев Ф. С.* Партия в период Великой Отечественной войны (Историография). Пенза, 1972; *Евланова М. Е.* Основные этапы развития исторической литературы о деятельности партии в годы Великой Отечественной войны.— В кн.: Партийное руководство социалистическим строительством. Челябинск, 1973; КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (Историографический очерк). М., 1973; *Лиломанов М. И., Шушкин Н. Н.* Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне периода Великой Отечественной войны (Историография проблемы).— В кн.: Вопросы истории КПСС. Сб. статей кафедр истории КПСС. «Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та», 1974, т. 20, вып. 3; *Либбергер А. Я.* Роль КПСС в создании народного ополчения в годы Великой Отечественной войны (Историографический обзор).— «Вопросы истории КПСС», 1974, № 10; Деятельность КПСС по руководству Вооруженными Силами в годы Великой Отечественной войны.— В кн.: Очерки советской военной историографии. М., 1974; Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны (Историографический очерк). Челябинск, 1975, и др.

Авторы настоящего обзора ставят перед собой задачу вкратце рассмотреть основные этапы развития историографии КПСС периода Великой Отечественной войны, обратив при этом особое внимание на оценку новейших работ, вышедших в свет в 1970—1975 гг.

Прежде всего следует отметить, что освещение вопроса о руководстве Коммунистической партией вооруженной борьбой советского народа в 1941—1945 гг. против фашистской агрессии началось уже в ходе самой войны. В опубликованных в то время небольших книгах, статьях и брошюрах (преимущественно популярного характера) раскрывались славные боевые традиции народов СССР, говорилось о великой организующей и вдохновляющей силе Коммунистической партии в войне⁵. В них обобщался опыт политической и агитационно-массовой работы партийных организаций в условиях военного времени, показывалась авангардная роль коммунистов и комсомольцев на фронте и в тылу, утверждались неизбежность и закономерность поражения агрессора.

Интересный материал, освещавший деятельность Коммунистической партии в Вооруженных Силах СССР, опыт работы военных советов, политических органов, партийных и комсомольских организаций среди советских воинов, публиковался в небольших сборниках под названием «Партийно-политическая работа в Красной Армии», которые были изданы только в 1941—1944 гг. четырьмя отдельными выпусками. Здесь печатались партийно-правительственные документы по вопросам политической работы в войсках, а также наиболее важные и значимые статьи крупных военачальников и политработников, ранее опубликованные в партийных и армейских газетах и журналах. Ценность материалов этих сборников состоит в том, что они позволяют изучить содержание, формы и методы партийно-политической работы в Советских Вооруженных Силах на различных этапах войны, наглядно показывают руководящую роль КПСС в военном строительстве в рассматриваемый период. Немало интересных материа-

⁵ *Суслов М. А.* Великая Отечественная война и задачи парторганизаций. Ворошиловск, 1941; *Калашиников К.* Политическая агитация в условиях Отечественной войны (Из опыта Московской городской партийной организации). М., 1941; *Кучкин А.* Казахстан в дни Великой Отечественной войны (О перестройке всей партийной и хозяйственной жизни Казахстана на военный лад). — «Исторический журнал», 1942, кн. 9; *Жаворонков В.* Тульская партийная организация в дни Отечественной войны. — «Партийное строительство», 1942, № 20; *Ярославский Е. М.* Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии. М., 1942; *Организаторская работа в тылу.* Сб. статей и материалов. М., 1943; *Капустин Я. Ф.* Первичные партийные организации ленинградских промышленных предприятий в годы войны. Л., 1943; *Антюфеев Л.* Рост Ленинградской партийной организации в дни Отечественной войны. — «Плановое хозяйство», 1944, № 3; *Кузнецов А. А.* Большевики Ленинграда на защите родного города. Л., 1945; *Чуянов А.* Большевики города-героя (Очерк о защитниках Сталинграда). Сталинград, 1945, и др.

лов о деятельности партии в Красной Армии в 1941—1945 гг. можно обнаружить и в специальных брошюрах, изданных в то время⁶.

Все эти научно-популярные публикации 1941—1945 гг., авторами которых выступали непосредственные свидетели и участники событий, играли большую роль. В них проагандировался опыт, накопленный партийными организациями на фронте и в тылу, разъяснялись первоочередные задачи, стоявшие перед коммунистами и беспартийными на том или ином этапе войны, освещались подвиги советских людей в борьбе с фашизмом и т. д.

Следует, однако, отметить, что деятельность партийных организаций рассматривалась в этих публикациях лишь в самых общих чертах, без всестороннего анализа фактов и событий. Многие сведения имели в той обстановке закрытый характер; узок был и круг источников, которыми пользовались исследователи. Требовалось известное время для создания необходимой документальной базы.

После победы над фашизмом перед советскими историками встала задача обстоятельного научного изучения богатейшего опыта и уроков Великой Отечественной войны, глубокого раскрытия различных сторон деятельности Коммунистической партии как организатора разгрома гитлеровского агрессора.

В первое послевоенное десятилетие (1945—1955 гг.) появилось несколько изданий, большей частью популярного характера, в которых нашла определенное отражение и интересующая нас тема. Таковы работы И. И. Минца, Л. М. Гатовского, А. Крутикова, И. В. Анисимова, Г. В. Кузьмина, Ф. Д. Воробьева, В. М. Кравцова, С. Голикова и др.⁷

На общем фоне изданной в эти годы литературы заметно выделяется книга одного из видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1947). Здесь впервые была дана обстоятельная характеристика состояния и развития основных отраслей экономики Советского госу-

⁶ Партийно-политическая работа в бою. Хабаровск, 1941; *Капитонов Н. Л.* Отечественная война и партийно-политическая работа в Красной Армии. Апхабад, 1942; Партийно-политическая работа в Новороссийской десантной операции (10—16 сентября 1943 г.). М., 1943; *Падорин Я.* Коммунисты на фронте. М., 1944; *Он же.* Коммунисты на фронтах Отечественной войны. М., 1945; *Березин И.* Партийная организация батальона. М., 1944; *Шарончиков И.* Ротная партийная организация. М., 1944; В помощь партийному работнику Красной Армии. М., 1945, и др.

⁷ *Минц И. И.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1946; *Гатовский Л.* Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М., 1946; *Крутиков А.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; *Анисимов И. В.* и *Кузьмин Г. В.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1952; *Воробьев Ф. Д.* и *Кравцов В. М.* Победа Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Краткий очерк). М., 1954, и др.

дарства в 1941—1945 гг. Автор показал усилия Коммунистической партии и Советского правительства по созданию в стране слаженного военного хозяйства. Труд Вознесенского содержал и ценный статистический материал о вкладе тружеников тыла в экономическую победу над врагом.

Об усилении внимания к разработке более широкого круга вопросов истории Коммунистической партии в период войны свидетельствует появление в течение 1947—1955 гг. книг, брошюр журнальных статей, специально посвященных историко-партийным проблемам военных лет. В частности, в Военно-политической академии им. В. И. Ленина были изданы работы Д. М. Кукина и А. П. Логинова⁸. Коллектив кафедры марксизма-ленинизма Военной академии им. М. В. Фрунзе выпустил учебное пособие «Коммунистическая партия Советского Союза в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)»⁹.

По сравнению с ранее опубликованной литературой, авторы уделили больше внимания рассмотрению некоторых важных историко-партийных проблем, таких как организаторская деятельность по превращению страны в единый боевой лагерь, идеологическая и массово-политическая работа коммунистов в тылу, на фронте и на временно оккупированной гитлеровцами территории, авангардная роль коммунистов на производстве и в действующей армии, рост партийных организаций и другие вопросы.

Из историко-партийной литературы обобщающего характера, вышедшей в свет в течение послевоенного десятилетия, следует также отметить брошюру Н. И. Шатагина. Автор на основе ряда ранее неизвестных документов, исторических событий и фактов попытался раскрыть основные направления партийно-политической работы в действующей армии и в тылу¹⁰.

Все стороны многогранной деятельности партии по руководству вооруженной борьбой советского народа в военные годы невозможно раскрыть без детального освещения истории местных партийных организаций. В этом отношении заслуживают внимания работы Г. Абишева, А. В. Шошенко, Х. Гулямова и Ж. Калымбетова, посвященные истории партийных организаций Казахстана и Узбекистана военных лет¹¹. Опираясь на материалы

⁸ *Кукин Д. М.* Партия большевиков — вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947; *Логинов А. П.* Партия большевиков в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.). М., 1951.

⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) (Учебное пособие). М., 1954.

¹⁰ *Шатагин Н. И.* Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1955.

¹¹ *Абишев Г.* Работа партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма у воинов-казахов в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Алма-Ата, 1950; *Шошенко А. В.* Борьба партии большевиков за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны (По материалам Казахской ССР). Алма-Ата, 1951; *Гулямов Х.* Коммунисты Узбе-

местных архивов и периодическую печать, авторы сумели показать организаторскую и идейно-воспитательную работу партийных организаций среди народов Средней Азии и Казахстана, ратные и трудовые подвиги местного многонационального населения, их преданность своей социалистической Родине. В указанных книгах освещается и внутрипартийная жизнь местных партийных организаций в условиях военного времени, раскрыто, в частности, значение регулярно проводившихся на местах пленумов руководящих партийных органов, собраний партийного актива, отчетов и выборов парторганов. Ценность этих изданий была бы больше, если бы авторы более глубоко увязывали работу местных партийных организаций с общепартийными мероприятиями, с решениями ЦК партии, которыми руководствовались в своей деятельности все местные партийные организации.

Определенным итогом разработки основных проблем истории Великой Отечественной войны за первое послевоенное десятилетие явились «Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941—1945», изданные Институтом истории АН СССР в 1955 г. В этой книге события военных лет, в том числе организаторская деятельность Коммунистической партии представлены шире, чем в ранее вышедших общих работах. Однако этот труд, созданный преимущественно на основе опубликованных материалов, еще не выходил за рамки научно-популярного освещения темы.

Таким образом, в течение первого послевоенного десятилетия советская историко-партийная литература сделала определенный шаг вперед в научном раскрытии некоторых актуальных вопросов истории КПСС периода минувшей войны. Был опубликован ряд документальных сборников, появились и первые труды по общим проблемам войны, где содержались и интересующие нас сведения. В то же время все еще узка была источниковая база, находившаяся в распоряжении исследователей. В значительной части исторических работ того времени нередко преобладал иллюстративный метод, имело место цитатничество, недостаточно раскрывались закономерности всемирно-исторической победы советского народа и его ленинской партии над фашизмом.

Новый этап в исследовании деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны начался с середины 50-х годов.

Заметно увеличилось число публикаций документов: уже в 1956—1959 гг. архивными учреждениями СССР были выпущены 102 сборника, во многих из которых содержались новые документы, относящиеся ко времени войны и первым годам послевоенного строительства. Возросло количество научных трудов о Великой Отечественной войне. Разнообразной стала тематика, повы-

кистана в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945 гг.). Ташкент, 1952; *Калымбетов Ж.* Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие промышленности (1941—1945 гг.). Ташкент, 1953.

сился научный уровень и удельный вес историко-партийных исследований в общей массе исторических работ, посвященных военному периоду. Если в 1946—1955 гг. было опубликовано более 50 различных работ о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны, то уже в течение пяти последующих лет свыше 160, т. е. количество изданий по историко-партийной тематике возросло более чем втрое ¹².

Большое значение имело Постановление ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. о подготовке многотомной истории Великой Отечественной войны. В Постановлении подчеркивалась необходимость глубокого освещения как в этом труде, так и во всех исторических исследованиях роли Коммунистической партии как вдохновителя и организатора победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками ¹³. Развернувшаяся широкая и исследовательская работа, результатом которой явилось создание шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945» ¹⁴, позволила обстоятельно осветить и деятельность Коммунистической партии по руководству вооруженной борьбой, работой тыла, по укреплению своих рядов. Издание в 1965 г. шестого, заключительного, тома этого фундаментального исследования, обобщившего результаты предыдущих томов, а затем однотомника ¹⁵ и других трудов по истории Великой Отечественной войны позволило создать необходимые предпосылки для повышения теоретического уровня историко-партийных работ и явилось важной вехой в историографии этой проблемы.

Первостепенное значение для дальнейшего подъема исследовательской работы по актуальным проблемам истории Великой Отечественной войны имели решения октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.), XXIII и XXIV съездов партии, Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (август 1967 г.). Центральный Комитет партии поставил задачу коренного улучшения всей исследовательской работы в области общественных наук. Руководствуясь этими решениями, советские историки создали новые исследования, написанные на высоком теоретическом уровне, на основе марксистско-ленинского анализа исторических событий и явлений. Значительная работа была проделана и в области дальнейшего изучения истории Великой Отечественной войны и деятельности КПСС в 1941—1945 гг.: опубликована серия новых монографий и статей, издан

¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 6. М., 1965, с. 406.

¹³ Вопросы идеологической работы. Сб. важнейших решений КПСС (1954—1961 годы). М., 1961, с. 111.

¹⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945, т. 1—6. М., 1960—1965.

¹⁵ Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. 1-е изд. М., 1965; 2-е изд. М., 1970.

ряд капитальных трудов, в которых в разных аспектах раскрывалась организаторская роль Коммунистической партии в достижении победы над фашизмом.

Проблема руководства партией подготовкой к отражению надвигающейся агрессии империализма и его ударной силы — германского фашизма — нашла широкое отражение в литературе последних лет. В изданных в первой половине 70-х годов коллективных трудах: «История Коммунистической партии Советского Союза» (т. 5, кн. 1), «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. X), в первых томах «Истории второй мировой войны 1939—1945» и в целом ряде других исследований¹⁶ были исправлены ошибки и неточности в освещении этого вопроса, имевшиеся в некоторых ранее вышедших работах. Как справедливо отмечал журнал «Коммунист», «в ряде работ советских историков односторонне освещались действия воинских частей и соединений Красной Армии в начале войны, которые стояли на смерти перед превосходящими во много раз силами противника и, несмотря на многие неудачи, сорвали гитлеровский план «молниеносной войны»¹⁷.

При освещении начального периода войны отдельные авторы делали упор на ошибки центральных органов (Ставки Верховного Главнокомандующего, Наркомата обороны СССР, отдельных советских государственных и военных руководителей). Вопреки ленинским принципам исторического исследования некоторые авторы в своих работах не раскрывали объективные причины трудностей начального периода войны. В научной печати уже подвергались критике работы тех историков, которые события начального периода преподносили односторонне, в искаженном свете¹⁸. Аргументированный, исчерпывающий ответ о причинах временных неудач Красной Армии в начальный период войны содержится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской Социалистической революции», в названных выше коллективных трудах и в других работах, опубликованных в последнее время.

В новых изданиях на основе привлечения обширного круга документальных материалов раскрывается значение для укрепления оборонной мощи страны политики Коммунистической партии и Советского правительства по осуществлению индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, мероприятий в области военно-патриотического воспитания широких трудящихся масс.

¹⁶ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. X. М., 1973; История Второй мировой войны 1939—1945, т. 1—5. М., 1974—1975, и др.

¹⁷ Голиков В., Мурашов С., Чхиквишвили И., Шатагин Н., Шаумян С. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС.— «Коммунист», 1969, № 3, с. 30.

¹⁸ Деборин Г. А., Тельпуховский Б. С. В идейном плену у фальсификаторов истории.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 9.

Значительным явлением рассматриваемой проблемы стало издание в 1973—1975 гг. пяти первых томов фундаментального труда, посвященного истории Второй мировой войны. Указанные тома, освещающие предвоенный период и от начала Второй мировой войны до контрнаступления советских войск под Сталинградом, являются наиболее содержательными исследованиями, где всесторонне раскрыты усилия советского народа, деятельность Коммунистической партии по подготовке Советского государства и его Вооруженных Сил к отражению империалистической агрессии. В ряде глав первых трех томов на новом документальном материале показана разработка партией и правительством принципов советского военного строительства в условиях победившего социализма, совершенствование военной организации, забота о развитии экономики, техники, советской военной науки.

Тяжелая обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте в начальный период войны, потребовала от Коммунистической партии и всего советского народа огромного напряжения, величайших жертв, чтобы спасти страну от порабощения, отстоять завоевания социализма. Требовались огромные усилия партии, чтобы организовать оборону, остановить врага и подготовить условия для его разгрома. И партия с честью справилась с этой сложнейшей задачей.

Красной нитью через 1—8 тома «Истории Второй мировой войны 1939—1945» (М., 1973—1977) проходит мысль, подкрепленная многочисленными фактами (в том числе и ранее неизвестными читателю) о решающем значении руководящей деятельности Коммунистической партии как по подготовке советского народа к защите социалистического Отечества, так и по мобилизации всех его материальных и духовных сил на отпор врагу.

С началом войны главным в деятельности партии стала военно-мобилизационная работа, всемерное укрепление и усиление действующей армии. В ряде исторических исследований и прежде всего в очерках по истории местных партийных организаций, в работах о деятельности этих организаций в годы войны показывается, как выполнялось на местах требование директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., заключавшееся в том, чтобы «организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым...»¹⁹

Во многих исторических трудах содержатся яркие характеристики самоотверженной работы партийных организаций в этот труднейший период войны. Так, в XVI главе «Очерков истории Московской организации КПСС» (М., 1966) говорится о том, что в течение первых месяцев войны столица и Подмоскowie послали на фронт 114 тыс. коммунистов и 300 тыс. комсомольцев,

¹⁹ Цит. по кн.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сб. документов. 1917—1958. М., 1958, с. 355.

здесь было сформировано 12 дивизий, десятки полков и батальонов народного ополчения. В первой половине октября 1941 г., когда враг находился в непосредственной близости от столицы, Москва дополнительно дала фронту почти 50-тысячную армию. А всего в военные годы, отмечается в «Очерках», в ряды Вооруженных Сил было призвано свыше 2 млн. жителей столицы и Подмосковья. Только из числа мобилизованных непосредственно в Московской области было сформировано и направлено в действующую армию 14 стрелковых дивизий, 154 маршевых батальонов, 140 эвакуационных госпиталей и санитарных поездов.

Все эти вопросы обстоятельно рассматриваются также в XIV главе недавно вышедшего нового издания учебника «История Коммунистической партии Советского Союза» (под редакцией академика Б. Н. Пономарева), в коллективном труде «Во главе защиты Советской Родины» и в книге Н. Д. Козлова и А. Д. Зайцева «Сражающаяся партия»²⁰. Умелое использование ленинского учения о защите социалистического Отечества, широкий круг документальных источников, творческое привлечение ранее изданных трудов позволили авторам убедительно показать неисчерпаемые военно-мобилизационные возможности Советского государства, которые Коммунистическая партия умело вводила в действие в интересах разгрома врага.

Важнейшим условием боевой мощи Красной Армии и Флота явилось возрастание партийного влияния на всех бойцов и командиров, перестройка партийно-политической работы в Вооруженных Силах применительно к требованиям войны. В имеющейся на сегодня уже довольно обширной литературе по этому вопросу²¹ раскрывается неутомимая работа военных советов, армейских и флотских политработников, партийных и комсомольских организаций по сплочению личного состава и мобилизации его усилий на выполнение боевых задач. По глубине анализа фактического материала, высокому уровню теоретических обобщений и выводов выделяется исследование «Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»²², подготовленное коллективом авторов под руководством К. В. Крайнюкова. Укрепление армейских и флотских партийных организаций, повседневная агитационная и пропагандистская работа среди воинов, деятельность комсомольских организаций, воспитание офицерского состава — таков круг основных проблем, рассматриваемых авторами.

²⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974; Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1975; *Козлов Н. Д., Зайцев А. Д.* Сражающаяся партия. М., 1975.

²¹ По различным аспектам данной тематики опубликовано уже более 150 работ и защищено свыше 100 кандидатских диссертаций.

²² Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. 1-е изд. М., 1963; 2-е изд. М., 1968.

Разнообразные обобщенные материалы, свидетельствующие о масштабах и действенности массово-политической работы в армии и во флоте, содержатся в специальных главах, посвященных периоду Великой Отечественной войны, монографиях «КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил» (1-е изд. М., 1965; 2-е изд. М., 1967) и двух книгах Ю. П. Петрова: «Партийное строительство в Советской Армии и Флоте» (М., 1964) и «Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций (1918—1968 гг.)» (М., 1968). Более подробно об этом говорится в монографии «Идеологическая работа КПСС на фронте» (М., 1960), где исследуются важнейшие направления и формы политического воспитания личного состава армии и флота. В ней обстоятельно освещены основные мероприятия по перестройке идеологической работы на военный лад, раскрыта деятельность армейских политорганов и партийных организаций в боевой обстановке, развитие военной прессы, работа писателей на фронте. На конкретных примерах и фактах авторы показали влияние политической работы на ход и исход тех или иных боевых операций и сражений.

В 60-е годы довольно широкое отражение в историко-партийной литературе получил вопрос о роли печати в проведении партийно-политической работы в действующей армии и в тылу врага²³. В кратком историческом очерке С. И. Жукова «Фронтальная печать в годы Великой Отечественной войны» на основании архивных источников была воспроизведена динамика роста военной печати: если в конце 1941 г. издавалось 465 военных газет, то в 1944 г. — 821, с общим разовым тиражом 3 млн. 195 тыс. экз. Автор показывает руководство военной печатью со стороны партийных органов, в том числе Главного Политического Управления РККА. Основное внимание в книге сосредоточено на анализе проблематики и жанров фронтальной печати, ее агитационной, пропагандистской и организаторской роли.

Сила печатного слова помогла и народным мстителям, громившим врага в его тылу. Об этом рассказывается в обобщающем исследовании И. Л. Демьянчука «Оружием слова» (Киев, 1966, на укр. яз.), опирающимся на богатую документальную базу, главным образом на архивные источники и материалы 358 газет, издававшихся на всей временно оккупированной совет-

²³ *Гулиев Г.* Фронтальные газеты. Баку, 1960 (на азерб. яз.); С пером и автоматом. Писатели и журналисты Ленинграда в годы блокады. Л., 1964; *Соболев Н. И.* Советская печать — мощное оружие партии по разоблачению фашистской пропаганды в годы Великой Отечественной войны. — Труды Московского ин-та народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, 1965, вып. 31; Пером и штыком. Очерки о фронтовиках-журналистах Узбекистана. Ташкент, 1965; Журналисты в шинелях (Очерки). Алма-Ата, 1968; С пером и штыком. Очерки о фронтовиках-журналистах Грузии. Тбилиси, 1968; *Жуков С. И.* Фронтальная печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1968, и др.

ской территории. Автор удачно исследовал формы и методы партийного руководства печатью подполья и партизан, показал роль печати в разоблачении злодеяний и преступлений оккупантов, а также борьбе с вражеской пропагандой, в освещении боевых действий партизан против гитлеровских войск.

За последние годы на новую ступень поднялось исследование проблемы руководства КПСС партизанским и подпольным движением в тылу врага. Уже к 1970 г. по этим вопросам было издано более 40 монографий, свыше 200 отдельных книг и сборников воспоминаний активных участников борьбы с гитлеровскими оккупантами²⁴. В них показывается всенародный характер этого движения, его масштабы и формы, партийное руководство им. Наиболее полно освещены действия партизан и подпольщиков РСФСР, Белоруссии, на севере Украины и в Ленинградской области.

В соответствующих разделах первой книги пятого тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», в работах И. С. Кравченко, А. И. Залесского, Л. Н. Бычкова, З. А. Богатыря, А. Ф. Юденкова, Ю. П. Петрова, Т. А. Логуновой, П. К. Пономаренко, Н. И. Макарова и других историко-партийных исследованиях²⁵ показаны мероприятия Коммунистической партии по созданию партийного подполья на оккупированной территории, его расширение и упрочение в ходе борьбы, идейно-политическая работа этих организаций в массах и рост партийных рядов, партийное руководство комсомольскими и антифашистскими организациями. Литература по этому вопросу воскрешает картину легендарного мужества советских людей, по зову ленинской партии взявшихся за оружие в тылу врага.

Значительное место в отечественной историографии по рассматриваемой нами теме занимают издания, посвященные идеологической и хозяйственно-организаторской работе Коммунистической партии в советском тылу. Только за последние 10 лет по этим вопросам вышло в свет около 400 различных публикаций.

²⁴ «Вопросы истории КПСС», 1970, № 5, с. 117.

²⁵ *Кравченко И. С.* Работа Компартии Белоруссии в тылу врага (1941—1944 гг.). Минск, 1959 (на белорус. яз.); *Бычков Л. Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1965; *Богатырь З. А.* Борьба в тылу врага. М., 1969; *Еремин В. Г., Юденков А. Ф.* Партийное руководство всенародной борьбой на оккупированной врагом советской территории (1941—1944 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1969, № 3; *Горобец Г. Т.* Партийное подполье на Украине (1941—1944 гг.). М., 1969; *Залесский А. И.* Героический подвиг миллионов в тылу врага. Минск, 1970; *Юденков А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941—1944 гг.). М., 1971; *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941—1944. Л., 1973; *Логунова Т. А.* Партийное подполье и партизанское движение в центральных областях РСФСР. Июль 1941—1943 гг. М., 1973; *Пономаренко П. К.* Непокоренные (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1975; *Макаров И. И.* Непокоренная земля Российская. М., 1976, и др.

Многогранная деятельность партии по созданию прочного тыла, по обеспечению экономической победы над врагом получила достойное отражение в соответствующих разделах названных выше обобщающих коллективных трудов, таких как: «История СССР с древнейших времен до наших дней» (т. X), «История второй мировой войны. 1939—1945» (т. 4—5); «Во главе защиты Советской Родины» и др. В этих изданиях показано, как усилиями советских людей под руководством партийных органов претворялось в жизнь требование известной директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.²⁶

Ценными выводами и богатством конкретно-исторического материала отличается историко-партийная литература последних лет, посвященная общим вопросам деятельности местных партийных организаций тыла, где ковалось оружие победы. Среди этих изданий в первую очередь следует назвать Очерки по истории республиканских²⁷ и областных²⁸ партийных организаций, а также монографии и очерки А. З. Безверхнего, Э. А. Войскобойникова и В. М. Яковлева, Г. Г. Мехтиева, Н. А. Мопкина, М. З. Данилюка, И. А. Зубкова, Л. Романова и др.²⁹

²⁶ См.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сб. документов, 1917—1958, с. 355.

²⁷ Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана. Баку, 1963; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1965; Очерки истории Коммунистической партии Армении. Ереван, 1967; Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душанбе, 1968; Очерки истории Коммунистической партии Грузии. 1883—1970. Тбилиси, 1974; Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1972; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974, и др.

²⁸ Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1966; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1968; Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1969; Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970; Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток, 1974; Очерки истории Башкирской организации, КПСС. Уфа, 1973; Очерки истории Горьковской организации КПСС, ч. 3. Горький, 1974; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974, и др.

²⁹ *Безверхний А. З.* В едином боевом лагере. Очерк о работе Оренбургской областной партийной организации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Челябинск, 1965; *Войскобойников Э. А. и Яковлев В. М.* Организаторская и идеологическая работа Коммунистической партии Узбекистана в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 гг.). Ташкент, 1966; *Мехтиев Г. Г.* Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны. Баку, 1967; *Мопкин Н. А.* Во имя победы. Коммунисты Удмуртии — организаторы трудового подъема в годы Великой Отечественной войны. 1-е изд. Ижевск, 1968; 2-е изд. Ижевск, 1975; *Данилюк М. З.* Вдохновенный труд во имя победы. Коммунистическая партия Украины — вдохновитель и организатор трудовых подвигов украинского народа в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1970 (на укр. яз.); *Зубков И. А.* Партийные организации Липецкого края в годы Великой Отечественной войны. Липецк, 1970; *Романов Л.* Мурманская областная партийная организация в период перестройки народного хозяйства в 1941—1945 гг. Мурманск, 1973, и др.

Важнейшей составной частью военно-хозяйственной программы Коммунистической партии по созданию прочного тыла, способного обеспечить экономическую победу над врагом, являлся ускоренный перевод промышленности и транспорта на военный лад, мобилизация усилий рабочего класса СССР на неуклонный выпуск продукции для фронта.

К середине 70-х годов в освещении вопросов партийного руководства работой промышленности, транспорта и борьбой рабочего класса за выполнение военно-хозяйственных планов были достигнуты заметные результаты. Вслед за первыми общеисторическими монографиями Е. Л. Грановского, В. М. Василенко, А. В. Митрофановой, Н. П. Липатова, В. А. Ежова, Г. Г. Морехиной и др. появились и первые исследования о промышленности и рабочем классе военных лет, написанные в историко-партийном плане как на общие, так и более локальные темы. Это прежде всего книги и статьи Ю. А. Васильева, Ж. Калымбетова, В. Ф. Лялеко, Ф. И. Коровина, М. И. Лихоманова, В. Г. Торопова, И. Ф. Плотникова, Н. П. Шуранова, П. Г. Агарышева, Р. П. Сосновской, К. Сапарбаева и др.³⁰ Хотя эти издания не равноценны по своему научному уровню, они содержат интересный конкретный материал о трудовом подвиге, который совершил в годы войны рабочий класс под руководством Коммунистической партии. В исключительно тяжелых условиях нехватки продовольствия и материальных лишений он дал Советским Вооруженным Силам огромное количество вооружения, боеприпасов,

³⁰ *Васильев Ю. А.* Сибирский арсенал (Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.). Свердловск, 1965; *Калымбетов Ж.* Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за развитие промышленности и транспорта в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1966; *Лялеко В. Ф.* Деятельность КПСС по руководству промышленностью в годы Великой Отечественной войны.— «Труды Московского ин-та инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии», 1969, вып. 56; *Коровин Ф. И.* Организаторская работа партии в области промышленности в первый период Великой Отечественной войны.— «Учен. зап. Московского гос. ин-та культуры», 1968, вып. 15; *Лихоманов М. И.* Организаторская работа партии в промышленности в период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). Л., 1969; *Торопов В. Г.* Коми партийная организация в борьбе за освоение и развитие Печорского угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 1969; *Плотников И. Ф.* Партийные организации Урала во главе борьбы инженерно-технической интеллигенции за оказание помощи фронту в годы Великой Отечественной войны.— В кн.: Из истории уральских партийных организаций, вып. 3. Свердловск, 1969; *Шуранов Н. П.* Партийные организации Кузбасса в борьбе за уголь в период Великой Отечественной войны. Кемерово, 1970; *Агарышев П. Г.* В забой, как в бой. Коммунисты Челябинского угольного бассейна в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1972; *Сосновская Р. П.* Героический труд во имя победы (КПСС — организатор трудового подвига рабочего класса в период коренного перелома в Великой Отечественной войне). Л., 1973; *Сапарбаев К.* Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за создание машиностроительной промышленности в республике в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1974, и др.

новой военной техники, позволивших сокрушить мощную гитлеровскую военную машину, одержать победу в войне.

Одной из актуальных тем при освещении хозяйственно-организаторской деятельности КПСС в тылу является исследование партийного руководства сельскохозяйственным производством, роли коммунистов, возглавивших борьбу колхозников и работников совхозов за хлеб, продовольствие и сырье³¹.

К сожалению, историко-партийная литература по этой тематике и сегодня не отличается богатством и разнообразием. Причем большая часть работ написана на локальные темы (преимущественно на материалах Сибири, Алтая и Казахстана) и лишь отдельные исследования носят обобщающий характер. В 1966 г. вышла в свет монография В. Т. Анискова, посвященная деятельности партийных организаций Сибири и Дальнего Востока по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны³². После крупного общеисторического исследования Ю. Н. Арутюняна о советском крестьянстве периода минувшей войны³³ книга Анискова, имеющая ярко выраженный историко-партийный аспект, — заметный вклад в историографию указанной темы. Опираясь на богатую и весьма разнообразную документальную базу, Анисков сумел обстоятельно раскрыть такие важные вопросы, как изменения в численности и составе крестьянства Сибири и Дальнего Востока, трудовой вклад труженников села восточных районов в достижение экономической победы над врагом, роль местных партийных организаций в руководстве сельским хозяйством.

В 1975 г. была издана новая книга Анискова «С полей колхозных на поля сражений. 1941—1945» (М., 1975), где рассматриваются вопросы организаторской деятельности парторганизаций в ярославской и костромской деревне во время войны. Исследуя

³¹ *Польская А. И.* КПСС — организатор самоотверженного труда женщин советской деревни в годы Великой Отечественной войны (На материалах РСФСР). — «Учен. зап. Астраханского гос. пед. ин-та», 1967, т. II, вып. 1 (Вопросы истории и философии); *Шушкин Н. Н.* Во имя победы (Организаторская работа партии в деревне в годы Великой Отечественной войны), кн. 1—2. Петрозаводск, 1970, 1974; *Самсонов В. Д.* Организаторская и политическая работа парторганизаций колхозов в годы Великой Отечественной войны. — В кн.: Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии, вып. 10. Фрунзе, 1973; *Анисков В. Т.* С полей колхозных на поля сражений (Партийно-организаторская деятельность в ярославской и костромской деревне в годы Великой Отечественной войны). Ярославль, 1975; *Лихоманов М. И.* Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). Л., 1975, и др.

³² *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. 1941—1945 гг. Деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул, 1966.

³³ *Арутюнян Ю. Н.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 1-е изд. М., 1963; 2-е изд. М., 1970.

данные о состоянии сельскохозяйственного производства в Ярославской области, автор хорошо показал авангардную роль коммунистов на селе, сумевших мобилизовать крестьянство на успешное выполнение сложных военно-хозяйственных задач. Колхозы Ярославской области даже в трудные 1941—1943 гг. добились значительного увеличения (по сравнению с довоенным уровнем) выхода сельскохозяйственной продукции, хотя, по справедливому замечанию автора, общей характерной тенденцией для сельского хозяйства СССР военных лет, в силу известных причин, было сокращение сельскохозяйственного производства.

В 1975 году историография рассматриваемой проблемы пополнилась и за счет небольшой монографии ленинградского историка М. И. Лихоманова «Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны. 1941—1942 гг.» (Л., 1975). На конкретно-историческом материале в книге освещаются основные направления деятельности сельских коммунистов по удовлетворению важнейших потребностей фронта и тыла в первый, наиболее тяжелый период войны. Объективно раскрыв сложное положение, в котором оказалось в те годы сельское хозяйство страны, автор вместе с тем нарисовал достаточно впечатляющую картину того, как самоотверженно трудились во главе с коммунистами женщины, старики и подростки, на плечи которых пришлось в военные годы основная тяжесть в проведении сельскохозяйственных работ.

В 1970 и 1974 гг. издательство «Карелия» опубликовало двумя частями книгу Н. Н. Шупкина «Во имя победы (Организаторская работа партии в деревне в годы Великой Отечественной войны)» (кн. 1—2. Петрозаводск, 1970—1971). На основе большого числа архивных источников, разнообразной литературы автор, по существу, первым в историографии КПСС периода Великой Отечественной войны попытался в монографическом плане всесторонне раскрыть в целом по стране роль Коммунистической партии по руководству сельскохозяйственным производством в 1941—1945 гг. По нашему мнению, этот свой замысел Шупкин сумел успешнее решить во второй части книги, где он уделил больше места освещению историко-партийных проблем. Здесь заслуживают внимания сведения об укреплении сельских партийных организаций, об основных направлениях агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работы в деревне, о партийном руководстве социалистическим соревнованием тружеников колхозов и совхозов и др.

Тема об организаторской деятельности ленинской партии, умело направлявшей в дни войны усилия советского крестьянства на обеспечение первоочередных потребностей фронта и военного хозяйства СССР, ждет дальнейших глубоких исследований.

В процессе превращения Советской страны в единый военный лагерь и создания прочного тыла, способного обеспечить разгром немецко-фашистских захватчиков, Коммунистическая партия уме-

ло использовала свое мощное духовное оружие — социалистическую идеологию, культуру и науку, служивших действенным средством мобилизации масс на борьбу с врагом. К сожалению, по этой проблематике историко-партийная литература все еще насчитывает небольшое число работ. Правда, с 1965 по 1975 г. появилось несколько интересных изданий. Таковы, например, соответствующие разделы в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» (т. 6) и в «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (т. 5, кн. 1), а также книги Г. Д. Комкова, Т. Н. Петровой, Е. В. Сафоновой, Н. И. Кондаковой, В. П. Киселева³⁴. На конкретном историческом материале в них раскрыта огромная роль социалистической идеологии в укреплении тыла и фронта, в разгроме врага. Авторы показали, что идейно-политическая работа в тылу, развертывание в стране научных исследований и деятельность различных культурно-просветительных учреждений постоянно находились в центре внимания Коммунистической партии, тесно увязывались с решением важнейших военно-хозяйственных задач.

Материалы об идеологической деятельности республиканских и областных партийных организаций в период войны, о состоянии и развитии науки и культуры в различных регионах страны содержатся в уже названных работах местных исследователей и в очерках по истории республиканских и областных организаций КПСС.

Несмотря на определенные достижения в освещении этих вопросов, перед историко-партийной наукой стоит еще немало нерешенных задач. К середине 70-х годов фактически только в книге Г. Д. Комкова «Идейно-политическая работа КПСС в 1941—1945 гг.» указанная тема исследуется в общесоюзном масштабе. Отмеченные нами другие книги раскрывают ряд ее составных частей на материалах только отдельных республик или регионов.

Мобилизуя массы на борьбу с врагом, Коммунистическая партия постоянно руководствовалась указанием В. И. Ленина о том,

³⁴ Торжество советской социалистической идеологии (гл. 4), Идеологическая работа партии (гл. 9, § 3) — в кн.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 6. М., 1965; Перестройка идейно-политической работы (гл. 6, § 2), Идеологическая работа партии (гл. 12). — В кн.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970; *Комков Г. Д.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941—1945 гг. М., 1965; *Петрова Т. Н.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Томск, 1968; *Сафонова Е. В.* Идейно-воспитательная работа Коммунистической партии среди трудящихся освобожденных районов Украины в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.). Киев, 1971 (на укр. яз.); *Кондакова Н. И.* Идейно-политическая работа Коммунистической партии в освобожденных районах РСФСР (1941—1945 гг.). Воронеж, 1971; *Киселев В. П.* Идеологическая работа партийных организаций среди тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны (На материалах областей и автономных республик Поволжья). Горький, 1975, и др.

что только «строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата» даст возможность «организаторскую роль пролетариата (а это его *главная* роль) проводить правильно, успешно, победоносно»³⁵.

Основные проблемы внутренней жизни партии в 1941—1945 гг., формы и методы ее работы в массах применительно к военным условиям, данные об изменении ее численного состава, о росте и укреплении партийных рядов и др. нашли отражение в IX главе шестого тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», в XV главе «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1974), в соответствующих разделах тома пятого книги первой многотомного издания «История Коммунистической партии Советского Союза», в § 6 главы XXII книги «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945», во II главе четвертого тома «Истории Второй мировой войны. 1939—1945» и в ряде других крупных изданий.

Помимо этого, ценные сведения по партийному строительству в годы войны имеются в упомянутых выше монографических историко-партийных работах местных исследователей и в очерках по истории республиканских и областных партийных организаций³⁶. Цифровые и фактические данные, содержащиеся во всех этих изданиях, дают достаточно ясное представление о развитии КПСС в условиях военного времени, о перераспределении партийных сил в интересах наиболее эффективного обеспечения потребностей фронта³⁷. Неуклонно обеспечивая проведение в жизнь своей политики, Коммунистическая партия, таким образом, сама являла собой образец слаженной работы и высокой организованности.

*

Итак, краткий историографический обзор литературы, посвященной деятельности КПСС в 1941—1945 гг., позволяет прийти к общему заключению, что советскими историками с марксистско-ленинских позиций уже исследованы многие составные части этой большой и важной научной проблемы. Опубликован обширный конкретно-исторический материал, сделаны глубокие выводы и обобщения, раскрывающие авангардную роль Коммунистиче-

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 27.

³⁶ Только за 1963—1968 гг. в автономных республиках, краях и областях РСФСР вышло в свет более 240 подобных изданий («Коммунист», 1968, № 10, с. 108).

³⁷ В ходе войны ЦК ВКП(б) систематически направлял и контролировал работу местных партийных организаций, в том числе по вопросам роста и укрепления партийных рядов. С 1942 г. и до конца 1945 г. Центральный Комитет заслушал 167 отчетов секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик по этому вопросу (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 6, с. 370).

ской партии по руководству вооруженной борьбой народов СССР против немецко-фашистских захватчиков, что явилось важнейшим фактором достижения победы над врагом. Наряду с этим в историографии КПСС периода Великой Отечественной войны все еще имеется немало недостаточно разработанных и даже почти не освещенных вопросов многогранной деятельности партии.

Одна из главных задач заключается в создании обобщающего научного исследования об организаторской, руководящей деятельности ленинской Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. Пока советская историко-партийная наука не располагает достаточно крупными трудами по таким составным частям этой темы, как: «Организаторская деятельность КПСС в Вооруженных Силах СССР в 1941—1945 гг.», «Роль партии в обеспечении решающих побед Советских Вооруженных Сил на фронтах Великой Отечественной войны», «Коммунистическая партия — организатор и руководитель всенародной борьбы в тылу врага», «Коммунистическая партия — организатор и руководитель военной экономики СССР», «Деятельность КПСС по перестройке народного хозяйства СССР на военный лад», «Роль КПСС в перебазировании производительных сил СССР на восток», «Партийное руководство восстановлением хозяйства освобожденных районов», «Внешнеполитическая деятельность Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны» и др.

Более глубокого исследования требуют вопросы деятельности КПСС по руководству промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и их важнейшими отраслями и видами. Многого предстоит сделать и для дальнейшего освещения важных вопросов развития Коммунистической партии и ее идеологической работы на фронте и в тылу во время войны. По существу только в последние годы начато освещение в научном плане ратного и трудового подвига, совершенного в 1941—1945 гг. боевым резервом и верным помощником партии — Ленинским комсомолом³⁸.

³⁸ Калинин В. Б. Советская молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Михайлов Н. Покой нам только снится. М., 1972; Тяжелынико Е. М. Ленинский комсомол — боевой помощник КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1973; Он же. Комсомол тыла — фронту. — В сб.: Советский тыл в Великой Отечественной войне. Общие проблемы, кн. 1. М., 1974; Ленинский комсомол — боевой помощник КПСС в годы Великой Отечественной войны (Материалы научной конференции). Тезисы выступлений. Секция вторая. М., 1974; Славный путь Ленинского комсомола, т. 2. М., 1974; Куманев Г. А. Трудовой подвиг комсомола в Великой Отечественной войне. М., 1975; Он же. В труде как в бою (Трудовой героизм комсомольцев и молодежи в годы Великой Отечественной войны). М., 1975; Калинин В. Б., Зверев В. А. Все для фронта, все для победы! М., 1975; Бугько В. М. Страницы подвига (Трудовой героизм комсомольцев и молодежи Москвы в годы Великой Отечественной войны). М., 1975; Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. М., 1975; Михайлов Н. А., Шмиглов В. Д. Партия сын боевой (ВЛКСМ — боевой помощ-

Таков, по нашему мнению, основной круг весьма важных и вместе с тем слабо раскрытых вопросов многогранной деятельности Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны. Глубокое и всестороннее исследование всей этой тематики послужит конкретным вкладом историков КПСС в выполнение задач, стоящих перед общественными науками сегодня, поможет усилению борьбы с буржуазными фальсификаторами истории, против современных идеологов антикоммунизма и антисоветизма.

ник и резерв КПСС в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов). М., 1975; *Исаков П. Ф.* Ты на подвиг зовешь, комсомольский билет! Боевые подвиги комсомольцев и молодежи армии и флота в годы Великой Отечественной войны. М., 1975; *Муриев Д. З.* Народные мстители. Комсомол и молодежь в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. М., 1975, и др.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ XIX В. В МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. Г. Вандалковская

История русского освободительного движения XIX в. является важным компонентом ленинской концепции освободительного движения.

Опыт революционной теории, организации и практики предшествующих поколений послужил В. И. Ленину основанием в осмыслении задач, стоящих перед борющимися пролетариатом. Революционные традиции русского освободительного движения входили составной частью в теорию и практику борьбы за революцию и социализм.

Острая идейная борьба, которая шла в конце XIX — начале XX в. по вопросам революционной теории между большевистской партией во главе с В. И. Лениным и мелкобуржуазными и буржуазными течениями и партиями, естественно, затрагивала и проблемы русского освободительного движения XIX в. Перед В. И. Лениным стояла задача «очистить» русское революционное движение от либерально-буржуазных и мелкобуржуазных, народнических трактовок, вскрыть классовые основы этого движения, показать его связь с борьбой трудящихся масс. Поэтому в работах В. И. Ленина 90-х годов XIX в. — начала 900-х годов, посвященных важнейшим вопросам революционной борьбы, поднимаются проблемы освободительного движения XIX в. и ставятся проблемы революционного «наследия».

Труды В. И. Ленина этого периода «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895 г.), «От какого наследства мы отказываемся?» (1898 г.), «Гонители земства и Аннибаллы либерализма» (1901 г.), «Что делать?» (1901—1902 гг.) и другие внесли существенный вклад в марксистское освещение русского освободительного движения в целом, в том числе и XIX в., заложили основы ленинской концепции освободительного движения. В этих работах поставлены важнейшие методологические вопросы — выявление классовых, социальных основ революционного движения, критериев в подходе к его оценке, факторов, определяющих субъективное и объективное толкование революционных деятелей, организаций, их программ и т. д., вопросы периодизации, особенности буржуазно-демократического или разночинского этапа, отношение отдельных периодов внутри отдельных этапов и т. д. Позднее эти проблемы получили свое дальнейшее развитие и завершение в статьях «Крестьянская реформа» и пролетарски-

крестьянская революция» (1911 г.), «Памяти Герцена» (1912 г.), «Роль сословий и классов в освободительном движении» (1913 г.), «Из прошлого рабочей печати в России» (1914 г.).

Написанные в полемике с либеральными народниками, эсемами и кадетами, эти статьи отражали острую идейную борьбу по проблемам революционного движения.

В ряду методологических проблем русского освободительного движения, которым В. И. Ленин придавал существенное значение, стоит и проблема периодизации, которая разрабатывалась им в органической связи с вопросами социальной сущности, классовых основ движения и тенденций его развития.

Ленинская периодизация, как известно, содержит три периода: дворянский (1825—1861 гг.), разночинский (1861—1895 гг.) и пролетарский (1895—1917 гг.). При выделении этих периодов В. И. Ленин исходил из классового состава участников революционной борьбы, так как в этом отражались объективные условия развития революционного движения. В. И. Ленин определил и грани внутренних этапов в намеченных им главных периодах движения: *дворянский период* — декабристы, 40—50-е годы XIX в.; *разночинский период* — революционно-демократическое движение 60-х годов, революционно-народническое движение 70-х годов и либерально-народническое движение 80—90-х годов. Последний период являлся также и временем распространения в России марксизма как самостоятельного течения общественной мысли. В. И. Ленин дал глубокий анализ каждого из этих этапов¹.

В советской исторической литературе уделено значительное внимание изучению ленинской концепции освободительного движения в целом, а также XIX в. и проблемам его периодизации².

¹ См. Ковальченко И. Д. В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России.— «Вопросы истории», 1960, № 4.

² Нечкина М. В. В. И. Ленин — историк революционного движения в России.— «Вопросы истории», 1965, № 10; Она же. В. И. Ленин — историк революционного движения в России.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; Ковальченко И. Д. Указ. соч.; Она же. В. И. Ленин о формировании классов и идейно-политической борьбе в пореформенной России.— В кн.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Смирнов А. Ф. К вопросу о ленинской концепции освободительного движения в России.— «История СССР», 1970, № 2; Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения.— «История СССР», 1966, № 4; Волк С. С. Ленин и русская общественно-политическая мысль на дворянском этапе освободительного движения.— В кн.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969; Левин Ш. М. В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль 60-х годов.— В кн.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969; Она же. В. И. Ленин и проблема революционного народничества 70-х годов.— Там же; Ионова Г. И. Ленинская периодизация революционного движения в России.— «Преподавание истории в школе», 1969, № 4; Зевин В. Я. Ленин о Чернышевском.— «Литературное наследство», т. 67, 1959; Володин А. И. Юбилей Герцена 1912 г. и статья Ленина «Памяти Герцена».— «Исторические записки», 1960, т. 67.

Содержащая принцип классового подхода и органически связанная с толкованием самого движения, ленинская периодизация, как уже отмечалось, была направлена против его извращений со стороны буржуазной, кадетской и мелкобуржуазной, либерально-народнической, эсеровской и меньшевистской историографии³.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть периодизацию русского освободительного движения XIX в. в мелкобуржуазной эсеровской, неонароднической и меньшевистской историографии. Изучение этой проблемы будет способствовать раскрытию той общественно-политической и идейной атмосферы, в которой создавались ленинские труды. Важное значение разработки этой темы определяется и тем, что современная зарубежная, враждебная марксизму историография при рассмотрении проблем русского освободительного движения часто использует аргументацию эсеровской и меньшевистской литературы в качестве доказательства ее прогрессивности и революционности. Тем более необходимо изучить существенные и специфические черты этой историографии в трактовке одного из важнейших вопросов русского освободительного движения — его периодизации.

К изучению нами привлечены труды исследователей, внесших определенный вклад в разработку проблем русского освободительного движения, концепции которых являются типичными для рассматриваемых историографических направлений. К числу этих исследователей следует отнести Л. Э. Шипко, Р. В. Иванова-Разумника и в известной степени — В. Я. Богучарского, как представителей эсеровской историографии. Каждого из них отличала своя концепция, свой исследовательский почерк и одновременно роднили как общие исходные положения, так и грани намеченной в их трудах периодизации.

Периодизация русского освободительного движения в меньшевистской историографии рассматривается на примере трудов Г. В. Плеханова, отразивших типичные черты меньшевистской концепции.

В статьях «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?» (1902 г.), «Революционный авантюризм» (1902 г.), «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами» (1902 г.) и других Ленин вскрыл истинную сущность эсеровской концепции исторического процесса. Он показал, что «социал-революционаризм есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну»⁴. В. И. Ленин отмечал,

³ О периодизации русского освободительного движения XIX в. в либерально-буржуазной, кадетской историографии см. в кн.: История и историки. 1974. М., 1976, с. 89—104.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 374.

что эсеры воскресили обветшалые народнические догмы: теорию «героев» и «толпы», теорию об исключительной роли интеллигенции, идеализацию крестьянской общины, признание социалистической природы крестьянства и отрицание дифференциации в нем. «Повторяя ошибку «Народной воли» и всего старого русского социализма вообще,— писал В. И. Ленин,— социалисты-революционеры не видят полной дряблости и внутренней противоречивости этого направления и ограничивают свое самостоятельное творчество в области русской революционной мысли простой приставкой революционной фразы к ветхому завету либерально-народнической мудрости»⁵.

Разумеется, что толкование русского освободительного движения в целом, его периодов, отдельных направлений, организаций, деятелей со стороны историков, принадлежавших или примыкавших к эсеровской партии (Л. Э. Шишко, Р. В. Иванов-Разумник), определялось их общетеоретическими взглядами. Прежде чем перейти к периодизации освободительного движения в трудах этих историков, обратим внимание на их общие концепционные положения.

Труды Л. Э. Шишко, как историка русского освободительного движения, не привлекали еще внимания исследователей. Он известен главным образом как автор популярных трудов по русской истории⁶. Между тем в его многочисленных работах по истории русского освободительного движения отчетливо прослеживается общая концепция и периодизация⁷. Характерно, что в замысел своих работ сам Шишко вкладывал мысль ознакомить читателя с «идейными предшественниками» «русской революции» (разумеется, мыслимой им с позиции представителя своей политической партии). В противовес марксизму, в основе исторического

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 372.

⁶ Шишко Л. Э. Рассказы из русской истории. СПб., 1906; он же. Популярная история России. СПб., 1906.

⁷ В[агин] П. (Шишко Л. Э.). Несколько замечаний об «Очерках по истории русской культуры» г. Милюкова.— «Русское богатство», 1898, № 3; Шишко Л. Э. Задачи понимания истории.— Там же, № 10; он же. К вопросу о понимании истории.— «Русское богатство», 1899, № 2, 3; Он же. Эскурсия в «малоисследованную и таинственную» область.— Там же, № 9 (12); Он же. По поводу сорокалетней годовщины освобождения крестьян.— «Вестник русской революции» (Женева — Париж), 1901, № 1; Он же. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении (Из заметок и воспоминаний старого народника)— «Вестник русской революции», 1902, № 2; Он же. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев.— «Вестник русской революции», 1903, № 3; Он же. К характеристике движения начала 70-х годов (Из личных воспоминаний).— «Русское богатство», 1906, № 10; Он же. Прошлое и настоящее.— «Народная жизнь», 1906, № 4, Он же. Роль интеллигенции в освободительном движении.— В кн.: «Вехи как знамение времени». М., 1910; Шишко Л. Э. Собрание сочинений, т. IV. Пг., 1918; Тун А. История революционного движения в России. Под ред. и с примеч. Л. Э. Шишко. СПб., 1906; Шишко Л. Э. Общественное движение шестидесятых и первой половины семидесятых годов. М., 1920.

процесса Шишко признавал два начала: экономическое развитие и «революционную эмоциональную энергию». При этом определяющим фактором, с его точки зрения, являлось не развитие производительных сил, а субъективный момент в виде преемственной «эмоциональной революционной энергии» — революционной мысли и революционного чувства. Первенствующую роль в их воспитании, по Шишко, играли не общественная среда и социальные условия, а влияние внешних обстоятельств, в данном случае — учения западноевропейских мыслителей. Цель общественного развития Шишко, как и его единомышленники, видел в построении аграрного крестьянского социализма. Типичным для эсеровской историографии являлось также понимание им социальных сил движения: в представлении Шишко, это «трудовой народ», «трудящееся население», которое рассматривалось вне классовых различий. Крестьянство мыслилось как стабильная однозначная категория, социальная сущность и эволюция которого не принимались во внимание.

Освободительное движение, как утверждал Шишко, всегда носило социалистический и демократический характер, при этом не ставился вопрос о реальном и объективном содержании и соотношении этих понятий. В итоге социализм и демократизм становились равнозначными и абстрактными категориями. Эти основные исходные позиции были изложены в указанных работах Шишко, особенно в его программных статьях, опубликованных в «Вестнике русской революции» — органе эсеровской партии. Характерно, что, критикуя эсеровскую концепцию, В. И. Ленин неоднократно ссылался на «Вестник русской революции», в частности на второй его номер⁸, в котором была опубликована и статья Шишко под названием «К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении»⁹.

В работах В. И. Ленина нет прямых ссылок на Шишко и его труды. Однако очевидно, что критика общих концепционных положений эсеров о том, что «понятие классовой борьбы они стараются заменить «понятием всех трудящихся и эксплуатируемых», что против учения Маркса о единственно революционном классе эсеры выдвигали триаду — «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», а также мысль В. И. Ленина о том, что эсеры обвиняют социал-демократов в «экономизме»¹⁰, — все эти положения В. И. Ленина относятся и к статьям Шишко, опубликованным в «Вестнике русской революции»¹¹.

Значительное место в неонародническом направлении занимал Р. В. Иванов-Разумник, первое издание его обобщающего труда

⁸ См.: Ленин В. И. Собр. соч., т. 6, с. 256, 372, 388.

⁹ «Вестник русской революции» (Женева — Париж), 1902, № 2.

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 6, с. 256, 293, 389.

¹¹ «Вестник русской революции». Женева — Париж, 1901, № 1; 1902, № 2; 1903, № 3.

вышло в 1907 г.¹² Его концепция освободительного движения основана на идеалистической философии имманентного субъективизма. История русской общественной мысли рассматривается им как история русской интеллигенции (в том числе и история русской литературы), которая, по его представлениям, покрывает понятие «освободительное движение». Процесс развития русской общественной мысли, по Иванову-Разумнику, проходит в борьбе интеллигенции с мещанством. Интеллигенцию Иванов-Разумник определяет как «этически» антимещанскую, «социологически» внесловную, внеклассовую преемственную группу, характеризующую творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь¹³. Под «мещанством» Иванов-Разумник понимал ту среду, с которой борется интеллигенция. Борьба этих внесловных, внеклассовых групп во имя «примата личности» над «приматом общества» и составляет содержание русской общественной мысли. «Примат личности» или «индивидуализм», ставящий человеческую личность «как самоцель» (в противовес «общественности»), составлял, по Иванову-Разумнику, основу «истинной» теории прогресса. Изучение «индивидуализма» — это та «ариаднина нить», следуя которой, можно познавать историю русской интеллигенции. Таковы основы, с позиций которых Иванов-Разумник рассматривал русское освободительное движение.

Очевидно, что в глазах Иванова-Разумника оно мыслилось как умственное течение, как развитие идей в отрыве от практически-политической деятельности. Все освободительное движение оценивалось с точки зрения наличия в нем народнических черт, толкуемых с позиций либерального народника. По его мнению, «социал-народничество и социал-революционерство конца XIX и начала XX века воскресило собою лучшие заветы критического народничества»¹⁴. Под последним Иванов-Разумник понимал народничество Н. М. Михайловского. А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. М. Михайловский и «русский социализм» эсеров — таковы наиболее крупные вехи освободительного движения по Иванову-Разумнику.

Особую позицию среди историков этого направления занимал В. Я. Богучарский, автор многих фундаментальных исследований¹⁵. Его книги внесли существенный вклад в изучение русского освободительного движения. Концепция Богучарского (в прошлом народовольца, затем «легального марксиста», которого В. И. Ленин называл либералом, «рenegатом социал-демокра-

¹² *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. М., 1907.

¹³ Там же, с. 1—22.

¹⁴ Там же, с. 119.

¹⁵ *Богучарский В. Я.* Три западника сороковых годов (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский и А. И. Герцен). СПб., 1901; *Он же.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912; *Он же.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1912; *Он же.* Из прошлого русского общества. СПб., 1904; *Он же.* Александр Иванович Герцен. СПб., 1912,

тии»¹⁶) особенно отчетливо обнаруживала связь либерально-националистической и либерально-буржуазной историографии.

Русское освободительное движение рассматривалось им как проявление настроения интеллигенции, причину развития и распространения которого он видел в репрессивных действиях царского правительства. Особенности той или иной революционной организации или общественно-политического течения Богучарский объяснял не социальными и классовыми причинами, а субъективным фактором — психической структурой, «революционными импульсами» и т. д. С его точки зрения, представители русского освободительного движения от В. Г. Белинского до Н. К. Михайловского являлись выразителями интересов всего «трудящегося населения». Жизнеспособность и перспективность освободительных идей 60-х и 70-х годов XIX в. он усматривал в их «моральной ценности» и в тех чертах либерализма, которые дали основу конституционным идеям начала XX в.

Перейдем к рассмотрению собственно периодизации в трудах Шишко, Иванова-Разумника и Богучарского.

Основы освободительных тенденций эти историки находили в произведениях Н. Н. Новикова и А. Н. Радищева. Историческое значение Радищева и его «Путешествия из Петербурга в Москву» Шишко видел в пробуждении «ненависти к крепостному праву», в «создании антикрепостнического настроения»¹⁷. Иванов-Разумник называл Радищева «революционером», но понимал революционность как абстрактную идеалистическую категорию. По его представлениям, в XVIII в. были заложены начала крайних течений: «индивидуализма» и «общественности» (включавшей в себя и революционность), в основе которых лежали якобы противоположные понятия «человек-личность» и «человек-гражданин». Синтезом этих понятий, по Иванову-Разумнику, в сфере разума и занималась история всей общественной мысли XIX в.

Идейными преемниками Радищева как Шишко, так и Иванов-Разумник и Богучарский считали декабристов. Главной причиной возникновения декабристских обществ Шишко считал (недооценивая их обусловленности российской действительностью) влияние западноевропейских «умственных» и политических идей. По его представлениям, это движение «носило не столько сословный и классовый, сколько чисто идейный характер» и окрашивалось будто бы «бескорыстными» и «абстрактными» общечеловеческими стремлениями. Именно с этих позиций он отмечал у декабристов защиту интересов народа, внимание к аграрному вопросу, видел в них носителей социалистических идеалов. Одновременно П. И. Пестель и К. Ф. Рылеев выступали, по Шишко, продолжателями деятельности Верховного тайного совета при Анне

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 299; т. 25, с. 170, 324, 445.

¹⁷ Шишко Л. Э. Рассказы из русской истории. Ростов-на-Дону [б/д], с. 74—78.

Ивановне и рассматривались лишь как сторонники ограничения самодержавной власти в форме Земского собора¹⁸.

Иванов-Разумник политические программы декабристских обществ рассматривал с типично народнических позиций разграничения в них социальных и политических задач. В «декабризме» он намечал три течения, связывая их с именами Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева и П. И. Пестеля. Первое из них будто бы ограничивало свою программу проведением политической реформы, второе — социальной и, наконец, третье (Пестель) — определяло необходимость подведения социального фундамента под политические реформы и как бы синтезировало социальную и политическую стороны¹⁹. Характерно, что эти три течения, по Иванову-Разумнику, определяли собой последующее развитие общественно-политической мысли в России. Так, Муравьев с его якобы «приматом политического над социальным» являлся предтечей народолюбия; Тургенев — «отдаленный предшественник» народничества 70-х годов и одновременно политического либерализма середины XIX в.; Пестель — «первый представитель зарождающейся социалистической русской мысли», предшественник Н. Г. Чернышевского, один из основателей теории «аграрного социализма», сторонник частичной «социализации» земли. В этом проявлялся антиисторизм, непонимание социальных и классовых основ освободительного движения²⁰.

Богучарский называл декабристов «первыми провозвестниками свободы», но считал их не столько политическими борцами, сколько носителями субъективно-нравственной этической точки зрения. По его представлениям, декабристы объявили войну действительности во имя абстрактных идеалов, не сообразованных с исторической обстановкой. Их проекты преобразований хотя и оценивались Богучарскими как «смелые программы», но были обусловлены якобы «революционными импульсами», зависимыми от разной психической структуры участников декабристских обществ²¹.

Хотя оценки декабристов не однозначны и несут на себе печать индивидуальных особенностей историков, вместе с тем здесь отчетливо видны и существенные черты, присущие народнической историографии: внеклассовый подход, преувеличение значения субъективных факторов, стремление видеть социализм (и даже социализацию земли) в программах этих, якобы «своих», идейных предшественников.

Следующим преемственным этапом в представлениях этих историков являлись 30—50-е годы XIX в. В характеристике этого

¹⁸ Тун А. Указ. соч., с. 18, 21, 22.

¹⁹ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли, т. I. СПб., 1908, с. 92—131.

²⁰ Там же, с. 92—131.

²¹ Богучарский В. Я. Из прошлого русского общества; Общественное движение в России в первую половину XIX в. Составитель В. Я. Богучарский., т. I. СПб., 1905.

периода делались различные акценты, различным было и представление о значимости тех или иных общественных деятелей или течений, однако все они оценивались с позиций того, что они внесли в народническую идеологию.

В этой связи особое внимание уделялось Чаадаеву, западничеству и славянофильству. Так, Богучарский утверждал, что Чаадаев дал «первый толчок» народничеству, восприняв якобы народнические идеи от Хомякова, основоположника славянофильства. Славянофильство, по его мнению, являлось основой, на которой развилось «самое перспективное течение общественной мысли» — народничество²².

По представлениям Иванова-Разумника, Чаадаев воплощал в себе западнические и славянофильские черты. Его философия истории служила предтечей как философии истории Герцена, так и теории критических личностей Лаврова²³. Славянофильство и западничество, по Иванову-Разумнику, синтезировались в народничестве особенно отчетливо в лице Герцена²⁴.

Представление о западничестве и славянофильстве как об идейных корнях народничества имело в историографии своих предшественников. Так, например, А. Н. Пыпин, известный историк русской литературы и общественной мысли, считал славянофильство идейным основанием народничества²⁵. В 1894 г. с подобной позицией выступил П. Б. Струве. Он писал о наличии в народничестве славянофильской и западнической групп, приходя в конечном счете к выводу об «исторической связи» между славянофильством и народничеством. Спор марксистов с народниками он также считал продолжением разногласий западничества со славянофильством²⁶.

В. И. Ленин выступил с резкой критикой Струве, показав, что вопрос о соотношении славянофильства и народничества должен решаться с позиций анализа самой «сущности народничества», которая лежит в «представительстве интересов и идей русского мелкого производителя». «С такими категориями, как славянофильство и западничество», — считал В. И. Ленин, невозможно было разобраться в истории русского народничества, так как оно являлось отражением противоречий труда и капитала, в то время как эти противоречия отсутствовали в эпоху, когда складывались славянофильство и западничество²⁷.

²² Богучарский В. Я. Из прошлого русского общества, с. 212; он же. Активное народничество семидесятых годов, с. 6.

²³ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли, т. I. с. 290—330.

²⁴ Там же, с. 368.

²⁵ Пыпин А. Н. Народничество.— «Вестник Европы», 1884, кн. 1, с. 164—165; кн. 2, с. 709.

²⁶ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. 1. СПб., 1894, с. 2, 18, 29.

²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 422.

Очевидно, что различное толкование в исторической науке соотношения западничества, славянофильства и народничества отражало факт идейных разногласий либерально-народнической и марксистской историографии.

В характеристике эпохи 30—50-х годов XIX в. либерально-народнические историки не обходили вниманием Белинского и петрашевцев, трактуя их также как своих идейных предшественников в противоречии с их истинными взглядами.

Богучарский отводил Белинскому «великое» место среди вождей земли русской, ее «трудящегося населения»²⁸, видя в последнем как бы слицетворение бесклассовой массы этого времени. Иванов-Разумник считал Белинского одним из основоположников своего «социологического индивидуализма». В обращении Белинского к социализму он усматривал стремление решить прежде всего социальные и этические вопросы. Единственно возможный путь дальнейшей эволюции Белинского Иванов-Разумник видел в народничестве²⁹. О петрашевцах, связывая их генетически с декабристами и шестидесятниками, писал Л. Шишко. С его точки зрения, петрашевцы не имели определенной программы, в их движении лишь намечались элементы возможной революционной организации; они занимались пропагандой социалистических идей, заимствованных ими якобы только из западных арсеналов, и передавали свою «эмоциональную энергию» последующим поколениям³⁰. Исходя из этого субъективного фактора, Шишко в сущности и оценивал движение петрашевцев.

Таким образом, и этот период освободительного движения указанные историки оценивали с либерально-народнических позиций как один из этапов в развитии народнической идеологии, искажая его революционно-демократическое содержание.

Эпоха 60-х годов XIX в., по признанию либерально-народнической историографии, играла важную роль в развитии освободительного движения. В отличие от кадетской историографии, эти историки не рассматривали 60-е годы как «эпоху великих реформ». Крестьянская реформа, по их справедливому утверждению, проводилась в интересах дворянской партии и принесла народу разорение и закрепощение. Однако причины проведения реформы они усматривали не в революционной борьбе народных масс, а в сочетании осознанной необходимости реформы со стороны дворянских кругов и «некотором толчке» со стороны народа. Кроме того, характерным являлась также недооценка экономического фактора. С точки зрения этих историков развитие производительных сил не служило «преддверием» реформ. Роль

²⁸ В. Я. Богучарский. Три западника сороковых годов (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен), с. 5—52.

²⁹ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли, т. I, с. 242—289.

³⁰ Примечания Л. Э. Шишко.— Тун А. История революционного движения в России. СПб., 1906, с. 131.

экономического развития в связи с реформой, если и признавалась ими, то лишь как следствие, «результат» самой реформы.

Эпоху 60-х годов эти историки правомерно преемственно связывали с народничеством 70-х годов, однако считали ее лишь подготовительным этапом к 70-м годам. Отрицая самостоятельное политическое значение 60-х годов, они не признавали никаких различий во взглядах шестидесятников и семидесятников³¹. В соответствии с этим ими оценивались и деятели этого времени. Герцен в представлениях, например, Богучарского являлся выразителем народничества. Он якобы усвоил социально-экономическую программу славянофилов и олицетворял собой преемственную связь между славянофильством и народничеством. В Герцене Богучарский отрицал «практика политической борьбы» и ценил его как «рыцаря» абстрактной свободы, «сеятеля идей», «носителя чувства меры». Социализм Герцена, как ошибочно представлял Богучарский, стал присущ ему лишь при обращении к общине³².

Иванов-Разумник «истинного» Герцена в противоречии с его действительными взглядами видел в переплетении западничества и славянофильства, т. е. различных черт либерализма; в его крестьянской программе признавался «примат социальных реформ над политическими», отрицалась революционность Герцена³³.

Шишко также считал Герцена представителем народничества, подчеркивая социализм Герцена, защиту им интересов «всего трудящегося населения», в которое он якобы включал и либеральную правительственную оппозицию и народные массы. С точки зрения Шишко «универсальность» Герцена проявлялась в бессословности и бесклассовости³⁴.

Образ Герцена — революционера, социалиста и демократа, как видно, искажался; он превращался этими исследователями в предшественника либерально-народнической идеологии.

Значение Чернышевского и Добролюбова сводилось этими историками лишь к роли предтеч народничества; их самостоятельная политическая роль отрицалась. Шишко признавал в Чер-

³¹ *Шишко Л. Э.* К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении..., с. 109—110; *Он же.* К характеристике движения начала 70-х годов..., с. 62—63; *Он же.* Роль интеллигенции в освободительном движении; *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли, т. II. СПб., 1908; *Богучарский В. Я.* Активное народничество семидесятых годов, с. 6—62.

³² *Богучарский В. Я.* Три западника сороковых годов (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен); *Он же.* Александр Иванович Герцен; *Он же.* Рыцарь духа.— «Речь», 1912, 25 марта.

³³ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли, т. I, с. 331—379.

³⁴ *Тун А.* История революционного движения в России, с. 38—39; *Шишко Л. Э.* Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов, с. 67.

нышевском одного из основателей «социалистического направления», видел в нем вождя «трудящихся масс», огметал его важную роль в разоблачении грабительского характера крестьянской реформы 1861 г. Одновременно он утверждал, что якобы для Чернышевского борьба за политические преобразования не имела существенного значения. Основная заслуга Чернышевского, с его точки зрения, состояла в конкретной разработке социального вопроса в интересах крестьянства, в критике буржуазного строя «с точки зрения морального права». Роль Чернышевского как политического борца фактически отрицалась. 60-е годы, по мнению Шишко, лишь готовили социалистическое движение 70-х годов³⁵.

Богучарский в Чернышевском и Добролюбове отрицал практиков политической борьбы. Он отмечал в сочинениях Чернышевского и Добролюбова стремление опираться на «реальный народ» в борьбе за социалистические идеалы, вместе с тем подчеркивая в их учении значительное влияние славянофильских идей³⁶. Либеральную славянофильскую струю он усматривал в революционных прокламациях 60-х годов, особенно в прокламации «К молодому поколению»³⁷.

Иванову-Разумнику Чернышевский (и вслед за ним Добролюбов) также представлялся прежде всего народником, предшественником Михайловского. По мысли Иванова-Разумника, во взглядах Чернышевского хотя и происходил поворот от либерализма к революционности, но путь революции представлялся Чернышевскому якобы малообоснованным. Экономическую теорию Чернышевского Иванов-Разумник прямо называл основанием эсеровской социализации земли. «Самостоятельное» значение эпохи 60-х годов Иванов-Разумник отрицал на том основании, что Чернышевский своей теорией «общей пользы» якобы вступал в противоречие с принципом «самоцельности человеческой личности», провозглашенным Ивановым-Разумником высшим достижением освободительной мысли³⁸.

Таким образом, в неонароднической историографии мы наблюдаем искаженное представление об эпохе 60-х годов, фактическое отрицание ее революционно-демократического содержания.

70-е годы рассматривались исследователями этого направления, как период утверждения народничества, оцениваемого ими, разумеется, в соответствии с их общеконцепционными и поли-

³⁵ *Шишко Л. Э.* Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев; *Он же.* Прошлое и настоящее; *Он же.* К характеристике движения начала 70-х годов...; *Тун А.* История революционного движения в России; *Шишко Л. Э.* Собрание сочинений, т. IV, и др.

³⁶ *Богучарский В. Я.* Активное народничество семидесятых годов, с. 6—62.

³⁷ Там же, с. 45—49.

³⁸ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли, т. II, с. 1—97.

тическими основами, как якобы самое перспективное течение общественной мысли.

Шишко считал, что народничество 70-х годов осуществляло на практике программу шестидесятников (одновременно, как уже было отмечено, он отрицал политическую «результативность» 60-х годов). Заслугу освободительной борьбы этого времени он справедливо видел в повороте к массовому движению, но массовое движение понимал как бесклассовое движение «всего трудящегося населения», а неудачу «хождения в народ» объяснял «неразвитым» в крестьянстве чувством восприимчивости³⁹.

Высшим этапом освободительного движения Шишко считал народовольчество. «Народная воля», по его представлениям, впервые внесла в свою программу пункт о политической борьбе, который якобы отсутствовал на ранних этапах освободительного движения. Характерна при этом и трактовка термина «политическая борьба». Политическая борьба, по Шишко, являлась не средством решения социальных задач, а лишь ее «полезностью» для этого.

Рабочее движение, получившее в 70-е годы широкий размах, Шишко рассматривал как составную часть народовольческого движения, а источник пролетарской идеологии видел в народовольчестве. С этим связано и его утверждение о том, что неправомерно разграничивать «этический» и «научный» социализм, что социал-демократическое движение будто бы отличалось от предыдущих этапов лишь программными положениями. С его точки зрения социальные основы движения лишь расширялись, сохраняя прежнюю основу («все трудящееся население», без классовых различий)⁴⁰.

По Богучарскому, народничество 70-х годов являлось «беспредельно утопическим течением», значение которого он видел прежде всего в «этической» и «моральной» ценности. Преемственность 70-х годов Богучарский вел от «двух типов» шестидесятников: либералов и разночинцев. Последователи либералов, по мнению Богучарского, «высоко стояли» в области понимания «социально-политических» задач, предвосхищая конституционные проекты государственных преобразований, весьма ценимых самим Богучарским. Вторые, — названные Богучарским «социальными революционерами», — являлись наследниками разночинцев 60-х годов, но отличались «утопизмом своих идей». Характеризуя все три течения народничества (П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, П. Н. Ткачев) как течения, вверившие в мессию «социаль-

³⁹ Шишко Л. Э. К характеристике движения начала 70-х годов..., с. 53; *Он же*. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении...; *Он же*. Роль интеллигенции в освободительном движении; *Он же*. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов, с. 12—21.

⁴⁰ Шишко Л. Э. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении...

ной революции», Богучарский отмечал отрицание ими принципа политической борьбы, хотя считал, что ее элементы содержались в методах «заговора и террора» («якобинства») Ткачева. Истоки «якобинства» Богучарский видел в 60-х годах в прокламации П. Г. Заичневского «Молодая Россия», а их развитие впоследствии — в «Народной Воле»⁴¹.

Народовольчество Богучарский считал величайшим завоеванным освободительного движения, оценивая его главным образом с точки зрения принятия принципа «политической борьбы», который якобы отсутствовал на всех предыдущих этапах. Однако этот принцип принимался (и идеализировался) Богучарским лишь в плане развития «мирных» парламентских и конституционных форм буржуазных свобод. Революционные и демократические проекты народовольцев рассматривались им как «социальный утопизм». Народовольцы, по его представлениям, явились предшественниками социал-демократии. Социал-демократия же отождествлялась им с бернштейнианством, оппортунистическим течением, в основе которого лежала идея соглашения между классами. «Реальной ценностью» всего освободительного движения, по Богучарскому, являлась «политическая борьба», которая в конечном счете должна была привести к социализму, но мирным, эволюционным путем, через конституцию⁴².

Иванов-Разумник 70-е годы считал «апогеем борьбы русской интеллигенции». Не видя существенных различий между 70-ми и 80—90-ми годами, а также 60-ми и 70-ми, он отмечал наличие различных течений в народничестве. Однако «основным мировоззрением» 70-х годов считал «критическое народничество» Михайловского. По его мнению, Михайловский соединил в своей теории все положительные стороны философско-исторической системы Герцена и социально-экономического учения Чернышевского, сущность которых Иванов-Разумник сводил к примату «социального» над «политическим», к выдвиганию понятия «труд» (речь идет о труде вообще как абстрактной категории), якобы лежащего в основе народничества как Чернышевского, так и Михайловского⁴³. «Критическое народничество» Михайловского, по Иванову-Разумнику, будто бы воплотившее в себе синтез интересов «личности» и «народа», дало впоследствии основание эсеровской формуле — «все трудящееся население». Здесь отчетливо выступает идеалистическая и субъективистская оценка народничества, вытекающая из либерально-народнических, эсеровских концепций.

⁴¹ *Богучарский В. Я.* Активное народничество семидесятых годов, с. 6—62; *Он же.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в., с. 244—455.

⁴² *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в., с. 439—472.

⁴³ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли, т. II, с. 135—205.

Обусловлена политическими взглядами автора и рассматриваемая им эволюция освободительного движения. В 80—90-е годы в освободительном движении Иванов-Разумник усматривал два течения — «русский социализм» и «русский марксизм», видя в первом — предшественников эсеров, во втором — последователей лавризма. Марксизм, с его точки зрения, — разновидность интеллигентской идеологии, корни которой заложены в народничестве⁴⁴. Извращая марксистское учение, его сущность и истоки, Иванов-Разумник, следуя основам своей политической доктрины, утверждал, что истинными защитниками человеческой личности являются представители так называемого «нового народничества», т. е. партии эсеров.

Очевиден антимарксистский, идеалистический характер схем Иванова-Разумника и приспособление его периодизации к этим схемам.

Несмотря на особенности в толковании освободительного движения 2-й половины XIX в., в трудах этих авторов отчетливо выявлялась идеализация народничества, непонимание его классовых основ, преувеличенное представление о роли субъективных, моральных факторов, трактовка принципа политической борьбы в реформистском духе, извращенное представление о возникновении и сущности марксизма, непонимание его коренной противоположности народнической теории.

Рассмотрение периодизации освободительного движения в неонароднической историографии подводит нас к некоторым общим замечаниям.

Прежде всего отчетливо видно стремление этих историков усматривать в освободительном движении XIX в. корни своей политической программы и представлять деятелей революционного движения, извращая их истинные взгляды, как своих теоретических и политических предшественников. Следует подчеркнуть, что в подходе к освободительному движению рассматриваемая историография, в сравнении с либерально-буржуазной, имеет ряд отличительных свойств. Здесь мы наблюдаем известное отступление от рассмотрения освободительных идей в едином потоке правительственных деятелей, законодательных актов и представителей различных общественных групп. Реформа, в отличие от кадетской историографии, не выдвигается этими историками в качестве критерия развитости освободительного движения. В связи с этим наблюдается попытка сосредоточения внимания на собственно освободительном движении. Однако исходные концепционные основы неонароднической историографии — внеклассовый подход к анализу освободительного движения и его движущих сил, теория «героев и толпы», выдвижение субъективного фактора как определяющего, неприятие экономического развития как основы социально-политических изменений — обусловили

⁴⁴ Там же, с. 336—387, 496—515.

черты, сближающие неонародническую историографию с либерально-буржуазной, кадетской.

Освободительное движение также трактуется как умственное движение, как развитие интеллигентского мировоззрения. Неприятие социально-экономических основ движения приводит к невидению в различных общественно-политических направлениях и общественных группах выражения определенных классовых интересов, к отрицанию классовой борьбы, к идеализации соглашательства, а следовательно, и мирных форм борьбы, в конечном счете — конституционализма.

Субъективно-идеалистический взгляд на личность, как не на порождение общественных условий, а на плод «эмоционального развития» эпохи, ведет не только к ее абстрактному толкованию, но прежде всего к извращенному представлению о соотношении отдельной личности и народа.

Движущей силой освободительного движения объявляются отдельные личности, «герои», действующие вне связи с конкретно-историческими условиями, определяющими развитие классов и классовой борьбы. Абстрактное представление о народе, его классовых интересах превращает его в безликую, пассивную массу, а не в активную силу общественного прогресса. В сущности подобный взгляд смыкается с трактовкой кадетской историографией народных масс как «серой безликой толпы», что наиболее полно проявилось в «Вехах», выразивших, по словам В. И. Ленина, *«несомненную суть современного кадетизма»*⁴⁵.

Представление о периодизации русского освободительного движения в мелкобуржуазной историографии было бы неполным без рассмотрения трудов меньшевистского направления.

К числу авторов, внесших существенный вклад в изучение проблем русского освободительного движения и общественной мысли, концепция которых несет на себе печать меньшевистских взглядов, принадлежит Г. В. Плеханов. Созданная им «История русской общественной мысли», многочисленные статьи о Белинском, Герцене, Чернышевском, народничестве составляют важный этап в разработке проблем русского освободительного движения. Мировоззрение Плеханова, как и его исторические взгляды, имели сложную эволюцию, пройдя народнический (1876—1882 г.), марксистский (1883—1903 г.) и меньшевистский (после 1903 г.) периоды развития.

В. И. Ленин высоко оценил работы Плеханова марксистского периода, называя их «превосходными» и подчеркивая личные заслуги Плеханова в освободительном движении в России⁴⁶. Особую роль Плеханова В. И. Ленин видел в разоблачении им либерально-народнических взглядов на историческое развитие.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 167.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 196—198, 225, 281—282; т. 4, с. 74—75; т. 12, с. 42; т. 14, с. 226; т. 20, с. 126; т. 25, с. 170, 222 и др.

Вместе с тем Ленин подвергал критике ошибочные положения Плеханова, особенно проявившиеся в его работах меньшевистского периода. Так, он критиковал монографию Плеханова о Чернышевском (1910 г.), собранную из ранее опубликованных статей (1890—1892 гг.), отмечал изменения, внесенные Плехановым (перераспределение текста, пропуски, изменения в оценках). Вывод В. И. Ленина сводился к тому, что в оценке Чернышевского «Плех[анов] просмотрел практич[ески]-полит[ическое] и классовое различие либерала и демократа»⁴⁷.

Труды В. И. Ленина «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», «По поводу юбилея», «Памяти Герцена», написанные после Первой русской революции в развитие ленинской концепции русского освободительного движения 90—900-х годов, как справедливо полагают исследователи, были направлены в защиту русских революционных демократов не только от извращений кадетского, народнического толка, но и против ошибочных положений представителей социал-демократического направления, в том числе и Плеханова⁴⁸.

Место Плеханова в изучении русского освободительного движения и общественной мысли определено в советской исторической литературе: показана связь его политических и исторических взглядов, их сложная эволюция и взаимозависимость; отмечены особенности исторических взглядов Плеханова в народнический, марксистский и меньшевистский периоды его деятельности; одновременно выявлены общие, характерные для концепции в целом черты, свойственные всем этим периодам⁴⁹.

Взгляды Плеханова на историю русской общественной мысли и освободительного движения естественно связаны с его общесоциологической концепцией. Исходные положения о самобытности и отсталости России, переоценка роли государства, трактовка его как надклассовой организации, утверждение о том, что помещики и крестьяне будто бы одинаково «крепостные», неверие в революционные возможности крестьянства — эта совокупность либеральных и меньшевистских взглядов определила подход Пле-

⁴⁷ Ленинский сборник, XXV. М., 1933, с. 231.

⁴⁸ Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957; Зевин В. Я. Пометки В. И. Ленина на книге Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность» (1909 г.).— «Литературное наследство», т. 67. М., 1959.

⁴⁹ Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960; Он же. Роль Г. В. Плеханова в истории марксистской философии.— В кн.: Проблемы истории философской и социологической мысли XIX века. М., 1960; Сидоров М. И. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957; Полевой Ю. З. Начало марксистской историографии в России.— В кн.: Очерки исторической науки в СССР, т. II. М., 1960; Левин Ш. М. Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1963; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.

ханова к пониманию русского освободительного движения. Освободительное движение рассматривалось им как история общественной мысли, как филиация идей.

Стержнем развития русской идеологии (как и для П. Н. Милюкова) для Плеханова являлось западничество и славянофильство. Предпосылки их развития лежат в смене идейных влияний, шедших с Запада. Экономическое развитие, роль классов и классовой борьбы, если в отдельные периоды и признавались Плехановым как факторы, влиявшие на развитие идеологических течений, то они, по его представлениям, не играли господствующей роли. Непонимание классовой основы и социальных истоков русского освободительного движения вело к тому, что представители русской революционно-демократической мысли Плеханов рассматривал не как идеологов крестьянства, «мужицких демократов», а прежде всего как просветителей западноевропейского типа, идеологов разночинной интеллигенции. Недооценка классовых корней мировоззрения революционных демократов вела и к сглаживанию противоречий между революционными демократами и либералами.

Эти особенности в подходе к русскому освободительному движению были свойственны взглядам Плеханова на протяжении всей его деятельности, правда, в различные периоды его творчества (марксистский и меньшевистский) выступали не в однозначной форме, с большей или меньшей степенью отчетливости и с различными акцентами в освещении материала.

Зачинателем и самым ярким представителем «освободительных стремлений», олицетворяющих первый этап освободительного движения, Плеханов считал Радищева. Однако, признавая в Радищеве «убежденного и последовательного революционера», Плеханов видел в нем носителя интеллигентских настроений⁵⁰.

Последователей революционных традиций Радищева Плеханов видел в декабристах, начиная с них второй этап освободительного движения. Само движение декабристов являлось, по Плеханову, «военной манифестацией», плодом европеизации и вызванных ею изменений в экономике и взглядах дворянства. Слабостью декабристов Плеханов считал их дворянскую принадлежность: «У них не было поддержки со стороны народа»⁵¹.

Последующую преемственную связь революционных идей Плеханов справедливо усматривал в период 30—50-х годов в лице Герцена и особенно Белинского, связывая с именем последнего вступление в историю революционера-разночинца. Белинскому в творчестве Плеханова уделено значительное и особое место. Одна-

⁵⁰ Плеханов Г. В. Сочинения, т. X. М.—Л., 1923, с. 356—357; т. XII. М., 1924, с. 331—364; Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. III. М., 1974, с. 187.

⁵¹ Плеханов Г. В. Сочинения, т. X, с. 367, 372; Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. III, с. 133.

ко трактовка его деятельности не была у Плеханова однозначной. В статьях раннего, доменьшевистского периода Плеханов на первое место выдвигал правильную мысль о философском и социологическом развитии Белинского в русле идей Маркса и Энгельса. В обращении Белинского к передовым философским системам Запада он видел попытку Белинского сопоставить их с потребностями развития России, стремление выработать теорию закономерности преобразований в соответствии с условиями экономического развития. Называя Белинского «гениальным социологом», Плеханов подчеркивал его сочувственное отношение к народу.

В статьях, написанных в период приверженности Плеханова меньшевистским взглядам, оценка Белинского была иной. Во главу угла Плеханов ставил западноевропейские философские теории Фихте, Гегеля и Фейербаха, считая, что Белинский лишь менял свою привязанность к этим теориям, слепо им следуя. Общественно-политическая обстановка и идеологическая борьба в России в этих статьях не ставились в ряд факторов, определявших идейное развитие Белинского. По мнению Плеханова, Белинский якобы не видел в народе основы прогрессивного развития и все взоры в конце жизни обратил к царю, ожидая от него решения всех насущных вопросов русской жизни⁵².

В оценке Герцена позиция Плеханова также не была одной и той же. В одних статьях он подчеркивал, что знамя освободительной борьбы Герцен принял от Белинского и все его симпатии были на стороне народа, что применительно к западноевропейской истории он стоял на точке зрения классовой борьбы. Слабость герценовского утопического социализма видел в экономической отсталости России. В других статьях Плеханов на первый план выдвигал мысль о том, что Герцен якобы принципиальный противник классовой борьбы⁵³.

Характерной особенностью освещения Плехановым деятельности Герцена, Белинского, последующих этапов освободительного движения, как уже отмечалось, являлось их рассмотрение сквозь призму западнической и славянофильской идеологий. Видя в Белинском, Герцене и Чернышевском представителей западничества, Плеханов одновременно корни идейных воззрений Герцена, народников вел от славянофильства. Таким образом, в представлениях Плеханова происходило смешение революционно-демократического и либеральных направлений, каковыми в действительности являлись западничество и славянофильство.

В связи с периодизацией освободительного движения важной представляется и оценка реформы 1861 г. Плеханов рассматривал ее не как результат классовых противоречий, а как итог борьбы

⁵² Плеханов Г. В. Сочинения, т. X, с. 201—304, 319—349; т. XXIII. М.—Л., 1926, с. 121—266.

⁵³ Плеханов Г. В. Сочинения, т. XIV. М., 1924, с. 259—344; т. XXIII, с. 269—457.

гусударства с помещиками: европеизированное дворянство являлось, по Плеханову, инициатором освобождения крестьян. Отсюда единство настроений в этом вопросе Герцена, Чернышевского, либерального дворянства плюс идеализация последнего.

Наиболее ярким представителем разночинской идеологии, преемственно связанным с эпохой 30—50-х годов XIX в., и особенно с Белинским, Плеханов считал Чернышевского. В статьях 90-х годов он подчеркивал демократизм Чернышевского, революционный характер его сочинений, называл его «революционером по принципу», видел в нем противника либерализма, с которым, как справедливо полагал Плеханов, Чернышевский боролся (осуждая либералов за принижение роли народных масс), и приближал взгляды Чернышевского к взглядам основоположников научного коммунизма. В монографии о Чернышевском (1910 г.), отразившей поворот самого Плеханова к либерализму, Плеханов выдвигал на первый план утопизм Чернышевского, его якобы отрицательное отношение к классовой борьбе и неверие в революционные возможности крестьянства.

Преемственность революционных традиций 60-х годов Плеханов видел в революционном народничестве 70-х годов. Проблемам происхождения, идейного содержания народничества, его эволюции, характеристике различных народнических течений и организаций Плеханов в своих трудах уделял значительное место⁵⁴.

Сыграв большую роль в борьбе с народнической концепцией исторического процесса, показав ее несостоятельность, Плеханов вместе с тем не смог до конца понять социальных корней народничества как мелкобуржуазной идеологии, не сумел четко определить народничество как теорию «массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского»»⁵⁵. В этом сказалась свойственная ему недооценка революционных возможностей крестьянства.

Нечеткое понимание социальных основ народничества вело и к ошибочному утверждению Плеханова о близости славянофильства и народничества.

Уделяя значительное внимание проблеме соотношения 60-х и 70-х годов XIX в., народничеству донародовольческого и посленародовольческого периода, высказывая ряд правильных суждений (например, о высоком теоретическом уровне шестидесятников, о понижении этого уровня в народничестве, о теоретическом преимуществе народников 70-х годов в сравнении с народовольцами в плане опоры на народные массы, о противоречиях в идеологии революционных народников: идеализация роли личности и ставка на народные массы и т. д.), Плеханов вместе с тем проявлял

⁵⁴ Ленин Ш. М. Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов; Валк С. С. Народная воля. М.—Л., 1966.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 228—229.

непоследовательность, высказывал ошибочные мысли. Так, он отрицал в Чернышевском родоначальника народнической теории, ошибочно видя в нем противника общины, отсюда и некоторая недооценка влияния Чернышевского на развитие народнической идеологии. Признавая в Герцене предтечу народничества, он неправоммерно утверждал, что Герцен являлся как бы посредником между славянофилами и народниками 70-х годов, тем самым не различая либеральную и реакционную идеологию, неосновательно сближал лавризм с социал-демократией. Столь же ошибочным было его утверждение о начале третьего, пролетарского периода освободительного движения, который он относил к 70-м годам.

Раскрыв несостоятельность народничества как теоретической доктрины, Плеханов справедливо оценивал практический опыт движения 70-х годов, подчеркивал ценность стремлений народников опереться на народные массы, отмечал важность их опыта в создании революционной организации, героическую борьбу народовольцев с царизмом. И именно в этом он справедливо усматривал преемственность между революционерами 70-х годов и революционным пролетариатом.

Как очевидно, в трудах Плеханова сосуществовали ошибочные положения с правильными марксистскими выводами.

В целом же толкование русского освободительного движения XIX в. (и органически связанная с ним его периодизация) в трудах Плеханова содержало черты, свойственные меньшевистской концепции: рассмотрение идеологии освободительного движения, как интеллигентской идеологии, преувеличение влияния западноевропейской мысли, непонимание подлинных классовых основ движения, идея сотрудничества классов, отрицание революционной роли крестьянства и т. д. Намеченные Плехановым этапы периодизации (I этап — с Радищева, II — с декабристов, III — с 70-х годов) свидетельствовали о непонимании им классовых основ движения.

Итак, сравнение исходных концепционных положений периодизации освободительного движения в трудах наиболее крупных представителей эсеровской, неонароднической и меньшевистской историографии приводит нас к заключению об их общности в ряде существенных моментов: рассмотрение освободительного движения как движения интеллигенции, непонимание классовой сущности движения, его социальных основ, отрицание (либо недооценка) социально-экономических факторов, в конечном счете определяющих характер освободительного движения, признание преувеличенного влияния учений западноевропейских мыслителей, непонимание истинного соотношения роли личности и народных масс.

Эти общие черты определялись мелкобуржуазной сущностью мировоззрения рассматриваемых историков. Очевидно, что этим же объяснялись их политические теории, принадлежность либо приверженность к определенным политическим течениям или пар-

тиям. Отсюда и стремление подвести освободительное движение под своих политических предшественников, его периодизация в соответствии с запросами своей политической платформы.

Защищая и отстаивая русское освободительное движение от извращений со стороны мелкобуржуазной историографии, В. И. Ленин не только вскрыл исторические корни отступлений от объективной реальности, но и указал на единственно верный метод в подходе к пониманию освободительного движения. Методологическое положение В. И. Ленина о необходимости «сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям» и связанной с ними классовой борьбе является единственно объективно правильной основой в подходе к определению сущности и характера движения.

Классовый подход к оценке русского освободительного движения дал возможность В. И. Ленину определить, насколько интересы того или иного класса соответствуют объективному историческому развитию.

В деятелях русского освободительного движения (декабристах, революционерах-демократах, революционных народниках) В. И. Ленин видел своих политических предшественников, предшественников социал-демократической партии. Однако, в отличие от представителей мелкобуржуазной историографии, В. И. Ленин показывал, как представители различных поколений революционеров в различные исторические эпохи выражали интересы народных масс, носителей объективного хода исторического процесса. Этим определялась ленинская трактовка русского освободительного движения и его периодизация. С этих позиций Ленин раскрывал несостоятельность враждебных марксизму исторических концепций.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ
В ТРУДАХ А. М. КОЛЛОНТАЙ

П. Н. Зырянов, Г. Д. Петров

К Александре Михайловне Коллонтай вполне применим меткий афоризм В. О. Ключевского: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»¹. Научные произведения Коллонтай «событие» за «событием» раскрывают ее творческую судьбу.

Известный финский поэт Иоганн Рунеберг писал о своей северной стране, что мимо нее «с презрением пройдет чужестранец»². Коллонтай никогда не считала себя «чужестранцем» по отношению к Финляндии. Внучка по материнской линии простого, но удачливого финского крестьянина, ставшего крупным лесоторговцем, она была связана кровными узами с этим трудолюбивым и упорным северным народом. Мимо его сложных и драматических судеб Коллонтай не могла пройти еще и потому, что ее патриотизм никогда не ограничивался пределами России. А. М. Коллонтай неизменно испытывала «широкую любовь, направленную на все человечество, исполненную желанием принести наибольшую пользу людям без различия племени и народности», как писала она в своей первой опубликованной статье³.

В конце XIX в. Финляндия оказалась в центре внимания русской и мировой прогрессивной общественности.

В течение долгого ряда лет Великое княжество Финляндское пользовалось в рамках Российской империи довольно широкой автономией. «Желая привлечь на свою сторону финляндцев,

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 7. М., 1959, с. 143.

² В переводе Александра Блока: «Ступай, надменный чужезвер...» (Блок А. А. Собр. соч., т. 3. М.—Л., 1960, с. 404).

³ Коллонтай А. М. Основы воспитания по взглядам Добролюбова.— «Образование», 1898, № 10, с. 12.

бывших подданных шведского короля,— писал В. И. Ленин,— Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию»⁴.

Но с конца XIX в. отношение царизма к Финляндии круто изменилось. Началось с того, что в 1890 г. финляндская почта была передана в ведение Министерства внутренних дел России. Отныне Департамент полиции, входивший в состав этого министерства, получил возможность применять на финляндской земле перлюстрацию частной переписки.

В 1898 г. генерал-губернатором Финляндии был назначен Н. И. Бобриков, ярый сторонник ликвидации всех финляндских свобод и насильственной русификации этого края.

3 февраля 1899 г. был издан манифест о порядке издания общегосударственных законов, низведший финляндский Сейм до положения законосовещательного органа и открывший петербургским властям возможность вмешиваться во все стороны финляндской жизни⁵.

В 1900 г. появился манифест о введении русского языка в делопроизводство всех государственных учреждений Финляндии. Вскоре был раскассирован финляндский драгунский полк за отказ принести присягу, не санкционированную законами страны⁶. Финляндия лишилась своих вооруженных сил. В стране была введена жесткая цензура, запрещены митинги, собрания.

Но, по мере усиления шовинистической политики царизма, в Финляндии рождались и крепили внутренние силы отпора. Национально-освободительное движение в Финляндии становилось важным резервом русской буржуазно-демократической революции. В этих условиях перед русским революционным движением вставала задача не только дать отпор шовинистической пропаганде, но и выявить в Финляндии как постоянных союзников, так и временных попутчиков. Для русских социал-демократов эта задача была тем важнее, что в начале XX в. руководители нарождавшегося рабочего движения Финляндии, казалось, всецело были заняты вопросами улучшения экономического положения рабочего класса, а на переднем плане в борьбе с царизмом выступали дворянские и мелкобуржуазные элементы, вроде Е. Шаумана, совершившего террористический акт против Бобрикова.

Только марксистский анализ расстановки классовых сил в Финляндии помог бы русской социал-демократии правильно определить свое отношение к различным составным частям национально-освободительного и демократического движения этой страны. Но такой анализ был не возможен без глубокого исследования всех тенденций в развитии экономики Финляндии, всех сколько-нибудь значительных изменений ее социальной структуры, наметившихся во второй половине XIX в.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 355.

⁵ См. ПСЗ-III, т. 19, № 16447.

⁶ Коллонгай А. М. Финляндия и социализм. СПб. [1906], с. 16.

Видимо, к подобному выводу пришла и Коллонтай после своей первой статьи о Финляндии, написанной в 1900 г. и помещенной в немецком журнале «Социал працис»⁷, ибо в течение двух последующих лет ее новые статьи о Финляндии (в «Русском богатстве» и «Научном обозрении») носили все более углубленный исследовательский характер. А в 1903 г. в Петербурге вышло фундаментальное исследование «Жизнь финляндских рабочих», которое явилось для Коллонтай первой крупной марксистской работой.

Ко времени выхода в свет книги Коллонтай русская научная литература по истории Финляндии XIX в. была немногочисленна. Преобладающее место занимали сочинения историков и юристов охранительного лагеря, стремившихся доказать, что в 1809 г. на Боргоском сейме Финляндия не получила никакой конституции⁸, а потому является не автономным краем, а рядовой «провинцией русской монархии»⁹. В то же время шумная антифинская кампания велась на страницах правой печати¹⁰.

Представитель либерального направления, толстовец В. Г. Чертков, издавший в Англии сборник статей «Финляндский разгром», осуждал действия царизма с нравственно-этической точки зрения¹¹.

Коллонтай не вмешалась в спор по вопросу о финляндской автономии. Будучи марксистом, она признавала право Финляндии на самоопределение и без того или иного толкования документов Боргоского сейма. Не могла Коллонтай уповать, подобно Черткову, и на безликие «силы прогресса», поскольку всякое поступательное движение общества она связывала с борьбой реальных классовых сил.

Работа Коллонтай открывала принципиально новое направление в русской историографии Финляндии. Как и требовали того задачи освободительного движения и революционной социал-демократии, объектом монографического исследования Коллонтай оказалась экономическая и социальная история этого края, история его рабочего класса¹².

Коллонтай восприняла у классиков марксизма не только их научную методологию, но и сами приемы исследования — широкий,

⁷ См. *Эрки Саломая*. Первое научное исследование о жизни финских рабочих.— В кн.: «Скандинавский сборник», VII. Таллин, 1963, с. 300.

⁸ *Сергеевский Н. Д.* К вопросу о финляндской автономии и Основных законах. СПб., 1902, с. 21—30.

⁹ *Еленев Ф.* Чего достигли и чего домогаются вперед достигнуть финляндцы по пути отпадения их от российской государственной власти. М., 1898, с. 3.

¹⁰ См.: «Московские ведомости», 1894, 9 января, 4 марта; «Новое время», 1895, 19 июня и 2 августа; 1899, 27 марта; «Свет», 1896, 11 августа.

¹¹ Финляндский разгром. Сб. под ред. В. Черткова. Purley, Maldon, Essex, England, 1900, с. 75—76.

¹² Финская историография этих проблем в то время также была очень невелика, она ограничивалась небольшой книгой Урсины, посвященной рабочему движению в Финляндии (см.: *Эрки Саломая*. Указ. соч., с. 301—305).

возможно более полный охват источников по избранной проблеме, углубленный и всесторонний их анализ, прочную аргументированность выводов, пристальное внимание ко всем сторонам жизни трудового народа.

А. М. Коллонтай некоторые теоретические положения черпала из ранней работы К. Каутского «Аграрный вопрос» (русский перевод — Харьков, 1899).

Свое исследование Коллонтай строила на базе широкого круга источников на русском, шведском, финском, немецком и французском языках. На русском языке публиковались официальные постановления Великого княжества Финляндского и некоторые статистические материалы о Финляндии. Более полный и разносторонний характер носили материалы официальной статистики Финляндии, публиковавшиеся в Гельсингфорсе на шведском языке. Они были широко использованы Коллонтай для характеристики промышленности, торговли, аграрного строя и социальной структуры.

Но официальные статистические данные — важные источники при изучении общих тенденций развития финляндской экономики — оказались недостаточными, когда Коллонтай занялась непосредственно исследованием положения рабочего класса Финляндии. Описывая условия труда и быта рабочих, она привлекла отчеты фабричных инспекторов и муниципальных органов (также на шведском языке).

Чтобы нарисовать возможно более полную и достоверную картину поднимавшегося в Финляндии рабочего движения, Коллонтай использовала такие источники, как протоколы съездов Финляндской рабочей партии и представителей рабочих союзов (на финском языке). Следует упомянуть еще одну важную категорию источников, это — материалы повременной финской и русской печати. Наконец, Коллонтай, наверное, никогда не удалось бы сделать свое исследование столь ярким и убедительным, если бы она знала Финляндию только по книгам. Собственные наблюдения — вот тот источник, который хотелось бы назвать в конце обзора источниковедческой базы ее монографии.

Хронологические рамки монографии Коллонтай охватывают отрезок времени с 60-х годов XIX в. до начала XX в. Это был переломный период в истории Финляндии.

Как и Россия, Финляндия довольно поздно вступила на путь капиталистического развития. Еще в середине XIX в. она считалась страной «классового мира», патриархальных отношений. В то время капитализм в Финляндии находился еще в стадии зарождения. «Но, начиная со второй половины XIX столетия, — писала Коллонтай, — в Финляндии наблюдается быстрая эволюция ее производительных сил — эволюция, отразившаяся как на промышленной, так и на аграрной жизни страны». Основную причину промышленного подъема Финляндии Коллонтай видела в

повышении спроса на мировом рынке на главное природное богатство этой страны — древесину. Отмечала она и ряд других факторов, способствовавших росту капитализма в стране, — выпуск собственной валюты (что облегчило кредит у иностранных государств), постройку железных дорог и незамерзающего порта Ханго (Ханко), изменение таможенного устава в 1869 г. в сторону снижения пошлин на ввоз сырья, столь необходимого промышленности этого края, бедного минеральными ресурсами¹³. Все это послужило толчком для широкого внедрения капитализма в экономику страны и начала промышленного переворота.

Однако еще в начале XX в. поверхностный наблюдатель мог бы прийти к выводу, что Финляндия весьма недалеко ушла в своем промышленном развитии. Ибо всюду, где происходил промышленный переворот, он в какие-нибудь несколько десятков лет ломал укоренившиеся географические представления современников о своем отечестве. Железные дороги выхватывали из захолустий города и местечки, о которых прежде никогда не слышали. Проселочные дороги превращались вдруг в оживленные транспортные магистрали, а прежние тракты зарастали травой. Административные центры внезапно отбрасывались на периферию, но зато какое-нибудь село, прежде известное лишь своими искусными кузнецами или ткачами, словно по мановению чьей-то таинственной руки, превращалось в огромный город, поднявший к небу сотни фабричных труб.

В Финляндии не было заметно подобных перемен. Здесь к началу XX в. не сложилось таких мощных индустриальных центров, как, например, в Англии, Бельгии или России. Однако это обстоятельство не скрыло для Коллонтай истинных масштабов развития финляндского капитализма.

Характеризуя такие ведущие отрасли молодой финляндской промышленности, как металлургическую, металлообрабатывающую, машиностроительную и лесную, Коллонтай, на основании приводимых ею статистических данных, отметила «непрерывный рост средней ценности производства на одного рабочего и на одно промышленное заведение и постоянное увеличение числа рабочих на одно предприятие»¹⁴. «Таким образом, — делала вывод Коллонтай, — не может существовать более сомнений в том, что в Финляндии, как и в других странах, происходит процесс постоянной концентрации средств производства и непрерывного накопления капитала»¹⁵. Более того, в некоторых отраслях финляндской промышленности Коллонтай заметила появление первых синдикатов, острие которых, по ее справедливому замечанию, было направлено против нарастающего рабочего движения¹⁶.

¹³ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих. СПб., 1903, с. 7.

¹⁴ Там же, с. 26.

¹⁵ Там же, с. 27.

¹⁶ Там же, с. 251.

В итоге развитие капитализма в Финляндии оказывается гораздо шире, чем можно было бы судить по числу имеющихся в стране фабричных центров. В связи с этим Коллонтай обратила внимание на такую интересную особенность финляндской промышленности, как разбросанность ее по всей стране. Заводы и фабрики в Финляндии порою расположены в самых отдаленных сельских местностях. Причины такого явления Коллонтай видела в стремлении капиталистов воспользоваться энергетическими ресурсами водопадов, а также избытком дешевых рабочих рук в сельских районах Финляндии¹⁷. Такое положение способствовало внедрению капитализма в самые отдаленные уголки страны, и в то же время задерживало классовую организацию пролетариата. Однако, несмотря на это, в Финляндии все же начинался рост крупных промышленных городов. Из них ведущее место занял Таммерфорс («финляндский Манчестер») — центр профессионального движения, за ним Або — сердце рабочего движения, «воодушевленного широкими социальными идеалами»¹⁸.

Вместе с тем Коллонтай не переоценивала степени развития финского капитализма. Она отмечала наличие в стране кустарного и домашнего производства, которое продолжало играть определенную роль и, в частности, занимало преобладающее положение в производстве одежды и обуви¹⁹. И все же, «какую бы из отраслей промышленности мы ни взяли, во всякой из них замечается более или менее явная тенденция к капитализации», — отмечала Коллонтай²⁰. «В настоящее время можно уже с полной уверенностью утверждать, — заключала она, — что Финляндия вступает в период крупного капиталистического производства»²¹.

Сложнее обстояло дело в сельском хозяйстве Финляндии. Именно аграрная жизнь страны ставила перед финским обществом целый ряд трудных проблем, мимо которых не могла пройти и Коллонтай.

Перелом в аграрной жизни Финляндии, ее капитализацию, начавшуюся с конца 60-х годов XIX в., Коллонтай связывала с интенсивным развитием молочного хозяйства (особенно маслоделия), продукты которого шли в основном на экспорт. В крупных поместьях стали образовываться молочные фермы с различными усовершенствованными машинами для производства масла. Крестьяне-собственники, чтобы выдержать конкуренцию с крупными хозяйствами, стали создавать молочные фермы на паях. Но в то же время, сделав масло предметом своего экспорта, Финляндия стала ввозить хлеб²².

¹⁷ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 14.

¹⁸ Там же, с. 15.

¹⁹ Там же, с. 25—26.

²⁰ Там же, с. 17.

²¹ Там же, с. 26.

²² Там же, с. 46.

Таким образом, капиталистическое развитие сельского хозяйства Финляндии, приспособление его к мировому рынку отесняли земледелие на второй план, хотя, как отмечала Коллонтай, интенсификация сельского хозяйства отчасти коснулась и земледелия. Мелкие и карликовые крестьянские хозяйства оказались не в силах ни завести рентабельное молочное хозяйство, ни перейти к интенсивному земледелию. Следствием этого, по мнению Коллонтай, и является сокращение числа карликовых хозяйств и рост безземельного сельского населения²³.

Действие фактора капитализма, как отмечалось в исследовании, усугублялось существованием ряда полуфеодальных законов, запрещавших дробление земельных владений, препятствовавших развитию ремесел в сельской местности и т. д. Когда же в 60-х годах XIX в. эти законы были отменены, армия безземельных крестьян в основном была уже сформирована²⁴. В 1895 г. к сельскому безземельному населению принадлежало свыше миллиона человек, т. е. около трети всего населения страны²⁵. Экспроприация мелких собственников, превращение крестьян в наемных сельскохозяйственных рабочих — явление типичное для капитализма. Но Коллонтай указывала, что в этой армии безземельных наемных сельскохозяйственных рабочих составляли меньшинство (144 тыс. чел.), что их положение сравнительно лучше, чем всей остальной массы сельского безземельного населения. Труд постоянных сельскохозяйственных рабочих применялся только в крупных поместьях, прочие же хозяйства предпочитали использовать торпарей, «нахлебников» и временных поденщиков²⁶.

Торпари, по мнению Коллонтай, составляли более или менее обеспеченную часть этого населения. Они арендовали земельный участок (торп), за который платили землевладельцу либо деньгами, либо продуктами своего хозяйства. Кроме того, торпарь был обязан несколько дней в неделю работать на своего хозяина, иногда даже в качестве домашней прислуги.

Коллонтай с детских лет была знакома с жизнью и бытом торпарей. Усадьба Куасан-хови, принадлежавшая ее родителям, была типичным для Финляндии средним поместьем. В усадьбе было хорошо поставлено и интенсивно развивалось молочное хозяйство, а земледелие велось по старинке, много земли сдавалось в аренду торпарям. В детстве и юности Александра Михайловна бывала в домах торпарей; вместе со своей учительницей Марией Страховой (женщиной прогрессивных убеждений) ходила в ближайшие финские деревни. Вот почему так правдиво, этнографически точно, с элементом художественности, описывает Коллонтай жизнь и быт бобылей и торпарей, их жилища «с крошеч-

²³ Там же, с. 48.

²⁴ Там же, с. 50—52.

²⁵ Там же, с. 32.

²⁶ Там же, с. 39.

ными окошками, низкие, закоптелые, вросшие в землю», так резко отличающиеся от опрятных домиков крестьян-собственников «со светлыми окнами, выбеленными рамами, с хозяйственными постройками вокруг, каменным скотным двором, с сеновалом, ригой, баней и сараем, с опрятным убранством комнат, библией, а нередко и газетой на столе»²⁷.

Подробно обрисовав всю незавидную участь торпарей, Коллонтай указывала, что их труд экономически невыгоден, что торпари ведут хозяйство несравненно менее интенсивно, чем крестьяне-собственники: во-первых, потому, что обрабатываемый участок находится у торпаря во временном пользовании, он не заинтересован в повышении его плодородия; во-вторых, «обязательный труд на хозяина-собственника является по существу своего рода барщиной, отвлекает рабочие руки торпаря и его семьи от собственного участка и таким образом наносит сильный ущерб торпарному хозяйству»²⁸.

Следующая группа безземельного сельского населения — «бобыли» — представляли, по мнению Коллонтай, переход от торпарей к сельскому пролетариату. «Бобыль» нанимает небольшую избушку у землевладельца, небольшой клочок земли, пашню или огород. За это «бобыль» был обязан отработать у хозяина известное количество дней в году. «Бобыль живет на случайные заработки, отчасти же благотворительностью крестьян», — писала Коллонтай²⁹.

Батраки, или «нахлебники», работали круглый год на крестьянина или помещика, за это они получали отдельную избушку (или же место в общей избе), небольшой участок под пашню и корм для одной коровы.

«Постояльцы» не имели ни постоянного жилья, ни заработка, кочевали с места на место и нищали. «Между тем, — отмечала Коллонтай, — именно эта группа сельского населения является наиболее многочисленной»³⁰. «За все последние годы вопрос о безземельных не перестает привлекать внимание всей прогрессивной части финляндского общества»³¹. Однако, как подчеркивалось в исследовании, ни правительство, ни общество не имеют «твердо выработанной и определенной программы для коренного решения этого вопроса»³².

Царское правительство, играя на социальных противоречиях в Финляндии и стремясь найти здесь хоть какую-нибудь социальную базу, не скупилось на обещания наделить землей все безземельное сельское население³³. В своем исследовании Коллонтай

²⁷ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 38.

²⁸ Там же, с. 34.

²⁹ Там же, с. 37.

³⁰ Там же, с. 38.

³¹ Там же, с. 63.

³² Там же, с. 56.

³³ Коллонтай А. М. Финляндия и социализм, с. 16.

убедительно показала, что подобные обещания со стороны царского правительства могут быть только пустой фразой.

В исследовании неоднократно подчеркивалось, что разрешение вопроса о безземельных невозможно «без изменения коренных экономических отношений»³⁴. В доказательство этого тезиса Коллонтай рассматривала несколько предполагаемых путей «возвращения» к земле безземельного сельского населения.

Самый, казалось бы, доступный из этих путей — освоение новых земель. Действительно, площадь распаханых земель в Финляндии была весьма незначительна. Однако уже тогда громадная, подавляющая часть неосвоенных земель приходилась на районы Крайнего Севера³⁵.

Коллонтай не считала возможным полностью решить вопрос и путем раздела крупных имений на небольшие фермерские хозяйства: «Образование фермерских участков возможно только в крупных и некоторых средних владениях, составляющих вместе, однако, всего $\frac{1}{5}$ от общего числа земельных собственности в Финляндии»³⁶.

В своей статье «Земельный вопрос в Финляндии» Коллонтай писала, что облегчить участь безземельного населения мог бы только «безостановочный рост и развитие промышленности», постепенное привлечение «неоседлого сельского пролетариата к кадрам профессиональных рабочих»³⁷. Весьма примечательно, что Коллонтай связывала разрешение этой животрепещущей проблемы с развитием промышленности, с ростом рабочего класса Финляндии. Но в то же время нельзя не заметить, что капитализму отнюдь не свойствен «безостановочный рост и развитие промышленности». Поэтому в исследовании «Жизнь финляндских рабочих», вышедшем после упомянутой статьи, Коллонтай писала, что «фабрика, то притягивая к себе сельский пролетариат, то снова его отталкивая при сокращении производства, заставляет этот слой то попадать в ряды промышленного пролетариата, то вновь опускаться до уровня «неоседлых»»³⁸. Между тем существование огромной резервной армии вовсе не отвечало интересам классовой борьбы пролетариата. Можно привести еще два аргумента, указывающих на недостаточность вывода Коллонтай о ликвидации проблемы безземельных путем «безостановочного развития промышленности». Во-первых, в сферу промышленности втягивается, как правило, не весь безземельный сельский пролетариат, а только нижние его слои. Во-вторых, рост и развитие промышленности никак не могут сами по себе устранить архаизмы в аграрной жизни страны.

³⁴ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 58.

³⁵ Там же, с. 57—58.

³⁶ Там же, с. 59.

³⁷ «Научное обозрение», 1902, № 4, с. 135.

³⁸ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 70.

Поэтому в монографии «Жизнь финляндских рабочих» Коллонтай предлагала и другие пути: «Если при современном экономическом строе вопрос о безземельном населении и не поддается коренному решению, то во всяком случае рациональное применение многих из перечисленных мер (освоение новых земель, раздел крупных имений и др. — *Авт.*) могло бы не только поднять экономическое благосостояние этой части населения, но и безусловно повлиять на сокращение его численности»³⁹. Но и этот вывод не был вполне четким и последовательным. Нарисовав в основном правильную картину состояния и развития аграрных отношений в Финляндии, Коллонтай тем не менее не смогла предложить сколько-нибудь цельной программы разрешения аграрного вопроса.

«Мы подчиняем законность «крестьянских требований» в социал-демократической программе, — писал В. И. Ленин, — во-первых, тому условию, чтобы они вели к устранению остатков крепостного порядка и, во-вторых, чтобы они содействовали свободному развитию классовой борьбы в деревне»⁴⁰.

Приняв за исходное это ленинское определение, мы должны обратить особое внимание на остатки докапиталистических отношений в аграрном строе Финляндии. Действительно, арендные отношения таких многочисленных категорий финляндского крестьянства, как торпари и «бобыли», весьма существенно отличались от капиталистических арендных отношений. Сама Коллонтай сравнивала эти отношения с барщиной (о чем уже говорилось выше). В таких условиях, очевидно, было бы вполне справедливо поставить вопрос о передаче торпарям и «бобылям» арендуемых ими участков. Но в то время подобный вопрос еще не поднимался финскими социал-демократами⁴¹. Не была столь последовательна и Коллонтай⁴². Весьма примечательно, однако, то, что именно сельское безземельное население она считала ближайшим союзником рабочего класса. Более того, важнейшую задачу социал-демократической партии она видела в том, чтобы организовать и просветить эту массу обездоленного населения, указать ей путь к «социальному освобождению»⁴³.

Но все же вопрос о классовых союзниках пролетариата был поставлен Коллонтай несколько узко, ибо в их число она не включила многочисленный слой мелкого крестьянства Финляндии. Справедливо указав на большие экономические трудности, переживаемые этим классом, она не выдвинула таких программных требований социал-демократии, которые привлекли бы на

³⁹ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 63.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.

⁴¹ Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905—1907). Петрозаводск, 1961, с. 38.

⁴² Закон о праве арендаторов на выкуп арендуемых ими земель был принят финским правительством в 1919 г.

⁴³ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 70.

ее сторону массы мелкого крестьянства. В этом отношении Коллонтай повторяла ошибки финских социал-демократов.

Несмотря на ряд отмеченных недостатков, исследование Коллонтай экономических проблем Финляндии явилось важным вкладом в марксистскую историко-экономическую литературу. Если в требованиях программного характера Коллонтай была не всегда последовательна, то основные ее выводы экономического характера перекликались с генеральными направлениями произведения В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», изданного в 1899 г. — за несколько лет до выхода монографии «Жизнь финляндских рабочих». Коллонтай подчеркивала неизбежность крушения докапиталистических порядков под напором поступательного движения капитализма, она видела пути преодоления этого нового эксплуататорского строя в движении не назад, к патриархальщине, а вперед, по пути классовой борьбы пролетариата.

Работы Коллонтай по истории Финляндии стали той платформой, на которой русские социал-демократы строили свое отношение к финскому национально-освободительному движению.

Проблемы рабочего движения, классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, преломления этой борьбы в политической жизни страны являлись основными в работах Коллонтай, посвященных Финляндии⁴⁴.

В конце XIX — самом начале XX в. рабочее движение в Финляндии только зарождалось. Рабочий вопрос еще не имел здесь «того грозного и мрачного характера, каким он отличался в других странах»⁴⁵. До некоторой степени, по мнению Коллонтай, его смягчало то обстоятельство, что финская буржуазия, по сравнению с русскими капиталистами, обнаруживала несколько более высокую «просвещенность». «Финляндские предприниматели — люди, которым не чужды ни культурные, ни гуманитарные интересы; они готовы со своей стороны содействовать духовному и нравственному развитию рабочих; готовы открывать для

⁴⁴ Одному из отрядов финляндского рабочего класса посвящена специальная статья А. М. Коллонтай («Сплавщики леса в Финляндии»), носящая преимущественно этнографический характер. В этой статье Коллонтай останавливает внимание читателя не только на внешних специфических условиях жизни людей этой трудной и опасной профессии, не только описывает их обычаи, привычки, склонности, но, соединив вместе все эти элементы, создает обобщенный портрет рабочего-лесосплавщика, в котором «будто снова воплощаются и оживают типичнейшие черты финляндского народа времен варварства, с присущей им грубостью нравов, беспечностью, вспыльчивостью, бесстрашием истинных героев древней „Калевалы“». Заканчивается статья практическими выводами о том, как лучше вести просветительную и организационную работу среди этой многочисленной и наиболее отсталой группы финского пролетариата (см.: «Научное обозрение», 1902, № 9).

⁴⁵ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 4.

них школы, организовывать культурные развлечения и т. д., но все это лишь до известных пределов»⁴⁶.

Насколько узкими оказались эти «пределы», Коллонтай показывает в ходе своего исследования. Действительно, стоило рабочим заявить о своих классовых интересах, как они натолкнулись на активное сопротивление «культурных» финских предпринимателей. Предприниматели производили самочинную конфискацию рабочих газет, доставлявшихся на их предприятия, увольняли рабочих корреспондентов этих газет, а в 1901 г. на целом ряде фабрик и заводов администрация требовала от рабочих подписки в том, что они не участвуют и не будут участвовать в рабочих союзах⁴⁷. Наконец, в 1901 г., следуя по стопам русских фабрикантов, администрация шерстопрядильной мануфактуры в Хювинге вызвала царские войска для подавления стачечников⁴⁸. «Гуманитарные стремления» финских предпринимателей, иронически замечает Коллонтай, «мало-по-малу умолкают под давлением побуждений меркантильного свойства»⁴⁹.

Позднее усилившиеся противоречия между рабочими и капиталистами заставили Коллонтай дать гораздо более резкую оценку финской буржуазии. Финляндские капиталисты, писала Коллонтай, «с удивительным упорством, подчас граничащим с политической близорукостью... готовы отстаивать свое классовое господство, свои классовые привилегии вопреки явно выраженной воле народа»⁵⁰.

Это высказывание в основном совпадает с характеристикой финской буржуазии, данной В. И. Лениным на опыте революции 1905—1907 гг. «Буржуазия Финляндии обнаружила свои контрреволюционные свойства даже в этой мирной стране...,— писал В. И. Ленин,— она делала все, что могла, чтобы тормозить полную свободу социалистических организаций в Финляндии; она думала услужливостью (вроде выдач политиков в 1907 году) уберечь себя от насилий царизма; она обвиняла социалистов своей страны в том, что их *испортили* русские социалисты, заразив их своей революционностью»⁵¹.

Таким образом, последующие события полностью подтвердили мысль Коллонтай о том, что «гуманные» и «просвещенные» методы финской буржуазии носили временный и лицемерный характер. «Гуманитарные устремления» финских капиталистов не помешали Коллонтай увидеть в них много общего с русской буржуазией, жертвовавшей своими свободами ради казачьих нагаек против забастовщиков.

⁴⁶ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 240.

⁴⁷ Там же, с. 242—245.

⁴⁸ Там же, с. 267.

⁴⁹ Там же, с. 250.

⁵⁰ Коллонтай А. М. Финляндия и социализм, с. 53.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 220.

Будущее Финляндии, ее национальный и социальный прогресс Коллонтай видела в движении рабочего класса. В монографии «Жизнь финляндских рабочих» прослеживаются все основные этапы развития, которые к тому времени прошло рабочее движение в Финляндии.

В 1890 г., согласно отчетам фабричных инспекторов, в Финляндии была всего одна стачка. Но уже в 1901 г. вместе с упадком конъюнктуры положение рабочих настолько ухудшилось, что было зарегистрировано 15 крупных стачек⁵². «Во взаимных отношениях предпринимателей и рабочих за последние 10 лет происходит резкий переворот»⁵³, — писала Коллонтай, имея в виду вступление рабочих на путь активной классовой борьбы.

Однако в большинстве стачек рабочие, как замечает Коллонтай, преследовали «лишь близкие, утилитарные цели, не ставя себе никаких общепролетарских задач»⁵⁴. Стачки носили стихийный и разрозненный характер и в большинстве случаев оканчивались поражением рабочих. Но, несмотря на это, по мнению Коллонтай, стачки оставили известный след в жизни финляндского общества. «Оценивая активную борьбу рабочих, — писала она, — нельзя мерить ее значение только по близким практическим результатам, доставляемым единичными случаями успеха или неуспеха; взглянув на вопрос несколько глубже, нетрудно уловить то несомненное влияние, какое оказывает сплоченная солидарная деятельность рабочего класса на общественное мнение, постепенно склоняя в свою сторону лучшие, гуманнейшие умы»⁵⁵.

В условиях царской цензуры Коллонтай, естественно, приходилось многое недоговаривать. Так, в приведенном выше высказывании можно уловить мысли, очень близкие тем, которые проводятся в работе В. И. Ленина «Что делать?».

Известно, что «экономисты», с которыми боролись в те годы марксисты искровского направления, держали курс на изоляцию рабочего движения от движения общедемократического, на замыкание первого в узких рамках экономической борьбы. Они утверждали, что рабочий класс должен сам руководить своей борьбой, без вмешательства «чужеродного элемента», т. е. социалистически настроенной интеллигенции. Между тем, не может быть сомнений в том, что, говоря о «лучших, гуманнейших умах», склоняющихся в сторону рабочего класса, Коллонтай имела в виду именно представителей социалистически настроенной интеллигенции.

Таким образом, Коллонтай придавала огромное значение тому

⁵² Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 258—260.

⁵³ Там же, с. 239.

⁵⁴ Там же, с. 252.

⁵⁵ Там же, с. 275.

факту, что среди интеллигенции растут симпатии к рабочему движению и некоторые ее представители переходят на сторону рабочего класса. Это положение Коллонтай сближает ее взгляды со взглядами В. И. Ленина, утверждавшего, что именно интеллигенция вносит в среду рабочего класса социалистическое сознание⁵⁶.

Выход финского рабочего движения из узких рамок экономического Коллонтай прослеживала на примере жилищного вопроса, отношение к которому со стороны рабочих союзов с течением времени постепенно менялось.

Жилищная проблема в то время была одной из самых острых для финского рабочего класса. Вследствие разбросанности финляндской промышленности жилищный вопрос существовал не только в городах, но и в сельской местности.

Нередко рабочим приходилось жить в подвальных помещениях, что было губительно в условиях холодного и сырого климата Финляндии⁵⁷. Долгое время пределом мечтаний финского рабочего был собственный дом. Сложилась даже поговорка: «Своя изба, своя и воля». В 1888 г. 30 гельсингфорских рабочих основали акционерную строительную компанию. В дальнейшем число подобных компаний увеличилось. С ростом профессионального движения рабочие строительные компании стали возникать при профсоюзах.

Коллонтай в целом положительно оценивала опыт подобных компаний: «Существование этих компаний приносит большую пользу рабочему населению: они являются опасными конкурентами частных домовладельцев, понижают цену на квартиру и поднимают требования рабочих относительно благоустройства помещений»⁵⁸. Однако Коллонтай вскрыла и теневую сторону принципа «своя изба». Собственный дом прикрепляет рабочего к одному предприятию (при рассеянном характере финляндской промышленности), рабочий попадает как бы в зависимость от предпринимателя и вынужден постоянно идти на уступки. В крупных городах, при дороговизне земли, постройка одноэтажного собственного домика стоит больших затрат, поэтому только рабочая аристократия могла быть пайщиком строительных компаний.

В 1896 г. на II съезде рабочих представителей в Таммерфорсе известный рабочий деятель Н. Урсин предложил возложить заботу о постройке жилищ на городские и сельские коммуны, которые сдавали бы их рабочим в наем по низким ценам⁵⁹. «Решение это,— писала Коллонтай,— служит благоприятным симптомом, показывающим, что в финляндском обществе укре-

⁵⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

⁵⁷ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 134.

⁵⁸ Там же, с. 148.

⁵⁹ Там же, с. 151.

пилось сознание целесообразности передачи из частных рук в руки городского коммунального управления серьезного по своему значению квартирного вопроса для рабочих»⁶⁰.

На первый взгляд подобный вывод Коллонтай может показаться колебанием в сторону либерализма. В самом деле, коммунальные органы Финляндии в начале XX в. были всецело в руках буржуазии. Избирательное право ограничивалось довольно высоким имущественным цензом. Только верхушка рабочего класса, рабочая аристократия, могла участвовать в выборах. Но даже она, при существовавшей в Финляндии системе множественности голосов не могла оказать сколько-нибудь существенного влияния на исход голосования. Чем богаче был избиратель, тем больше платил он единиц налогового обложения, тем больше голосов сосредоточивалось в его руках. Система множественности голосов отдавала коммунальное самоуправление в руки небольшой кучки местных богачей. Могли ли такие органы самоуправления проявить искреннюю заботу о положении рабочих? Можно ли было передавать в их руки разрешение жилищного вопроса?

Дело, однако, в том, что именно на Таммерфорском рабочем съезде произошел важный сдвиг в рабочем движении Финляндии. Именно тогда рабочий класс Финляндии заговорил громко и настоятельно о своих политических правах. Левая часть конгресса, к которой принадлежал и упоминавшийся уже Н. Урсин, требовала введения всеобщего, равного и прямого избирательного права. Но под давлением оппортунистически настроенной части рабочих представителей конгресс ограничился требованием отмены системы множественности голосов⁶¹.

Однако уже следующий, III рабочий съезд, состоявшийся в 1899 г. в Або, выставил своим требованием всеобщее избирательное право⁶². Тогда же была основана Рабочая партия, переименованная позднее в социал-демократическую. В основу ее программы была положена Эрфуртская программа немецких социал-демократов⁶³.

На IV съезде, состоявшемся в Выборге в 1901 г., решено было устраивать ежегодные манифестации и в крайнем случае провести всеобщую забастовку, требуя предоставления рабочим избирательных прав. Именно на Выборгском съезде произошел решительный отказ от принципа «своя изба», и съезд потребовал, чтобы забота об обеспечении рабочих дешевым и удобным жильем была возложена на демократизированное местное и центральное управление⁶⁴.

⁶⁰ Там же, с. 154.

⁶¹ Там же, с. 303—304.

⁶² Там же, с. 304—305.

⁶³ Коллонтай А. М. Финляндия и социализм, с. 13.

⁶⁴ Там же, с. 40.

Таковы основные вехи финского рабочего движения, которые осветила Коллонтай в монографии «Жизнь финляндских рабочих» и в брошюре «Финляндия и социализм» (вышедшей в 1906 г. и состоявшей из ряда статей, не пропущенных в свое время царской цензурой или же опубликованных в зарубежных социал-демократических органах).

Таким образом, нетрудно заметить, что, говоря о задачах рабочего движения, Коллонтай стояла на той точке зрения, что экономическим проблемам необходимо придать политический характер, и только в этом случае возможно успешное их разрешение.

Когда Коллонтай писала «Жизнь финляндских рабочих», Российская социал-демократическая партия находилась еще в стадии оформления. В тех условиях обобщение опыта становления социал-демократической партии Финляндии имело определенное значение для русского рабочего движения.

В брошюре «Финляндия и социализм» Коллонтай рассматривала и такую проблему, как рабочий класс и национально-освободительное движение. Одним из пунктов программы финских социал-демократов было требование полного национального самоопределения края. Не было ли это уклоном к национализму? — задавала вопрос Коллонтай⁶⁵. Ее мировоззрение было всегда интернационалистским, но она считала, что сближение наций должно быть свободным и равноправным. Поэтому «сближение» с Россией, которое пытались навязать Финляндии царские власти, Коллонтай считала реакционным, прежде всего по отношению к самому передовому классу Финляндии — рабочему классу, по отношению к финскому рабочему движению, ибо, как пишет Коллонтай, «при господстве русского царизма идеалы социального переустройства становятся совершенно невыполнимыми»⁶⁶.

Коллонтай считала, что при существовании обостренного национального вопроса классовые противоречия всегда отходят на второй план, медленнее растет классовое самосознание пролетариата, замедляется социальный прогресс. В качестве примера она приводила всеобщую стачку типографских рабочих Финляндии в 1900 г., окончившуюся неудачей. Это организованное выступление целого отряда рабочего класса совпало с новым походом царизма на Финляндию. Подобное обстоятельство тотчас же было использовано финской буржуазией, обвинившей рабочих в «непатриотичности». Националистически настроенные студенты встали на место наборщиков, и стачка была сорвана⁶⁷.

Царское правительство, стремясь сыграть на классовых противоречиях финского общества, некоторое время занимало «по-

⁶⁵ Коллонтай А. М. Финляндия и социализм, с. 20.

⁶⁶ Там же, с. 18.

⁶⁷ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих, с. 264.

кровительственную», патерналистическую позицию по отношению к финскому рабочему классу. В голодном 1902 г. царскими властями устраивались «народные столовые» для рабочих. В то время, как штрафовались и закрывались финские буржуазно-либеральные органы печати, довольно свободно выходила рабочая пресса, относительной свободой пользовались профсоюзы. Но уже в 1903 г., когда в основном было сломлено сопротивление финской буржуазии, на V рабочем съезде в Форссе присутствовали чины полиции.

Признавая первоочередность задачи освобождения Финляндии из-под ига самодержавия, Коллонтай никогда не призывала финских рабочих к сотрудничеству с собственной, национальной буржуазией. Она всегда призывала к сотрудничеству пролетариата Финляндии и России: «Финляндские рабочие имеют за собою опытность в деле организации и внешнего упорядочения движения; русские, со своей стороны, могут внести широкий размах мысли и смелость поступков. От подобного соединения выиграют обе стороны»⁶⁸.

В такой многонациональной стране, какой была царская Россия, успех будущей революции во многом зависел от правильной программы и тактики рабочей партии по национальному вопросу. Именно поэтому на пороге первой русской революции немаловажное значение имела разработка Коллонтай национального вопроса на материале истории финского рабочего движения, в то время еще мало известной за пределами этой страны.

Революции 1905—1907 гг. в Финляндии были посвящены заключительная статья в брошюре «Финляндия и социализм» и целый ряд других статей.

Революция 1905 года в России всколыхнула Финляндию. И вскоре борьба финского пролетариата против царизма и национальной буржуазии за восстановление и коренную демократизацию конституции увенчалась блестящей победой. 4 ноября (22 октября) 1905 г. был опубликован манифест о восстановлении в Финляндии конституционных свобод. Незадолго перед этим конституционалисты дали представителям рабочих торжественное обещание провести реформу народного представительства. Описывая ход революционных событий в Финляндии, Коллонтай подчеркивала, что эти успехи в борьбе были достигнуты финским рабочим классом только благодаря поддержке русского пролетариата. В то же время и финские рабочие оказали русскому рабочему классу немалую помощь в борьбе с царизмом: «Только под двойным натиском русского и финляндского рабочего класса бросило испуганное правительство населению импе-

⁶⁸ Коллонтай А. М. Финляндия и социализм, с. 18.

рии и Великого княжества свои двойные конституционные обещания. ...Прочное народовластие в империи и Великом княжестве, как ближайшая задача, коренное переустройство общества, как конечная цель, — вот те пункты, которые создают реальную почву для тесного общения и сотрудничества авангарда пролетариата Финляндии и России — финляндской и русской социал-демократии»⁶⁹.

В то же время Коллонтай останавливала внимание читателя и на одном тревожном симптоме в жизни финляндской социал-демократии. Одному из лидеров партии, Кари, было предложено войти в состав финляндского Сената, являвшегося по существу правительством страны. Так возникло «дело Кари», которое было повторением на финляндской почве «дела Мильерана». В среде финских социал-демократов разгорелись ожесточенные споры по поводу «дела Кари». «Жизнь и позднейшая деятельность Сената, оказавшегося игрушкой в руках русского правительства, показали, на чьей стороне была правда»⁷⁰.

Критическому разбору нового сеймового Устава Финляндии (опубликованного в феврале 1906 г.) был посвящен первый раздел большой статьи Коллонтай «Новый финляндский парламент».

Сеймовый Устав состоял из двух частей, первая из которых определяла права Сейма, а вторая — порядок выборов в Сейм. Коллонтай подчеркивала, что если вторая часть Устава являлась крупной победой рабочего класса, то при помощи первой — авторы Устава пытались свести на нет завоевания финских рабочих. Анализируя первую часть сеймового Устава, Коллонтай отмечала, что и новый Устав оставлял за монархом важнейшие рычаги власти. Из них наибольшее значение она придавала исключительному праву законодательной инициативы, которым обладал монарх в области организации военных и военно-морских сил: «Оставить неограниченную законодательную власть в области военного дела в руках монархического правительства — значит добровольно признать себя обязанным повиноваться власти штыков»⁷¹.

Наконец, как подчеркивается в статье, высший исполнительный орган Финляндии — финляндский Сенат — несет ответственность не столько перед Сеймом, сколько перед монархом. Подводя итог всему сказанному, Коллонтай иронически заключала: «Составители нового устава тщательно переливали старое вино в новые мехи, боясь расплескать малейшую часть драгоценнейшей влаги — классового господства»⁷². Под «новыми мехами» Коллонтай подразумевала новый избирательный закон, введший в

⁶⁹ Коллонтай А. М. Финляндия и социализм, с. 73; Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 60.

⁷⁰ Коллонтай А. М. Финляндия и социализм, с. 69.

⁷¹ Коллонтай А. М. Новый финляндский парламент. — «Образование», 1907, № 4, с. 75—77.

⁷² Там же, с. 82.

стране всеобщее, равное и прямое избирательное право при пропорциональной системе.

Коллонтай подчеркивала, что шведоманы, заседавшие в Сенате и под давлением народа вынужденные пересмотреть Устав, уже в своих собственных классовых интересах должны были придать избирательной реформе такой последовательный характер. В самом деле, при мажоритарной системе эта партия, довольно малочисленная, была бы поглощена финноманами и социал-демократами⁷³.

Заключительный раздел статьи Коллонтай «Новый финляндский парламент» был посвящен итогам первых выборов в финский Сейм по новому Уставу, на которых крупную победу одержала социал-демократическая партия⁷⁴.

Сопоставляя программы различных партий Финляндии, Коллонтай пришла к выводу, что победу социал-демократам обеспечил последовательный демократизм политической части их программы и радикализм экономической части. Большинство буржуазных партий примирилось с половинчатой конституцией Финляндии. За расширение демократических свобод наряду с социал-демократами выступала лишь мелкобуржуазная младофинская партия. Но «вся экономическая часть программы младофиннов,— замечала Коллонтай,— находилась в быющем в глаза несоответствии с их политическим радикализмом и наводила невольно на мысль, что политический демократизм партии не вытекает из ее экономических требований, а является лишь парадной мантией, скрашивающей ее социальное убожество»⁷⁵.

Коллонтай убедительно доказывала, что из всех политических партий Финляндии именно социал-демократы выдвинули наиболее широкую программу социально-экономических реформ. Недаром социал-демократам удалось повести за собой не только рабочий класс, но и многочисленную армию безземельного сельскохозяйственного пролетариата: именно «сотни тысяч безземельных избирателей держали, можно сказать, решение вопроса победы или поражения той или иной партии»⁷⁶.

Коллонтай подробно анализировала и сопоставляла аграрные программы всех основных партий Финляндии. Например, шведоманы (партия шведской аристократии) обещали открыть широкий государственный кредит для облегчения покупки земли безземельными крестьянами. Но программа шведоманов умалчивала, каким способом будет образован необходимый земельный фонд. Коллонтай умело вскрыла классовую сущность аграрной политики шведоманов: «По всей вероятности, предполагалось,

⁷³ Там же, № 5, с. 59.

⁷⁴ Социал-демократы завоевали 70 мест из 200 и образовали самую многочисленную фракцию в Сейме.

⁷⁵ Коллонтай А. М. Новый финляндский парламент.— «Образование», 1907, № 7, с. 25.

⁷⁶ Там же, с. 27.

что как только казна откроет широкий кредит безземельному населению, господа помещики охотно приступят к распродаже наименее пригодных участков поместий по «приличной оценке»⁷⁷.

Как и шведоманы, старофинны (партия финской буржуазии) «не сумели отрешиться от узкоклассовой точки зрения и, при всей внешней благожелательности в отношении сельского пролетариата, пытались одновременно и низам подачку бросить, и свои интересы соблюсти»⁷⁸.

Далее Коллонтай рассматривала аграрную программу финской социал-демократии. Программа предусматривала конфискацию церковных и крупновладельческих земель, а также всех прочих невозделываемых угодий. Все перечисленные земли должны были поступить в собственность коммунальных самоуправлений с тем, чтобы они уже распределяли их между безземельными сельскими жителями. Кроме того, намечалось, что коммуны будут скупать все продаваемые земли и таким образом постепенно сокращать частную собственность на землю⁷⁹. Как видим, в основе аграрной программы финских социал-демократов лежал принцип муниципализации земли. Как явствует из статьи, это положение вполне разделялось и самой Коллонтай.

По-видимому, коммуналистская тактика финских социал-демократов во многом объяснялась особенностями положения Финляндии в составе Российской империи, а также сложностью переживаемого страной исторического момента. Русская революция шла на убыль, а вместе с ней отодвигался и вопрос о национальном самоопределении Финляндии. «Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании»⁸⁰ — констатировал В. И. Ленин в 1901 г. То же самое можно сказать и о 1907 г.

Финляндский Сейм имел ограниченные права и должен был занять оборонительную позицию против царской бюрократии. Между тем коммунальные самоуправления представляли собой как бы вторую линию окопов в борьбе с царским самодержавием. В пределах своих территорий они пользовались относительной свободой, и через голову Сейма до них не всегда могла дотянуться рука царизма. И вот, чтобы успешно бороться на передовой линии, финские социал-демократы намеревались как можно надежнее организовать тыл — провести при помощи коммун некоторые социальные преобразования. Однако в условиях спада русской революции финские социал-демократы вряд ли могли рассчитывать на успешное проведение в жизнь своей программы. Кроме того, эта программа не ставила вопроса об улучшении положения мелкого крестьянства Финляндии, о привлечении

⁷⁷ Коллонтай А. М. Новый финляндский парламент.— «Образование», 1907, № 7, с. 30.

⁷⁸ Там же, с. 29.

⁷⁹ Там же, с. 31.

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 356.

этого многочисленного слоя трудового населения на сторону рабочего класса. Таким образом, коммуналистская тактика финляндских социал-демократов для данного периода имела свой смысл и значение, но все же не вела к полному разрешению аграрного вопроса.

Коллонтай не оставила работ по аграрному вопросу в России, поэтому трудно судить, поддерживала ли она коммуналистскую тактику финских социал-демократов в какой-то мере из-за сходимости с аграрной программой меньшевиков, к которым она примыкала в 1906—1915 гг., или же ее меньшевизм во многом вырос из некритического перенесения принципа муниципализации на русскую почву.

Следует отметить также, что не совсем верно был решен Коллонтай вопрос о политических союзниках финского рабочего класса и его партии. Она никогда не ставила вопроса о союзе с конституционной, либеральной буржуазией. Наоборот, все ее статьи и книги пронизывает мысль о непримиримости интересов рабочего класса и буржуазии в любое время, в любых условиях. Но, как уже отмечалось выше, Коллонтай обходила и вопрос о союзе с мелким крестьянством. В результате в ее изображении финская социал-демократия и рабочий класс оказывались в полной политической изоляции в своей стране. «На страже национальной самостоятельности одиноко стоит рабочий класс»⁸¹, — писала она, считая, по-видимому, такое положение вполне оправданным.

Между тем в стенах Сейма рядом с социал-демократическими депутатами заседали члены молодой партии «Аграрный союз», которая от выборов к выборам увеличивала свое представительство и которой предстояло сыграть немаловажную роль в истории страны. Сама Коллонтай характеризовала эту партию как «чисто крестьянскую, защищающую и выражающую несравненно отчетливее интересы мелкого землевладения». «В области политики она строго конституционна, а на почве социальных реформ — соприкасается с социал-демократией, не признавая, однако, ее теоретических предпосылок»⁸². Несмотря на это, Коллонтай даже не пыталась рассмотреть вопрос о возможности политического союза с этой партией.

Итак, проблемы финляндской истории, поднятые в трудах Коллонтай, в основном сосредоточены в хронологическом отрезке с середины XIX в. до конца революции 1906—1907 гг. Несмотря на отдельные недостатки, эти труды имели немаловажное значение для сближения русского и финляндского освободительного движения. Глубокие познания Коллонтай в области экономики, политики, жизни и быта Финляндии высоко ценились в среде ее партийных товарищей. В. И. Ленин, приступая к выпуску

⁸¹ Коллонтай А. М. Общественное движение в Финляндии.— В кн.: Общественное движение в России в начале XX века, кн. 7, т. IV, ч. 2. СПб., 1914, с. 249—250.

⁸² Там же, с. 255.

большевистской газеты «Вперед», писал А. А. Богданову 10 января 1905 г. о том, что к изданию необходимо привлечь Коллонтай, так как «архивужны статьи о Финляндии»⁸³.

В революционном 1917 г. научные и практические познания Коллонтай о Финляндии использовались партией большевиков в борьбе за достижение единства действий финских и русских рабочих. На IX съезде социал-демократической партии Финляндии (июнь 1917 г.) Коллонтай выступила с призывом к общей борьбе, «которая имеет целью освобождение народов от капитализма и империализма». На I Всероссийском съезде Советов Коллонтай выступала в поддержку права финского народа на национальное самоопределение⁸⁴.

Обобщая все ранее сказанное, можно заметить, что статьи и работы Коллонтай были действенным оружием борьбы против самодержавия, против финской и русской буржуазии, служили целям сплочения пролетариата многонациональной России в его борьбе за демократическое и социальное переустройство общества.

Это в равной степени относится как к ее исследованию полувекового пути развития финляндской экономики, истории финского рабочего движения, так и к публицистическим статьям. Все это определило ее заслуги перед финляндским и русским рабочим движением.

Но значение трудов Коллонтай по истории Финляндии не ограничивается годами совместной борьбы русского и финляндского пролетариата против царизма. Ее работы (и прежде всего — глубокое и многоплановое исследование «Жизнь финляндских рабочих»), несмотря на отдельные недостатки, не потеряли своего научного значения и в наши дни. Коллонтай по праву можно считать одним из пионеров в области изучения многих проблем нового, капиталистического этапа истории Финляндии⁸⁵. Советские историки, исследуя развитие капитализма в Финляндии, борьбу финского пролетариата и его связи с русским рабочим классом, опираются на многие выводы и обобщения Коллонтай⁸⁶. Новые исследования не только не делают устаревшими работы Коллонтай, но, напротив, поднимают их значение, и это — свидетельство ее заслуг перед исторической наукой.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 6.

⁸⁴ Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи, с. 214—222.

⁸⁵ Эрки Саломаа. Указ. соч., с. 301—302.

⁸⁶ См.: Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции; Жербин А. С. Формирование промышленного пролетариата в Финляндии во второй половине XIX в. М.—Л., 1963; Бобович И. М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции (Эпоха империализма). Л., 1968.

Е. В. ТАРЛЕ — ИСТОРИК КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Е. И. Чапкевич

В творчестве выдающегося ученого академика Евгения Викторовича Тарле значительное место занимают работы, посвященные истории Крымской войны. Во второй половине 30-х годов XX в., когда миллионы людей начали ощущать угрозу новой мировой войны, историк-патриот обратился к славным страницам героического прошлого русского народа. История России всегда привлекала внимание Тарле, несмотря на то, что значительная часть его творчества была посвящена проблемам всеобщей истории. Об этом свидетельствует его любопытный разговор с писателем Е. Л. Ланном. «Я говорю, — вспоминал Ланн, — что времени у меня не хватило на изучение русской истории, занимался только историей Англии. Е. В. говорит: «А для меня русская история интереснее, чем любая другая. Больше всего я люблю русскую историю»¹. Конкретно эта любовь к героическому прошлому своей Родины, ее борьбе против иноземных захватчиков воплотилась в работах, написанных накануне и во время Великой Отечественной войны.

Завершив серию произведений о борьбе русского народа против наполеоновского нашествия, Тарле задумал написать работу об обороне Севастополя и ее героях, которая затем выросла в фундаментальную монографию о Крымской войне. Желание написать такую книгу было также обусловлено интересом ученого к сложной дипломатической борьбе европейских держав вокруг Восточного вопроса в 20—50-е годы XIX в.

К работе над монографией Тарле приступил в 1937 г., о чем свидетельствуют его рецензия на книгу Гарольда Темперли², письмо к Е. Л. Ланну, датированное 25 апреля 1938 г.³, и интервью ученого корреспонденту «Рабочей Москвы»⁴. Эти данные опровергают версию некоторых зарубежных буржуазных биографов Тарле, утверждающих, будто «Крымская война» была задумана им как реакция на ухудшение отношений Советского Союза с западными державами летом 1939 г. (после неудачной попытки заключить союз против фашистской Германии) с целью одностороннего разоблачения англо-французской дипломатии на Ближнем Востоке в середине прошлого века⁵.

¹ ЦГАЛИ СССР, ф. 2210 (Е. Л. Ланна), оп. 1, д. 137, л. 30.

² Тарле Е. [Рец. на кн.:] *Temperley H. England and Near East. Crimea*. London, 1936. — «Историк-марксист», 1937, № 3.

³ Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 80.

⁴ «Рабочая Москва», 1938, 30 декабря.

⁵ *Weintraub W. Błąski i nędzi życia prof. Tarlego*. — «Teki historyczne», 1948,

Первый фрагмент будущей книги был опубликован Тарле в периодической печати в самом начале 1939 г.⁶, а год спустя он издал часть ее в виде биографии одного из самых выдающихся организаторов обороны Севастополя — адмирала Нахимова⁷. Будучи блестящим мастером исторического портрета, Тарле создал выразительный образ замечательного русского флотоводца и показал его многогранную деятельность на широком фоне исторических событий Крымской войны. Его книга о Нахимове выдержала восемь изданий, была переведена на некоторые языки народов СССР и опубликована за рубежом.

Два тома «Крымской войны» вышли из печати⁸, когда советский народ вел уже кровавую битву с фашизмом. В силу этого монография Тарле приобрела особую актуальность, так как настроения советских воинов, повторявших у стен города-героя славный подвиг своих мужественных предков, были созвучны настроениям защитников Севастополя в годы Крымской войны. Оба тома монографии Тарле были тепло встречены советскими читателями, а за первый том он был удостоен в 1943 г. Государственной премии. «Крымская война» несколько раз издавалась в нашей стране и была переведена на польский, чешский и румынский языки.

Задача Тарле как исследователя в определенной степени осложнялась наличием обширной отечественной и иностранной литературы по истории Крымской войны. Восточный вопрос и войны царской России с Турцией приковывали к себе пристальное внимание многих русских дореволюционных историков и публицистов. Наибольший интерес дворянско-буржуазная историография проявляла к Восточному вопросу в моменты его очередного обострения. Обращаясь к истории предшествующих кризисов, официозные ученые и публицисты стремились обосновать право России на вмешательство во внутренние дела Турции и пытались предостеречь царское самодержавие от прежних политических ошибок. Однако официозная историография, представленная работами М. И. Богдановича, С. С. Татищева, Н. Ф. Дубровина, А. Н. Петрова, А. М. Зайончковского⁹, в силу своих

2, S. 130; *Hösch E.* Evgenij Viktorovič Tarle und seine Stellung in der Sowjetischen Geschichtswissenschaft. Wiesbaden, 1964, S. 126.

⁶ *Тарле Е. В.* Оборона Севастополя.— «Пионер», 1939, № 2, с. 79—87.

⁷ *Тарле Е. В.* Нахимов. М., 1940.

⁸ *Тарле Е. В.* Крымская война, т. 1—2. М.—Л., 1941—1943.

⁹ *Богданович М. И.* Восточная война 1853—1856 годов, т. I—III. СПб., 1876; *Татищев С. С.* Внешняя политика имп. Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887; *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900; *Он же.* Восточная война 1853—1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. СПб., 1878; *Петров А. Н.* Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг., т. I—II. СПб., 1890—1893; *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой т. I, ч. 1—2. СПб., 1908; т. II, СПб., 1912.

классовых позиций была не в состоянии вскрыть ни сущности, ни социально-экономических предпосылок активизации внешней политики России на Ближнем Востоке и выявить ее взаимосвязь с внутренней политикой царизма. Все войны России с Турцией она рассматривала как борьбу за освобождение христиан от религиозного гнета ислама. Идеализируя Николая I как защитника христианских подданных султана и территориальной целостности Османской империи, дворянско-монархические историки превратно трактовали восточную политику России. Особенно наглядно это проявлялось при оценке ими характера и причин Крымской войны. Основную причину возникновения войны они смешивали с поводом и сводили ее к спору о «святых местах»¹⁰.

Отрицая намерения царского самодержавия использовать этот надуманный вопрос в качестве удобного предлога для вмешательства во внутренние дела Турции, официальная историография утверждала, что Николая I на войну спровоцировали Англия и Франция. Всю вину за развязывание Крымской войны она возлагала на державы Западной Европы. Но даже при столь одностороннем разоблачении виновников войны русские дворянско-монархические историки, не располагавшие документальными источниками по истории международных отношений, оказались не в состоянии аргументированно доказать, что политика Англии, Франции и Австрии носила агрессивный характер.

Не сумел правильно раскрыть сущность Восточного вопроса и такой столп русской либеральной буржуазной историографии, как С. М. Соловьев. Рассматривая эту проблему, он освещал историю Восточного вопроса с идеалистических позиций, как один из моментов в вековой борьбе между «морем и степью», как борьбу Европы и Азии¹¹. Как и представители официальной историографии, Соловьев преувеличивал роль религиозной общности русского народа с населением Балкан в качестве основной причины активной политики русского царизма на Ближнем Востоке.

Правда, некоторыми русскими буржуазными учеными предпринимались попытки взглянуть на Восточный вопрос несколько шире, выйдя за рамки религиозной проблемы. К числу таких принадлежал талантливый русский востоковед и публицист П. А. Чихачев, опубликовавший еще в 1854 г. брошюру «Об англо-французской политике в Восточном вопросе»¹². Внешнюю политику Англии накануне Крымской войны он ставил в прямую зависимость от ее социально-экономического положения и

¹⁰ Богданович М. И. Указ. соч., т. I, с. 37; Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853—1856 годов. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича, с. 2—3; Зайончковский А. М. Указ. соч., т. I, ч. 1, с. 385.

¹¹ Соловьев С. М. Собр. соч., т. I. СПб., 1901, с. 907.

¹² См.: Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.

приходил к выводу, что она была продиктована меркантильными интересами на Ближнем Востоке, стремлением обеспечить новые рынками сбыта развивающуюся промышленность. Но Чихачев игнорировал экономические интересы Франции и России на Ближнем Востоке и поэтому единственным виновником обострения Восточного вопроса считал Англию.

Попытку рассмотрения русской внешней политики на Ближнем Востоке с учетом экономических интересов России предпринял другой буржуазный историк — С. Жигарев¹³. Он полагал, что Россия преследовала в Восточном вопросе не только цели помощи своим единоверцам, но и вполне реальные материальные интересы, связанные со свободой мореплавания по Черному морю для своего торгового и военного флотов¹⁴. Но, указывая на это обстоятельство, Жигарев в то же время был слишком далек от того, чтобы выяснять характер и классовую сущность ближневосточной политики царизма. Он также отрицал ее агрессивный характер и преувеличивал роль религиозного вопроса как предлога для ее активизации.

Кроме того, для некоторых представителей русской дореволюционной буржуазной историографии начала XX в., в частности, для С. Горяинова¹⁵, было характерно стремление свести сложное содержание Восточного вопроса к юридическим принципам международного права прохода военных кораблей через Босфор и Дарданеллы. При этом он отрывал внешнюю политику России на Ближнем Востоке от внутривосточных и экономических проблем ее истории и поддерживал экспансионистские планы царского самодержавия.

Таким образом, вся русская дореволюционная дворянско-буржуазная историография оказалась не в состоянии вскрыть классовую сущность ближневосточной политики царизма и отрицала ее агрессивный характер, возлагая всю ответственность за развязывание Крымской войны на европейские державы. В силу того, что она игнорировала экономические, политические и социальные факторы, оказывавшие воздействие на активность внешней политики великих держав на Ближнем Востоке, ее представители не сумели правильно рассмотреть Восточный вопрос как узел международных противоречий. Дворянско-буржуазная историография была также несостоятельной в оценке тактики дипломатической борьбы вокруг Восточного вопроса, в освещении изменения ее методов в зависимости от конкретной международной обстановки.

В противовес русской дореволюционной историографии, англо-американские буржуазные историки, как консерваторы, так и либералы (начиная с непосредственного участника Крымской

¹³ Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе, М., 1896.

¹⁴ Там же, с. 11.

¹⁵ Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.

войны А. Кинглека¹⁶ и кончая современниками Тарле: Ф. Мосли, Ф. Бейли, М. Кингсли, Г. Темперли, В. Пьюриром и др.¹⁷), впадали в другую крайность и вину за развязывание вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке возлагали только на Россию. В оценке ее восточной политики они исходили из того положения, будто бы царизм на протяжении всего XIX в. стремился к разделу владений Османской империи, умалчивая о том, что Николай I поставил вопрос о «наследстве больного человека» только после отмены условий Унклар-Искелесийского договора¹⁸. Обходя молчанием экспансионистские планы западных держав на Ближнем Востоке, зарубежные историки трактовали политику этих держав как пассивную, направленную на оборону Ближнего Востока от наступления России. Поэтому они, почти без исключения, заявляли, что Англия в этом районе защищала подступы к своим владениям в Индии, и скрывали тот факт, что в 40 — начале 50-х годов XIX в. происходило укрепление ее экономических позиций в Турции и даже предпринималась попытка установить контроль над ее финансами.

Другой легендой, получившей распространение в зарубежной буржуазной историографии, являлась версия, будто бы Англия, Франция и Австрия защищали интересы балканских народов от порабощения со стороны царского самодержавия. Стремясь реабилитировать захватнический характер политики Англии на Ближнем Востоке, отдельные англо-американские историки утверждали, что для нее Крымская война носила справедливый характер, так как велась против «жандарма Европы», отказывавшегося покончить с реакционной системой, установленной Венским конгрессом¹⁹. Не отставали от них и некоторые французские историки, отрицавшие агрессивные планы Наполеона III. Так, Е. Дрио и А. Дебидур в своих работах проводили мысль, что в Крымской войне только Россия и Англия стремились к территориальным захватам за счет Турции, а Франция защищала на Ближнем Востоке лишь интересы Египта²⁰.

Таким образом, зарубежная буржуазная историография, как и русские дворянско-буржуазные историки, оказалась не в состоянии вскрыть подлинные причины борьбы великих держав вокруг Восточного вопроса.

¹⁶ *Kinglake A. W. The Invasion of the Crimea*, vol. 1—6. Leipzig, 1865—1868.

¹⁷ *Mosley P. E. Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838 and 1839*. Cambridge, 1934; *Baily F. British Policy and Turkish Reform Movement*. Cambridge, 1942; *Kingsley M. Triumph of Lord Palmerston*. London, 1924; *Temperley H. W. England and the Near East. The Crimea*. London, 1936; *Purveyor V. J. England, Russia and Straits Questions*. 1844—1856. Berkely. California, 1931.

¹⁸ *Георгиев В. А. Англо-американская историография Восточного вопроса.* — «Вопросы истории», 1963, № 3.

¹⁹ *Stephenson G. Russia from 1812 to 1945. A History*. New York, 1970, p. 247.

²⁰ *Driault E. La questin d'Orient depuis les origines jusqu'a nos jours*. Paris, 1909; *Дебидур А. Дипломатическая история Европы*, т. I. М., 1947.

Принципиально иную оценку дали ей основоположники научного коммунизма. В целом ряде статей, посвященных анализу международных отношений великих держав на Ближнем Востоке, К. Маркс и Ф. Энгельс разоблачали подлинные цели их внешней политики, в основе которой, по их мнению, лежит соперничество за экономическое и политическое преобладание в странах Азии. Характеризуя основные причины конфликта между Россией и Англией накануне Крымской войны, Ф. Энгельс писал: «Поле торговой битвы между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля, которая раньше доходила до границ английской империи на Востоке, теперь отеснена на оборонительные рубежи, проходящие по самому краю ее собственной таможенной границы. Значение этого обстоятельства с точки зрения того или иного решения восточного вопроса в будущем и с точки зрения той роли, которую могут сыграть при этом как Россия, так и Англия,— совершенно очевидно. Эти страны есть и постоянно будут антагонистами на Востоке»²¹. Исходя из этого, Ф. Энгельс приходит к выводу, что политика обеих держав, определяемая их экономическими и стратегическими интересами на Востоке, носила агрессивный характер.

К рассмотрению внешней политики различных европейских государств накануне и во время Крымской войны К. Маркс и Ф. Энгельс подходили с точки зрения перспектив развития рабочего, демократического и национально-освободительного движения. Именно поэтому они с особой силой разоблачали в своих статьях внешнюю политику русского царизма и потворство ему со стороны правительств европейских стран. В своей статье «Секретная дипломатическая переписка» К. Маркс указывал, что, несмотря на наличие острых англо-русских противоречий, целый ряд государственных деятелей Великобритании в период, предшествующий Крымской войне, стремился договориться с царизмом о разделе Турции, обеспечив себе при этом решении выгодные позиции на Ближнем Востоке.

Разоблачая агрессивность политики Николая I, основоположники марксизма срывали с него маску «друга» и «покровителя» балканских народов. Они подчеркивали, что симпатии славянских народов к России и русскому народу царизм стремился использовать как удобный предлог для установления своей гегемонии на Балканах. Но одновременно Маркс и Энгельс выступали против политики западных держав в этом районе, направленной на сохранение положения *status quo* Османской империи. Сравнивая политику России и Великобритании на Ближнем Востоке, основоположники научного коммунизма отмечали, что первая объективно несла освобождение народам Балканского полуострова от ненавистного турецкого ига, в то время как Англия пыталась

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 13.

сохранить власть султана над болгарами, сербами и греками²². Поэтому единственно верный выход они видели в предоставлении балканским народам национальной независимости и в создании на Балканах самостоятельного славянского государства.

К. Маркс и Ф. Энгельс сумели также вскрыть истинную подоплеку политики Наполеона III накануне и во время Крымской войны. Анализируя взаимосвязь внутренней и внешней политики бонапартистской Франции, Маркс подчеркивал, что для Наполеона III участие в Крымской войне стало одним из средств укрепления своей диктатуры. Он неоднократно указывал, что Луи-Бонапарт сыграл роль одного из главных зачинщиков Крымской войны. *«Истинным источником теперешнего восточного кризиса,— писал Маркс,— является бонапартистская узурпация»*²³.

Разоблачение захватнической политики великих держав в Восточном вопросе мы видим и в произведениях В. И. Ленина. *«И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии,— писал он,— царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами»*²⁴. Но, обличая агрессивность царизма, В. И. Ленин считал необходимым подчеркнуть, что политика Англии на Ближнем Востоке в силу ее экономических и стратегических интересов носила не менее захватнический характер. *«Англия,— указывал он,— была сильнейшим врагом разбойничьей политики России потому, что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»*²⁵.

Таким образом, классики марксизма-ленинизма, подходя к анализу Восточного вопроса, считали своим долгом выявить причины острой борьбы великих держав на Ближнем Востоке и подчеркивали захватнический характер их политики.

В советской историографии с острой критикой агрессивной внешней политики царизма в Восточном вопросе и с обнажением ее социально-экономических предпосылок впервые выступил М. Н. Покровский²⁶. Его произведения о внешней политике России в 20—50-х годах XIX в.— это страстное и гневное осуждение международной политики самодержавия в эпоху царствования Николая I. Акцентируя внимание на разоблачении захватнической политики царизма в Восточном вопросе, Покровский проявлял определенную односторонность и умалчивал в своих работах об агрессивности западных держав. Замыслам Николая I об укреплении позиций России на Балканах и в зоне проливов он

²² См. там же, с. 31—33.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 64.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 186.

²⁵ Там же.

²⁶ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М., 1923.

противопоставлял мнимое миролюбие Пальмерстона и Наполеона III. Анализируя ход военных действий Крымской войны, Покровский преувеличивал успехи войск англо-французской коалиции и незаслуженно принижал героизм и самоотверженность русских солдат и матросов при обороне Севастополя. Такая трактовка ученым Крымской войны вытекала из его общей концепции внешней политики России, направленной на преимущественное разоблачение агрессии царизма, и в конечном итоге привела его к неумению провести разграничительную линию между захватнической политикой Николая I и героическим прошлым русского народа.

В силу порочности методологии русской дореволюционной и зарубежной буржуазной историографии в оценке международных отношений великих держав в Восточном вопросе, в силу недостатков, присущих концепции М. Н. Покровского, перед Тарле стояла задача, используя огромный фактический материал, на основе марксистско-ленинской методологии показать, как шло развитие Восточного вопроса в первой половине XIX в.

Завершив к середине 30-х годов XX в. переход на позиции марксистской исторической науки, Тарле, исходя из ленинских указаний о необходимости разобраться, из каких конкретных условий вытекает та или иная война, стремился к выяснению наиболее важных причин Крымской войны. Он был первым из советских историков, кто дал методологически верную постановку восточной проблемы, осветив классовый характер внешней политики всех держав, принимавших участие в ее разрешении. Тарле показал глубокую взаимосвязь между их внутренней и внешней политикой, между дипломатией и войнами на Ближнем Востоке. Дав социально-экономический анализ положения России, Англии и Франции, он выявил причины и цели их захватнической политики. Кроме того, ученый показал, как феодально-крепостнический строй в России сказался на ослаблении позиций царизма на международной арене и в конечном итоге привел к поражению в Крымской войне. Однако, разоблачая агрессивность царского самодержавия, Тарле сумел провести четкую грань между его политикой и героизмом русского народа, проявленным при обороне Севастополя, Петропавловска-на-Камчатке, Соловецких островов. Естественно, что такой подход к изучению Восточного вопроса и Крымской войны принципиально отличался от методологии русской дореволюционной и зарубежной буржуазной историографии и в то же время от односторонней концепции, присущей работам Покровского.

Заслуга Тарле как историка Крымской войны заключается и в том, что он сумел привлечь для написания своей монографии огромный круг источников самого разнообразного характера. Источниковедческая база дворянско-буржуазной историографии была ограниченной. Большинство авторов произведений о Крымской войне не получило доступа к дипломатическим архивам,

вследствие чего их работы свелись в основном к описанию хода военных действий. Картина дипломатической борьбы или совсем не нашла освещения в их произведениях, или раскрывалась очень поверхностно. Так как взаимосвязь между внешней и внутренней политикой ими игнорировалась, то источники, характеризующие социально-экономическое положение накануне и во время Крымской войны, оставались за пределами их внимания.

Произведения зарубежной буржуазной историографии Восточного вопроса и Крымской войны тоже опирались на узкий круг источников. Большинство документов из советских архивов остались неизвестными ее представителям. А подбор и изучение источников из зарубежных архивов они осуществляли под определенным углом зрения, подчеркивая ответственность России за развязывание конфликтов на Ближнем Востоке.

В отличие от своих предшественников, Тарле использовал в «Крымской войне» архивные официальные документы, материалы и письма, извлеченные из личных фондов, воспоминания участников событий, показания прессы и источники иностранного происхождения. При этом он не ограничился исследованием документов из центральных архивов страны, а повел также широкий поиск материалов в хранилищах Севастополя, Симферополя, Одессы и Алма-Аты.

О том, как Тарле скрупулезно собирал источники, свидетельствует такой факт. Узнав из книги С. Я. Штрайха о Н. И. Пирогове, о существовании мемуаров А. А. Пеликана — внука начальника военно-медицинского ведомства, в которых излагалось отношение русского общества к смерти Николая I, Тарле просил автора «прислать ему указания, где именно опубликованы эти воспоминания»²⁷. Хотя в «Крымской войне» им уделено всего две строчки, историк считал своим долгом ознакомиться с ними.

По уровню использования источников монография Тарле вплоть до настоящего времени остается наиболее фундаментальным произведением по истории Крымской войны. При этом она не «является сухим академическим исследованием», как это утверждает итальянский историк Ф. Вентури²⁸. Написанная блестящим литературным языком мастера исторических портретов и сцен батальной и дипломатической борьбы, «Крымская война» является не только ценным научным, но и высокохудожественным произведением.

Крымскую войну Тарле рассматривал как завершающий итог развития Восточного вопроса в первой половине XIX в. Поэтому, опираясь на высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «всякий раз, когда утихает на время революционный ураган, один

²⁷ ОР ГБЛ, ф. 427 (С. Я. Штрайха), картон 3, д. 41, л. 3. Письмо Е. В. Тарле С. Я. Штрайху от 8 апреля 1940 г.

²⁸ *Venturi F. Evgenij Victorovič Tarle.* — «*Revista Storica Italiana*», 1956, N 6, s. 249.

и тот же вопрос непременно вновь всплывает на поверхность, — это вечный «восточный вопрос»²⁹, Тарле оценивает его как ведущий стержень внешнеполитического курса Николая I. По мнению ученого, мысль об установлении русского контроля над проливами была навязчивой идеей царского самодержавия, которое в зависимости от международной обстановки прибегало то к одной, то к другой тактике ее претворения в жизнь³⁰. «Эта мысль, — писал Тарле, — которая с екатерининских времен не переставала играть огромную роль в русской военно-дипломатической истории и которая в разное время принимала неодинаковые обличья, по существу оставалась единой. Иметь контроль над проливами, избавиться от серьезной опасности со стороны Англии, не пускать угрожающий чужой флот в Черное море, обезопасить все русское побережье Черного моря от обстрела кораблями любой державы, которая в согласии с Турцией пожелает громить русские приморские города, — таково было с давних пор одно из основных заданий, какие ставила себе русская дипломатия»³¹.

Подходя к рассмотрению Восточного вопроса с позиций марксистской методологии, Тарле утверждал, что политика царской России на Ближнем Востоке определялась экономическими интересами русских господствующих классов, стремившихся к беспрепятственному вывозу хлеба и товаров отечественного производства через черноморские порты. Однако эта правильная трактовка причин активизации политики царизма на Ближнем Востоке, приведшей к столкновению с Англией, которая в 30—40-е годы XIX в. расширила свою колониальную экспансию в Османской империи, не получила в первом издании «Крымской войны» полного и конкретного разъяснения. Тарле уклонился здесь от анализа того, как рост крепостничества вширь, связанный с освоением новых земельных массивов на юге страны и появлением крупных товарных зерновых и животноводческих хозяйств, развитие капиталистической промышленности и потребность во внешних рынках сбыта влияли на ближневосточную политику царизма. Поэтому первое издание монографии Тарле вызвало справедливые критические замечания советских историков³². В третьем издании «Крымской войны»³³ ученый, учтя замечания критиков, посвятил ряд страниц расширенного введения выяснению влияния экономических факторов на ближневосточную политику царской России. Однако обстоятельное освещение эта проблема получила уже

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 3.

³⁰ История дипломатии, т. II. М., 1941, с. 399.

³¹ Тарле Е. В. Соч., т. VIII. М., 1959, с. 81.

³² Дружинин Н. М., Панкратова А. М. [Рец. на кн.:] Академик Тарле Е. В. Крымская война, т. I. М.—Л., 1941.— «Исторический журнал», 1943, № 7; Дружинин Н. М. [Рец. на кн.:] Академик Тарле Е. В. Крымская война, т. II. М., 1943.— «Исторический журнал», 1944, № 12; Яковлев Н. Н. О книге Е. В. Тарле «Крымская война». — «Большевик», 1945, № 13.

³³ Тарле Е. В. Крымская война. М.—Л., 1950.

в последующих исследованиях А. В. Фадеева, Л. С. Семенова, В. А. Георгиева³⁴.

Одновременно с рассмотрением экономических причин русской экспансии на Ближнем Востоке ученый, используя богатый статистический материал, стремился к выяснению экономических интересов в этом районе Англии и Франции. В отличие от своих предшественников, объяснявших вступление Франции в Крымскую войну только личными мотивами Наполеона III и его окружения, Тарле сумел показать, что Франция имела в Османской империи определенные экономические интересы, идущие вразрез с целями русской внешней политики. Анализируя англо-русские и франко-русские экономические противоречия на Ближнем Востоке, историк, исходя из марксистской методологии, подчеркивал, что именно они сыграли решающую роль в обострении борьбы вокруг Восточного вопроса.

Однако Тарле решительно выступил против того, чтобы сущность борьбы вокруг Восточного вопроса сводить только к экономическим противоречиям: «Ни в коем случае нельзя суживать и вульгаризировать марксистское понимание исторической связи причин и следствий, сводя возникновение Крымской войны единственно только к непосредственной экономической борьбе России с Англией и Францией за турецкий рынок сбыта, за турецкий ввоз и вывоз»³⁵. Поэтому Тарле поставил перед собой задачу рассмотреть совокупность причин Крымской войны, а также борьбу общественного мнения, выступления различных группировок господствующих классов великих держав по поводу ближневосточной политики.

Для того чтобы лучше проследить подготовку Крымской войны, ученый на основе конкретного материала проанализировал содержание международных конфликтов на Ближнем Востоке еще задолго до ее развязывания. По словам Тарле, его цель заключалась в том, чтобы дать «анализ тех дипломатических конфликтов, которые непосредственно привели к войне, и тех дипломатических комбинаций, которые так влияли на развитие событий во время войны и особенно в конце ее, перед Парижским миром и в дни парижских конференций»³⁶. Поэтому он считал своей первоочередной задачей выяснение конкретных противоречий между Россией и каждой из враждебных ей держав в отдельности.

Из этих противоречий он выделил англо-русские как наиболее непримиримые. Рассматривая англо-русскую дипломатическую борьбу вокруг Восточного вопроса, он отметил измышления Темперли, Пюррира, Мосли и других зарубежных буржуазных исто-

³⁴ *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958; *Семенов Л. С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975; *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М., 1975.

³⁵ *Тарле Е. В.* Соч., т. VIII, с. 54.

³⁶ Там же, с. 45.

риков о миролюбивом характере английской внешней политики и о ее желании спасти независимость и территориальную целостность Турции. Как отмечал историк, английское правительство, выражая интересы крупной торгово-промышленной буржуазии, стремилось к недопущению усиления русского влияния на Балканском полуострове и в Средиземноморье не потому, что оно выступало против захватнических планов царизма как подлинный защитник Турции, а вследствие боязни за целостность своей колониальной империи и желания установить монопольный контроль над финансами и экономикой Османской империи. Анализируя высказывания английских публицистов и дипломатических документов того времени, Тарле сделал вывод о том, что стремление не допустить Россию к проливам было одним из важнейших звеньев всей антирусской британской политики на Востоке. Эта враждебная России политика, по мнению ученого, имела в своей основе страх перед возможным торговым (а затем и военным) проникновением царизма в Среднюю Азию, Персию и в конечном итоге — в Индию³⁷.

Тарле также выявил причины враждебного отношения к России со стороны Австрии и Франции. В отличие от таких дореволюционных историков, как С. С. Татищев, М. И. Богданович, М. А. Таубе³⁸, писавших о русско-австрийской борьбе, но не вскрывавших ее существа, Тарле старался выяснить ее истинную подоплеку: острые экономические и политические противоречия на Балканском полуострове и низовьях Дуная. По мнению Тарле, на Балканах внешняя политика царизма пришла в столкновение с агрессивными планами Австрии. Он подчеркивал, что усиливающееся влияние России в Дунайских княжествах вызывало опасение австрийских правящих кругов, которые стремились к укреплению своих позиций на Балканском полуострове³⁹. И хотя Тарле уделял определенное внимание тому, как царское самодержавие с помощью панславистских и славянофильских кругов стремилось использовать в своих интересах тягу балканских народов к России, анализ того, как субъективные цели внешней политики Николая I объективно способствовали подъему национально-освободительного движения на Балканском полуострове, не получил в его монографии должного развития.

Изучая франко-русские противоречия на Ближнем Востоке, Тарле писал, что они в значительной мере определялись торговыми и финансовыми интересами крупной французской буржуазии. Но характеристика их влияния на внешнеполитический курс Наполеона III была дана несколько поверхностно, в результате

³⁷ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 143.

³⁸ Татищев С. С. Указ. соч.; Богданович М. И. Указ. соч., т. I. Таубе М. А. Восточный вопрос и австро-русская политика в первой половине XIX столетия. Пг., 1916.

³⁹ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 17.

чего в изложении Тарле стремление французского императора с помощью победоносной войны укрепить диктатуру и поднять свой престиж в Европе оказались решающими причинами вступления Франции в Крымскую войну.

Проанализировав совокупность противоречий между великими державами в Восточном вопросе, Тарле, в отличие от русской дореволюционной и зарубежной буржуазной историографии, пришел к выводу, что политика царской России, как и ее противников, носила захватнический характер: «Захватнические агрессивные планы Николая, — подчеркивал он, — враждебно столкнулись с обширнейшей и уже давно проводимой программой экономического захвата Турции со стороны капиталистических держав Запада. Великодушная «защита» Османской империи была лишь ловко надетой и умело использованной маской. Дело шло не о спасении Турции, а о борьбе между захватчиками»⁴⁰.

Тарле указывал, что развязыванию Крымской войны предшествовала длительная и острая дипломатическая борьба между Россией и западными державами, носившая почти на протяжении 30 лет то явный, то скрытый характер. Он прослеживал позиции русской дипломатии по Восточному вопросу во время русско-турецкой войны 1827—1829 гг. и после ее окончания. На основе анализа архивных документов Тарле сумел понять намерения царизма на Ближнем Востоке после подписания Адрианопольского мира. Критикуя вымыслы представителей официальной русской историографии о благородстве и рыцарстве Николая I, якобы бескорыстно пославшего генерала Муравьева в Константинополь для помощи турецкому султану в борьбе против мятежного вассала Мухаммеда Али, Тарле писал, что эта акция преследовала установление русского контроля над проливами мирным путем. Одновременно, вопреки утверждениям зарубежных историков о том, что противодействие западных держав русским планам было продиктовано беспокойством о безопасности Турции, ученый подчеркивал, что их шаги были обусловлены стремлением извлечь выгоду.

По мнению Тарле, Россия в 30-х годах XIX в., используя тяжелое внутреннее положение Османской империи, решила изменить методы своей политики на Ближнем Востоке и бороться за достижение своей заветной цели под флагом «помощи» Турции: «Он (Николай I.— Е. Ч.), — пишет Тарле, — отказался от опасного соблазна ударить на Константинополь с моря, воспользовавшись беспомощным в тот момент положением турецкой столицы. Он решил, что время еще не пришло, и не хотел рисковать войной с Англией, и, быть может, с Францией. Николай остановился на мысли, — ничем не рискуя, чисто дипломатическим путем использовать положение, дополнить и улучшить недо-

⁴⁰ Там же, с. 63.

деланный в 1829 году Адрианопольский трактат»⁴¹. Результатом было заключение Ункиар-Искелессийского договора, который Тарле рассматривал как крупную дипломатическую победу России и очередной шаг на пути в борьбе за раздел Османской Порты.

Тарле интересовал также вопрос: как сказались заключение Ункиар-Искелессийского договора на дальнейшее развитие отношений России с западными державами? Согласно его мнению, заключение этого договора привело к еще большему обострению англо-русских и русско-австрийских отношений. Борьба западных держав за отмену его условий, как полагал Тарле, толкнула Николая I на изменение тактики ближневосточной политики: начиная с 1839 г. царизм стал стремиться к установлению своего контроля над проливами не путем сохранения территориальной целостности Турции, а за счет стовора с Англией о разделе «наследства больного человека». «Первым актом замышляемой царем комбинации,— писал Тарле,— должна была быть организация резкой и длительной ссоры между Англией и Францией. Вторым актом — полное дипломатическое соглашение России с Англией по вопросу о дележе турецких владений»⁴². Именно во имя союза с Англией Николай I пошел на ряд уступок лорду Пальмерстону на Среднем Востоке и даже отказался под нажимом западных держав от возобновления выгодных для России условий Ункиар-Искелессийского договора. Такое объяснение уступчивости царского самодержавия английской дипломатии дает, как правильно отмечали в своей рецензии на «Крымскую войну» Н. М. Дружинин и А. М. Панкратова, совершенно новое толкование русской политики в восточном вопросе в 40-х годах XIX в.⁴³

Если дворянско-буржуазная историография пыталась объяснить эти действия царя совершенным бескорыстием⁴⁴ и выражала сожаление по поводу такой уступчивости, рассматривая ее как политическую ошибку Николая I⁴⁵, то Тарле видел в этих действиях самодержавия вполне определенную и далеко идущую цель, направленную на то, чтобы купить согласие Англии на совместный раздел Турции. Вместе с тем Тарле полагал, что этот шаг Николая I, если и не означал пока полного поражения России в борьбе за проливы, то во всяком случае являлся началом целой серии ошибок и промахов русской дипломатии в ближневосточной политике.

Вторым безуспешным шагом царя по пути привлечения Англии в качестве союзницы Тарле считал его визит в Лондон в 1844 г. Он подчеркивал, что эта миссия Николая I являлась попыткой не только склонить английское правительство к союзу, но

⁴¹ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 85.

⁴² Там же, с. 97.

⁴³ «Исторический журнал», 1943, № 7, с. 81.

⁴⁴ Тагицев С. С. Указ. соч., с. 551.

⁴⁵ Нольде Б. Э. Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915, с. 69.

и выявить конкретные аппетиты английской буржуазии при возможном разделе Турции.

Таким образом, Тарле, в отличие от русской дворянско-буржуазной историографии, обходившей молчанием истинные цели переговоров царя с представителями британского правительства, вполне определенно выявил реальные замыслы царизма. Он также указывал, что желание Николая I договориться с лондонским кабинетом не могло принести успеха русской дипломатии. По мнению Тарле, царь, открывая свои планы относительно Турции, способствовал росту антирусских тенденций среди общественного мнения значительной части английской буржуазии.

Вместе с тем, ученый подверг критике измышления английских историков, которые пытались отрицать захватнические планы Великобритании и представить членов ее правительства, ведших переговоры с царем, в качестве борцов против русской агрессии. Этому вопросу Тарле в 1949 г. посвятил специальную статью «Английские фальсификации о начале Крымской войны»⁴⁶, основные положения которой нашли соответствующее место в третьем издании «Крымской войны».

Против такой трактовки английской внешней политики и выступил Тарле. Основываясь на показаниях доверенного лица английской королевской четы барона Штокмара и личной переписке Николая I с женой, Тарле разоблачил эти неловкие попытки английских историков обелить политику собственного правительства и доказал, что во время переговоров царя с премьером Робертом Пилем последний требовал при возможном разделе Турции установления английского господства над Египтом. Поэтому Тарле пришел к выводу, что «в Виндзоре в 1844 году беседа шла не между хищником, готовым броситься на Турцию, и ее бескорыстными защитниками, но между двумя державами, которые хотели бы сговориться о разделе будущей добычи, однако, они нисколько друг другу не доверяли и только поэтому еще колебались»⁴⁷.

Анализируя позицию английской дипломатии в 40-е годы XIX в. в Восточном вопросе, Тарле отмечал, что «английские экспансионистские планы в Турции шли гораздо дальше тогдашних политических устремлений царской России»⁴⁸. В силу этого Англия согласилась на переговоры с Россией по столь щекотливому для нее вопросу лишь потому, что для этого имелись весьма существенные причины (игнорируемые английской историографией). По мнению Тарле, эти причины заключались в том, что английское правительство старалось заручиться поддержкой Николая I для борьбы с новой поднимающейся волной чартистского и

⁴⁶ Тарле Е. В. Английские фальсификации о начале Крымской войны.— «Вопросы истории», 1949, № 12.

⁴⁷ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 107.

⁴⁸ Там же, с. 108.

либерально-демократического движения внутри страны и в условиях обострения франко-английских отношений стремилось продемонстрировать перед Францией факт дружбы с царем.

И наконец, следующим и решающим шагом на этом роковом пути к войне, который совершил Николай I, был, по мнению Тарле, небезызвестный разговор с английским послом Гамильтоном Сеймуром в начале 1853 г. о возможности полюбовного раздела Турции между Англией и Россией. Как считал историк, этот разговор являлся вершиной недалновидной политики царизма, не желавшего понимать, что Англия, в силу противоречий с Россией, никогда не согласится на полюбовный раздел Османской империи. Поэтому разговор царя с Сеймуром Тарле расценивал как переход дипломатического Рубикона перед попыткой разрешить Восточный вопрос с помощью оружия.

В отличие от большинства русских дореволюционных историков, Тарле сумел правильно разобраться в провокационном характере политики лорда Эбердина, подталкивавшего Николая I на путь конфронтации с бонапартистской Францией: «Провокационный смысл эбердиновских слов, — отмечал он, — о том, что он боится французского нашествия на Англию и просит Николая о союзе и помощи, совершенно бесспорен»⁴⁹. Разоблачение на основе сопоставления дипломатических документов «миролюбивой» политики британского премьера особенно ценно, ибо Эбердин с легкой руки отдельных русских дипломатов (а затем и некоторых историков) приобрел в дореволюционной историографии имя друга России, якобы выступавшего против пальмерстоновского курса внешней политики, направленного на развязывание войны.

С немалой остротой Тарле разоблачал захватнические замыслы союзников и их провокации в разжигании войны. Вскрывая истинную цель визита царского посла в Константинополь, Тарле указал на значительную роль в провале миссии кн. А. С. Меншикова, принадлежащую Стрэтфорду-Редклифу, которого Темперли пытается изобразить в роли миротворца⁵⁰. Разоблачая фальсификацию Темперли, опирающуюся на специально подобранные документы из английских «Белых книг», Тарле убедительно доказал, что Стрэтфорд-Редклиф вел осторожную хитрую политику, способствовавшую провалу миссии кн. Меншикова.

Одновременно Тарле разоблачал агрессивные происки французской политики на Ближнем Востоке. Для того чтобы уяснить более полно картину дипломатической борьбы, приведшую к войне, Тарле считал своим долгом на основе анализа документов выяснить реакцию Франции на раздувание вопроса о «святых местах». В противовес французской буржуазной историографии, отрицавшей захватнические намерения Франции, Тарле указывал, что за спор о «святых местах», как за предлог к активизации своей

⁴⁹ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 123.

⁵⁰ Temperley H. Op. cit., p. 322—323.

внешней политики, ухватилась группа авантюристов, «героев парижских бульваров» во главе с Наполеоном III, рвавшаяся к вооруженной пробе сил. Факт назначения послом в Турцию генерала Барагэ д'Илье Тарле расценивал как своеобразный катализатор дипломатической подготовки войны. Сугубо провокационным актом по пути к войне историк считал также прибытие французского флота к берегам Турции во время переговоров кн. Меншикова с султанским правительством: «Появление французского флота в турецких водах с логической неуклонностью влекло за собой аналогичное действие со стороны Англии. А следующим неизбежным последствием прибытия к берегам Турции соединенной эскадры двух величайших морских держав был провал надежд на мирное разрешение русско-турецкого конфликта»⁵¹.

Таким образом, Тарле красноречиво показал агрессивность внешней политики Англии и Франции, которую зарубежная буржуазная историография стремилась прикрыть флагом борьбы за независимость Турции и разглагольствованиями о «русской опасности». Он убедительно доказал, что эта политика была продиктована не стремлением защитить Турцию, которая сама вынашивала захватнические планы, а желанием не допустить Россию к Средиземному морю и на Балканы.

Тарле был первым из советских историков, кто обстоятельно выяснил позиции Австрии и Пруссии накануне Крымской войны. На основе изучения архивных материалов он сумел преодолеть некоторую тенденциозность в оценке австрийской дипломатии, встречающуюся в русской дореволюционной историографии, и конкретно показать ту провокационную роль, которую сыграли правительства Австрии и Пруссии в деле вооруженного столкновения царской России с англо-французской коалицией.

Опираясь на оценку дипломатической борьбы великих держав вокруг Восточного вопроса основоположниками научного коммунизма и документальные источники, Тарле особенно акцентировал внимание на разоблачении агрессивных замыслов царского самодержавия. Всем своим содержанием «Крымская война» опровергала утверждения русской дореволюционной историографии о миролюбии Николая I: «В том, что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны с Турцией, не может быть, конечно, сомнений. Царь начал и он проиграл эту войну, обнаружив свою несостоятельность и в дипломатической области, и в организации военной обороны государства, страдавшего от технической отсталости и от общих последствий господства феодально-крепостнического строя»⁵². Однако это обстоятельство, по мнению Тарле, ни в коем случае не снимало ответственности за развязывание войны и с противников царской России. Лозунг «защиты Турции»

⁵¹ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 169.

⁵² Там же, с. 11—12.

западными державами от царской России, как утверждал ученый, был для них средством для маскировки своей захватнической политики на Ближнем Востоке: «Обе западные державы имели в виду отстоять Турцию (и притом поддерживали ее реваншистские мечтания) исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю, к участию в будущем дележе добычи и к приближению к южноазиатским пределам. Обе западные державы стремились захватить в свои руки и экономику, и государственные финансы Турции, что им полностью и удалось в результате войны»⁵³. Выводы Тарле об ответственности всех стран за развязывание Крымской войны, принимавших в ней участие, сохраняют огромную актуальность и в настоящее время в связи с тем, что ряд зарубежных буржуазных историков, по-прежнему искажая ход событий и действительные факты, пытается обосновать якобы особую агрессивную роль России на Ближнем Востоке, дискредитировать ее в глазах народов этого региона, отождествить ее народ и общественное мнение в целом с царизмом и выгородить при этом захватническую политику британской буржуазии, эксплуатировавшей в течение длительного времени народы Османской империи⁵⁴.

Монография Тарле (особенно в третьем ее издании) представляет собой гневное разоблачение преступной политики царизма, чуждой интересам народных масс, которые должны были за нее расплачиваться «потоками крови самоотверженных русских героев на Малаховом кургане, у Камчатского люнета, на Федюхиных высотах»⁵⁵. Акцентирование внимания на реакционном характере политики Николая I, более подробная иллюстрация фактическими материалами этого положения в третьем издании монографии было обусловлено желанием Тарле ответить на критические замечания Н. Н. Яковлева, который в своей рецензии заявлял (без достаточных на то оснований) будто бы историк рассматривал Крымскую войну для России как войну народную⁵⁶. Посвятив значительную часть своей книги прославлению героического подвига русских солдат и матросов, Тарле одновременно указывал, что их борьба против иноземных захватчиков не могла сама по себе изменить обоюдно несправедливого характера Крымской войны.

Изложение дипломатической борьбы в «Крымской войне» искусно переплетается с освещением хода военных действий. Как отмечали в своей рецензии Н. М. Дружинин и А. М. Панкратова,

⁵³ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 11—12.

⁵⁴ См.: Corcot M. Sebastopol. Paris, 1956, p. 8—9; Welsh W. Russian and Soviet Union. New York, 1958, p. 202—210; Hoskins H. British Routes to India. London, 1956, p. 130—132; Stephenson G. Op. cit., p. 245—250; Barker A. The War against Russia. 1854—1856. New York — Chicago, 1972, p. 1—14.

⁵⁵ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 13.

⁵⁶ «Большевик», 1945, № 13, с. 66.

в книге Тарле дается «классический пример неразрывной связи между дипломатией и войной, зависимость военных успехов и поражений от достижений и ошибок в области дипломатического искусства»⁵⁷. Эта связь особенно заметно прослеживалась, когда Тарле пытался выяснить, как сказались неуверенность русской дипломатии в благожелательном нейтралитете Австрии и Пруссии на судьбе Дунайской кампании. Ученый указывает, что опасения царизма относительно позиции Австрии в значительной степени определили пассивный характер военных действий русской армии в Дунайских княжествах.

Но еще более мастерски удалось ему проследить, как влияли поражения и успехи русской армии и флота на ход дипломатической борьбы. Тарле установил, как менялись в зависимости от хода военных действий дипломатические позиции Австрии, Пруссии и Швеции, как активизировалась антирусская политика в этих странах под влиянием поражений России и успехов союзников. При этом Тарле отмечал заслуги крупного русского дипломата кн. А. М. Горчакова, сумевшего использовать героическое сопротивление защитников Севастополя как предостерегающее средство в борьбе за австрийский нейтралитет.

Значительное место в своем произведении Тарле уделял также анализу хода вооруженной борьбы. Почти весь второй том «Крымской войны» посвящен показу военных действий. Их характеристике в свое время уделяли основное внимание русские военные историки, которые, будучи большими специалистами в этой области знаний, детально, на основе архивных материалов день ото дня излагали ход войны.

Чуждый классово ограниченной дворянско-буржуазной историографии, Тарле совершенно иными глазами сумел взглянуть на историю Крымской войны и выяснить причины поражения России. Если дореволюционные историки искали причины неудач в отдельных промахах командования, во временном перевесе сил противника или в слабой технической оснащенности армии, то Тарле видел их гораздо глубже — в общей отсталости дворянско-крепостнического строя, которая роковым образом сказалась на ослаблении военного потенциала России⁵⁸. Основываясь на известном высказывании В. И. Ленина о том, что «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»⁵⁹, Тарле основную причину поражений видел в неподготовленности страны к войне, которая вытекала из ее страшной экономической отсталости по сравнению с капиталистическими странами.

Это положение ученый иллюстрировал рядом конкретных примеров. С глубоким возмущением повествовал он о казнокрадстве и фрунтмании, слабой технической оснащенности армии и фло-

⁵⁷ «Исторический журнал», 1943, № 7, с. 82.

⁵⁸ Тарле Е. В. Соч., т. IX. М., 1959, с. 498.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

та, бездарности высшего командования. Характеризуя порядки, царившие в русской армии, оккупировавшей Дунайские княжества, ученый приводил массу примеров, подтверждающих его мнение о неподготовленности русской армии к ведению войны⁶⁰.

В противовес дворянско-буржуазной историографии, обходящей молчанием пороки николаевской России, Тарле бичевал высшее командование армии во главе с самим царем, бросившее защитников Севастополя на произвол судьбы без достаточного количества пороха, снарядов и продовольствия. Как правильно отмечал Н. М. Дружинин, Тарле был первым историком Крымской войны, который в своем исследовании поставил вопрос о «соотношении фронта и тыла в ходе войны и о значении внутреннего единства в рядах сражающейся армии»⁶¹. В необеспеченности фронта надежным тылом Тарле видел одну из главных причин поражения русской армии.

Другую причину он видел в бездарности высшего военного командования. Тарле дал убийственные характеристики П. А. Данненбергу, «укравшему у русского солдата его победу под Ольгеницей, как интенданты крали солдатский паек»⁶², кн. Меншикову, лишившему русскую армию толкового руководства в сражении при Альме, братьям Горчаковым, Реаду и многим другим царским генералам, привыкшим больше к блеску плацпарадов, чем к дыму и грохоту сражений.

Бездарной царской креатуре Тарле противопоставил П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и ряд других способных военачальников, сумевших вместе со своими солдатами и матросами превратить Севастополь в неприступную твердыню. Опираясь на мемуары участников севастопольской обороны, Тарле, в отличие от дворянско-буржуазной историографии, вырывавшей из общей массы героических защитников одну или несколько наиболее ярких личностей, умалчивая о многих других героях, подчеркивал массовый героизм солдат, матросов и жителей Севастополя: «Вот пример, почему всегда будет искусственным сосредоточивать все свое внимание на матросе Кошке и на других прославившихся отдельных матросах и солдатах: чем же не равны матросу Кошке все полтора-двадцать матросов Новосильского, не пожелавших никому уступить своей первой очереди быть в полном составе перебитыми на четвертом бастионе?»⁶³ Отражение массового героизма простого народа — вот одно из основных достоинств книги Тарле, которое ее очень выгодно отличает от произведений дворянско-буржуазной историографии Крымской войны. обстоятельно изучив многие документальные источники из советских архивов, Тарле всесторонне рассмотрел военные действия на всех театрах

⁶⁰ Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 239—240 и след.

⁶¹ «Исторический журнал», 1944, № 12, с. 65.

⁶² Тарле Е. В. Соч., т. VIII, с. 273.

⁶³ Тарле Е. В. Соч., т. IX, с. 153—154.

войны и дал обстоятельную характеристику героической обороны Севастополя.

Тарле дал также объективный анализ ведению военных действий союзниками. Он убедительно показал, что военное искусство англичан и французов находилось далеко не на высоком уровне, что командование армии союзников (при полном техническом превосходстве над русской армией), долго было не в состоянии овладеть Севастополем, где не хватало ни вооружения, ни продовольствия. Основываясь на статье Ф. Энгельса «Кинглек и битва при Альме», Тарле развенчал английского командующего лорда Раглана, которого пытался превозносить в своем сочинении Кинглек. «Это был,— писал о Раглане Тарле,— старый, слабый, временами почти уже выживавший из ума одряхлевший джентльмен. Он делал в командовании одну грубую ошибку за другой. Он был еще бездарнее и невежественнее в военном деле, чем даже очень плохой русский верховный командир кн. Меншиков»⁶⁴. Далеко не лестную характеристику давал Тарле и многим французским генералам, проявившим «чудеса храбрости» в борьбе против незащитных арабских племен в Алжире и пришедшим в состояние растерянности перед героизмом защитников Севастополя. По мнению Тарле, ошибки союзного командования в совокупности с англо-французскими противоречиями сыграли какую-то роль в спасении Севастополя от немедленного захвата⁶⁵.

Сравнивая русское военное искусство с военным искусством стран коалиции, Тарле под влиянием критических замечаний Н. М. Дружинина, изложенных в рецензии на второй том «Крымской войны»⁶⁶, указывает, что, на фоне общей отсталости России, в армии и флоте проявлялись ростки нового в инженерном деле и военной технике, превосходившие по своему значению достижения более развитых капиталистических стран. Так, в третьем издании своей книги он уделил внимание применению первых морских мин и новым способам возведения фортификационных сооружений, подчеркивая при этом, что в условиях общей отсталости царской России эти технические новшества не получили должного распространения.

Ограничив свою задачу в основном изложением истории дипломатической и вооруженной борьбы, Тарле в первом издании своей монографии не дал достаточно полного анализа внутреннего положения России и отношения к Крымской войне русского и западноевропейского общественного мнения. Однако в силу того, что дворянско-буржуазная историография обходила эти проблемы совершенным молчанием, их освещение, несмотря на цели, которые ставил перед собой автор, было крайне необходимым. Именно на эти недостатки «Крымской войны» указывали

⁶⁴ Архив АН СССР, ф. 627, (Е. В. Тарле), оп. 1, д. 112, л. 1.

⁶⁵ Тарле Е. В. Соч., т. IX, с. 127.

⁶⁶ «Исторический журнал», 1945, № 12, с. 64—65.

в упомянутой рецензии Н. М. Дружинин и А. М. Панкратова. Под влиянием их критики Тарле в расширенном введении и в отдельных главах заострил внимание на характеристике внутреннего состояния николаевской России и показал борьбу основных направлений русской и зарубежной политической мысли по отношению к вооруженному столкновению. Пеструю и сложную картину общественных настроений в русском обществе накануне и в ходе войны ученый выразил через суждения западников, славянофилов, революционных демократов.

В «Крымской войне» он показал, как под влиянием неудачного хода военных действий и поражений царизма нарастало общественное движение недовольства самодержавием и крепостничеством. Проследившая всеобщее недовольство различных направлений либерального лагеря исходом войны, Тарле вскрыл классовую ограниченность западников и славянофилов, стремившихся использовать поражение царизма в качестве удобного момента для проведения в жизнь куцых реформ и смягчения деспотизма самодержавия. Их робкому недовольству он противопоставил позицию революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, видевших в поражении царского самодержавия исходный момент для подъема революционного и демократического движения в России. Отношению Чернышевского к Крымской войне Тарле посвятил раздел своей статьи «Н. Г. Чернышевский и международная политика»⁶⁷. В ней он показал, как, комментируя в Петропавловской крепости книгу Кинглека, выдающийся революционер-демократ сумел эзоповским языком раскрыть вину господствующих классов России за поражение в войне. Еще с большей яркостью Тарле выявил позицию по отношению к Крымской войне основоположников научного коммунизма.

Кроме того, Тарле считал необходимым показать, как под влиянием поражений России в войне усиливалось крестьянское движение в стране и какое оно оказывало воздействие на планы царизма относительно ее продолжения. По мнению историка, настроения крестьянской массы были важной причиной, заставившей царское самодержавие ускорить подписание мира. Характеризуя положение, сложившееся в стране после падения Севастополя, Тарле пишет: «Продолжать войну было возможно, жизненные центры России не были затронуты, никаких симптомов упадка духа, растерянности, малодушия в армии не наблюдалось. Но было ясно, что хотя физическая возможность продолжать войну еще имеется, однако на победу надежды никакой нет и, главное, нельзя вполне ручаться за настроение в тылу. Крепостная масса была и оставалась уже не совсем «спящим» вулканом»⁶⁸.

⁶⁷ Статья представляет собой стенограмму доклада Тарле, прочитанного 17 ноября 1939 г. на научной сессии ЛГУ — Впервые опубликована в кн.: Н. Г. Чернышевский (1889—1939). Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., 1941, с. 295—304.

⁶⁸ Тарле Е. В. Соч., т. IX, с. 501.

Касаясь вопроса о поражении царизма в Крымской войне, Тарле пришел к выводу, что Парижский мир, на который царское самодержавие вынуждено было пойти в результате расстройств экономики и финансов и из-за боязни революционного взрыва внутри страны, подвел окончательный итог политике самодержавия в разрешении очередного кризиса Восточного вопроса. Парижский мир стал исходным пунктом для нового периода европейских международных отношений⁶⁹. Одновременно, подчеркивал Тарле, поражение царизма в Крымской войне продемонстрировало всю гнилость самодержавно-крепостнического режима в России и явилось «прологом к переменам и сдвигам крупнейшего значения в социально-экономической жизни страны»⁷⁰.

Несмотря на то, что анализ внутреннего состояния воюющих держав и отношения общественного мнения к войне все же не получил исчерпывающего освещения и в третьем издании «Крымской войны», монография Тарле по широте и глубине охвата дипломатической и военной истории продолжает и ныне оставаться одним из лучших произведений советской историографии. Книга Тарле не утратила своей научной и публицистической ценности. Мимо нее не может пройти ни один исследователь, занимающийся историей международных отношений первой половины XIX в. Ее выводы о характере внешней политики западных держав и сегодня являются ценными аргументами в борьбе с современными фальсификаторами истории нашей Родины.

⁶⁹ Там же, с. 553.

⁷⁰ Там же.

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. П. ОГАРЕВА

Е. Л. Рудницкая

Ленинская идея преемственности поколений прочно вошла в советскую историографию русского революционного движения. В процессе смены поколений внутри дворянского этапа истории русской революции (который Ленин датировал временем от декабристов до 1861 г.) шло вызревание и складывание революционно-демократической идеологии. Кульминация движения первых дворянских революционеров — 14 декабря 1825 г. — стала тем мощным толчком, который положил начало работы революционной мысли их преемников, мысли, определившей, в конечном счете, идейное содержание следующего, революционно-демократического этапа, подготовившей его наступление.

В этом идейном процессе, богатом по содержанию, доминантой следует признать проникновение в исторический смысл движения декабристов (их место и значение в русском историческом процессе), и отсюда — критическое освоение их опыта. Именно этот подход определил и воздействие, и восприятие выступления декабристов двумя выдающимися русскими революционными деятелями — А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, представителями дворянского класса, крупнейшими идеологами революционной демократии.

В данной статье предпринимается попытка раскрыть процесс осмысления Огаревым декабристского движения, выступления 14 декабря в общей системе его исторических воззрений.

С именем Огарева как политического мыслителя, поэта и революционера связана целая полоса в истории русской общественной жизни. Подобная роль возможна лишь для деятеля, сумевшего отразить исторически назревшие общественные запросы, выросшего на национальной исторической почве. Это объективное значение Огарева отчетливо выявляется и в самой структуре его социально-политических воззрений, проникнутых идеей историзма.

С самого начала своего идейного формирования, идя от дворянской революционности к революционному демократизму, и до конца активной творческой жизни Огарев искал и разрабатывал историко-теоретическое обоснование русской революции, выявляя и утверждал ее конкретно-историческую обусловленность.

Историзм, обнажение веками складывавшихся предпосылок необходимости и неизбежности коренного переустройства социально-политического строя современной ему России составляли суть боевой публицистики Огарева, закрепленной станком Воль-

ной русской типографии в Лондоне. Концепция русского исторического процесса, изложенная Огаревым в ряде его публицистических циклов, статьях, предисловиях, пропагандистских и агитационных произведениях, служила как бы остовом программы революционного действия.

Именно революционная направленность исторической концепции Огарева, ее как бы «служебная роль» в общей системе теоретического обоснования русской революции определили место и значение, которые принадлежали в ней движению декабристов, его осмыслению, оценке, выявлению органической связи с русским историческим процессом. Обращение к декабристам было не эпизодическим фактом, присутствовавшим в тех или иных размышлениях, работах Огарева, касающихся истории России. То решающее воздействие, которое оказало восстание декабристов на весь жизненный путь Огарева-революционера, на его мировоззрение, обусловило и роль этой проблемы в его исторических воззрениях. От факта выступления декабристов он отталкивался в своих первых, еще отроческих раздумьях о русской действительности, в первых юношеских опытах теоретического анализа закономерностей русской истории. Эта тема пронизывает последние пропагандистские произведения Огарева, имевшие своей задачей дать обоснование исторической закономерности русской военно-крестьянской революции.

Чтобы понять, как эволюционировала мысль Огарева при раскрытии проблемы — движение декабристов и русский исторический процесс, необходимо проследить в общих чертах формирование его представлений об истории России.

Исторические воззрения Огарева прошли трудный путь развития, соответствующий процессу складывания его мировоззрения в целом. Исходным моментом процесса было осмысление идеи революции, воспринятой от декабристов, разбудившей его гражданскую мысль. По словам самого Огарева, он «вырос и воспитался» на идеалах Великой французской революции. События 1830—1831 гг. в Европе заставили его подвергнуть пересмотру свои представления о задачах революционных преобразований. Это повлекло за собой необходимость осмысления значения и места революций в судьбах человечества, что подводило к постановке общеполитической проблемы о движущих силах исторического развития. Задача философского осмысления истории, теоретической переработки общечеловеческого (в том числе и русского) политического опыта — таково было начало самостоятельного идейного поиска и Огарева, и Герцена как преемников и продолжателей русской освободительной традиции.

Разочарование в политических революциях прошлого, в буржуазном либерализме приводило к обоснованию закономерности гармонического общественного устройства, а отнюдь не того государства торжествующей буржуазии, которое было последним словом современной цивилизации.

Социальная направленность идейных исканий Огарева, острая заинтересованность современной ему социальной действительностью обращали его к изучению исторических судеб человечества, к осмыслению отечественной истории, к пристальному рассмотрению истории революций. Переписка Огарева с членом их студенческого кружка А. Лахтиным, относящаяся к 1832 г., свидетельствует о раздумьях участников кружка над кругом вопросов, нашедших выражение в статье Герцена этого же времени «Двадцать осьмое января» (закономерность исторического процесса, роль личности в истории, «среднее состояние», сопоставление «общего» и «своеобразного» в истории России и стран Западной Европы). При этом в их решении они прямо отталкивались от недавнего опыта, от факта восстания декабристов. Так члены кружка, исходя из представления о специфике русской истории по сравнению с западноевропейской, делали вывод об особой роли дворянства, вытекавшей из условий его возникновения. Сложившись в ходе централизации русского государства из представителей разных сословий, дворянство, будучи, по выражению Лахтина, «рагченое», не имело олигархических претензий аристократии и несло в себе элементы революционности¹. Отзвуки такого понимания роли дворянства, но полностью переосмысленного, мы найдем в позднейших исторических представлениях Огарева.

Историко-философским размышлениям группировавшейся вокруг Герцена и Огарева молодежи, направленности их устремлений оказались в высшей степени созвучны идеи Сен-Симона, его система в целом. Их покорила идея прогресса, строго логическое, основанное на широком обобщении современных общественно-политических и естественнонаучных знаний обоснование социализма. Этюд Огарева «Толпа (разговор на площади)», датированный 1833—1834 гг.², отразил момент его идейного развития, фиксирующий новый качественный этап в развитии русской освободительной мысли: социалистический идеал устройства общества (хотя и окрашенный христианско-этическими тонами), достижение которого возможно только через пробуждение масс к активному историческому действию. Таким образом, работа теоретической мысли Огарева, как и Герцена, шла в направлении преодоления исторической ограниченности революционного опыта декабристов. Однако сен-симонизм, в котором они нашли столь мощное подкрепление своим идеям, хотя и давал ответ на вопрос о месте и значении революций в процессе исторического развития

¹ См.: Письмо А. К. Лахтина к Н. П. Огареву.— «Литературное наследство», т. 63. М., 1956, с. 294—295; *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения, т. II. М., 1956, с. 270—271, 284, 286—287; Из литературного наследства Н. И. Сазонова.— «Литературное наследство», т. 41/42. М., 1940, с. 249—250.

² ИРЛИ (Пушкинский дом), Р. I, оп. 5, № 17. См. также: *Рудницкая Е. Л.* Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969, с. 28—29.

как явления закономерного, не только не усматривал в них фактора, позитивно решающего проблему создания нового общества, а напротив, оценивал их как кризисное, отрицательное явление.

Присущий сен-симонизму идеализм в представлениях о путях общественного преобразования, порожденный тем, что социализм не связывался с исторической деятельностью какого-либо класса, превращал учение о новом гармоническом обществе в веру, т. е. в новую религию. Огарев отдал дань подобным умонастроениям, порождавшим представления об избранных личностях, призванных служить делу совершенствования человечества, преобразующих его и ведущих по пути истины, отдал дань настроению собственного избранничества.

Ранние философские опыты Огарева, относящиеся ко второй половине 30-х годов, его попытки создания собственной философской системы несли на себе печать прямого воздействия немецкой классической философии и Гегеля, в том числе. Религиозная окрашенность философских исканий Огарева этих лет находила пищу и в гегелевой системе, в идее связи религии и философии. Выход из мистического умонастроения сопровождался новым обращением к Гегелю, сыгравшему большую роль в преодолении субъективного начала в социалистических воззрениях молодого Огарева. А. И. Володин справедливо писал: «Обращение к Гегелю дало возможность русским социалистам подвести под свои освободительные, социалистические идеалы более солидное философское основание»³.

Систематическое, глубокое изучение Гегеля, которому Огарев посвятил несколько лет упорного труда (первая половина 40-х годов XIX в.), было одновременно с процессом его внутреннего преодоления. К штудированию гегелевой философии он приступил побуждаемый необходимостью философской расчистки, теоретического обоснования правомерности революции как объективного закона истории, фактора общественного прогресса. Необходимо было творческое освоение диалектического метода Гегеля, чтобы противопоставить его замкнутому кругу гегелевой реакционной системы, в плену которой оказался в поисках объективной философии даже такой страстный демократ и поборник истины, как В. Г. Белинский.

Теоретическая мысль Огарева работала в направлении материалистического осмысления диалектического метода Гегеля; в 40-е годы XIX в. он пришел к философскому материализму, уступая, однако, Герцену в четкости и завершенности выводов.

Опираясь на Гегеля, выражая генеральное направление развития передовой русской мысли, Огарев видел в социализме необходимое следствие, результат исторического развития⁴. Однако

³ Володин А. И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX в. М., 1973, с. 41.

⁴ Там же, с. 106.

в нем нарастала неудовлетворенность созерцательным характером философии Гегеля, осознание недостаточности апелляции к мировому разуму, как способу доказательства неизбежности социалистического общества. Обоснование активного действия становилось определяющим в развитии его историко-философской мысли. Он раскрыл формулу о действительности разумного, как призыв к действию. Переход на позиции материализма определил его отношение к Фейербаху, антропологический принцип которого оказался глубоко созвучным идеалу Огарева, утверждающему счастье человека на земле.

Революция 1848 г., ставшая вехой в истории русской революционной мысли, завершила для Огарева внутренне подготовленный поворот к историческому реализму. Он искал материального обоснования социализма в современной социальной действительности, его предпосылки — в реальных, исторически сложившихся формах общественной жизни России. Обращение к России было вызвано исходом первой европейской битвы пролетариата с буржуазией, пересмотром в этой связи русскими социалистами «теоретического», по определению Огарева, западноевропейского утопического социализма.

Разработка теории «русского социализма», с которой вслед за Герценом, выступил и Огарев, положив ее в основу своей публицистической деятельности, опиралась, хотя и не на четко философски им уясненную идею прогресса, поступательного характера исторического процесса. Не будучи явно выявленной, эта идея присутствовала в концепции русского исторического процесса, которая систематически разрабатывалась Огаревым как составная часть, как исторический фундамент «русского» или «общинного социализма». В. И. Ленин, раскрывая объективное содержание теории «русского социализма», писал, что эта теория «есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»⁵.

Под пером Огарева с особой обнаженностью выявился характер и социально-политическая направленность «русского социализма», чему особенно способствовало разработанное им историческое обоснование. Вся публицистика Огарева, в форме которой он развивал и пропагандировал данную теорию, пронизана идеей историзма. Не в истории возникновения и развития общины, а в самом русском историческом процессе искал и находил Огарев обусловленность социалистического преобразования России; община — элемент этой истории, содержащий в себе зародыш формы ее будущего общественного устройства.

Не создавая специальных исторических исследований, Огарев дал наиболее рельефное и компактное изложение своей концеп-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

ции русской истории как составной части теории «русского социализма» и одновременно — как обоснования социально-политической программы, развивавшейся русским пропагандистским центром в период подготовки крестьянской реформы и нараставшей в стране революционной ситуации, в таких своих публицистических циклах, как «Русские вопросы» (1856—1858 гг.), «Письма к соотечественнику», «По поводу правил Муравьева-Вешателя» (1860 г.), «По поводу проекта Положения о присяжных поверенных» (1861 г.)⁶ и некоторых других статьях.

Утрата веры в преобразовательные возможности буржуазной цивилизации, вызвавшая у Огарева, как и у Герцена, обращение к «своим», русским «началам», определила их подход к пониманию русского исторического процесса: положение о своеобразии истории России, ее принципиальном отличии от европейской модели развития было исходным в теории «русского социализма». Обоснование исторических предпосылок для социалистического пути развития России выводилось из коренного отличия истории возникновения государства и земельной собственности по сравнению со странами Западной Европы. Следствие этого своеобразия — современная русская крестьянская община (антитеза буржуазному принципу собственности) — основание социалистического развития России. Стойкость общины на протяжении многовековой истории русского народа, утверждал Огарев, вызвана тем благоприятным обстоятельством, что Россия избежала завоевания и насильственного уничтожения этой формы собственности, — процесс, повсеместно имевший место в Западной Европе. Огарев, как и Герцен, отрицал существование феодализма в России.

Концепция русского исторического процесса, развивавшаяся Огаревым, утверждала идею полной экономической и политической разобщенности между миром народным и помещичье-правительственным, обосновывала внутреннюю законченность и устойчивость крестьянского общинного строя. Это определило то своеобразное преломление, которое получила в его системе концепция государственной школы. Его трактовка русской истории полемизировала с концепцией государственной школы, была заострена против нее, и в то же время несла на себе следы ее воздействия, усвоения ее отдельных положений и самого понимания роли государства как первопричины всех социально-политических установлений. Одни и те же явления получают у Огарева раскрытие, прямо противоположное тому, которое давалось представителями государственной школы, ее признанным теоретиком Б. Н. Чичериным.

Так, если Чичерин видел в географических условиях России

⁶ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 106—193; 352—373; За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева, ч. II. London, 1861, с. 201—232, 233—299.

обстоятельства, обусловившие созидательную роль государства, которое стало силой, организовавшей рассеянные на громадной территории людские массы в правильное гражданское общество⁷, то для Огарева необозримые русские просторы были тем счастливым обстоятельством, благодаря которому русская поземельная община смогла получить широкое распространение и остаться нетронутой государством. В то время как государственная школа видела в законодательно-правовой деятельности государства движущую силу исторического развития России, рассматривала государство как руководителя и воспитателя народа, Огарев, напротив, расценивал это обстоятельство, как свидетельство абсолютного разрыва между народом и государством, между социально-экономическим строем народной жизни и той системой социальных отношений — крепостничеством, податной системой и аппаратом управления, — которые были созданы централизацией. Народ чужд государству, он живет своей независимой жизнью, он еще, по существу, не начинал своей общенациональной истории.

Не отрицая исторической необходимости возникновения русского централизованного государства, Огарев вскрывал политическое назначение теоретических построений доктринеров, апологетическую сущность их концепции, полностью исключавшей народ как активную творческую силу из исторического развития. Он доказывал разорванность официального и народного мира и неиссякаемую жизненность последнего. Огарев рассматривал развившиеся над нетронутыми основаниями народной жизни государственно-политические образования — московскую, а затем петербургскую централизацию, как следствие определенной совокупности исторических обстоятельств. При этом он отказывался видеть в этих образованиях какую-либо «историко-философскую целесообразность». Начавшийся, как показал Огарев, со времени Петра I процесс отделения понятия «правительство» от понятия «государство» сопровождался в области экономических отношений появлением, наряду с государственной собственностью, частной собственности на землю. Привнесенный из европейской цивилизации принцип частной земельной собственности, облеченный в несколько видоизмененные законы римского права, распространился только на помещичью собственность, в то время как «народ, т. е. прикрепленное к земле бродячее население, артель, установившаяся в общину, — остался при понятии собственности государственной и права пользования, и вне сводов законов»⁸. Так одна половина крестьянства попала под власть помещиков: «Государство уступило помещику право взимания подати с землевладения натурой или деньгами..., кроме того, помещик брал подать с жизни, т. е. человек, совершенно не получивший земли

⁷ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858, с. 381—382.

⁸ За пять лет, ч. II, 1861, с. 215.

от помещика, но ходивший на заработок, платил помещику оброк»⁹.

Кроме того, правительство после смерти Петра I (и особенно при Екатерине II) начало противопоставлять себя понятию «государство» и руководствоваться уже не общенациональными интересами, а чисто династическими. Династия присваивала себе помещичье право над «всеми русскими людьми, живущими на основании природного права пользования государственной землей». Так порождалось, по мнению Огарева, крепостное право для государственных крестьян.

Все это давало Огареву основание писать: «Помещичьи крестьяне — это государевы крепостные люди, уступленные помещикам за службу; а остальные крестьяне — государевы крепостные люди, оставшиеся за государем»¹⁰. Превращение правительства в помещика означает, по мнению Огарева, его полный разрыв с народом, с государством, как явлением общенациональным, означает, что оно чуждо интересам общества и «час от часу менее выносимо».

Так, исходя из ошибочной исторической доктрины, Огарев тем не менее справедливо характеризовал социально-правовую сущность крепостнического государства в России, где вся господствующая иерархия — от царя до малоземельного дворянина — выступала как крепостники, а народ, крестьянство в целом, являлся объектом крепостнической эксплуатации. Противопоставляя незаконному закреплению крестьян (и здесь опять он шел вслед за господствовавшим в историографии от Карамзина до государственной школы положением об «указном» происхождении закрепления) исконное право крестьянских общин на землю, являющуюся общенациональной собственностью, Огарев пытался дать историческое обоснование права народа вернуть свое достоинство.

Таким образом, отталкиваясь от государственной школы и принимая ряд ее принципиальных положений, Огарев приходил к прямо противоположным выводам. Государство остановило процесс органического развития русского народа, его подлинная история начнется, когда он вернет себе захваченную у него правительством и помещиками землю и волю.

Концепция Огарева проникнута идеей не только разорванности между миром народным и помещичье-правительственным, но и непримиримой враждебности самодержавно-помещичьего государства по отношению к поработанным им массам крестьянства, идеей общей социальной сущности царя и дворянства. Выявляя исторические корни, Огарев писал, что обязанное своим возникновением московской централизации, дворянство служило орудием прикрепления, а затем и управления, что определило его политическую и экономическую роль в государстве. Лишенное

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 217.

всякой самостоятельности, оно в оплату за свою полную зависимость от государства получило поместное право «заправлять в свою пользу половиной народа»¹¹.

Интерпретация Огаревым русского исторического процесса раскрывает теоретические предпосылки развиваемой им вместе с Герценом во второй половине 50-х годов XIX в. идеи «самодержавной революции» и генетически связанным с ней пониманием роли передового дворянства в русском освободительном движении.

Одновременно с началом работы над циклом «Русские вопросы», в котором он впервые изложил свою историко-социологическую схему обоснования «русского социализма», Огарев вносит в записную книжку текст статьи «Что бы сделал Петр Великий?», оставшуюся неоконченной (начало 1857 г.).

Анализируя развитие исторической и социально-политической мысли Огарева, следует сразу сказать, что при оценке статьи «Что бы сделал Петр Великий?» необходимо учитывать ее целевое назначение, поскольку она должна была служить наказом, рекомендацией правительству, делающему первые шаги по пути к подготовке реформ, активизировать его. Отсюда откровенная идеализация Петра I. Но при всем этом в основе трактовки Петра I как вождя нации и выразителя ее интересов лежало общее исходное положение (развиваемое Огаревым и в статье второго цикла «Русские вопросы» — «Движение русского законодательства в 1856 г.», и в обращенном к Герцену теоретическом наброске «Пролегомена ад гисториософиям» («Введение в историю философии»), относящимся к тому же времени). Оно состояло в отрицании фатальности исторических явлений и идеалистического взгляда на историю, как на логически обусловленный, целенаправленный процесс, обрекающий человечество на пассивное бездейственное существование. «История, — начинал Огарев статью «Что бы сделал Петр Великий?», — не идет ни по плану Боссюэта, ни по плану Гегеля. Если бы человечество развивалось по предначертанному плану, нам можно бы скрестить руки в приятной праздности: что ни делай — все пошло бы, как по писанному. Но в действительности история представляет отсутствие плана; происшествия могут случиться, могут и не случиться, смотря по тому, какие для чего есть данные; такое или иное общественное условие, явление такого-то или иного лица меняет факты, меняет жизнь»¹². Из приведенного текста не следует делать заключения, что Огарев отрицал вообще всякую законосообразность истории. Развивая ту же мысль о стремлении «философии истории подвести факты под закон движения цели бесконечного развития человечества»¹³, с которой Огарев начинал

¹¹ За пять лет, ч. II, с. 292.

¹² Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, с. 24.

¹³ Там же, т. I, с. 115.

статью «Движение русского законодательства в 1856 г.», в наброске «Пролегомина...» он высказывал более определенно свое позитивное суждение. Отрицая цель в истории (концепция Боскюэта, Кондорсэ), как и идею кругооборота (Вико, Сен-Симон) или саморазвития идеи (у Гегеля), Огарев стремился доказать поступательный характер истории. Будучи непоследовательным в объяснении материалистических основ прогресса, он склонялся к выводу, что направляющей силой прогресса является человеческий разум, знание.

Теория «самодержавной революции», которую развивал Огарев в статье «Что бы сделал Петр Великий?», отталкиваясь от данного представления, персонафицировала разумное начало: исторический деятель, понявший потребности и необходимость времени, может стать решающей силой общественного развития. С точки зрения выявления ее теоретических корней концепция «самодержавной революции» брала свое начало в ошибочном представлении о природе русского абсолютизма, вытекавшем из самой трактовки Огаревым русского исторического процесса, из основных положений, сформулированных уже в «Русских вопросах». Один из основных элементов концепции — полная свобода действий абсолютного монарха — затруднял Огареву (как и Герцену) возможность понять коренное различие между реформой и революцией¹⁴. Другая сторона этого вопроса — убеждение, что народ еще не начинал своей активной исторической жизни, — имела за собой и объективное и субъективное начало. В рассматриваемый момент Огарев не мог еще видеть в России революционного народа, отсюда его реформаторские иллюзии, смещение понятий «реформа» и «революция».

Отметим, что трактовка социальной сущности проводившихся Петром I реформ в статье Огарева была иной, чем у Герцена, несла в себе, как отмечалось выше, черты идеализации, затушевывала его разрыв с народом. Ставя знак равенства между интересами народа и интересами нации, Огарев руководствовался не теоретическими установками, а «служебным» назначением своей статьи.

Все своеобразие сочетания либеральных и революционных установок в теории «самодержавной революции» и заложенных в ней историко-философских идей нашло свое дальнейшее развитие в первой специальной работе Огарева, посвященной истории движения декабристов. Это был «Разбор книги Корфа», вошедший в подготовленную Герценом и Огаревым (к концу 1857 г.) книгу «14 декабря 1825 и император Николай» (London, 1858), — ответ издателей «Полярной звезды» на клеветническое творение барона М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (СПб., 1857).

¹⁴ Кошовенко А. Е. Герцен и либералы в период революционной ситуации 1859—1861 гг. — В кн.: Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX в. М., 1958, с. 119—121.

История возникновения этой фальсификации не раз освещалась советскими исследователями. Для нас важно отметить, что книга, написанная Корфом по прямому указу Николая I и дважды при нем отпечатанная всего в количестве 50 экземпляров, имела четкую политическую задачу: низвести выступление декабристов до заговора злонамеренных узурпаторов, движимых алчными и честолюбивыми устремлениями, и на этом фоне вознести фигуру молодого императора — спасителя русского народа от злодеев, посягнувших на твердыню самовластия. Ее переиздание с «высочайшего соизволения» для «публики» было открытым вызовом Александру II всей прогрессивной России, связывавшей с его воцарением разрыв с «эпохой Николая» и надежды на реформы. Политический смысл выхода «Восшествия на престол императора Николая I» становился особенно многозначителен ввиду крайней уклончивости заявлений и непоследовательности действий правительства в подготовке преобразований.

Герцен и Огарев приняли этот вызов от имени «России будущего», чьим органом заявила себя «Полярная звезда», как «обозрение освобождающейся Руси» с барельефным изображением силуэтов казненных декабристов на обложке, — издание, возникшее как ответ на смерть Николая I. «Бюрократической подлости», как квалифицировали издатели «Полярной звезды» книгу Корфа, они противопоставили свое слово правды. Сборник, выпущенный Вольной типографией, включал официальные материалы следствия и суда над декабристами; он открывался предисловием Герцена и его «Письмом к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», центральное место занимал написанный Огаревым «Разбор книги Корфа».

Сам факт издания книги Корфа, ее содержание заставили Герцена и Огарева заново пересмотреть те теоретические предпосылки, которыми они пытались подкрепить свои «платонические надежды» на революцию «сверху».

В «Письме к императору Александру II», а также в «Предисловии к сборнику «14 декабря и император Николай»» Герцен развивал и уточнял основные положения своей революционной трактовки движения декабристов, входившей неотъемлемой частью в его теорию «русского социализма» и наиболее систематически изложенной им в книге «О развитии революционных идей в России» (1851 г.). Преобразования, стоящие перед Россией теперь, должны исходить из национальных условий русского крестьянского быта, его поземельного и общественного устройства, должны носить социальный, народный характер. Эта идея, систематически развиваемая и Огаревым, как одним из теоретиков «русского социализма», питала его концепцию русского исторического процесса, основные положения которой, как нами уже отмечалось, были сформулированы им уже в 1856—1857 гг. Она стала ведущей в «Разборе книги Корфа».

Установление исторического места декабристов имело у Ога-

рева (как и у Герцена) своим основанием положение о разорванности мира народного и государственного. Внутри последнего, писал Огарев в «Разборе...», начиная с петровского переворота можно ясно проследить движение двух элементов: общечеловеческого элемента образования и гражданственности, который «составляет основную мысль Петра Великого..., по наследству переходит в образ мыслей Александра и людей 14 декабря; и элемент исключительно немецко-татарский...»¹⁵ Таким образом, Огарев исходил из тех же теоретических предпосылок о роли разума, знания в деле исторического прогресса, а также представления о роли абсолютной власти и государственного начала в целом в истории России, которые излагал в своих историко-философских набросках и в статье «Что бы сделал Петр Великий?» В раскрытии исторического смысла декабристского движения Огарев со всей определенностью выявлял диалектическую связь ведущих тенденций теории «русского социализма»: с одной стороны, это было обоснование специфики русской истории, с другой, пронизывающая ее идея единства и закономерности всемирно-исторического процесса. Опровергая тенденциозные утверждения бар. Корфа о бездумном заимствовании декабристами идеи конспиративных организаций у Запада, Огарев развил и обосновал идею общности ведущих, в его понимании, тенденций общественного прогресса: «Тайное общество в 1816 году имело корень не в пустом подражании, а в стремлении к развитию в России общечеловеческого элемента»¹⁶. И далее он выявил сам механизм стыка, преломление общего в конкретном: «Ничто общечеловеческое не может быть чуждым на русской почве; откуда бы оно ни было пересажено, оно найдет элементы для своего развития и выработается, может, в иных формах, чем в Западной Европе, но в формах, конечно, не менее прочных»¹⁷.

Что же из элементов общечеловеческого развития дало всходы на русской почве? Огарев начинает перечень с «философии XVIII столетия, которая нашла сочувствие в нашем образованном меньшинстве». Но «главное влияние на умы имела революция 1789 года». Однако русский ум, «усвоив теорию, вышел чист из европейских событий, не подавленный и не искаженный ни бонапартизмом, ни буржуазным началом»¹⁸. И далее Огарев обозначил решающий факт русской истории — войну 1812 г., которая впервые объединила в едином национальном самосознании образованное меньшинство и народные массы. И если Союз спасения сделал только первые шаги по пути заявления общенациональных требований, то в П. И. Пестеле Огарев видел деятеля, понявшего и выразившего своей программой потребности масс.

¹⁵ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, с. 216.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 222.

¹⁸ Там же, с. 223.

Как и Герцен, Огарев переоценивал степень ее радикализма. Но именно в требовании «изменения экономического порядка в государстве, изменении земельной собственности так, чтобы все без исключения, участвовали в землевладении и на этом основании пролетариат в России был бы невозможен», Огарев и видел связь истории тайного общества «с общей историей государства, необходимость его основания и развития...»¹⁹.

В 1859 г., когда революционный кризис в России становился все ощутимее, Огарев в предисловии к «Думам» К. Ф. Рыльева не только подробнее остановился на связи 1812 года и 1825 года, но и, преодолевая либеральные иллюзии, наложившие печать на трактовку декабризма как логического продолжения петровских устремлений, отделил полностью петербургскую централизацию (уже не подразделяя ее на два направления) от деятелей тайных обществ. Он писал: «Петербургская централизация была наследие немецкой; вызвав русские силы на свет, она осталась немецкою. Борьба была неизбежна... Противодействующие ей силы выразились в том блестящем меньшинстве, из которого возникло 14 Декабря; оно соединяло в себе чутье русского народного социализма с французско-либеральным понятием гражданского права, требовало освобождения крестьян и колебалось между республикой и конституционной монархией...»²⁰ Собственно этот вывод был подготовлен Огаревым уже в «Разборе книги Корфа», когда он заключал свою мысль о национальных предпосылках возникновения тайных обществ декабристов: «Темное чувство масс и мнение развитого меньшинства всегда сходны, и только недомолвка разъединяет их. Мнение меньшинства, заявленное всенародно, совершает свое, то есть заставляет темное чувство масс искать себе ясные определения. И в этом случае 14 декабря имело успех»²¹.

Таким образом, либеральный налет не менял революционного смысла анализа Огаревым истории декабризма, данного им в «Разборе...». И уже совершенно четко он был раскрыт в Предисловии к «Думам» Рыльева. Как бы продолжая мысль приведенной нами выше цитаты и уже полностью отделяя движение декабристов от правительственного реформизма, Огарев писал: «14 Декабря она (Россия.— Е. Р.) заявила общечеловеческие требования революции... 14 Декабря завершило характер революционной Европы в России и в то же время посеяло в русском сознании семена тех вопросов, которые Россия поставила с царствования Александра II. Очевидно, что зачатки всех социальных и политических вопросов России нашего времени лежали в обществе 14 Декабря. И вот в чем для нас его великое значение»²². Эта оценка

¹⁹ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, с. 224.

²⁰ Там же, с. 348.

²¹ Там же, с. 225.

²² Там же, с. 349.

раскрывала проблему преемственности русского революционного движения с позиции демократической трактовки как задач, так и путей революционной борьбы.

Разоблачая верноподданническую ложь о событиях на Сенатской площади, Огарев утверждал, что поражение восстания не было фатально predetermined. Оно являлось следствием равнодушия народа к требованиям предводительствуемого членами тайного общества войска: «Восстание 14 Декабря, сделанное под вывеской законности Константина, а не Николая, по самой этой вывеске не могло сильно увлечь массу, равнодушную к этому вопросу»²³. История русского народа, утверждал Огарев, свидетельствует о полном его равнодушии к законности власти — эта мысль естественно вытекала из всей его концепции русской истории и порождала элементы аполитизма и анархизма, особенно обозначившиеся на позднем этапе его революционной деятельности. Только социальные требования — «освобождение народа от помещичьей и чиновничьей власти», если бы они стали знаменем восстания, привлекли бы на его сторону народ. А именно в изолированности от народа, резюмировал Огарев, «внутренняя причина неудачи 14 Декабря»²⁴.

Как видим, основной, ставший классическим вывод Герцена о причине неудачи декабристов, сформулированный им в работе «Русский заговор 1825 года» (написанной на основе сборника «14 декабря и император Николай»): «В день восстания на Исаакиевской площади и внутри Второй армии заговорщикам не хватало именно народа»²⁵, — находился в полном соответствии с анализом Огарева книги бар. Корфа.

Обнажая исторические корни изолированности декабристов, Огарев дал объективное обоснование наступления нового этапа освободительной борьбы: «Теперь не времена 14 Декабря, где потребность лучшего гражданского устройства чувствовалась только в высших слоях общества; теперь масса народная жаждет освобождения от помещичьей власти и власти казенных грабителей»²⁶.

Огаревский анализ истории движения декабристов был проникнут принципом историзма. Выявляя его место в русском историческом процессе, он определил социально-политический смысл программ тайных обществ, степень их актуальности для современного момента и перспектив будущего России, обусловленности и изжитости их тактики. Данный подход определил роль Огарева в разработке и пропаганде декабристской темы Вольной русской прессой. Уже со второй книжки (1856 г.) на-

²³ Там же, с. 254.

²⁴ Там же, с. 255.

²⁵ Герцен А. И. Собр. соч. и писем в 30-ти томах, т. XIII. М., 1958, с. 144.

²⁶ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, с. 207.

чалось его сотрудничество в «Полярной звезде», а с четвертой — на ее титуле рядом с именем Искандера появилось имя второго издателя — Н. П. Огарева. Воссоздание истории освободительного движения в России, истории 14 декабря в особенности — ведущая тема лондонского журнала — приобрела особый размах и звучание в годы революционной ситуации.

Проблема идейного «наследства», не как историческая тема, а как боевая политическая идея пронизывает все, что написал Огарев в эти годы о России конца XVIII — первой половины XIX в. Эта же тема стала ведущей и в его поэтическом творчестве, и в публикациях русской «потаенной поэзии».

В «Отрывке из моей исповеди», озаглавленном «Кавказские воды» (опубликовано в «Полярной звезде» на 1861 г.), отмечая, что «общество 14 Декабря еще не имеет истории», Огарев сформулировал как бы основные тезисы этой еще не написанной истории. При этом он подходил к ней с точки зрения выявления генетической связи с декабризмом основных направлений русской общественной мысли 30—40-х годов XIX в. и идейной эволюции самих декабристов. Утверждая принцип историзма и в оценках Чаадаева, и славянофильства, политически заостряя его против доктринерства государственной исторической школы, Огарев сформулировал мысль, почти дословно перекликающуюся с известным высказыванием Маркса. Огарев писал: «Наука существует только одна — и совершенно не догматическая, т. е. история, история природы и отдел ее — история человечества»²⁷. Однако следует заметить, что, конкретизируя данную мысль и оперируя понятиями «общее» и «особенное», Огарев оказался не в состоянии выявить их диалектическую взаимосвязь. Декабристы и славянофилы в его понимании — «пророки русского гражданского развития», поскольку они поняли своеобразие истории и будущего России, обусловленного особенностями народного понятия собственности.

Дальнейшая разработка Огаревым проблемы идейного воздействия декабризма на ход русской освободительной мысли нашла свое выражение в новом лондонском издании — «Русская потаенная литература XIX столетия» (осень 1861 г.). Огарев был инициатором этого издания, ему же принадлежала его непосредственная подготовка и интерпретация вошедшей в него богатейшей коллекции запрещенных в России поэтических произведений²⁸. Круг проблем, который решался Огаревым на этом конкретном материале, наряду с проблемой эстетической и общественной значимости политической поэзии, включал как ведущую — проблему

²⁷ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, с. 400. Ср.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 16.

²⁸ Из 170 произведений, вошедших в сборник, 50 было ранее опубликовано в изданиях Вольной типографии и около 70 впервые появились в печати.

«наследства» в ее неразрывной связи с разработкой концепции русского освободительного движения.

Создававшееся в годы наивысшего обострения в России революционного кризиса «Предисловие» к сборнику с предельной четкостью противопоставляло движение декабристов, выражавшее гражданские потребности народа, — петербургской централизации, ее верховному представителю Александру I с его «немецко-мистическим либерализмом». В революционной традиции декабристов Огарев особенно выделял «Русскую правду», связывал с ней традиции современной русской социалистической мысли.

«Только гений Пестеля, — писал Огарев, — предугадывал склад государственной будущности, народное землевладение, связь целого и самобытность областей...»²⁹ Эту мысль, высказывавшуюся им и ранее, Огареву было крайне важно подчеркнуть теперь, когда «мощь традиции» революционной борьбы сливалась с «ближним будущим», с задачей подготовки революционного свержения самодержавия и крепостничества. Не случайно поэтому в центре его внимания в «Предисловии» оказались социальные и политические идеи освободительного движения в их неразрывной связи с организационными формами.

Если с именем Пестеля Огарев связывал социальное «начало» в движении декабристов, то в целом он рассматривал это движение как явление политическое, что было обусловлено, как он разъяснял, историческим опытом самих декабристов и характером прогрессивной западноевропейской мысли, которую они усвоили. В обоих случаях Огарев отталкивался в своих оценках от идей «русского социализма» с присущей ему недооценкой политического фактора: «Поколение людей 14 Декабря не могло не верить в крутые перевороты; они еще не знали 1848 года»³⁰, а передовая мысль Европы, на которой они воспитывались, «ничто иное как противоположность, антитезис европейской экономической и политической жизни в ее целом складе и подробностях», не имеющая корня в действительной жизни³¹. В этой оценке выявляется ограниченность в понимании Огаревым декабризма, лишавшая его возможности дать подлинно историческую оценку как того огромного вклада, который внесли декабристы в дело развития русской политической мысли, так и значения их политической программы. Но, хотя «люди 14 Декабря» опирались на западную идею, в них «глубоко лежали все зародыши народных стремлений». Из этого пункта Огарев выводил и принцип, на котором должна быть (в отличие от декабристского) основана организация тайного общества: «Строить историю можно только на имеющемся фундаменте и из данных материалов.

²⁹ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, с. 439—440.

³⁰ Там же, с. 220.

³¹ Там же, с. 430.

Только сделавшись народным, политическое общество может существовать, переходя от слова к делу, работая во имя преобразования в действительности, а не в теории»³².

В русской действительности периода революционной ситуации Огарев видел объективные данные, «внутреннюю потребность» соединения образованного меньшинства с народом, «которого непочатая, неопределенная сила заявлена и скоро потребует своего определения и займет свое надлежащее место в общественном движении»³³.

В соединении «народа, имеющего за себя экономический обычай землевладения» и «меньшинства, имеющего за себя производительную силу мысли», заложена неодолимая жизненная основа и сила для «положительного выхода» из русской действительности. Соединение трех факторов: «Никогда совершенно забывавшийся завет декабристов, присутствие страждущего народа, само возрастающее давление власти...»³⁴ определит, по мысли Огарева, ход русского освободительного движения.

Огарев делал верный вывод о преемственности задач, стоявших перед декабристами и современным ему русским освободительным движением: «История пришла к исходной точке 14 Декабря». Но в рамках развиваемой им концепции русского исторического процесса это глубокое осознание не вело к постижению подлинного социально-политического смысла борьбы, к пониманию реального содержания характера предстоящей революции: освобождение «естественных исторических основ» от чуждого им самодержавно-помещичьего государства — начало социалистического развития России — таково конечное звено исторической схемы Огарева.

Вся совокупность революционно-конспиративных, пропагандистских и агитационных произведений Огарева, относящихся по времени к революционной ситуации 1859—1861 гг. и польскому восстанию 1863 г., исходила из установки соединения армии и народа — организованного начала (войска, предводительствуемого революционным офицерством) и массы восставшего крестьянства. Революционная тактика, которую разрабатывал Огарев на новом этапе русского революционного движения, сводила воедино его трактовку русского исторического процесса, движения декабристов и их опыта военной революции.

Апелляция к историческому опыту декабристов заняла видное место в ответах Огарева на статью Герцена «Между старичками» (первой редакции писем «К старому товарищу») и на брошюру М. А. Бакунина «Постановка революционного вопроса» (1869 г.). Восстание декабристов служило ему аргументом в пользу оправ-

³² Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, с. 421.

³³ Там же, с. 453.

³⁴ Там же, с. 460.

данности и неизбежности революционного насилия как фактора общественного развития. «Возьми историю наших декабристов,— писал он Герцену.— Наши декабристы решились действовать на основании террора, но уже не во имя влияния личности, но во имя нового, народного общественного строя»³⁵. Хотя Огарев и оговаривал далее ограниченность понимания декабристами этого нового строя, основы которого он сам видел в «общинной народной общественности», однако именно в социальной направленности их выступления он усматривал историческое значение и оправдание «насильственного переворота». «Пути его сообразно с духом времени были пути исключительно военные»,— отмечал он³⁶.

Огарев расценивал восстание декабристов, военную революцию, как высший этап по отношению к стихийному народному движению. В споре с Бакуниным он отвергал бакунинское прославление стихийности. Однако Огарев считал столь же неправомерным видеть в истории результат сознательной реализации задач, поставленных предшествующим общественным развитием, идущим путем «инкубации, постепенности, путем реформ». В споре с Герценом Огарев справедливо утверждал закономерность революции и прогрессивность народных выступлений, хотя им и недоставало элемента сознательности. Но при этом он не связывал социалистическую революцию с определенным, буржуазным уровнем общественных отношений. В самом факте народных выступлений («вспышек», как он их именовал), в их последовательном ряде он видел импульс и путь общественного прогресса. Помогать этим «вспышкам», вносить в них элемент сознания — задача революционеров.

Мы видим, как далеко вперед продвинулась мысль Огарева от идей, развиваемых им в статье «Что бы сделал Петр Великий?» Противопоставляя пути реформистскому путь революционный как единственно исторически оправданный, он утверждал истинность только той революции, которая принципиально отлична от насилия, «ставящего влияние личности выше всякого уважения к массам и берет себе в основание не вопрос народного общественного строя, а само влияние личности, эксплуатирующей в свою пользу народные бессознательности и традиционные предрассудки...»³⁷ Именно насилие, «но уже не во имя влияния личности, но во имя нового общественного строя», обуславливало, по мысли Огарева, подлинно революционный характер выступления декабристов. Это основное теоретическое положение легло в основу статьи Огарева «В память людям 14 Декабря (посвящено русско-му войску)», написанной в конце 1869 г.

³⁵ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, с. 222.

³⁶ Там же, с. 223.

³⁷ Там же, с. 222.

Специально вернувшись к декабристской теме в момент, когда им делалась ставка на возможность нового революционного подъема в России, Огарев усилил не только акценты при характеристике идейных воздействий, которые сформировали воззрения декабристов, делая упор на «влияние собственных потребностей». Он особо подчеркивал настроение народных масс как источник, питавший движение декабристов. В статье так раскрывался смысл слов «собственная необходимость»: «Народ был взволнован и пугачевщиной прошлого столетия, указавшей ему в туманной дали свободу, войной 12-го года, стоившей ему стольких жертв и обещавшей ему в не менее туманной дали — свободу. Эта свобода не приходила, надо было, чтобы лучшие люди того времени приняли ее дело к сердцу, чтобы они заявили ее дело примером, чтобы они вывели его на площадь во всеоружии, чтобы они погибли, но дело уже никогда бы не погибло»³⁸.

Последним, не только пропагандистским, но и агитационным сказанным о декабристах словом, Огарев, опираясь на идею военно-крестьянской революции, как бы замыкал собственный идейно-политический путь, путь одного из тех, кто был обязан декабристам пробуждением к революционной деятельности, оно подводило итог его работы над историей декабризма. Концепция русской истории Огарева и место в ней «людей 14 Декабря» венчается указанием на определяющую роль народного протеста в развитии революционной мысли и революционного движения.

Подводя итог, следует сказать, что восстание декабристов, дав мощный и определяющий толчок и направление идейному развитию Огарева, постоянно присутствовало в его размышлениях над «русскими вопросами». С другой стороны, главным фактором в работе мысли Огарева над проблемой движения декабристов была русская действительность, общественно-политическая жизнь России, достигшая наибольшей напряженности в годы революционной ситуации. Осмысление и оценка восстания 14 декабря, успехи в понимании этого события определили развитие исторической концепции Огарева, выявили ее все более последовательный революционно-демократический характер.

Таким образом, проблема 14 декабря явилась неотъемлемой частью процесса становления и формирования Огарева как одного из идеологов русской революционной демократии, внесшего значительный вклад в дело русской революции.

³⁸ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, с. 796.

В. И. МОДЕСТОВ КАК ИСТОРИК АНТИЧНОСТИ

А. С. Шофман

Один из основоположников русской исторической науки об античности Василий Иванович Модестов родился 24 января 1839 г. в селе Клемцах Валдайского уезда Новгородской губернии в семье священника. Его богатая событиями жизнь и многогранная творческая деятельность протекала в четырех высших учебных заведениях: Новороссийском, Казанском, Киевском и Петербургском университетах. Дошедшие же до нас сведения о Модестове касаются преимущественно отдельных эпизодов его научно-педагогической деятельности, не затрагивая существенных сторон его мировоззрения и исторических взглядов¹.

Между тем, тщательный и всесторонний анализ произведений историка, как чисто исторических и филологических, так и теоретико-методологических и публицистических, а также привлечение архивных материалов, еще не введенных в научный оборот, дают возможность более полно нарисовать облик крупного ученого и педагога, известного публициста, блестящего мастера пера и слова, занявшего почетное место в истории отечественной науки. С 1856 г. Модестов — студент Главного педагогического института в Петербурге, где его товарищем по курсу был Н. А. Добролюбов. После закрытия института Модестов перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, который и окончил в мае 1860 г. В 1862 г. он выдержал экзамен на степень магистра римской словесности и был на-

¹ См.: *Благовещенский Н.* Римская письменность в период царей.— Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1868; № 8; *Верст Э.* Модестов как критик и ученый.— ЖМНП, 1876, № 5; *Иконников С. И.* Биографический словарь профессоров и преподавателей университета св. Владимира, т. I—II. Киев, 1884; «Русское богатство». СПб., 1887, сентябрь, с. 163—166; *Малеин А.* К истории классической филологии в России.— «Филологическое обозрение», 1899, № 17, с. 55—56; *Турцевич И.* Новый русский перевод Модестова и несколько экскурсов о Таците.— ЖМНП, 1899, № 12. *Цветаев И.* Профессор В. И. Модестов. По поводу сорокалетия его научно-литературной деятельности.— «Филологическое обозрение», 1899, № 17; *Маркевич А. И.* Двадцатилетие имп. Новороссийского университета. Одесса, 1890; *Дроздов Н.* Памяти профессора В. И. Модестова.— Труды Киевской духовной академии, 1907, № 10; *Шестаков С.* Русский римлянин.— «Вестник литературы», 1907, № 3; *Д. Анучин.* Труд проф. В. И. Модестова «Введение в римскую историю». М., 1909; *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX в. и начале XX в., ч. II. М., 1931; *Мурыгина Н. Ф.* Значение работ Модестова в развитии науки об античности.— «Труды IV научной конференции историков (31 мая — 2 июня 1956 г.)». Новосибирск, 1957, т. 1.

правлен за границу для приготовления к профессорской деятельности².

Двухлетний заграничный срок был проведен Модестовым в Германии, преимущественно в Боннском университете, где он слушал лекции профессоров-филологов Фридриха Ричля и Отто Яна. Впоследствии в своих воспоминаниях он говорил: «Боннский университет был для меня той школой, в которой, по преимуществу, совершалось мое филологическое образование»³.

По возвращении в Россию в 1864 г. он представил на суд историко-филологического факультета Петербургского университета диссертацию «Тацит и его сочинения» и после ее блестящей публичной защиты был удостоен 8 февраля 1865 г. степеней магистра римской словесности⁴. Этот труд свидетельствовал о выдающемся даровании молодого автора и сразу поднял его научный авторитет. В начале 1865 г. Модестов был назначен доцентом кафедры римской словесности в открытом в том же году Новороссийском университете. Здесь же он обратил на себя внимание как один из лучших преподавателей и уже в 1867 г. получил приглашение от попечителя Казанского учебного округа перейти в Казанский университет. Не без колебаний Модестов принял это приглашение, и 11 сентября был переведен доцентом на кафедру римской словесности Казанского университета⁵. Сначала он опасался ехать в «провинциальную глушь»⁶, но, прибыв в Казань и ознакомившись с университетом, изменил свое мнение. Позднее, характеризуя Казанский университет, Модестов писал: «У него была своя школа математиков, воспитанная знаменитым Лобачевским. У него была и до сих пор существует школа химиков, созданная Зининым и Бутлеровым, распространившаяся по другим русским университетам; в нем процветало преподавание славянских наречий в лице Григоровича, посвятившего этому университету лучшую пору своей плодотворной деятельности; он всегда имел крупных деятелей на медицинском факультете, а иногда и юридическом, например Мейер. Учреждения ценятся не по одному моменту их деятельности, а по всей ее совокупности. Если приложить к Казанскому университету такую именно мерку, то смело можно сказать, что ни один из русских университетов не выдержит с ним сравнения»⁷.

В Казанском университете Модестов пробыл менее 2 лет, но за этот короткий срок он сумел возбудить большой интерес у студентов к своему предмету⁸.

² ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. 1, 1868 г., д. 9366 («Формулярный список о службе доцента Казанского университета Модестова»).

³ «Исторический вестник», 1883, т. 11, с. 392.

⁴ ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. 1, 1868 г., д. 9366, л. 1—3 («Формулярный список о службе доцента Казанского университета Модестова»).

⁵ Там же, 1867 г., д. 9090, л. 145.

⁶ «Исторический вестник», 1885, т. 22, с. 323.

⁷ Там же, с. 331—332.

⁸ См. отзывы В. И. Модестова о сочинениях студентов (ЦГА ТАСР, ф. 977,

К казанскому периоду жизни Модестова относится публикация следующей его диссертации: «Римская письменность в период царей»⁹. Это исследование вызвало много критических замечаний, но автор его обрел и немало приверженцев.

Полемизируя со сторонниками Бартольда-Георга Нибура — основоположника критического конструктивного метода в изучении римской истории, Модестов привлек для своих доказательств многочисленные данные античных авторов, подробно разобрал древнейшие письменные источники, применяя комплексный метод их изучения.

Специальная экспертная комиссия, созданная историко-филологическим факультетом для предварительного знакомства с диссертацией, вынесла такое суждение: «Многостороннее знакомство с предметом исследования, основанного на изучении древних текстов и обширной европейской ученой литературы, заставляет ожидать от Модестова в будущем значительных новых вкладов в столь бедную у нас науку о классическом мире. Его осмотрительность выводов и строгая критика в рассуждениях показывает, с каким усиленным трудом составлялось исследование по одному из самых неопределенных вопросов науки. Подобные свойства сочинения возможны только в ученом, глубоко преданном своей науке»¹⁰.

После успешной защиты диссертации Модестов 29 ноября 1868 г. был утвержден в степени доктора римской словесности и избран экстраординарным, а вскоре (5 апреля 1869 г.) и ординарным профессором Казанского университета¹¹.

12 апреля 1869 г. Советом Киевского университета Св. Владимира Модестов был избран ординарным профессором на кафедру римской словесности¹². Об этом переходе из Казанского университета в Киевский Модестов впоследствии сожалел и считал его ошибкой.

Несмотря на сложную обстановку, с которой Модестову пришлось столкнуться в Киевском университете, он развил там активную научно-педагогическую деятельность. 18 сентября 1869 г. он выступил с блестящей вступительной лекцией по римской словесности в присутствии профессоров всех факультетов и при большом стечении студентов¹³.

оп. ист.-фил., 1869 г., д. 88, л. 38; «Изв. и уч. зап. Казанского ун-та», 1868, вып. III—IV, с. 256).

⁹ «Уч. зап. Казанского ун-та», 1867, вып. V—VI, с. 460—472.

¹⁰ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ист.-фил., 1868 г., д. 892, л. 23—39. Это сочинение о древнейшей римской письменности было издано автором на немецком языке под заглавием «Der Gebrauch der Schrift unter den römischen Königen» (Berlin, 1870). Этот труд был встречен с большим сочувствием многими учеными в Германии и Италии.

¹¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ист.-фил., 1869 г., д. 888, л. 34—35.

¹² «Университетские известия» (Киев), 1868, № 10, с. 18.

¹³ Там же, с. 1—13.

Началась активная педагогическая работа. В течение 1871—1875 гг. Модестов читал лекции (не менее 5 часов в неделю) по предметам своей кафедры, а также проводил практические занятия. Они посвящались чтению и толкованию римских авторов (Ливий, Тацит, Плавт, Тибулл, Гораций, Ювенал), истории римской литературы или римской государственной древности. На практических занятиях обращалось особое внимание на точность перевода и правильность русской речи. Когда переводил один студент, остальные обязаны были тут же делать замечания на перевод и толкование текста. Это вызывало большое оживление аудитории¹⁴. Профессор охотно вступал в личные контакты со студентами и во внеучебное время, давал пользоваться книгами своей библиотеки¹⁵.

На практических занятиях Модестов обращал особое внимание на тех студентов, которые были склонны к научной работе. Так, под его попечением находился студент Ф. Г. Мищенко, в будущем известный античник, член-корреспондент Академии наук¹⁶. Он поддержал в марте 1874 г. П. И. Аландского — воспитанника Петербургского университета, защитившего в 1873 г. магистерскую диссертацию по греческой словесности¹⁷; дал сочувственный отзыв на работу И. Сербова «Геродот и его произведения», после чего тот был утвержден Советом в степени кандидата историко-филологического факультета по классическому отделению¹⁸. Степени кандидата был удостоен также студент М. Фирсов, представивший сочинение «Плавт в издании Рачля», которое также получило одобрение Модестова¹⁹. В 1876 г. Модестов предложил избрать на кафедру римской словесности доцента Варшавского университета И. В. Цветаева, автора ряда работ, изданных на русском и итальянском языках²⁰.

Наряду с большой преподавательской деятельностью Модестов выполнял много общественных поручений. В декабре 1869 г. он был избран членом попечительского совета, который занимался выдачей пособий нуждающимся студентам²¹. Позднее (по истечении двухлетнего срока) его постоянно переизбирали на эту должность. Он активно участвовал в комитете по изданию «Университетских известий»²². Им было подготовлено к печати «Обозрение учебной литературы латинской филологии за 1874 и 1875 гг. в России и за границей»²³. Одновременно Модестов принимал

¹⁴ «Университетские известия» (Киев); 1876, № 1, с. 6.

¹⁵ *Иконников В. С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета Св. Владимира, т. II, с. 451—452.

¹⁶ «Университетские известия» (Киев), 1872, № 1, с. 74—75; № 11, с. 32—33.

¹⁷ Там же, 1874, № 4, с. 21—22.

¹⁸ Там же, 1871, № 5, с. 24—25.

¹⁹ Там же, 1872, № 10, с. 27.

²⁰ Там же, 1876, № 6, с. 20—22.

²¹ Там же, 1870, № 3, с. 5.

²² Там же, 1873, № 5, с. 16.

²³ Там же, 1876, № 4, с. 43.

активное участие в устройстве Общества классической филологии и педагогики в Киевском округе, был председателем этого Общества²⁴.

Не менее активной была научная работа В. И. Модестова. С 1871 г. началось печатание его «Лекций по истории римской литературы»²⁵, которые отличались полнотой сведений, систематическим изложением, основательностью суждений. Они были первым и единственным для того времени опытом обобщения научной истории римской литературы на русском языке. «Если бы ничего не писал и не печатал В. И. Модестов кроме этого курса,— отмечал И. В. Цветаев,— то и тогда почетное имя в среде профессоров историко-филологических факультетов университетов ему было бы обеспечено»²⁶. За годы пребывания в Киевском университете (1869—1877 гг.) Модестов наряду с этим капитальным трудом напечатал и ряд других работ, главным образом филологического характера. Как член исторического Общества Нестора-летописца, В. И. Модестов сделал сообщение на тему: «Три греческих надписи, принадлежащие музею древностей университета Св. Владимира»²⁷.

Для пополнения своих научных знаний Модестов предпринял две заграничные поездки: в 1870 г. (на четыре месяца) и в 1876 г. (на семь месяцев) в Италию.

Ученый рассчитывал досконально ознакомиться с обширными раскопками последних 10 лет не только в Помпеях, но и в самом Риме и его окрестностях, поработать в библиотеках, в которых «собраны, с одной стороны, старинные издания авторов, а с другой — масса древних рукописей»²⁸.

В 1877 г. Модестов получил из Петербурга телеграмму с извещением об избрании его Советом Петербургской духовной академии профессором кафедры римской словесности. С января 1878 г. он приступил к своим обязанностям. В академии он читал студентам II и III курсов первую книгу сатир Горация, вторую книгу — Энеиды Вергилия и речь Цицерона pro Milone, излагал историю римской литературы (до Цицерона). По воспоминаниям слушателей академии, он был требователен и к себе, и к студен-

²⁴ Малеев А. К истории классической филологии в России, с. 55—56.

²⁵ «Университетские известия» (Киев), 1871, № 8. Эти лекции издавались по частям: I курс, доведенный до правления Августа, был издан в Киеве в 1873 г.; II курс вышел в 1875 г., затем оба эти курса, исправленные и дополненные, были объединены. Затем к ним был добавлен III курс, доведенный до начала правления императора Андриана, с кратким обзором литературы последующего времени (до начала VII в.). Все эти три курса в 1888 г. были изданы в Петербурге под заглавием «Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и Петербургском университетах» (СПб., 1888).

²⁶ Цветаев И. Профессор Василий Иванович Модестов. По поводу сорокалетия его научно-литературной деятельности, с. 85—86.

²⁷ «Университетские известия» (Киев), 1875, № 6, с. 502—514.

²⁸ Там же, с. 14—15.

там²⁹. Одновременно он читал лекции и в Петербургском университете. С переходом Модестова в Петербург начался период усиленной публицистической деятельности ученого в ряде столичных и провинциальных газет, во многих литературных и политических журналах Петербурга и Москвы.

Осенью 1879 г. произошли события, повлекшие за собой большие перемены в судьбе ученого. В сентябре — октябре 1879 г. Модестов поместил в газете «Голос» пять статей под названием «Школьный вопрос»³⁰. В этих статьях автор со всей решительностью высказывался против системы классического образования, действовавшей в русских гимназиях. Эта система насаждалась Д. А. Толстым и М. Н. Катковым, стремившихся механически перенести в русскую школу порядки и программы прусских гимназий. Неудивительно, что выступление Модестова вызвало недовольство тогдашнего обер-прокурора Синода графа Д. А. Толстого (инициатора создания классических гимназий), который нашел, что все критические высказывания Модестова по поводу классического образования в одинаковой мере относятся и к гимназии, и к духовно-учебным школам, и не счел возможным оставить Модестова на академической службе.

Не страшась последствий, Модестов, обратился также к рассмотрению университетского образования и, по его словам, был счастлив тем, что успел «высказать немало своих задушевных мыслей и тем исполнить некоторую долю своего общественного призвания». Написанные им в 1881—1882 г. статьи «Университетский вопрос» и «О средней школе и университете» содержали обстоятельный критический анализ системы университетского преподавания и нового университетского Устава³¹. Гимназическая система образования, по его словам, «уродует детей нравственно и физически». Столь же безобразно, по его мнению, и положение с высшим образованием.

Модестов критиковал новый Устав за то, что он отнимает автономию, предоставленную университетам Уставом 1863 г. Он выступил против рабского подражания порядкам немецких университетов, которые имеют свои исторические и национальные основания и никак не могут быть «опорой русских нравов и понятий».

Отставка Модестова продолжалась девять с половиной лет — с 1880 по 1889 г. В это время он вынужден был больше зани-

²⁹ *Садов А. И.* Профессор В. И. Модестов. Воронеж, 1910, с. 7. В 1878 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» были помещены статьи Модестова по вопросам преподавания классической филологии и истории римской литературы (*Модестов В. И.* Предмет, задача, цель, область и преподавание классической филологии.— ЖМНП, 1878, № 6; Римская литература при Тиберии, Клавдии и Нероне.— Там же, № 8; Плавт и его значение в университетском преподавании.— Там же, № 11—12).

³⁰ *Модестов В. И.* Школьный вопрос. СПб., 1880.

³¹ *Модестов В. И.* Статьи для публики, т. I. СПб., 1883, с. 227—308.

маться публицистической деятельностью, хотя не оставлял и научных занятий. В эти годы увидел свет сборник «Статьи для публики», включивший публикации из «Заграничного вестника», «Исторического вестника», «Наблюдателя» за 1880—1883 г.³², а также его книга о Германии и Франции³³. Много времени и сил отняли у Модестова два больших труда: первый был посвящен Тациту³⁴, второй — переводу словаря классической древности Ф. Любкера³⁵. К теме философского характера относится его работа о Спинозе³⁶.

Лишенный профессорского звания, Модестов со 2 сентября 1880 г. стал читать лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента. И только после смерти Толстого он был назначен 18 мая 1889 г. ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре греческой философии, той самой кафедры, где 24 года назад начал свою научно-педагогическую деятельность. 5 сентября 1889 г. Модестов прочитал вступительную лекцию «Место классической филологии среди наук историко-филологического факультета и ее преподавание»³⁷, в которой подчеркивал, что идеалы, которые он принес на кафедру двадцать четыре года назад, остались неизменными. Он сказал: «Мне приходилось иногда отказываться от своих мнений по частным вопросам в науке, которые получили новое освещение, от новых данных, от новых исследований. Но в своих воззрениях на науку, на ее высокое призвание, на ее властное положение в жизни образованных народов, на достоинство и независимость в служении ей, на ее бесспорный авторитет во всех вопросах человеческой жизни я остался непоколебим, как и останусь таковым до конца дней моих»³⁸.

14 января 1893 г. (по выслуге 25-летнего срока) Модестов был уволен по его прошению из Новороссийского университета. Вскоре после этого, в том же 1893 г., он выехал в Италию и поселился в Риме, лишь изредка, на непродолжительное время навещая Россию. Там он углубился в научную и литературную

³² Там же. В этот сборник вошло 9 статей (Законы истории; Прогулки по развалинам Рима и Помпей; Марк Аврелий и новая религия; Ошибки и раскаяния; Австрийские, русские и львовский профессы; Провинциализм в политике; М. Д. Скобелев; Университетский вопрос; О средней школе и университете). В последних двух статьях весьма обстоятельно рассматривались студенческие волнения, недостатки академической жизни и др.

³³ Модестов В. И. О Германии. СПб., 1888; *Он же*. О Франции. СПб., 1889.

³⁴ Модестов В. И. Сочинения Корнелия Тацита. Русский перевод с примечаниями и со статьей о Таците В. И. Модестова, т. I—II. СПб., 1887—1889.

³⁵ Модестов В. И. Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. СПб., 1887.

³⁶ Модестов В. И. Этика Бенедикта Спинозы. СПб., 1886 (2-е изд., 1892, 3-е — 1894).

³⁷ ЖМНП, 1889, № 11, с. 1—16.

³⁸ Там же, с. 2—3.

деятельность, сосредоточив главное внимание на изучении новейших археологических данных с целью выяснения древнейших доисторических судеб Рима и Италии.

Результаты своих научных исследований он обнаружил в иностранных изданиях, но главным образом в «Журнале Министерства народного просвещения» и в своем «Введении в римскую историю». Для русских, посещавших его в Риме, он был незаменимым «чичероне», и всегда охотно принимал на себя эту роль³⁹. В Италии Модестов сблизился со многими западноевропейскими и особенно с итальянскими учеными, принимал деятельное участие в различных съездах и собраниях, выступал с научными рефератами. Так, в 1903 г. он был избран вице-президентом на Международном историческом съезде в Риме, а в 1906 г. по поручению Министерства просвещения был представителем России на съезде по доисторической антропологии и археологии в Монако.

Своими научными трудами, и в особенности исследованиями о древнейших судьбах Рима и Италии, Модестов приобрел широкую известность на Западе⁴⁰, его называли «русским римлянином»⁴¹. И хотя Модестову российское Министерство народного просвещения назначило пособие для ведения научной работы в Риме, он жил исключительно на скромную профессорскую пенсию и литературный заработок. Умер он скоропостижно 13 февраля 1907 г. на 69-м году жизни.

По своим историческим взглядам Модестов был продолжателем лучших традиций русской школы историков Западной Европы, заложенной еще Т. Н. Грановским. Он стремился вскрыть причины исторических событий и их закономерности, показать исторический процесс во всем его многообразии, раскрыть его

³⁹ Дроздов Н. Памяти профессора В. И. Модестова.— «Труды Киевской духовной академии», 1907, июнь, с. 233—234.

⁴⁰ Интересные сведения сообщаются Модестовым в его докладе «О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о своих занятиях в нем», прочитанном им 20 сентября 1900 г. на заседании Общества классической филологии и педагогики («Филологическое обозрение», 1900, т. 18). Результатом ученых занятий были: ЖМНП, Модестов В. И. Ученая жизнь в Риме.— ЖМНП, 1892, № 3—5; Он же. Фалиски.— ЖМНП, 1895, № 3; Он же. Древнейший период Рима.— ЖМНП, 1897, № 11—12; Он же. О том, откуда пришли и кто были латиняне?— ЖМНП, 1898, № 12; Он же. Еще о сикулах, умбрах и латинянах.— ЖМНП, 1898, № 5—9; Он же. Этрusco-русский вопрос.— ЖМНП, 1903, № 8; Он же. Этрusco-русские месалы.— Там же; и др. Эти статьи в переработанном виде Модестов издал отдельно в 2-х частях (Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима, ч. 1—2. СПб., 1902—1904). Ряд статей для 3 части «Введения» остался ненапечатанным.

⁴¹ Шестаков С. Русский римлянин.— «Вестник литературы», 1907, № 3, с. 70—71.

внутренние связи⁴². Русский ученый был на стороне тех, «кто добывается в частных явлениях обнаружения общего смысла, кто заглядывает в глубь исторических событий и пытается на основании широкого изучения исторического, археологического, этнографического, статистического материала создать цельную картину века и таким путем приблизиться к пониманию законов, действующих в судьбах человечества»⁴³. Во взглядах на значение исторической науки Модестов продолжал линию Грановского, отстаивавшего идею ее общественного значения⁴⁴. «История была и будет учительницей народов на их пути к улучшению гражданского быта, к созданию государственного величия, к разрешению сложной и трудной задачи общественного благополучия»⁴⁵. Связь истории с современностью он видел в том, что историческая наука должна помочь правильно понять существующие гражданские отношения, дать «наглядные основания для борьбы с учениями, враждебными правильному государственному и общественному строю»⁴⁶.

Но, являясь представителем буржуазной науки, либералом по своим политическим взглядам, Модестов не мог понять истинных движущих сил истории. По его мнению, «величие народа складывается из разных элементов, но, в сущности, сводится к его умственной и нравственной силе: ни многочисленность населения, ни обширность территории, ни громадность армии не дают сами по себе никакого величия и не доставляют народу действительной силы... Велико и сильно то, что носит в себе силу духа, что богато творчеством гения, что исправляется разумом, где господствует стройность, порядок и свобода необходимых отправления»⁴⁷.

К оценке роли отдельных народов в истории человечества Модестов подходил с идеалистических позиций. В разрешении этого вопроса у него проявлялось свойственное либералам преувеличение исторической значимости некоторых народов⁴⁸.

Прогресс общества, по его мнению, есть прежде всего умственный прогресс. Общество рассматривалось им в отрыве от народных масс. К обществу Модестов причислял только образованную часть. «Образованное русское общество,— подчеркивал историк,— есть то, что составляет цвет и украшение русского народа. Это есть, так сказать, мозг, которым русский народ мыслит, есть орган, посредством которого он заявляет миру о своих дарованиях, обнаруживает свои способности в высшей сфере жиз-

⁴² *Мурьгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 187.

⁴³ *Модестов В. И.* Статьи для публики, т. I, с. 4.

⁴⁴ *Мурьгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 187.

⁴⁵ *Модестов В. И.* Статьи для публики, с. 140.

⁴⁶ *Модестов В. И.* Школьный вопрос во Франции.— В кн.: Школьный вопрос. СПб., 1880, с. 125.

⁴⁷ *Модестов В. И.* Школьный вопрос в Германии.— В кн.: О Германии, с. 161.

⁴⁸ *Мурьгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 188.

ни, наконец, орган, посредством которого русский народ заявляет о своих потребностях и нуждах, о своих печалях и радостях»⁴⁹.

Слово «буржуа», по его мнению, не имеет никакого смысла, и если им можно кого-то называть, то разве тех деревенских кулаков, которые, будучи или бывши сами мужиками, высасывали кровь народа самым безжалостным образом. Других «буржуа», если не считать вообще всех денежных людей, так или иначе эксплуатирующих труд, на Руси нет⁵⁰.

Модестов выдвинул еще одно положение, что «общество» имеет непосредственное право управления народом: «Народ — есть сила пассивная, управляемая, руководимая, направляемая избранной частью общества»⁵¹.

Народные массы он рассматривал в отрыве от общества, не признавая их движущей силой общественно-исторического развития. Идеалистически подходил Модестов и к оценке роли личности в историческом процессе. Это особенно ярко видно на примере характеристики видного участника русско-турецкой войны генерала М. Д. Скобелева, которого Модестов считал спасителем в этой «несчастной европейской войне», человеком, который только один смог привести к победе⁵².

В конечном счете, оставаясь в рамках буржуазно-либеральной идеологии, Модестов весь ход истории сводил к духовной деятельности людей. Он считал, что события зависят от степени образованности, на которой находится развитие науки. Факторы политической, военной и культурной жизни общества он рассматривал в отрыве от общего исторического процесса, в частности в отрыве от экономического развития общества, чем нарушал специфическую особенность исторической науки, которая должна рассматривать процесс развития общества в целом, все явления общественной жизни в их взаимосвязи и взаимообусловленности⁵³.

Говоря об основных исторических трудах ученого, следует указать две проблемы, которые особенно интересовали Модестова, — это античная историография и ранняя история Рима. Из римских авторов его особенно привлекает знаменитый историк Корнелий Тацит, всестороннему анализу трудов которого Модестов отдал много сил и творческой энергии. Впервые он выступил с трудом, посвященным Тациту, еще в 1864 г., когда им была издана монография под заглавием: «Тацит и его сочинения»⁵⁴. Это — магистерская диссертация, в которой дана биография римского историка и сделан разбор его сочинений. Через двадцать

⁴⁹ «Русское богатство», 1887, сентябрь, с. 163.

⁵⁰ «Русское богатство», 1887, сентябрь, с. 164.

⁵¹ Там же, с. 165.

⁵² Модестов В. И. М. Д. Скобелев.— В кн.: Модестов В. И. Статьи для публики, т. I, с. 210.

⁵³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1. М., 1955, с. 7.

⁵⁴ Модестов В. И. Тацит и его сочинения. СПб., 1866.

два года Модестов осуществил полный перевод всех произведений Тацита. В начале 90-х годов XIX в. им были изданы «Заметки по Тациту». Выбор темы не был случаен. Образ Тацита, страстного республиканца (правда, сторонника патрицианской республики), бичевавшего пороки императорского режима, и должен был привлечь внимание оппозиционно настроенного по отношению к царскому правительству ученого. К тому же научный перевод Тацита диктовался потребностью времени, так как сделанные ранее в России переводы были недостаточно квалифицированными.

И. В. Помяловский, крупнейший знаток классических языков, в своей рецензии на труд Модестова дал высокую оценку проделанной работе, отметив, что она принадлежит человеку, знающему Тацита и любящего его⁵⁵.

Переводчик сознавал трудность своей задачи: «Тацит — писатель до того своеобразный в выборе слов и выражений, до того индивидуальный во всем том, что называется стилем писателя, что передавать его на другой язык достойным образом, то есть не только верно выражая его мысли, но и сохраняя до известной степени манеру автора, значит исполнить работу далеко не легкую и по местам даже трудную»⁵⁶.

В другом месте Модестов дал характеристику тем приемам, которыми он руководствовался при переводе: «Во время этой работы я неуклонно стремился к тому, чтобы верно передать не только мысль Тацита, но и самые оттенки его выражения, насколько это было для меня достижимо без видимого ущерба для ясности и правильности русской речи»⁵⁷.

Отличие полного перевода Тацита на русский язык, осуществленного Модестовым, от других заключалось в том, что Модестов начал перевод не с «Летописи», а с других исторических сочинений: «Агриколы» и «Германии» и перевода «Истории»⁵⁸. Основанием для этого он считал прежде всего хронологический порядок исторических сочинений Тацита⁵⁹.

Модестов говорил, что в «Истории» Тацита дано «полное жизни и смысла изображение состояния принципата в одну из самых критических для него эпох, со всеми его влияниями на положение огромного римского государства»⁶⁰.

Модестов рассматривал также малые труды Тацита — «Агрикола» и «Германия». По его мнению, первый преследовал цель «заклеймить позором нечестивое время правления Домициана»,

⁵⁵ Помяловский И. В.— [Рец. на кн.]: Сочинения Корнелия Тацита. Русский перевод с примечаниями и статьей о Тацита В. И. Модестова.— ЖМНП, 1886, № 9, с. 160.

⁵⁶ Модестов В. И. Сочинения Корнелия Тацита, т. I. СПб., 1886, с. 1.

⁵⁷ Там же, с. 3—4.

⁵⁸ Там же, с. 3.

⁵⁹ Там же, с. 5.

⁶⁰ Модестов В. И. Тацит и его сочинения. СПб., 1864, с. 110—111.

произнести приговор над страшной эпохой⁶¹. Что касается «Германии», то она квалифицировалась как чисто этнографическое сочинение.

Труды Модестова о Таците оказали большое влияние на последующую историографию. В частности, монография И. М. Гревса, посвященная Тациту, имела много точек соприкосновения с основными выводами Модестова⁶².

Рассматривая политические, философские, религиозные и нравственные убеждения Тацита, Модестов делал вывод, что историк не мог симпатизировать тем порядкам, тому государственному режиму, который установился после Августа. Вместе с тем он понимал, что при подобном положении вещей утверждение в Риме единогласия было неизбежно. Историк не отрицал и того, «что победа монархического начала была вызвана необходимостью водворения порядка в государстве, истощенном междоусобными войнами»⁶³. По словам Модестова, Тацит был недоволен тем, что государственный переворот, совершенный Августом, положил конец политическому равенству, но и не мог скрыть того убеждения, что равенство могло легко существовать, когда республика не имела обширных границ.

Модестов приходил к выводу, что Тацит не сомневался в исторической необходимости принципата, во время которого он жил. Тацит не объявлял войну принципату, как это делали те, которые предпочитали «гордую смерть неизбежному подчинению тяготевшей силе». Наоборот, Тацит на примере своего тестя Агриколы показал человека, умевшего приносить пользу даже при Домициане⁶⁴.

По мнению Модестова, Тацит чувствовал глубокую симпатию к людям, которые возмущались самовластием. Особенно же он приветствовал тех, кто представлял радикальную партию политической оппозиции. Непоколебимые в борьбе, они бесстрашно шли на смерть, видя в ней не бедствие, а счастье. Это, по определению Модестова, «стойки». Тацит к ним относился с уважением⁶⁵.

Много внимания Модестов уделил анализу политических воззрений Тацита. Известно, что всемогущая власть принцепса вызывала в знатных и зажиточных слоях общества постоянную оппозицию правительству⁶⁶. Центром оппозиции был Сенат, который хотя по форме и сосредоточивал все функции государственной власти, но при единовластии не имел силы. Сенат, исконный оплот свободы и чести римского народа, теперь, по мнению Тацита, способен лишь раболепствовать перед властью.

⁶¹ Модестов В. И. Тацит и его сочинения, с. 61.

⁶² Гревс И. М. Тацит. М.—Л., 1946, с. 12, 122, 126, 129, 203 и др.

⁶³ Модестов В. И. Тацит и его сочинения, с. 138.

⁶⁴ Там же, с. 140.

⁶⁵ Там же, с. 141.

⁶⁶ Там же, с. 142.

Таким образом, говорил Модестов, гарантию свободы и общественного состояния Тацит видел в нерушимости прав Сената, за действиями которого в «Летописи» он постоянно следил.

Нельзя не согласиться с Модестовым и в том, что в политических воззрениях Тацита не было определенной системы. Тацит ненавидел принципат и приписывал ему много бедствий, которым он подвергал римский народ, но вместе с тем не исключал возможности сделки с ним и говорил, что даже «и при худых государях могут быть великие люди»⁶⁷. Он провозглашал умеренность как высшее политическое правило своего времени и в то же время с симпатией говорил о людях, которым чуждо это правило.

Если бы у Тацита было больше объективности, то, возможно, не было бы тех противоречий, какие у него замечаются. Однако, по мысли Модестова, эти противоречия не столь важны при определении политического образа мыслей Тацита. «Ненависть к тирании, любовь к свободе и гражданской доблести хороших времен республики сами по себе ясно характеризуют политическую точку зрения человека, оставившего нам красноречивое описание Римской империи первого века нашей эры»⁶⁸.

В философском и религиозных воззрениях Тацита Модестов также не находил определенной системы. Он не относил Тацита ни к эпикурейской, ни к стоической школам.

Стоицизм был философией достижения индивидуального блага и счастья. Для Тацита же были предпочтительны добродетели общественные: любовь к отечеству, предпочтение общего блага частному, активная деятельность (противопоставляемая праздности), любовь к правде, твердость и стойкость, наконец, умеренность и воздержание. Таким образом, выходило, что гражданский долг — высшая добродетель в старом римском этническом кодексе — находился в центре общественного идеала Тацита⁶⁹.

Кроме работы над Тацитом, Модестов много внимания уделял изучению древнейшей истории Рима и Италии. Интенсивно начав эту работу с 90-х годов XIX в., он продолжал ее до конца своей жизни.

Основным научным трудом Модестова было фундаментальное исследование «Введение в римскую историю». По важности и актуальности поставленных в нем проблем, а также методам их разрешения оно было ценным вкладом в мировую науку об античности и получило широкую известность. В этой работе русский историк продолжал выступать против тех ученых, которые признавали недостоверность традиции, отрицали возможность воссоздания древнейшей римской истории. Он возложил на себя важную по значению и большую по объему задачу по борьбе с

⁶⁷ Там же, с. 147.

⁶⁸ Там же, с. 148.

⁶⁹ Там же, с. 157.

гиперкритикой, процветавшей в те годы и наносившей вред науке об античности.

Модестов еще в своей докторской диссертации «Римская письменность в период царей», доказывая наличие письменности у древних римлян, стремился тем самым отвести важнейший довод сторонников «скептического направления», отрицавших достоверность древней истории Рима⁷⁰. В те годы он мог оперировать лишь данными традиции, но уже в 1898 г. были открыты памятники древнейшей римской письменности, датируемые VI в. до н. э. Среди них был знаменитый «черный камень» — надпись на форуме со словом «царь»⁷¹. Эти открытия подтвердили предположения Модестова⁷². Хотя историк явно преувеличивал распространение письменности в древнейший период римской истории (относя это событие к эпохе, еще предшествующей основанию Рима), тем не менее наличие письменности еще в царский период оставалось доказанным.

Продолжая исследование источников «как наиболее фактических и осязательных»⁷³, Модестов на основе сравнительного их изучения пришел к выводу, что «разрушительная в римской истории работа кончила свое дело и должна начаться работа созидательная»⁷⁴. Свое дело воссоздавать древнейший период истории Рима он выполнил в работе «Введение в римскую историю».

В вводном разделе книги Модестов четко определяет назначение своей работы: «Древнейшую историю Рима надо начать с первых следов в долине Тибра человека, чтобы войти в город Ромула не с пустыми руками и не с мифологическими и легендарными сказаниями, а с фактами последовательно развивавшейся культурой жизни в руках». Таково, по мнению автора, новое направление в разработке древней римской истории. Оно «единственное, вполне научное и единственное в наше время плодотворное»⁷⁵.

Свою работу Модестов начал с главы, посвященной каменному веку Италии. На основании данных итальянских археологов Пигорини и Чезелли он подверг критике утверждение Т. Моммзена об отсутствии человека в Италии в каменном веке. Модестов установил место пребывания человека в преадриатической Италии, в Лациуме, в области верхнего Тибра и в других местах. Он дал описание истории Италии в эпоху неолита и энеолита. По мнению автора, неолит был важнейшим периодом жизни Италии,

⁷⁰ Модестов В. И. Римская письменность в период царей.— Учен. зап. Казанского ун-та», 1867, вып. V—VI. К этой работе примыкает книга: *Он же* Скептицизм в римской истории. Казань, 1869.

⁷¹ Модестов В. И. Древнейшая латинская надпись в римском форуме.— ЖМНП, 1900, кн. 3, с. 16.

⁷² Нечуровский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 16.

⁷³ Модестов В. И. О происхождении сикулов. СПб., 1898, с. 54.

⁷⁴ Модестов В. И. Введение в римскую историю, т. I. СПб., 1902, с. 11.

⁷⁵ Там же, с. 11—12.

так как являлся веком «развития той многосторонней и доведенной до совершенства культуры, которая досталась латинскому племени в наследство от предшествующего ему поколения на Апеннинском полуострове»⁷⁶.

Модестов стремился определить и причины перехода от энеолита к бронзе⁷⁷. Он не учел, однако, степени внутреннего развития народов, населявших Италию в рассматриваемое время, и свел все к внешним влияниям, проникающим, по его мнению, путем торговых сношений и иммиграций в Италию народов с иной культурой, которые водворились в ней как путем завоевания, так и мирным путем.

Рассматривая проблему этнической принадлежности народов, населявших Италию во времена каменного века, Модестов пришел к выводу, что наиболее древними обитателями Апеннинского полуострова были иберы и лигуры, между которыми существовало тесное родство, доказываемое данными палеонтологии, антропологии и краниологии. Опираясь на сведения Дионисия Галикарнасского, Варрона, Валерия Флакка, к боковой ветви лигуров Модестов относил сикулов, живших когда-то в Италии.

При изучении бронзового века на территории Италии автор снова использовал теорию миграций. Бронза, по его мнению, была принесена новой волной пришельцев, строителей и обитателей террамар, проникновение которых происходило мирно, не при помощи оружия, а путем внесения более высокой культуры бронзы. Они, по утверждению ученого, и создали то население, которое известно под именем латинян, — основной элемент, положивший начало римской истории.

Вслед за итальянским археологом Пигорини Модестов установил сходство бронзовых орудий обитателей террамар с подобными орудиями стран Средней Европы, утверждая, что начальным местом распространения этого древнейшего индоевропейского племени были прикарпатские земли, «откуда оно и распространилось в разные стороны Средней Европы»⁷⁸.

Преследуя свою цель — проследить начало Рима, — Модестов подробно остановился на древнейшей культуре латинян в Лациуме, рассмотрел содержание их могильников с трупосожжением в Албанских горах и погребений на римских холмах. Он проанализировал влияние на латинян погребальных обрядов, материальной культуры и языка лигурийского населения страны.

Историк подкрепил свои доводы убедительными соображениями о связи древнейшей латинской культуры Лациума с еще более древней культурой бронзового века — террамар⁷⁹.

⁷⁶ Там же, с. 13.

⁷⁷ *Немировский А. И.* Племена Италии во II тыс. до н. э. — «Вестник древней истории», 1957, № 1, с. 102—121.

⁷⁸ *Модестов В. И.* Введение в римскую историю, т. I, с. 135.

⁷⁹ *Анучин Д.* Труд профессора В. И. Модестова «Введение в римскую историю», с. 15.

Модестов полагал, что сиканы — одни из древних обитателей Сицилии — образовались из народности, пришедшей сюда непосредственно из Африки⁸⁰, а сикулы, по его мнению, были ветвью лигуров, проникших в Европу вместе с иберами через Пиринеи и пришедших затем на Апеннинский полуостров⁸¹.

Второй том «Введения в римскую историю» посвящен не менее сложной проблеме — происхождению этрусков. Он начинается со справедливой критики взглядов Моммзена, отрицавшего культурное влияние этрусков в Италии и недооценивавшего этрусского вопроса вообще.

Основываясь на свидетельствах древних авторов, а также вещественных и письменных памятников, оставленных этрусками, Модестов выступил защитником малоазийского происхождения этрусков⁸². По его мнению, в источниках четко прослеживается связь между малоазийскими и этрусскими захоронениями. Он указал на связь между малоазийской и этрусской могильной скульптурой, живописью, халдейскими могильными обрядами, именами, дивинацией этрусков; он видел восточные черты в быте, одежде, нравах этрусков.

Вместе с тем Модестов выступил и против положений Пиго-рини и Гельбига (ученых, к которым он относился с большим уважением), утверждавших, что этрусская культура развилась из культуры Виллановы⁸³. Он обратил внимание на определение времени прибытия этрусков, которое относил к IX в. до н. э., и на их путь через Тирренское море⁸⁴.

Заканчивая рассмотрение этрусской проблемы, автор с полной уверенностью заявил, что вопрос о происхождении этрусков решен на научной основе и что новые данные могут лишь несущественно видоизменить эти выводы⁸⁵.

Итак, в своем капитальном труде Модестов попытался на основе археологических и антропологических данных детально исследовать древнейшую историю Италии. Глубокий знаток римской истории и литературы, он изучил древности в музеях и

⁸⁰ Модестов В. И. Введение в римскую историю, т. I, с. 92.

⁸¹ Там же, с. 89—90.

⁸² Там же, т. II. СПб., 1902, с. 5—7.

⁸³ Там же, с. 70—75 (Культура Вилланова — культура раннего железного века в Северной Италии, представленная инвентарем из могильника, расположенного в селении Вилланова близ Болоньи).

⁸⁴ Модестов В. И. Введение в римскую историю, т. II, с. 87.

⁸⁵ Там же, с. 98. См. советские работы об этрусках: *Залесский Н. Н.* Этрусски (в помощь историку-педагогу). — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6, с. 190—203; *Он же.* Этрускология за рубежом (обзор). — «Вестник древней истории», 1956, № 4, с. 71—85; *Он же.* К истории проникновения этрусков в области фалисков и города Капены. — «Уч. зап. ЛГУ», № 251. Серия истории наук, вып. 28, 1958, с. 3—20; *Он же.* Этрусски в Лигурии. — «Вестник древней истории», 1958, № 1, с. 52—71; *Он же.* Этрусски в Риме. — «Научные доклады высшей школы. Ист. науки», 1958, № 1, с. 97—107; *Он же.* Этрусски в Северной Италии. Л., 1959; *Немировский А. И.* и *Харсекин А. И.* Этрусски. Воронеж, 1969.

пришел к глубоко аргументированным выводам по затрагиваемым вопросам. В результате появилось сочинение «не имеющее себе равного ни в одной европейской литературе»⁸⁶.

В предисловии к французскому переводу «Введения в римскую историю» Модестова член французской Академии наук С. Рейнак писал, что эта книга является выдающимся синтетическим трудом в области доисторической археологии Италии: «Наука вообще, и наука итальянская в особенности, обязаны Модестову глубокой благодарностью, первая — за то, что он снабдил ее удобным и надежным рабочим орудием, вторая — за то, что он свел воедино и осветил полным светом ее прекрасные открытия, вывел ее из полумрака, в котором она осуждена была оставаться»⁸⁷.

Труд Модестова, несомненно, крупный вклад в науку о доисторических древностях. Он дал сводку всех главнейших фактов, имеющих отношение к культуре бронзового и железного веков Италии, к происхождению латинян и этрусков. Автор не только собрал факты, но и стремился истолковать их, построить определенную теорию смены культур и народностей, доисторического периода пролатинян. Как и многие другие археологические и этнографические теории, теория Модестова далеко не безупречна, но в ее пользу говорит то, что, будучи основанной на связи бронзовой культуры Лациума с бронзовой культурой террамар, она дала более простое и убедительное истолкование многим фактам.

СOLIDНЫЙ труд Модестова может служить прочной основой для дальнейшей разработки связанных с ним трудных и сложных палеоэтнологических вопросов. Умелое сопоставление фактов, критический анализ и построенный на основании их синтез — дают в руки исследователям ценный материал для дальнейшей работы научной мысли⁸⁸.

В настоящее время наука рассматривает этническую пестроту населения Италии в большей степени как результат переселения народов, особенно в начале II тысячелетия до н. э.

И сейчас появление культуры террамар некоторыми из ученых объясняется как результат нашествия пришельцев из-за Альп. Так, в работе итальянского ученого Д. Луццато отмечено, что эпоха культуры Вилланова «совпадает с периодом экспансии умбров и умбро-сабелов на север и юг от Тосканоземлианских Апеннин»⁸⁹.

Однако в то же время нельзя не согласиться с мнением Н. Ф. Мурыгиной о том, что Модестов переоценивает значение

⁸⁶ *Анучин Д.* Труд профессора В. И. Модестова «Введение в римскую историю», с. 26.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, с. 28.

⁸⁹ *Мурыгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 195.

миграций. Появление на территории Италии народов с новой культурой объясняется им главным образом переселением, а затем — торговыми сношениями. Этой точки зрения придерживаются и в настоящее время буржуазные ученые⁹⁰.

Миграция, конечно, являлась одной из причин появления новой культуры, но наряду с ней большое значение имел и процесс внутреннего развития народов, которые находились на стадии первобытнообщинного строя, процесс, способствовавший образованию племен и народностей. В настоящее время факт миграции признается только в отношении народов, являющихся носителями культуры железа.

Культура бронзы, как полагал Модестов, была занесена новыми пришельцами. По мнению же Лущато, она появилась в результате ввоза олова из далеких стран⁹¹. Отрицаются современными учеными и черты сходства террамар и римских военных лагерей, которые находил Модестов, считая их доказательством родства обитателей террамар с римлянами⁹².

Хотя после появления работ Модестова прошло много лет, этрусский вопрос по-прежнему, несмотря на существенные достижения этрускологии, остается открытым.

Один из советских исследователей этой проблемы Н. Н. Залесский успехи этрускологии видит в накоплении нового материала, в попытках установления периодизации истории этрусков, в историческом подходе к решению отдельных проблем этрускологии, особенно вопросов, связанных с этрусской экспансией за пределами Этрурии⁹³.

В настоящее время ученых больше интересует проблема формирования этрусской народности в условиях Италии, а не вопрос их происхождения. Однако отдельные ошибочные положения, которые стали очевидны с позиции современной науки, не могут умалить общего значения труда Модестова. Его работа, явившаяся обобщением разрозненных сведений по древнейшему периоду истории Италии и давшая впервые в мире его последовательное изложение, нанесла удар по представителям гиперкритицизма и доказала необходимость комплексного изучения источников, а не использования одних филологических данных.

Замечательное исследование Модестова, не утратившее до сих пор своего значения, — одно из первых в мировой науке указало на необходимость при изучении древнейших периодов истории Италии и Рима использования накопившегося археологического материала и положило начало новому направлению в римской истории, указывающему на тесную связь исторических источников с данными различных вспомогательных наук.

⁹⁰ *Мурыгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 195.

⁹¹ Там же, с. 196.

⁹² Там же.

⁹³ *Залесский Н. Н.* Этрусология за рубежом (обзор), с. 75.

III

К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК

ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ АКАДЕМИИ НАУК *

Г. И. Щетинина

Изучение истории науки можно вести в нескольких направлениях — исследование роли ученых в различных областях науки, развитие отдельных дисциплин и становление в них научных традиций, анализ организационных форм и т. д. «История русской науки и история научной мысли и научной работы в нашей стране вообще представляют особый интерес и имеют большое значение...», — отмечал В. И. Вернадский. — Начавшийся с создания Академии и усилившийся в 60-х годах прошлого и особенно в начале этого столетия рост научной мысли и научной работы в нашей стране является неразрывно и важною частью большого мирового процесса — роста науки в пределах западноевропейской цивилизации. Реальное его значение в этом общечеловеческом движении очень велико; оно гораздо больше, чем его сознают. История науки в XVIII—XX вв. не может быть познана и изложена без истории русской науки»¹.

История любой науки предполагает исследование достижений научной мысли и открытий в различных научных центрах, в том числе и заграничных.

Отечественная история изучалась не только в Академии наук в Петербурге, но и отдельными историками вне ее, а с созданием университетов — в университетских центрах, в научных обществах (как полуофициальных, так и правительственных), в архивах.

Предметом данной статьи являются учреждения, в которых

* Расширенный текст доклада, сделанного автором в Риге 5 ноября 1975 г. на региональной конференции по историографии Прибалтийских республик.

¹ Вернадский В. И. Работы по истории знаний. Пг., 1922, с. 160.

изучалась история России в Петербургской Академии наук². В чем значение изучения научных центров? Для каждого научного коллектива представляет жизненную важность история научной работы, открытий, учреждений. История научных учреждений позволяет видеть преемственность в научном творчестве и качественно новые отличия исследовательской работы на разных этапах. Не случайно вопрос о создании истории Академии наук возник уже в XVIII в. Первая по времени историческая справка об основании, личном составе и академических учреждениях появилась в 1741 г. в виде предисловия³. Эти сведения содержатся в изданиях Академии наук XVIII — начала XX вв. Так, материалы об учреждениях и деятельности Академии наук в XIX в. печатались в ежегодных «Отчетах Академии наук», в «Протоколах Академии наук», в «Ученых записках» в разделе «Историко-литературная летопись Академии» (с 1852 по 1863 г.).

Ценным источником являются работы под редакцией М. И. Сухомятина⁴, а также очерки по истории академических учреждений и биографический словарь членов Академии наук⁵, издание которых (оставшееся незавершенным) было приурочено к 25-летию пребывания на посту президента Академии вел. кн. Константина Константиновича Романова. «Материалы...» не привлекли еще в достаточной мере внимание исследователей. Их отличает известная тенденциозность. Однако, вопреки стремлению изобразить рост и процветание академических учреждений при «августейшем» президенте, это издание убеждает, что в действительности научная деятельность в царской России по-настоящему не ценилась.

Деятельность академических учреждений в дореволюционной Академии наук нашла отражение в трудах П. П. Пекарского⁶, А. А. Куника⁷, А. И. Гримма⁸, П. Н. Милюкова⁹.

Интерес к комплексному рассмотрению истории идей в исторической науке и истории научных учреждений был характерным

² В XVIII—XIX вв. она называлась Петербургской Академией наук, с 1917 г. была переименована в Российскую (прежде так называлось учреждение по изучению русского языка; оно было основано в 1783 г., а в 1841 г.—слилось с Академией), в 1925 г.— АН СССР.

³ Палаты Санкт-Петербургской имп. Академии наук, библиотеки и кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили, приписанные ее имп. высочеству... правительнице всея России (с посвящением Иоганна Даниеля Шумахера). СПб., 1741.

⁴ Материалы для истории имп. Академии наук, т. 1—10. СПб., 1885—1900; История Российской Академии, т. 1—8. СПб., 1874—1887.

⁵ Материалы для истории академических учреждений. Пг., 1915; Материалы для биографического словаря. Пг., 1917.

⁶ Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге, т. 1—2. СПб., 1870—1873.

⁷ Куник А. А. Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII в. СПб., 1865.

⁸ Гримм А. И. Очерк истории музеев императорской Академии наук. СПб., 1865.

⁹ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1898.

для советской историографии. Такой подход проявился уже в очерках А. В. Луначарского и С. Ф. Ольденбурга по поводу 200-летия Академии наук в 1925 г.¹⁰ В 1938 г. Президиум Академии наук СССР учредил специальную комиссию во главе с академиком С. И. Вавиловым. Итогом ее деятельности явилась «История Академии наук СССР»¹¹. В создании этого обобщающего труда приняли участие Д. С. Лихачев, Г. А. Князев, А. В. Кольцов, А. В. Предтеченский и другие. Он во многом подвел итоги конкретного исследования многосторонней деятельности Академии наук в дореволюционное время¹². Особое место в освещении истории исторической науки занимает коллективный труд под редакцией академиков М. Н. Тихомирова и М. В. Нечкиной¹³. В юбилейный год были переизданы уставы Академии наук¹⁴, вышли в свет обобщающий труд Г. Д. Комкова¹⁵, а также работа С. М. Джорбенадзе¹⁶. В последней рассмотрена история создания по инициативе Н. Я. Марра Кавказского историко-археологического института.

На организационные формы развития русской науки, как отмечал С. И. Вавилов, огромное влияние оказывали социальные и экономические условия страны в каждую эпоху¹⁷. Это важное положение находит подтверждение в конкретной истории Академии наук.

Утверждение 22 января 1724 г. Петром I проекта об Академии наук было одним из актов петровских преобразований. Введением в России «ученого сословия» был создан еще один центр мировой науки. В своей организационной структуре Академия наук, как известно, отошла от традиций других европейских академий. Она возникла как государственное учреждение, субсидируемое правительством. Санкт-Петербургская академия научную деятельность сочетала с преподавательской (при Академии существовали университет и гимназия), что обуславливалось необходимостью создания отечественных специалистов. Ректор академического университета был одновременно историографом. Подобная организационная структура оправдала себя в условиях России — за первые 30 лет академиками стали 10 русских ученых, а за полвека — 15.

¹⁰ Академия наук СССР за 200 лет. Л., 1925.

¹¹ История Академии наук СССР, т. 1—2. М.— Л., 1958—1964.

¹² См. также: Князев Г. А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.— Л., 1945 (2-е изд. было подготовлено Г. А. Князевым и А. В. Кольцовым в 1957 г.).

¹³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1—3. М., 1958—1962.

¹⁴ Уставы Академии наук. М.— Л., 1974.

¹⁵ Комков Г. Д. Академия наук за 250 лет. М.— Л., 1975.

¹⁶ Джорбенадзе С. М. Учреждение АН СССР и Тбилисский университет (документы и факты). Тбилиси, 1974.

¹⁷ Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР 5—11 января 1949 г., с. 41.

Академия наук в Петербурге состояла из трех классов: математики, физики и гуманиора. Последний класс, согласно проекту, «трем персонам отправлять можно: первая б элоквенцию и студиум антиквитатис обучала, вторая — историю древнюю и нынешнюю, а третья — право природы и публичное, купно с политикою и этикою (ндравоучением)»¹⁸.

Академия наук, впервые в России объединившая профессиональных историков, положила начало систематическому научному исследованию отечественной истории, хотя разработка русской истории, как и сбор документов, велись еще до ее основания.

Не останавливаясь на вековых традициях исторических знаний в России, отметим, что первая четверть XVIII в. ознаменовалась известными успехами в этой области. Усиление классовой борьбы, реформы, основание Петербурга, успехи России на международной арене, практические потребности законодательства, дипломатии, церкви обусловили интерес в обществе к изучению прошлого. Правительство обратило внимание на хранение исторических источников. Указы 1720—1722 гг.¹⁹ предписывали привести в систему рукописи в монастырях.

В первой четверти XVIII в. создавались исторические сочинения общего характера и по истории царствования Петра I (тогда — новейшему времени). Интерес к истории современной эпохи (с преобладанием военно-дипломатической проблематики) был отличительной чертой исторической литературы того времени. XVIII век в русской дворянской историографии ознаменовался отказом от объяснений исторических явлений с позиций провиденциализма, стремлением к их научному осмыслению в духе рационалистических идей эпохи.

К моменту создания Академии наук в русском образованном обществе сложилась «ученая дружина». В нее входили государственный деятель и историк В. Н. Татищев, писатель А. Д. Кантемир и другие. Известный идеолог абсолютизма Ф. Прокопович (Белинский) (1681—1736) — вице-президент Синода, автор «Духовного регламента», «Правды воли монаршей» — не был чужд исторических занятий²⁰.

Использование не только русских, но и иностранных источников, освоение и переводы западноевропейских исторических работ отражали усиление связей русской науки с западноевропейской, окрепших со времени реформ первой четверти XVIII в.

В Академии наук, как и в научных учреждениях ряда европейских стран, членами академической корпорации первоначально

¹⁸ Проект Положения Академии наук и художеств.— «История СССР», 1974, № 2, с. 98.

¹⁹ ПСЗ-1, № 3693, 3908.

²⁰ История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии..., сочиненная Ф. Прокоповичем. СПб., 1773; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, с. 141—150.

но были иностранные ученые. Это сразу же обеспечило новой академии широкие международные научные связи. Преобладание иностранцев-академиков не могло не иметь и отрицательных последствий для гуманитарных наук, хотя иностранцы с начального этапа академической деятельности работали в контакте с «ученой дружиной». Положение членов ученой корпорации, независимо от национальной принадлежности, осложнялось бюрократической опекой.

Передовой общественно-политической и научной мысли во второй четверти XVIII в. приходилось, как известно, прокладывать себе дорогу в условиях менее благоприятных, чем в петровскую эпоху. В январе 1729 г. от имени всех академиков была подана в Верховный тайный совет жалоба на самоуправство И. Д. Шумахера, занимавшего должность библиотекаря Академии и возглавлявшего долгое время канцелярию. 6 февраля 1733 г. академики подали в Сенат «Рассуждение о состоянии Академии наук», где выражали недовольство его единоличным управлением, которое подавляло академическую деятельность. Даже ежегодных собраний в Академии наук между 1733 и 1741 гг. не было. Об отношении Академии к бирновщине свидетельствует провал затеи с избранием в ее протекторы Бирона²¹.

По регламенту 1747 г. историческое отделение в Академии было отменено, и науки историко-филологические и юридические относились к компетенции университета²². Это положение сохранилось до 1803 г. Однако изучение истории продолжалось в научных учреждениях, созданных при Академии наук.

Одним из первых научных учреждений был нумизматический (минц) кабинет или музей, в основу которого было положено собрание Петра I (греческие и римские медали). С 1726 г. кабинет находился в составе Академии наук (в 1908 г. был присоединен к академической библиотеке). В 1748 г. были учреждены Исторический департамент для разбора материалов Камчатской экспедиции, просуществовавший несколько месяцев, а также Историческое собрание, действовавшее до 1760 г. В его состав вошли М. В. Ломоносов, Г.-Ф. Миллер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, Я. Я. Штелин, И. Тауберт, Х. Крузиус, И. Э. Фишер, И. Браун. Секретарем до 1751 г. был В. К. Тредиаковский, затем И. Л. Стафенгаген²³. Историческое собрание в какой-то мере выполняло функции ученого совета (в современном значении).

Исторические знания в России второй четверти XVIII в., превращаясь в науку (тот же процесс одновременно совершался и в Западной Европе), приобретали все большее общественно-поли-

²¹ История Академии наук СССР, т. 1, с. 45—47.

²² Уставы Академии наук СССР, с. 51. Перенесение класса гуманитарных наук было отступлением от Проекта 22 января 1724 г., которым Академия руководствовалась.

²³ История Академии Наук СССР, т. 1, с. 278—280.

тическое звучание. Развитие русской исторической мысли происходило в условиях дальнейшего роста науки и культуры, в обстановке острой, напряженной борьбы передового, национального, критического, светского в своей основе направления с отсталыми, догматическими церковными взглядами. Представители православной церкви, используя подчас достижения исторической мысли, препятствовали распространению гражданской истории.

Академия была создана в то время, когда устои средневековой схоластики в Европе были расшатаны, что отчасти объясняет преимущественное распространение рационалистических взглядов среди ученых. В Академии наук историческая мысль развивалась в столкновениях передовых и консервативных идей, национального и норманистского направлений. Разработке отечественной истории уже в то время препятствовали неверные представления об извечной отсталости России, отразившиеся в норманской теории, выдвинутой в работах академиков-иностранцев. Естественно, что распространение норманская теория смогла получить лишь при поддержке реакционных кругов господствующего класса ²⁴.

Ведущая роль Академии в разработке отечественной истории проявлялась в том, что она возглавила публикацию документов в России, координировала переводы исторических работ (в чем отчасти отражалась ее функция связующего звена между русской и западноевропейской исторической наукой), издавала исторические журналы, организовывала многочисленные экспедиции по России.

В многотомных трудах Академии запечатлены материалы знаменитых экспедиций, в которых наряду с другими содержались ценные сведения исторического характера. Смешанный характер материалов экспедиций был вполне правомерным при том уровне науки и отчасти объяснялся тем, что материалы собирались не только историками. Недостаточная дифференцированность истории среди других отраслей знаний вполне соответствовала и смешанному характеру академических изданий, где исторические работы перемежались с географическими, астрономическими и др.

Академия наук к концу XVIII в. перешла от случайного собирания к более целенаправленному изучению источников не только письменных, но и этнографических и археологических, явившихся итогом первых раскопок. «Баснословье», легенды стали рушиться под напором рационалистической критики.

Первые опыты русской археологии были далеки от совершенства. Но издания источников, подготовленные В. Н. Татищевым, Г. Ф. Миллером, И. Э. Фишером, И. Г. Стриттером, М. М. Щербатовым и другими, вводили в научный оборот огром-

²⁴ *Пештич С. Л.* Указ. соч., ч. 1; *Копелевич Ю. Х.* Возникновение научных академий. Середина XVII — середина XVIII в. Л., 1974.

ное количество не известных ранее исторических документов. В изучаемое время еще не выработались те приемы издания исторических документов, которые возникли позднее, в XIX в. Издатели стремились добиться наибольшего сходства с рукописью, не оговаривая и не исправляя даже явных описок переписчиков. Несмотря на ряд дефектов в передаче текста источников, публикаторская работа Академии наук способствовала дальнейшему развитию исторических знаний, делая исторические источники достоянием более широкого круга образованных людей.

Достижения в разработке отечественной истории позволили во второй половине XVIII в. поставить перед Академией наук задачу полного исторического «описания» России. Ряд интересных документов в «Академических известиях», не привлекавших еще внимания исследователей, отразил этот важный этап в работе историков Академии. В письме директора С. Домашнева к членам Санкт-Петербургской Академии наук была обоснована необходимость описания России: «Летописи сей монархии не представят наирачительнейшему изыскателю ни одного периода, в коем бы ее сила и щастие возрастали и столь быстро и столь выгодно, как ныне. Слава ее знамен и флагов распространилась до неизвестных ей доселе пределов...»²⁵ Был разработан подробный план всестороннего — исторического, географического, политического, физического и экономического «описания» страны.

План «Общего исторического описания Российского государства» распадался на две части. В первой выделялись «наиважнейшие» направления изучения русской истории: древняя, «средних времен», «новейшая история особливо в отношении к завоеванным и удержанным или вновь приобретенным странам»²⁶. Во второй части указывалось на необходимость изучения народов Российской империи («славянских народов», финнов, латышей, татар, «тунгузов», камчадалов, алеутов, чукчей, юкагиров, коряков, курильцев, аринцев (в Красноярском уезде) и других). Причем обращалось внимание на «особые перемены», случавшиеся с различными народами. Осуществление этих задач было возложено на Комитет в составе академиков С. Я. Румовского, П. С. Палласа, К. Г. Лаксмана, И. И. Лепехина, И. А. Гильденштета и адъюнктов П. Б. Иноходцева и И. Г. Георги. Деятельность этого учреждения послужила исходной точкой для всестороннего исторического, этнографического описания народностей России, заверщенного в основном к середине XIX в.

Комиссии и комитеты оставались типичными формами научных организаций на всем протяжении деятельности Академии наук.

²⁵ «Академические известия», 1780, январь, ч. IV, с. 102.

²⁶ Там же, с. 113.

В XIX в., отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «на смену старой местной и национальной замкнутости... приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием»²⁷. Идеи и практика Великой французской революции, открывшей, по словам В. И. Ленина, новую эпоху в истории человечества, оплодотворили научную мысль в Европе. Принцип историзма, рассмотрение исторических явлений в процессе их возникновения и развития пришли на смену прагматизму, рационалистическому мировоззрению. Историзм — лучшее достижение научной мысли того времени. Идея внутренней обусловленности исторического развития стала органическим элементом направления в науке, связанного с эпохой Французской революции.

Обострение социальных противоречий в России способствовало дальнейшему разворачиванию идейной борьбы между реакцией и просветительством. Формирование антикрепостнической идеологии было связано еще с выступлениями А. Н. Радищева против самодержавия. Разработку революционной концепции исторического процесса в России вели историки-декабристы. Первый дворянский этап освободительного движения в России породил резкую дифференциацию общественного сознания. С 20-х годов XIX в. разрыв между Академией, стоявшей на официальной позиции, и прогрессивными силами делался все явственней. С этого времени передовая историческая мысль не могла найти себе места в учреждениях, находившихся в зависимости от царского правительства и субсидируемых им, в чем отчасти выразился кризис феодально-крепостнической системы в идеологической сфере.

Сеть научных центров расширилась с основанием университетов и научных исторических обществ при них. Академия наук перестала быть основным центром изучения отечественной истории. Задача подготовки специалистов, которую Академия наук выполняла в отношении университетов, в дальнейшем перестала быть ее функцией.

По уставу 1803 г. Академия наук становилась чисто научным учреждением (впрочем, гимназия и университет при Академии перестали функционировать прежде, чем они были официально упразднены). Поводом для назревшей реорганизации Академии послужило письмо Александру I группы академиков 15 декабря 1801 г.

Регламент 1803 г. причислил историю, статистику и политическую экономию к наукам, «усовершенствование» которых возла-

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.

галось на Академию. Отечественная история приобретает затем особое значение в Уставе 1836 г. («история, наипаче отечественная») ²⁸. По Уставу 1803 г. впервые в Академии наук пополнение ученой корпорации предоставлялось академикам. Избавленная от мелочного надзора царских чиновников, Академия наук оставалась под контролем самодержца (избранный академик утверждался царем). Число академиков по уставу увеличилось до 18 (из них 1 историк), при сокращении числа адъюнктов до 10. Состав Академии наук пополнился по случаю 100-летнего юбилея (в декабре 1826 г.) ²⁹ 30 почетными членами (из них 13 русских) и 23 членами-корреспондентами (среди них 14 русских).

В первой половине XIX в. историки Академии наук отстранились от решения крупных исторических проблем. Обострение противоречивости экономического развития в России, массовые движения в 1830—1831 гг., восстание в Польше 1831 г. были выражением ослабления позиций правящего класса. Ответной реакцией послужила «теория официальной народности», в основу которой была положена формула, высказанная в 1843 г. президентом Академии наук С. С. Уваровым: «Православие, самодержавие, народность». Академия наук в области исторических исследований в этот период погрузилась в специальную, черновую, критическую работу, которая, по словам неперменного секретаря К. С. Веселовского, могла «приготовить возможность появления со временем стройного здания русской истории» ³⁰.

На всем протяжении XIX в. внутри Академии наук не было четкой дифференциации в науках гуманитарного цикла. В 1841 г., после слияния Академии наук с Российской Академией, в ее составе возникли три отделения: I. Физико-математическое, II. Русского языка и словесности, III. Историко-филологическое.

Изучение истории было сосредоточено как в III, так и во II отделениях. Например, такие известные историки, как М. П. Погодин, П. М. Строев, С. М. Соловьев, М. И. Сухомлинов были академиками по II отделению.

Историческая наука в академическом понимании сводилась преимущественно к разысканиям источников, к разработке нумизматики, геральдики, хронологии. Академические музеи (Нумизматический, Азиатский, Этнографический и другие) в XIX в. превратились в очаги исследовательской работы.

В Азиатском музее, основанном в 1818 г., работали крупнейшие русские востоковеды. Музей обладал богатейшими коллекциями по истории стран Востока, их взаимоотношений с Россией.

В ведении неперменного секретаря Академии наук состоял ар-

²⁸ Уставы Академии наук СССР, с. 63—64, 93.

²⁹ *Сухомлинов М. И.* 50-летний и 100-летний юбилей С.-Петербургской Академии наук.— «Русская старина», 1877, январь, с. 13—20.

³⁰ *Веселовский К. С.* Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетиях. Речь, читанная в торжественном собрании Академии 29 декабря 1864 г., СПб., 1865, с. 26.

хив Конференции, подготовивший впоследствии многотомное издание материалов по истории Академии³¹.

Внутренняя структура исторических учреждений и во второй половине XIX в. почти не изменилась. В 1879 г. из двух музеев — Антропологического, возникшего в 1830 г., и Этнографического, основанного в 1837 г. (они выделились из Кунсткамеры и Азиатского музея), был создан единый Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. В этнографическом отделе хранились ценные коллекции, собранные во время путешествия И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, Н. Н. Миклухо-Маклая.

Наряду с экспонатами по истории стран Востока, в музее были представлены материалы по истории культуры бурят Забайкальской области и народов Сибири. В археологическом отделе изучались археологические находки, обнаруженные в Средней Азии³². При этом музее был организован особый отдел — Галерея имп. Петра I, где хранились личные вещи Петра I из собраний Эрмитажа³³, а также другие экспонаты. В этом отделе нашел выражение интерес к эпохе петровских преобразований, который был характерен для исторических работ Академии наук накануне и после отмены крепостного права³⁴. Реформы «сверху» вообще привлекали внимание буржуазных историков и соответствовали чаяниям либералов получить конституцию без революционной борьбы, мирным путем.

Под влиянием углубления общего кризиса крепостничества в середине XIX в. Академия наук откликнулась на давно волновавший общество крестьянский вопрос объявлением в 1857 г. конкурсной задачи «Исторические и статистические исследования об освобождении крестьян в государствах Западной Европы». Из представленных работ были удостоены премией второй степени труды двух немецких авторов, сочувствовавших идее освобождения крестьян с наделением их землей (С. Сугенгейм из Франкфурта-на-Майне и Гансен — профессор Берлинского университета). Конкурсная комиссия признала эти положения правильными. Ее выводы были одобрены Историко-филологическим отделением Академии наук³⁵.

Реформы не коснулись академического строя. Проект академического устава 1865 г.³⁶, обсуждение которого обнаружило

³¹ Материалы для истории императорской Академии наук, т. 1—10. СПб., 1885—1900.

³² Материалы для истории академических учреждений. Пг., 1915, с. 100.

³³ В настоящее время Галерея находится вновь в составе Эрмитажа.

³⁴ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. 1—5. СПб., 1858—1864. «Во всей истории не было революции обширнее, продолжительнее, радикальнее», — писал М. П. Погодин о реформах Петра I (*Погодин М. П. Очерк русской истории*. М., 1846, с. 32).

³⁵ Отчет Академии наук за 1860 год. СПб., 1861, с. 85—96; История Академии наук СССР, т. 2, с. 267, 269.

³⁶ «Журнал Министерства народного просвещения», 1865, январь, ч. 125, с. 96—281.

растущую изоляцию Академии наук от широких общественных кругов, был положен под сукно президентом Академии наук гр. Д. А. Толстым³⁷. Академия наук до Великой Октябрьской социалистической революции функционировала на основе Устава 1836 г., хотя он и признавался устаревшим и делались неоднократные попытки реорганизации Академии.

Развитие капитализма, буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в. вносили ощутимые изменения в идеологию, общественную мысль, науку. Академия наук, как официальное учреждение, была далека от непосредственной общественной борьбы. Соотношение же направлений (в частности, в исторической науке) изменилось. Консервативно-монархическое направление (М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, А. И. Михайловский-Данилевский), преобладавшее в первой половине XIX в., медленно, но неуклонно уступало свои позиции либерально-буржуазному течению (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.).

Со второй половины XIX в. наблюдался количественный рост Академии наук³⁸. За 1856—1890 гг. всего было избрано 47 академиков и 100 почетных членов³⁹.

Во второй половине XIX в. среди русской интеллигенции усилились споры о путях дальнейшего развития страны, о судьбах капитализма в России, обострился интерес к общим проблемам исторической науки, к философии истории, методологии, историографии. Именно к этому времени академические круги оказывались все в большей изоляции от передовой русской общественности. Внутри Академии одерживали верх консервативно настроенные члены. Оживление контактов наметилось лишь после революции 1905—1907 гг.

³⁷ *Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию Петербургской Академии наук в середине XIX в. Л., 1971.

³⁸ Со второй половины XIX в. членами Академии наук были преимущественно русские ученые, что косвенно свидетельствовало о росте отечественной науки. Вопрос о национальном составе приобрел в XIX в. иное содержание и относительно меньшую остроту, чем в XVIII в. Усиление межгосударственных связей в эпоху капитализма способствовало росту различных форм научных контактов без традиционного приглашения иностранных ученых. В полемике по поводу проекта Устава Академии наук 1865 г. газета «Русский инвалид» отмечала: «Наука ничего не выиграет от того, что знаменитость будет ее двигать вперед в Петербурге, а не в Берлине или в Гейдельберге, мы же несколько не проиграем от того, если с благодарностью будем пользоваться каким-либо открытием, где бы оно ни было сделано, или книгою, где бы она ни была написана». Автор статьи предпочитал уплатить 10 руб. за книгу, чем 60 тыс. руб. за ее написание. Он высказывался за замещение вакантных мест в Академии только отечественными учеными: «Академия тогда только и имеет значение, когда она продукт народных сил; иначе это будет учреждение искусственное, не отвечающее потребностям той страны, где оно существует» («Русский инвалид», 1866, 31 марта). С 1859 г. Отчеты Академии наук печатались на русском языке, а с 1861 г. на русском языке стали издаваться и «Записки имп. Академии наук».

³⁹ История Академии наук СССР, т. 2, с. 277.

Основной линией деятельности историков-академиков на протяжении XIX в. было развитие вспомогательных исторических дисциплин (по современной терминологии), а также археографическая и источниковедческая работа. В публикациях источников определенную роль сыграли ученые Академии наук: К. Ф. Калайдович, П. И. Кеппен, Ф. П. Аделунг, Ф. И. Круг, А. Х. Лерберг.

Значительным этапом в развитии русской археографии и источниковедения послужила деятельность Археографической комиссии⁴⁰. Ее организатором был Павел Михайлович Строев (1796—1876), создатель русской археографии⁴¹. Первая экспедиция Строева (1817 г.) изучила подмосковные архивохранилища Волоколамского, Воскресенского и Саввино-Сторожевского монастырей. Результаты превзошли все ожидания. Экспедиция обнаружила ценнейшие памятники: Софийский временник (издан Строевым в 1823 г.), славянский текст Хроники Георгия Амартола, Святославов Изборник 1073 г. и многие другие.

Только при прямой поддержке Академии наук (С. С. Уваров утвердил план экспедиции в 1829 г.) деятельность Археографической комиссии получила более систематический характер и научный размах.

Работа Археографической экспедиции (1829—1834 гг.) охватила архивы Троице-Сергиевской лавры, Соловецкого монастыря, Софийского собора в Новгороде и других. За 1828—1834 гг. экспедиция обследовала 200 хранилищ Архангельской, Псковской, Ярославской и других губерний. В 1834 г. Строев представил в Академию наук четыре тома материалов, подготовленных к печати⁴². Президент Академии С. С. Уваров преподнес их Николаю I. В дальнейшем публикация документов была поставлена под контроль правительства, а Правила издания были утверждены царем⁴³. В 1834 г. экспедиция была превращена в постоянную Археографическую комиссию для издания источников допетровской эпохи. Во главе ее был поставлен П. А. Ширинский-Шихматов. Комиссия учреждалась при Министерстве народного

⁴⁰ О деятельности Археографической комиссии в дореволюционное время см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1—2; *Софинов П. Г.* Из истории русской дореволюционной археографии. Краткий очерк. М., 1957; История археографии в дореволюционной России (учебное пособие). М., 1969, и др.

⁴¹ *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1876.

⁴² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. 1—4. СПб., 1836.

⁴³ Правила для руководства Археографической комиссии. СПб., 1837. Позднее опека со стороны министра народного просвещения была несколько ослаблена. Комиссия получила право свободного избрания своих членов, а также свободу в определении тематики изданий и в распоряжении средствами (Дополнительные правила, высочайше утвержденные 18-го июня 1863 г.— В кн.: Правила для руководства Археографической комиссии. СПб., 1868).

просвещения⁴⁴. По существу деятельность комиссии была органически связана с Академией наук, хотя только в советское время Археографическая комиссия заняла свое место в ряду академических учреждений.

Археографическая работа в XIX в. продолжалась в двух направлениях — издание летописей и актов. «Полное собрание русских летописей» осуществлялось в то время помощником П. М. Строева Я. И. Бередниковым. За 18 лет было издано 8 томов (до Октябрьской революции 1917 г. издание не было окончено)⁴⁵. В 1841—1842 гг. Археографическая комиссия⁴⁶ выпустила пять томов «Актов исторических»⁴⁷. С 1846 г. она продолжала публикации⁴⁸: «Акты, относящиеся к истории Западной России»⁴⁹, «Акты юридические»⁵⁰, «Новгородские писцовые книги»⁵¹.

Практика Комиссии печатания государственных грамот и договоров и Археографической комиссии повысила научный уровень и усовершенствовала приемы издания источников. Именно с этого времени в легенде впервые четко указывается место хранения документа, наряду с указанием материала и печатей. Грамоты на польском и латинском языках публиковались в оригинале с параллельным переводом на русский язык⁵². В издании летописей Археографическая комиссия придерживалась определенных правил: в основу был положен лучший список по каждому разряду летописей, который печатался отдельно по основным и побочным спискам; из последних заимствовались варианты и т. д.⁵³ Правила были шагом вперед по сравнению с приемами публикации исторических источников в XVIII в., хотя сами по себе издания документов, особенно в первых томах, не были лишены недостатков.

Несмотря на несовершенство издательской техники, на классовый подход при отборе документов, введение в научный оборот

⁴⁴ В ее состав первоначально вошли П. М. Строев, Н. Г. Устрялов, Я. И. Бередников и редактор «Журнала Министерства народного просвещения» К. С. Сербинович (Отчеты о занятиях Археографической комиссии за 25 лет существования. СПб., 1860, с. 9). В работе Комиссии принимали активное участие академики А. А. Куник, А. Ф. Бычков и другие ученые.

⁴⁵ Полное собрание русских летописей, т. 1—24. СПб., 1841—1921.

⁴⁶ Наряду с Санкт-Петербургской Археографической комиссией подобные комиссии функционировали в Киеве, Вильно и Тифлисе.

⁴⁷ Акты исторические, т. 1—5. СПб., 1841—1842.

⁴⁸ Дополнения к актам историческим, т. 11—12. СПб., 1846—1875.

⁴⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 1—15. СПб., 1846—1853.

⁵⁰ Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России, т. 1—3. СПб., 1857—1884.

⁵¹ Новгородские писцовые книги, т. 1—6. СПб., 1859—1910.

⁵² Софинов П. Г. Указ. соч., с. 97—98.

⁵³ Сивков К. В. Публикация исторических источников.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, с. 556—557.

такой массы источников не могло не оказать положительного влияния на развитие исторической науки в целом. Н. Г. Чернышевский отметил, что издания Археографической комиссии дали возможность всем изучать русскую историю по источникам⁵⁴.

Исторические источники, подготовленные к печати в Академии наук, были также рассыпаны в многочисленных периодических изданиях. Важные материалы о Пугачевском восстании, об Отечественной войне 1812 года, о деятельности М. В. Ломоносова и В. Н. Татищева были напечатаны в «Записках Академии наук» за 1862—1883 гг. В 1872 г. в связи с 200-летием со дня рождения Петра I Академия наук предприняла издание «Писем и бумаг Петра Великого» (до 1918 г. вышло 6 томов). Кроме личного участия академиков в работе таких учреждений, как Археографическая комиссия, Академия наук оказывала влияние на содержание и направление исторической работы вне Академии с помощью таких установлений, как академические награды и премии (которые естественно, нельзя полностью отождествлять с учреждениями; частные лица и организации жертвовали капитал, на проценты с которого и выплачивалась обычно премия за историческое сочинение на заранее определенную тему). Особенно много пожертвований в Академию наук было сделано в пореформенное время. Наиболее известны Демидовская и Уваровская премии⁵⁵.

Перечислим премии и награды, отмеченные в «Памятной книжке Академии наук» на 1914 год: премия П. Н. Батюшкова присуждалась за произведение по политической истории и праву; С. А. Грейга — по политэкономии и истории государственных финансов; А. А. Котляревского — по «славянским древностям»; К. Т. Солдатенкова — по истории восточной и славянской культуры; гр. Д. А. Толстого — по русской древней истории; С. Н. Шубинского — по русской истории XVIII в.; А. Н. Неустроева — по русским повременным изданиям за 1803—1850 гг.; митрополита Макария — «за самостоятельные труды по всем отраслям наук и знаний, за исключением богословских и церковно-исторических», и другие. Большая часть из них предназначалась за сочинения по древней истории. Лишь несколько премий предполагали написание сочинения по новой (в то время) истории: имени А. Ф. Кони — за работу «о жизни и деятельности сотрудников Александра II»; Симбирского дворянства — по истории реформ Александра II; Н. Б. Юсупова — по истории царствования Александра II. Столь же традиционно монархическими были темы премий А. А. Аракчеева — за написание истории царствования Александра I и фрейлины М. С. Мухановой — жизнеописание имп.

⁵⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1906, с. 163.

⁵⁵ По Положению о присуждении наград гр. С. С. Уварова на премию могли быть выдвинуты работы по истории (гражданской, церковной, законодательства, литературы), а также и драматические произведения.

Марии Федоровны (по сумме самая большая — 5 тыс. руб., с 1879 г.). Политическая тенденциозность заведомо отличала бы любую работу о Н. М. Муравьеве-Вешателе — «описание административной деятельности Н. Муравьева по званию генерал-губернатора Северо-Западного Края» (премия С. Н. Батюшковой). Анахронизмом звучит (на премию Иванова) — «сочинение о премудрости и непостижимости Творца Вселенной»⁵⁶.

Личный состав Академии обновился в конце XIX — начале XX в.: она пополнилась 68 новыми действительными членами (29 по I отделению, 20 — по II, 19 — по III). Тем не менее рост личного состава не удовлетворял требованиям научной специализации. Историко-филологическое отделение ходатайствовало об учреждении новых отделов по всеобщей истории, философии, юридическим и политическим наукам. В то время ходатайство осталось без последствий.

В декабре 1899 г. в ознаменование 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина при II отделении Академии был учрежден разряд изящной словесности. С этим же юбилеем было связано создание (уже в 1905 г.) Пушкинского дома (ныне ИРЛИ). В то время это была единственная научная организация, изучавшая новую литературу, и прежде всего А. С. Пушкина и современную ему эпоху.

Для начала XX в. характерен подъем в публикаторской деятельности, что отчасти было связано с обновлением личного состава. Археографическая комиссия пополнилась молодыми учеными.

Серии документов («Письма и бумаги Петра Великого», «Россия и Италия», «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией», «Mémoires du roi Stanislas August Poniatowski» и другие) издавались под наблюдением Постоянной исторической комиссии (ПИК), частично уже в советское время. Комиссия была основана в 1903 г. и возглавляла всю археографическую работу в Академии наук. В ее составе были Н. Ф. Дубровин, П. В. Никитин, А. С. Лаппо-Данилевский (председатель), позднее — М. А. Дьяконов⁵⁷. Комиссия начала подготовку «Памятников русского законодательства 1649—1832 гг.» В 1907 г. в этой серии под редакцией Н. Д. Чечулина увидел свет «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения». В обязанности ПИК входила подготовка и издание исторических трудов и сборников материалов по отечественной и всеобщей истории до XIX в. включительно.

Тематическая и хронологическая ограниченность оставались характерными чертами публикации документов в дореволюционное время. Документы нового времени печатались в виде исклю-

⁵⁶ Памятная книжка императорской Академии наук на 1914 г. СПб., 1914.

⁵⁷ Отчет Академии наук за 1903 г. СПб., 1903, с. 15; Отчет Академии наук за 1905 г. СПб., 1905, с. 131.

чения после тщательного и весьма тенденциозного отбора⁵⁸. Вопреки идеологическому давлению в Академии наук комиссии (Археографическая и ПИК) обеспечивали преемственность в осуществлении издания капитальных серий документов.

На протяжении столетия система научных исторических учреждений, сложившаяся в первой четверти XIX в., почти не изменялась. Это лишний раз подчеркивает архаичность структуры, кастовость Академии наук, все более усиливавшуюся. Замкнутость гуманитарной академической науки, ее изолированность от передовых общественных течений поощрялись и даже культивировались царским правительством. Покровительство имп. Академии наук со стороны членов царской фамилии было показным: эффективной помощи для фронтального расширения исследовательских работ не было. Исторические изыскания, сосредоточившиеся в основном на древнем периоде русской истории, неизбежно вследствие этого приобретали односторонний, узкий характер.

Развертыванию научной деятельности препятствовали и недостаточные материальные средства Академии. Теснота музеев, слабость издательской базы были так велики, что увеличение штатов Академии в 1893 г. не изменило положения. Новый пересмотр штатов, начавшийся в 1908 г., завершился только в 1912 г., когда штат определялся 153 единицами, а бюджет составил 1007 тыс. руб. в год.

Оживление экономических и культурных связей России с другими странами объективно создавало более благоприятные условия для развития культуры и науки, содействовало расширению сферы исследований, созданию ряда академических учреждений за границей. В 1894 г. был основан Русский археологический институт в Константинополе для изучения византийских древностей. При институте были созданы кабинет древностей и музей. За все время его существования (до начала первой мировой войны 1914 г.) работу института возглавлял академик Ф. И. Успенский⁵⁹.

С 1895 г. в Историко-филологическом отделении Академии наук возник вопрос об изучении документов по истории России в архивах Италии. В 1903 г. в качестве ученого корреспондента в Рим был откомандирован профессор Дерптского (ныне Тартуского) университета Е. Ф. Шмурло (член-корреспондент Академии наук с 1911 г.). Итогом его деятельности явились 3 тома (6 книг) сборников ценных исторических материалов и отчетов корреспондента «Россия и Италия» (СПб., 1907—1915). Четвертый том, начатый в 1914 г., увидел свет в 1927 г.⁶⁰ Были подготовлены к печати «Памятники дипломатических и культурных сношений России с Италией». В Академии наук ставился вопрос

⁵⁸ Софинов П. Г. Указ. соч., с. 149.

⁵⁹ Подробнее см.: Памяти академика Ф. И. Успенского. Л., 1929.

⁶⁰ История Академии наук СССР, т. 2, с. 585.

о замене должности ученого корреспондента Ученой комиссией или Русским историческим институтом в Риме, но он не получил разрешения.

В 1915 г. была образована Академическая комиссия по Палестине с целью изучения истории христианского Востока. Она также не была преобразована в Историко-археологический институт в Иерусалиме, как предполагалось первоначально⁶¹.

В конце XIX — начале XX в. Академия наук поддерживала международные связи со всеми крупными научными учреждениями мира. Конференция в Висбадене в октябре 1899 г., в которой участвовали академики А. С. Фаминцын и К. Г. Залеман, положила начало Международной ассоциации академий, позднее названной Международным союзом академий. В январе 1900 г. Российская Академия наук официально заявила о своем вступлении в него. В союз вошли 18 академий и научных обществ (Королевская Академия в Берлине, Королевское общество наук в Гёттингене, Королевское общество наук в Лейпциге, Королевское общество в Лондоне, Королевская Академия наук в Мюнхене, Парижская Академия наук, Национальная Академия наук в Вашингтоне, имп. Академия наук в Вене и другие). Международный союз академий имел своей задачей готовить «научные предприятия, представляющие общий интерес, и содействовать их осуществлению, а также и сговариваться насчет способов облегчения научных сношений»⁶².

Академия наук активно участвовала в международных научных конгрессах. Так, А. С. Лаппо-Данилевский читал доклад на Международном конгрессе историков в Лондоне в апреле 1913 г. и был избран почетным вице-президентом конгресса⁶³. В работе Международного социологического института в Париже на протяжении нескольких лет принимала участие русская группа в составе П. Г. Виноградова, Н. А. Кареева, Э. А. Вестермарка, И. И. Янжула, А. И. Чупрова, затем А. С. Лаппо-Данилевского⁶⁴. Первая мировая война прервала связи между учеными европейских стран.

С началом войны перед историками возникла проблема охраны памятников. В ноябре 1914 г. для спасения ценных для науки и культуры памятников была образована специальная комиссия из академиков И. П. Бородин, В. И. Вернадского, М. А. Дьяконова, Н. П. Кондакова, А. С. Лаппо-Данилевского, Ф. И. Успенского, Н. В. Насонова, А. А. Шахматова. Деятельность комиссии в районе Кавказского фронта оказалась эффективной⁶⁵.

⁶¹ «Изв. АН», 1917, № 11, с. 759, 763; № 9, с. 605.

⁶² *Верещетин В. С., Лебедкина Е. Д.* Международный совет научных союзов. М., 1962, с. 10.

⁶³ Архив АН СССР, ЛО, ф. 113, оп. 1 (680), д. 291.

⁶⁴ Там же, оп. 2, д. 148, л. 3—4.

⁶⁵ История Академии наук СССР, т. 2, с. 462.

Одним из первых институтов в системе Российской Академии наук был Кавказский историко-археологический институт, возникший в 1917 г. после Февральской революции. Он был создан по инициативе и под руководством академика Н. Я. Марра с целью всестороннего исследования результатов археологических раскопок древнеармянского городища Ани⁶⁶.

Что же представляла собой система научных учреждений, которая существовала в Академии наук накануне Великой Октябрьской социалистической революции? Данные справочного издания о состоянии на 1 января 1918 г.⁶⁷ корректируются сведениями справочников дореволюционного времени⁶⁸ и дают возможность составить достаточно полное представление об академических учреждениях.

Итак, в 1917 году в Академии наук были следующие учреждения, изучавшие историю:

1. «Учреждения по ученой части»: Азиатский музей; Русский нумизматический кабинет; Музей антропологии и этнографии имени имп. Петра Великого; ученый корреспондент в Риме; Архив Конференции.

2. При Историко-филологическом отделении: Постоянная историческая комиссия; Комиссия по изданию трудов епископа Порфирия (образована в 1885 г.); Комиссия по изданию сочинений академика В. Г. Васильевского (1899 г.); Комиссия по изданию монгольских книг (1908 г.).

3. При Отделении русского языка и словесности: Комиссия по изданию архива Тургеневых (1905 г.); Комиссия по изданию «Академической библиотеки русских писателей»; Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы (1908 г.).

4. При Общем собрании: Международный союз академий; Комиссия по устройству выставки «Ломоносов и елизаветинское время» (1911 г.); Комиссия по исследованию племенного состава населения России (КИПС) (1917 г.)⁶⁹.

5. Учреждения, связанные с Академией наук: Археографическая комиссия, Пушкинский дом, Кавказский музей, Кавказский историко-археологический институт⁷⁰.

⁶⁶ *Джорбенадзе С. М.* Указ. соч.

⁶⁷ Наука в России, вып. 1. Пг., 1920.

⁶⁸ См., например: Памятная книжка имп. Академии наук на 1914—1916 гг. Пг., 1914—1916; Адрес-календарь Российской империи. Пг., 1914—1916.

⁶⁹ КИПС возникла сначала с целью выяснения границ различных племен на территории Латвии и Польши. Подлинный размах ее деятельность обрела только после Великого Октября, когда Комиссия взялась за осуществление этнографического изучения населения СССР (Наука в России, вып. 1. Пг., 1920).

⁷⁰ Академики-историки принимали активное участие и в работе вполне самостоятельных научных учреждений исторического профиля: Российской государственной археологической комиссии при Зимнем дворце (1859 г.), Русского археологического общества (1846 г.), Русского исторического общества (1866 г.), Общества изучения Сибири и улучше-

В литературе неоднократно отмечалась традиционность и неплановость деятельности академических учреждений дореволюционного времени вообще, узкие рамки их работы, концентрация усилий на изучении древнего периода отечественной истории. И действительно, применительно к историческим учреждениям можно утверждать, что они в совокупности почти не отражали роста специализации исторической науки, сосредоточившись в основном на изучении феодального периода отечественной истории, на разработке специальных и вспомогательных дисциплин.

В дореволюционной Академии наук отсутствовал центр, координировавший усилия специалистов гуманитарных наук (правоведения, литературоведения, статистики и других).

Обобщение накопленного академическими учреждениями материала отставало. Даже в археографии не были выработаны единые принципы издания. Только в 1905 г. Археографическая комиссия утвердила «Проект правил для отдельных изданий Археографической комиссии» относительно документов XVI—XVIII вв., способствовавший некоторой унификации изданий.

Как нам представляется, в объяснении деятельности учреждений определенное место принадлежит анализу личного состава Академии наук, характеристике политики царизма в отношении науки.

Кто же были те «бессмертные», деятельность которых приводила в движение всю систему учреждений Академии наук?

В 1916 г. в ней состояло всего 47 академиков (в 1725 г. их было 15, в 1825 г. — 22)⁷¹.

Несмотря на значительное обновление состава Академии на рубеже XIX—XX вв., возрастной состав академиков трудно признать молодым: более половины (22 из 40) составляли лица в возрасте от 50 до 65 лет, около трети (15 из 40) — от 65 до 80 лет. Мы далеки от однозначной оценки подобного явления, так как в науке знания, опыт приобретаются десятилетиями. В национальном отношении преобладали русские (34 из 40 — были православного вероисповедания, 5 — лютеранами (из них двое — К. Г. Залеман и О. А. Баклунд — иностранцы, остальные — выходцы из Прибалтики), 1 (И. В. Ягич, также иностранец) — исповедания католического.

ния ее быта (1908 г.) и многих других, перечислить которые в рамках статьи не представляется возможным. Некоторое представление о раз-
мере деятельности академиков может дать список обществ, представителями которых выступали сотрудники Академии наук (Ломоносовское торжественное собрание имп. Академии наук 8 ноября 1911 г. в память 200-летия со дня рождения. СПб., 1911).

⁷¹ Академия наук за 250 лет. М.—Л., 1975. Наиболее надежным источником по изучению личного состава Академии наук являются послужные списки академиков, хранящиеся в Ленинградском отделении Архива АН СССР. Мы располагаем данными послужных списков сорока ученых, что составляет 85%.

Преимущественно русский состав академиков подтверждается и данными об образовании — из 40 академиков только трое получили образование за границей, остальные имели дипломы высших учебных заведений России (из них 30 — окончили отечественные университеты).

Анализ сословного происхождения рисует в какой-то мере классовое лицо привилегированной части научной интеллигенции: 23 были дворянами (И. П. Павлов, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, А. А. Шахматов, К. Г. Залеман, В. С. Иконников, В. В. Латышев и другие), 3 — штаб-офицерские сыновья (среди них А. П. Карпинский, М. А. Дьяконов), 3 — обер-офицерские сыновья (среди них Н. В. Насонов, А. И. Соболевский), 3 — из духовенства (среди них Ф. И. Успенский, В. М. Истрин). Из купцов происходил Н. П. Кондаков. Только один академик был из крестьян — П. И. Вальден.

Большая часть этой кастово замкнутой научной интеллигенции находилась на весьма консервативных политических позициях. Но она же проявляла огромную научную активность, что привело к значительным достижениям в различных отраслях науки.

Нельзя забывать, что эти достижения имели ограниченный характер.

«Домарковская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса», — писал В. И. Ленин в работе «Карл Маркс» (и мы считаем возможным отнести это положение к многим историческим академическим работам). «Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраивая субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»⁷², — подчеркивал В. И. Ленин.

Относительная немногочисленность ученых (особенно явная при сопоставлении с количеством учреждений, «душой» которых они являлись) проливает дополнительный свет на положение в целом дореволюционной Академии наук и на политику царизма.

Академия развивалась в трудных условиях. В эпоху империализма особенно резко проявилась несостоятельность политики царского самодержавия в отношении науки и культуры. В. И. Вернадский справедливо отмечал антикультурные тенденции в политике царизма, полагая, что русская умственная куль-

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57—58.

тура в XIX — начале XX вв. может считаться созданием общественной самостоятельности⁷³.

Подлинного размаха деятельность Академии наук достигла лишь после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., открывшей колоссальные возможности для научного творчества, когда не только расширилась сеть научных учреждений, но и получила развитие качественно новая и наиболее перспективная форма научных центров — научно-исследовательский институт.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из протокола заседания Историко-филологического отделения Академии наук 22 мая (5 июня) 1913 г.

§ 291. Во исполнение § 238 протокола заседания 8 мая (21) с. г.

Отделение имело суждение по возбужденному академиком А. С. Лаппо-Данилевским вопросу о созыве в 1918 году в С.-Петербурге IV Международного исторического съезда.

П о л о ж е н о: 1) возбудить перед министром внутренних дел ходатайство о разрешении устройства в С.-Петербурге в 1918 году IV Международного исторического съезда; 2) возложить представительство от Академии на означенном съезде на академиков А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова; 3) пригласить делегатов от университетов и других ученых и учебных учреждений империи, перечисленных в приложенном к протоколу заседания 8 мая с. г. списке, с тем, чтобы эти делегаты съехались в С.-Петербург между 15—22 декабря с. г. для выборов исполнительного комитета съезда, при чем предварить означенные учреждения, что число делегатов на съезде от каждого из них не ограничивается, но что каждое учреждение будет иметь на съезде только один голос, независимо от числа присутствующих от него делегатов.

Приложение

Список делегатов, командированных учеными учреждениями и обществами на предварительное совещание по устройству IV международного исторического съезда:

Адонц Николай Георгиевич (Спб. унив.)*, Айналов Дмитрий Власьевич (Спб. унив.), Андреев Иван Дмитриевич (Спб. унив.), Ардашев Павел Николаевич (О-ва Нестора летописца), Багалей Дмитрий Иванович (Спб. истор. о-во), Баиов** Алексей Константинович (Русское военное истор. о-во), Банк Владимир Эммануилович (Публ. библиот.), Барсков Яков Лазаревич (Госуд. архив), Бартольд** Василий Владимирович

⁷³ См. Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912.

* Здесь и далее сокращения документа.

** Член Исполнительного комитета по организации IV-го Международного съезда историков, который, как предполагалось, должен был состоять в Петербурге в 1918 г. Кроме лиц, фамилии которых отмечены в тексте,

(Спб. унив.), Бобринской Алексей Александрович (Археол. комиссия), Богоевский Борис Леонидович (Русское археол. о-во), Богословский Михаил Михайлович (Моск. унив.), Богоявленский Сергей Константинович (Моск. архив Мин. иностр. дел), Бороздин Илья Николаевич (Моск. археол. о-во), Браун Федор Александрович (Спб. унив.), Бречкевич Митрофан Васильевич (Каз. унив.), Бубнов Николай Михайлович (Киевск. унив.), Бутенко Вадим Аполлонович (Спб. унив.), Васильев Александр Александрович (Русск. археол. о-во), Веселовский Николай Иванович (Археол. ком. и Спб. унив.), Веселовский Степан Борисович (Моск. О-во ист. и древн. росс.), Вольтер Эдуард Александрович (Литовск. научн. о-во), Голубев Степан Тимофеевич (Киевск. дух. акад.), Готье Юрий Владимирович (Румянц. муз. и Моск. археол. о-во), Грабарь Владимир Эммануилович (Юрьевск. унив.), Гревс** Иван Михайлович (Спб. унив.), Даниельсон-Кальмари Иоганн Рихард (Гельсингфорск. унив.), Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (Спб. истор. о-во), Довгялло Дмитрий Иванович (Вилensk. ком. по разбору древн. актов), Довнар-Запольский Митрофан Викторович (Киевск. ком. для разбора древн. актов), Догель Михаил Иванович (Русск. археол. о-во), Дьяконов** Михаил Александрович (Акад. наук), Жебелев Сергей Александрович (Спб. унив.), Жукович Платон Николаевич (Спб. дух. акад.), Завитневич Владимир Зенонович (Киевск. ком. для разбора древних актов и О-во Нестора летоц.), фон Зелер Карл-Фридрих Вильгельмович (Спб. унив.), Зелинский Фаддей Францевич (Спб. унив.), Иванов Алексей Иванович (Спб. унив.), Иловайский Дмитрий Иванович (Моск. О-во ист. и древн. росс.), Карсавин Лев Платонович (Спб. истор.-филол. ин-т), Кареев** Николай Иванович (Спб. истор. о-во и Спб. унив.), Керенский Владимир Александрович (Казанск. дух. акад.), Кобеко Дмитрий Фомич (Публ. библи.), Ковалевский** Максим Максимович (Спб. унив.), Колубакин Борис Михайлович (русск. военно-истор. о-во), Кондаков Николай Павлович (Акад. художеств), Кониц Генрих (Варш. учен. о-во), бар. Корф Сергей Александрович (Гельсингфорск. унив.), Кухаржевский Ян (Варш. учен. о-во), Лаппо-Данилевский** Александр Сергеевич (Акад. наук, Археогр. ком., О-во ист. и древн. Прибалт. края), Линниченко Иван Андреевич (Одесск. унив.), Любович Николай Николаевич (Варш. унив. и О-во ист., филолог. и права при Варш. унив.), Милюков Павел Николаевич (Спб. истор. о-во), Митрофанов Павел Павлович (Спб. ист.-филол. ин-т), Модзалевский Михайлович Борис Львович (Русск. истор. о-во), Новодворский Витольд Владимирович (Ист.-филол. ин-т в Нежине), Новомбергский Николай Яковлевич (Томск. унив.), Орлов Анатолий Петрович (Моск. дух. акад.), Парланд Альфред Александрович (Моск. археол. ин-т), Петров Дмитрий Константинович (Спб. унив.), Платонов Сергей Федорович

членами комитета были профессор Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковский и академик С. Ф. Ольденбург. Председателем Комитета был Лаппо-Данилевский, а секретарем — Пресняков.

(Русск. археол. о-во и Спб. унив.), Придик Евгений Мартынович (Эрмитаж) Пресняков ** Александр Евгеньевич (Археогр. ком), Пулаский Франц (Варш. учен. О-во), Рождественский ** Сергей Васильевич (Русск. истор. о-во), Ростовцев ** Михаил Иванович (Спб. унив.), Руин Вальдемар Константинович (Гельсингфорск. унив.), Савелов Леонид Михайлович (Моск. археол. о-во), Савин Александр Николаевич (Моск. унив.), Семевский Василий Иванович (Спб. истор. о-во), Середонин Сергей Михайлович (Спб. истор-филол. ин-т, Спб. археол. ин-т), Смирнов Сергей Иванович (Моск. дух. акад.), Соболевский Алексей Иванович (Моск. археол. ин-т), бар. Сталь фон Гольштейн Александр Августович (СПБ. унив.), Стратонитский Конкордий Андреевич (Румянц. музей), Струков Дмитрий Петрович (Русск. военно-истор. о-во), Сухотин Лев Михайлович (Моск. О-во ист. и древн. росс.), Тарановский Федор Васильевич (Юрьевск. унив.), Тарле Евгений Викторович (Юрьевск. унив.), Тураев Борис Александрович (Русск. археол. о-во и Спб. унив.), Успенский Михаил Иванович (Моск. археол. ин-т), Фармаковский Борис Владимирович (Археол. ком.), Фейерейзен Арнольд Иванович (О-во ист. и древн. Прибалт. края), Хвостов Михаил Михайлович (Казан. унив.), Хилинский Константин Владимирович (Русск. археол. о-во), Чичагов Константин Дмитриевич (Русск. археол. о-во), Шахматов Алексей Александрович (Спб. унив.), Ястребов Николай Владимирович (Спб. истор. о-во), Яцимирский Александр Иванович (Варш. унив.), Яценко Александр Семенович (Спб. унив.).

Архив Академии наук (Ленинградское отделение), ф. 2 (Канцелярии АН), оп. 1, 1913 г., д. 36, лл. 1, 61—62. Машинопись.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК
(1725—1917 гг.)**

Ю. Н. Емельянов

Со дня своего основания Академия наук стала ведущим научным центром страны и играла большую роль в утверждении и распространении научных знаний. В их числе важное место отводилось исторической науке. В данной работе дается обзор исторической проблематики в периодических изданиях Академии со времени ее основания (1725 г.) до 1917 г.

Разумеется, изучение русской истории началось задолго до образования Академии. Особенно интенсивно разработка русской истории в рамках официальной науки началась при Петре I. Внимание Петра I к истории выразилось в издании указа 1722 г. о собирании всех древних хронографов и летописей, в распоряжении снять копию с Радзивилловского списка летописи, хранящейся в Кенигсберге; составить перевод и опубликовать известия иностранцев о России, и даже в поручении Я. В. Брюсу вступить в переговоры с Г.-В. Лейбницем о проведении исследования, посвященного вопросу происхождения русского народа. В это же время возникло намерение учредить особый класс для истории при создании Академии наук.

Не все, однако, было исполнено. Но класс истории в Академии наук был создан в 1724 г.

В § 11 Проекта Положения об учреждении Академии наук, составленного самим Петром I, речь шла об издании трудов академиков: «Все, что в науках уже учинено — розискивать, что к исправлению или приращению оных потребно есть — производить, что каждый в таком случае изобрел — сносить и тое секретарю вручать, который тогда понужден будет оное, когда надлежит, описать»¹. Так было положено начало первому периодическому органу Академии наук. Ученые труды Академии, публиковавшиеся на латинском языке, делились на математические, физические, исторические, с добавлением астрономических наблюдений². Несколько позже Академия предприняла попытку издания сборников документов по русской истории³.

¹ Уставы Академии наук СССР. М., 1974, с. 34.

² «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae». СПб., 1727—1751, т. I—XIV.

³ «Sammlung Russischer Geschichte» (Собрание материалов по русской истории). СПб., 1732—1765, т. I—IX. На страницах этого издания увидели свет материалы по древней русской истории: византийские свидетел-

По мере подготовки к публикации первого тома ученых трудов возникла необходимость издания его и в русском переводе. С этой целью авторами делались краткие извлечения (исключением составили лишь сочинения Г.-З. Байера, которые были переведены полностью). Вскоре вышла в свет первая (и единственная) часть этого издания⁴.

Готлиб-Зигфрид Байер был автором первых академических работ по истории. Исследовательскую работу в России он начал с изучения Скифии и ее древнейших поселений. Здесь же им опубликована и статья «О стене Кавказской»⁵.

Журнал «Краткие описания Комментариев Академии наук» отражает состояние науки в то время. Историческая наука только начала делать первые шаги в накоплении знаний. Вот почему на страницах академического журнала она соседствовала с физикой, математикой и другими науками.

К числу первых академических изданий относятся также газета «Санкт-Петербургские ведомости» и научно-популярный журнал «Примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям». В 1728 г. обязанности редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» были возложены на Г.-Ф. Миллера. Стремясь придать газете более доступный характер, он организует «Примечания»⁶, ко-

ства о Руси (так же как и сведения иностранных авторов о России, например, выдержки из сочинения Н. Витсена «Северная и Восточная Тарария»), жизнеописание Александра Невского и др. Заслугой этих сборников является публикация целого ряда извлечений из русских летописей (например, отрывки из Повести временных лет по копии Кёнигсбергского списка), несмотря на запрет Синода издавать русские летописи. Этот запрет, между прочим, действовал до 60-х годов XVIII в. (Об этом см.: «История Академии наук», т. 1 (1724—1803). М.—Л., 1958, с. 126—127).

Именно в этом сборнике (т. II, 1737) были впервые опубликованы дневниковые записи Патрика Гордона (сподвижника Петра I) о походах В. В. Голицына (1687 и 1689 гг.) и Петра I (1695 и 1696 гг.) на Азов. Журнал был закрыт в 1737 г. и возобновлен в 1758 г. Выходивший на немецком языке, он имел широкое распространение на Западе.

⁴ «Краткие описания Комментариев Академии наук». СПб., 1728, ч. 1 на 1726 год. Неразработанность русской научной терминологии была одной из причин слабого распространения первой части издания, что заставило отказаться от намерения издать его вторую часть. Миллер позже писал по этому поводу следующее: «Книгу никто не хотел похвалить, не умели понять, что читали, и свое неумение называли темнотою изложения и неверностью перевода: вследствие чего издание не продолжалось» (Неустроев А. Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. СПб., 1874, с. 14).

⁵ Байер Г. О начатках и древних пребывалищах скифов.— «Краткие описания Комментариев Академии наук», ч. 1, с. 125—138; *Он же*. О местоположении Скифии в лета Геродотовы.— Там же, с. 139—166; *Он же*. О стене Кавказской.— Там же, с. 167—208. Описание Кавказской стены в Дагестане, сделанное Д. К. Кантемиром во время Персидского похода 1722—1723 гг., было передано позже его сыном — А. Д. Кантемиром — Г. Байеру для публикации (История Академии наук, с. 125—126).

⁶ «Месячные, исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». СПб., 1728—1742 (не выходили в 1737 г.). «Примечания

торые публиковали статьи, стихотворения, переводы. Авторы (среди них В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, Феофан Прокопович и др.) писали свои статьи простым, доходчивым языком и публиковали их без подписи. В «Примечаниях» было помещено несколько статей по истории и этнографии («О самоедах», «О киргис-кайсаках и башкирцах», «О башкирском народе и его жилищах»). Успех «Примечаний» у читателя был большой, о чем свидетельствует и тот факт, что они нередко переиздавались и в Петербурге и в Москве (1765 г.)⁷.

Академия наук владела исключительным правом издания календарей, являвшихся периодическими изданиями. В них также печаталось большое количество материалов по истории⁸.

В соответствии с Регламентом 1747 г. академические научные труды стали издаваться в новой серии — второй, которая с 1750 г. выходила под названием «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» (по 1776 г. вышло 20 томов). Но в этой серии были совершенно исключены статьи по III классу, т. е. по истории.

Наряду с научной периодикой в XVIII в. Академия наук издавала и периодические научно-популярные журналы: «Ежемесячные сочинения», «Академические известия» и «Новые ежемесячные сочинения». Они популяризировали научные достижения среди русских читателей.

Инициатором издания первого подобного журнала выступил М. В. Ломоносов. В письме к И. И. Шувалову от 3 января 1754 г. он изложил свои мысли по этому поводу: «Весьма бы полезно и славно было нашему Отечеству, когда бы в Академии начались бы подобные сим (т. е. «Примечаниям». — Ю. Е.) периодические сочинения: только не на таких бумажках по одному листу, но повсемесечно, или по всякую четверть или треть года,

ния», выходявшие ежемесячно (объемом в 8 страниц), имели свою нумерацию, что позволяло по истечении года составлять сборники. В 1729 г. они были изданы и на немецком языке.

⁷ *Пекарский П.* Очерк деятельности Академии наук по отношению к России в первой половине XVIII столетия. — Записки имп. Академии наук (СПб.), 1864, т. 5, кн. 1, с. 101—102.

⁸ «Календарь, или Месяцеслов» (СПб.), 1728—1769; «Календарь, или Месяцеслов исторический», кн. 1—12. СПб., 1769—1776; «Месяцеслов исторический и географический», кн. 1—26. СПб., 1777—1797. Следует отметить, что параллельно издавались календари и по другим отраслям знаний — экономические, географические и т. д. Эту привилегию Академия сохраняла до 1865 г. Большой читательский интерес к этому роду издания дал возможность академику Н. Я. Озерецковскому издать «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы» (т. I—X. СПб., 1785—1793). В «Месяцесловах» на 1782 и 1783 гг., например, были опубликованы выдержки из дневника Патрика Гордона («Описание жизни бывшего российского генерала Патрика Гордона» и «Известия об осаде Азова в 1695 году»), которые затем были включены Озерецковским в его издание (т. V, 1790).

дабы одна или две — три материи содержались в книжке, или в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе, из которых лучшим последовать, или бы свой, применясь, выбрать можно»⁹. Эта инициатива была поддержана Общим собранием 23 ноября 1754 г. В январе 1755 г. вышел первый номер русского энциклопедического журнала под названием «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»¹⁰, редактором и деятельным сотрудником которых стал Г.-Ф. Миллер. Журнал выходил один раз в месяц, объемом от 6 до 8 печатных листов. Каждые шесть книжек составляли том. Тираж первоначально определялся в 2 тыс. экз. Цель издания была изложена в «Предупреждении», написанном Миллером: «сколько возможно возбудить во всех удовольствие, какое производит знание наук». Было решено исключить из состава будущих статей «богословские и вообще все, касающиеся до веры»¹¹. Как видим, журнал ставил перед собой просветительные цели.

По количеству и качеству статей центральное место занимали материалы по истории, географии и статистике России. Наибольшее количество статей принадлежало Миллеру. Они были посвящены различным вопросам русской истории. Интерес представляет его статья «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных» (1755 г., апрель), являющаяся первой работой по истории русского летописания. Миллер отмечал высокие достоинства труда летописца. Здесь же он поместил статью, посвященную истории Новгорода. Это первая попытка изложения новгородской истории¹².

В этом же журнале Миллер опубликовал главы своей «Сибирской истории» (1763, октябрь; 1764, январь — июнь), статьи, посвященные истории казачества (1760, апрель—май), эпохе Смут-

⁹ Ломоносов М. В. Поли. собр. соч., т. 10. М., 1957, с. 492.

¹⁰ Под этим названием журнал издавался в Санкт-Петербурге в 1755—1757 гг.; затем его название менялось дважды: «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» (1758—1762 гг.) и «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (далее — «Ежемесячные сочинения...») (1763—1764 гг.). Последнее название было вызвано появлением раздела, освещающего деятельность Академии. Программа журнала при этом существенно не менялась.

¹¹ Миллер Г. Предупреждение. — «Ежемесячные сочинения...», 1755, январь, с. 4—5. Далее он извещал о намерении редакции журнала «сообщать экстракты из достовернейших российских летописей, списки со старинных грамот и с архивных дел» (Там же, с. 9); Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. — «Записки имп. Академии наук». СПб., 1867, т. XII, Приложение № 5, с. 4.

¹² Миллер Г. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях. — «Ежемесячные сочинения...», 1761, июль — октябрь. В этой статье Миллер делает существенное отступление от своей прежней позиции в так называемом «варяжском вопросе». Происхождение славянской государственности на этот раз он выводит не из Скандинавии, а от племени роксоланов.

ного времени (1762, январь—март). Задумав грандиозное мероприятие — написание истории Петербурга, Миллер поместил статью «Известие о бывшем городе Низэншанце» (1755, март). К сожалению, этот замысел остался незавершенным. Большой интерес представляют две его статьи, посвященные Нерчинскому договору 1689 г. и установлению границ между Россией и Китаем¹³. На основании впервые вводимых в научный оборот источников Миллер подготовил статьи об исследовании Севера с 1636 по 1746 г.¹⁴ и по проблемам археологии¹⁵. Новые статистические, географические и этнографические материалы были им опубликованы в статье, посвященной народам Поволжья¹⁶. В 1761 г. появилась статья «Опыт новейшей истории о России» (1761, январь — март), основанная на широком круге источников¹⁷.

Кроме Миллера¹⁸, в журнале «Ежемесячные сочинения» активно сотрудничал академик, историк И.-Э. Фишер, перу которого принадлежат статьи по античной истории и востоковедению¹⁹.

Большое значение имела публикация работ П. И. Рычкова, первого члена-корреспондента Академии наук, крупнейшего ис-

¹³ Миллер Г. Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года.— «Ежемесячные сочинения...», 1757, апрель; *Он же*. История о странах при реке Амуре лежащих, когда оныя состояли под российским влиянием.— Там же, 1757, июль — октябрь. С этой тематикой логически связана и проблематика двух других его статей: «О первых российских путешествиях и посольствах в Китай» (Там же, 1755, июль) и «Описание путешествия, коим ездил китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге» (Там же, 1764, июль — ноябрь).

¹⁴ Миллер Г. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с российской стороны учиненных.— «Ежемесячные сочинения...», 1758, январь — май, июль — ноябрь. В статье «Известия о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россиею граничат» (Там же, 1761, ноябрь — декабрь) Миллер описал впервые русские ландкарты, начиная с 1550 г.

¹⁵ Миллер Г. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных.— «Ежемесячные сочинения...», 1764, декабрь. Характеризуя археологический материал могильников Сибири и Новороссийского края, статья, по существу, является одной из первых попыток разработки проблем русской археологии.

¹⁶ Миллер Г. Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно: черемисов, чувашей и вотяков.— «Ежемесячные сочинения...», 1756, июль — август. В 1791 г. эта работа была опубликована отдельной книгой с приложением сводных словарей.

¹⁷ Об этом см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века, ч. II. Л., 1965, с. 219—220.

¹⁸ Мы не останавливаемся на характеристике статьи Миллера «Рассуждение о двух браках, введенных чужестранными писателями в род Великих Князей Всероссийских» («Ежемесячные сочинения...», 1755, февраль), которая имеет частный интерес и публикации небольшого фрагмента из хронографа «О бунте и злодействах Донского Козака Стеньки Разина» (Там же, 1763, ноябрь).

¹⁹ См.: *Фишер И.* Рассуждения о гиперборейцах, или о народе за Севером находящемся.— «Ежемесячные сочинения...», 1755, февраль; *Он же*. О на-

следователя юго-восточных районов страны. Здесь впервые увидели свет главы его «Истории Оренбургской»²⁰, написанной еще в 40-е годы XVIII в. и высоко оцененной В. Н. Татищевым. Продолжением работы явилась статья о топографии Оренбургского края, получившая высокую оценку М. В. Ломоносова²¹. В этих работах содержится богатый фактический материал по истории и этнографии народов Южного Урала. Из работ Рычкова историко-этнографического плана следует также отметить статьи по достопримечательностям Башкирии²².

Рычков был не только историком²³ и этнографом, но и видным экономистом своего времени. Опубликованная им статья о торговле была по существу первым историческим очерком развития «российской коммерции»²⁴. Существенное практическое значение имел и его исторический очерк «Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» (1758, май, июнь), в котором автор приводил сведения о состоянии земледелия в этих областях за последние 100 лет. Работы Рычкова стали своеобразным эталоном для последующих работ по истории областей и городов России. Первым последователем Рычкова стал В. В. Крестинин.

В журнале публиковались также статьи по хронологии русской истории, исторической географии и т. д.²⁵

роде и имени татарском, также о древних могильцах и их языке.— Там же, 1755, май; *Он же*. Рассуждения о разных племенах Китайского государства и о ханских титулах.— Там же, 1756, октябрь.

²⁰ Рычков П. И. История Оренбургская.— «Ежемесячные сочинения...», 1759, январь — август, октябрь — декабрь.

²¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии.— «Ежемесячные сочинения...», 1762, январь — ноябрь. См. также: Пекарский П. П. Жизнь и литературная деятельность П. И. Рычкова. СПб., 1867, с. 35.

²² Рычков П. И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии на реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славною и наибольшую почитается.— «Ежемесячные сочинения...», 1760, март.

²³ Рычков П. И. Письмо к издателю... на вопрос о титуле Белого царя, предлагаемого от азиатских народов российским монархам.— «Ежемесячные сочинения...», 1763, август.

²⁴ Рычков П. И. Переписка между двумя приятелями о коммерции.— «Ежемесячные сочинения...», 1755, февраль, апрель, декабрь.

²⁵ Сумароков А. П. Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской в Московском Архангельском соборе опочивающих.— «Ежемесячные сочинения...», 1757, ноябрь; *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого.— Там же, 1763, январь — ноябрь; *Он же*. Древняя пословица: Сибирь золотое дно.— Там же, 1761, ноябрь; 1764, январь (с комментариями Миллера); *Гербер И.-Г.* Примечание к Географии Российской X века господином профессором Байером сочиненной.— Там же, 1760, октябрь. Герберу, по-видимому, принадлежит и другая статья: «Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Куром, народах и землях, и о их состоянии в 1728 году» (Там же, 1760, июль — октябрь), в которой приведены интересные материалы об общественном строе и обычаях народов Северного Кавказа.

Несомненный интерес представляет анонимная статья «Краткая роспись великим князьям всероссийским от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия» (1755, январь). В редакционном примечании сказано, что «роспись сочинена некоторым, ныне уже покойным знатным мужем, который в истории и географии своего Отечества столь много трудился, что одно объявление имени его довольно было бы к доказанию исправности и преимущества сей росписи». Данная характеристика относится к В. Н. Татищеву. Встречающиеся в росписи ссылки на летопись Иоакима, которая упоминается в «Истории» Татищева, являются аргументом в пользу высказанного предположения.

Отдел древней истории в «Ежемесячных сочинениях» был представлен довольно слабо и имел не столько историческое, сколько литературное значение.

Журнал пользовался большой популярностью. «Вся Россия с жадностью и удовольствием читала сей первый русский ежемесячник, в котором много помещено иностранных переводных, а большая половина русских любопытнейших статей исторических, географических, коммерческих, ученых и других...»²⁶ За короткий срок (1758—1764 гг.) журнал дважды переиздавался. По словам публициста первой половины XIX в. В. А. Милютина, заслуга журнала заключалась не только в том, что он «приохотил к чтению русскую публику, не только распространил в ней множество полезных сведений и ближе познакомил и с прошедшим и настоящим состоянием России, но и положил прочное начало отечественной журналистике»²⁷.

На декабрьской книжке 1764 г. «Ежемесячные сочинения» закончили свое существование. Этот журнал уже утратил свое значение единственного печатного органа. Появились новые органы вне стен Академии. Предпринимались попытки продолжения издания. Так, на академическом собрании 28 января 1765 г. М. В. Ломоносов предложил вместо «Ежемесячных сочинений» «печатать каждые три месяца журнал на русском языке, посвященный вопросам экономики и физики»²⁸, но это не было осуществлено.

Следующим журналом подобного типа были «Академические известия...»²⁹ Редактировал журнал П. И. Богданович. Из работ

²⁶ Евгений, мигрополит. Словарь русских светских писателей, т. II. М., 1845, с. 67.

²⁷ Милютин В. А. Очерки русской журналистики.— «Современник», 1851, т. XXV, с. 3.

²⁸ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 гг., т. II. СПб., 1899, с. 532.

²⁹ «Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных, извлечения из деяний славнейших Академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным художествам; отличнейшие произведения в письменах во всей Европе; академические задачи; любопытные и

исторической тематики следует назвать известное сочинение кн. М. М. Щербатова о древнерусских монетах³⁰ и перевод «Истории Америки» шотландского историка Уильяма Робертсона³¹.

Историческая тематика находила себе место и на страницах «Новых ежемесячных сочинений», последнего научно-популярного журнала Академии наук в XVIII и XIX вв. 12 июня 1786 г. «Санкт-Петербургские ведомости» объявили о подписке, и уже в июле вышла его первая книжка³². Журнал был рассчитан на широкий круг читателей, что и было заявлено в предисловии. Для этого журнала характерно стремление к расширению исторической проблематики в сторону частных вопросов сугубо местного значения. Новая тематика выдвинула новых авторов с мест, которые своей деятельностью отметили начало буржуазного этапа развития исторической науки. Бесспорно, что этот повышенный интерес к краеведению был «вызван потребностями социально-экономического и культурного развития отдельных районов страны в целом», что, в свою очередь, «требовало комплексного, энциклопедического изучения наместничества, губерний и городов»³³.

Видным представителем этого направления был уроженец Архангельска, член-корреспондент Академии наук В. В. Крестинин. Его работы, опубликованные в журнале, посвящены экономическому и географическому изучению северного края страны, освоению его богатств³⁴. Автором использован богатый этнографический материал. Несомненный интерес представляют и его исторические работы³⁵.

странные тяжбы и прочие примечательные происшествия». СПб., 1779—1781, ч. I—VIII (далее — «Академические известия...»).

³⁰ Щербатов М. М. Опыт о древних Российских монетах.— «Академические известия...», 1780, ноябрь — декабрь; 1781, январь — июль.

³¹ Перечень истории Америки, сочиненной г. Робертсоном, историографом его величества короля Великобританского. Перевел с франц. Иван Богаевский.— «Академические известия...», 1779, ноябрь — декабрь; 1780, январь — февраль.

³² «Новые ежемесячные сочинения...». СПб., 1786—1796, кн. I—XX (или ч. 1—121). Редакторами были Н. Я. Озерцовский, А. П. Протасов, И. И. Лепехин и Я. Д. Захаров.

³³ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века, ч. III. Л., 1971, с. 144.

³⁴ Крестинин В. В. Рассуждение о начале и происхождении самоедов, обитающих в Архангелогородском наместничестве.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1786, август; *Он же*. Краткое географическое известие о земле самоедской и о состоянии самоедов...— Там же; *Он же*. Вопросы и ответы о вере самоедской.— Там же, 1786, декабрь; *Он же*. Вопросы и ответы о состоянии земли самоедской и о их промыслах.— Там же, 1787, январь; *Он же*. Вопросы и ответы вообще касательные как до канинских и тиманских, так до пустозерских, устьцелемских и ижемских самоедов.— Там же, 1787, февраль — март; *Он же*. Географическое известие о Новой Земле полунощного края.— Там же, 1788, январь; 1789, январь; *Он же*. Историческое примечание о коммерческом кредите внешней торговли.— Там же, 1792, октябрь.

³⁵ Крестинин В. В. Приговор российских архиереев 7080 г. о браках царя Иоанна Васильевича Грозного.— «Новые ежемесячные сочинения...»,

Это направление в журнале представлено статьями и другого местного автора, члена-корреспондента Академии наук А. И. Фомина³⁶ и целым рядом исследований других авторов по истории и этнографии России³⁷. С этим связано и появление на страницах журнала статей, посвященных истории древнерусских городов³⁸. Исследователи подчеркивали, что изучение местной истории есть необходимое условие для написания обобщающего труда по истории России. «Сколь некоторые города по нынешнему их состоянию ни мало важны, однако ж особенные оных происшествия, если к тому случай есть, заслуживают быть исследованы и обнародованы, потому они всегда к объяснению всеобщей истории государства несколько способствуют»³⁹.

Журнал знакомил своих читателей, с последними достижениями археологии в Европе⁴⁰, обрядами индейцев⁴¹, опубликовал

1789, июль; *Он же*. О древних крепостных записках.— Там же, 1792, январь; *Он же*. Примечание на древнее в российском языке речение «гридин».— Там же, 1787, октябрь. Здесь же следует отметить исследование В. В. Крестинина, посвященное внешней торговле при Петре I: Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 по 1719 год.— «Месяцеслов» на 1795 год.

³⁶ *Фомин А. И.* Письмо к приятелю, с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих кушам навыках.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1788, июнь; *Он же*. Опыт исторический о морских зверях и рыбах, промыслаемых Архангелогородской губернии жителями в Белом море, Северном и Ледовитом океане, с описанием образа тех промыслов.— Там же, 1788, июль; 1790, июнь — июль; 1791, июнь — июль.

³⁷ Описание Средней орды киргис-кайсацкой, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Кольванской и Тобольской губерний крепостей дополнениями.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1795, август — декабрь; 1796, январь — апрель; Описание лежащих на реке Амуре областей в том их положении, когда они находились под Российской державою.— Там же, 1796, январь — июль; *Пестерев Егор*. Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясатных татарах, так и китайских мунгалах и соютах, деланные... с 1712 по 1781 гг.— Там же, 1793, январь — апрель. Е. Пестерев был пограничным комиссаром с 1742—1781 гг.

³⁸ Начало было положено Г. Миллером еще в 1757 г. (см.: *Миллер Г.* Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достопамятным местам в Российской империи находящимся.— «Ежемесячные сочинения...», 1757, январь — апрель); *Он же*. Путешествие к Святотроицкому Сергиеву монастырю.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1789, ноябрь; *Он же*. Известие о городе Переяславле Залесском.— Там же, 1789, декабрь; *Он же*. Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород.— Там же, 1790, апрель; *Явочкин Сергей*. Известие о городе Костроме.— Там же, 1793, июнь; *Исленьев И. И.* Перечень дневной записки. Описание Якутска.— Там же, 1788, апрель — май.

³⁹ «Ежемесячные сочинения...», 1757, март, с. 228; «Новые ежемесячные сочинения...», 1790, апрель, с. 41.

⁴⁰ Описание некоторых достопамятных древних развалин, недавно найденных в Галльских землях и в северных частях Шотландии. В письмах.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1788, март, май.

⁴¹ О брачных обрядах, живущих на Малабарском берегу индейцев.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1789, июль.

перевод мексиканской истории⁴² и даже материалы по истории голландской Ост-Индской компании⁴³.

Г.-Ф. Миллер помещает статьи по истории и этнографии народов Поволжья и Юга России⁴⁴. Здесь же им опубликована часть дневниковых записок генерала Патрика Гордона⁴⁵.

Большая роль в распространении исторических знаний принадлежала различным историческим сборникам, появление которых было обусловлено заметно усилившимся интересом в передовом русском обществе к отечественной истории. В 1766 г. вышло в свет посмертное издание труда М. В. Ломоносова «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года». Но дальнейшее изучение истории тормозилось отсутствием необходимой источниковой базы. Поэтому огромной заслугой Академии наук в это время явилась публикация новых источников⁴⁶. В этом издании большую работу по переводу текстов проделал В. П. Светов, выдающийся лингвист, известный переводчик исторической литературы.

В ряду специальных исторических сборников следует, прежде всего, выделить «Библиотеку Российскую историческую...»⁴⁷, «Известия византийских историков...»⁴⁸ и, конечно, «Продолжение

⁴² Сокращение мексиканской истории, выбранное из испанских и мексиканских историков и древних индийских летописей аббатом Франциском Саверио Клавигеро. Перевел И. Ливотов.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1788, февраль.

⁴³ *Ливотов П.* История голландской Остиндской компании.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1788, декабрь.

⁴⁴ *Миллер Г.-Ф.* [Выписка] из описания, живущих в Казанской губернии языческих народов, яко черемис, чуваш и вотяков с показанием их жительства, политических учреждений, телесных и духовных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах.— «Новые ежемесячные сочинения...», 1791, февраль — март; *Он же.* Древние азовские и крымские происшествия из собрания, касающегося до российской истории.— Там же, 1792, декабрь; 1793, март — июль, сентябрь, ноябрь; 1795, июнь, июль, октябрь — декабрь.

⁴⁵ Известия о двух Чигиринских походах в 1677 и 1678 годах, выбранные из собственноручных дневных записок бывшего росс[ийского] генерала Патрика Гордона (Переведено с немецкой рукописи, присланной из Москвы от г. Шриттера).— «Новые ежемесячные сочинения...», 1788, ноябрь, декабрь; 1789, май — июль, сентябрь.

⁴⁶ В это время Академия наук издает летописные своды: Царственная книга (СПб., 1769), Царственный летописец (СПб., 1772), Древний летописец (ч. 1—2. СПб., 1774—1775), Российский летописец по списку софейскому Великому Новаграда (ч. 1. СПб., 1795).

⁴⁷ Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российских древних и средних времен, ч. 1. СПб., 1767. Это издание было ничем иным как первой публикацией летописи Нестора по Кёнигсбергскому списку (до 1206 г.). Тексту было предпослано «Житие преподобного Нестора, сочинителя сея летописи», написанное И.-К. Таубертом на основании бумаг Шлёцера.

⁴⁸ Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселение народов; собраны и хронологическим по-

«Древней Российской Вивлиофики»⁴⁹. Здесь впервые были опубликованы многие документы XI—XVI вв.: Русская Правда и Судебник Ивана IV (1550 г.) с примечаниями Татищева (ч. 1), Новгородский летописец (946—1441 г.) (ч. 2) по рукописи Академии наук (опять же доставшейся от Татищева), а также — Краткий летописец, выписки из летописей и Кормчей книги, грамоты (духовные, межевые, договорные, жалованные великих и удельных князей) и т. д. Это издание по праву можно рассматривать как первый опыт русской археографии.

Как видим, в конце XVIII в. историческая наука в Академии наук все больше заявляла о своей самостоятельности. Однако действие Регламента 1747 г. тормозило публикацию исторических исследований, вот почему и в третьей и в четвертой сериях академических трудов по-прежнему не публикуются исторические исследования⁵⁰.

Первая половина XIX в. была ознаменована новыми явлениями в экономической, политической и общественной жизни России. Естественно, что это повлекло за собой и новое отношение к истории, к пониманию задач исторической науки. Русское общество все чаще обращалось к истории, чтобы найти ответы на многие волнующие вопросы современности, такие, как Великая французская революция XVIII в., Отечественная война 1812 г., движение декабристов. Уже выступил в 1818 г. с «Историей Государства Российского» Н. М. Карамзин, появились исследования Т. Н. Грановского и С. М. Соловьева.

рядком расположены Иваном Штриттером, т. I—IV. СПб., 1770—1775. И.-Г. Штриттером был составлен свод извлечений из византийских историков о народах, история которых была связана с историей России (*Memorial populorum*, кн. I—VI, СПб., 1771—1779). Экстрактом этого труда и явились «Известия византийских историков...», где были выделены материалы, непосредственно относившиеся к истории России. Это издание было встречено с большим интересом и Шлёцер, оценивая его, писал в 1800 г.: «Мне, конечно, позволяет несколько гордиться мыслью этого предприятия, потому что если я оказал какую-нибудь услугу расширению исторических изысканий, то издание этого сборника составляет, может быть, наибольшую из моих заслуг». («Ученые записки Академии наук по I и III Отделениям», 1852, т. I, вып. 1, с. LXXV).

⁴⁹ «Продолжение Древней Российской Вивлиофики». СПб., 1786—1801, т. I—XI. Появление этого издания было, бесспорно, обусловлено тем большим успехом, который выпал на долю «Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новикова (1773—1775 гг.).

⁵⁰ *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, т. I—IV. СПб., 1778—1786; *Nova Acta Academiae Scientiarum*, т. I—XV. СПб., 1787—1806. В 1801 г. было предпринято русское издание: «Академические сочинения, выбранные из первого тома «Деяний имп. Академии наук» под заглавием: «Nova Acta...», ч. 1. СПб., 1801. Здесь были представлены переводы сочинений по математике, физике и астрономии. В их числе оказалась и единственная работа по истории: «Исторические происшествия вообще Мунгальских народов» (с. 360—372), где предпринята попытка проследить историю Орды до появления Чингиз-хана.

Начавшееся с 1809 г. издание пятой серии академических трудов⁵¹ не изменило существенно прежней практики — все так же оказывалось предпочтение материалам по физике, математике и естественным наукам. Но вскоре стали появляться первые работы востоковедов Х. Д. Френа и Ю. Клапрота, Е. Е. Келлера по классической филологии. В 1818 г. (с т. VII) в этих изданиях был открыт и «историко-филологический отдел».

Небольшое количество специалистов-профессионалов в стране, отсутствие достаточно широкого круга читателей объясняют тот факт, что русская наука долгое время не имела специального исторического органа. Однако рост общего культурного уровня, развитие национального самосознания все в большей мере определяли потребность в изданиях подобного рода. Историческая тематика все чаще находила себе место, казалось бы, в самых неожиданных изданиях. Например, в «Технологическом журнале»⁵² и его «Прибавлениях» был помещен ряд статей по археологии⁵³.

С 1831 г. начала выходить шестая серия трудов Академии «Mémoires», где публиковались материалы по истории, филологии (наряду с обычной практикой — в первую очередь давать место естественным и физико-математическим наукам). Именно в это время возникло намерение издавать академические сочинения на русском языке. Ежегодные отчеты, составленные непременно секретарем, показали, насколько большой и ценный материал остается за рамками обычных извлечений на русском языке из «Mémoires». Выявился и ряд серьезных недостатков, в частности отсутствие специального исторического органа, что не давало возможности публиковать результаты работы Археографической комиссии⁵⁴. С этой целью в 1829 г. и было решено издавать на русском языке отчет, подобный парижскому академическому изданию «Analyse des Travaux» о научных изысканиях в области гуманитарных наук. Первая и единственная книга этого

⁵¹ «Mémoires de l'Académie imp. des Sciences de St.-Petersbourg». СПб., 1809—1826, т. I—XI.

⁵² «Технологический журнал или собрание сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению, издаваемое имп. Академиею наук». СПб., 1804—1815, т. 1—12. В 1815 г. «Прибавление к «Технологическому журналу», Академиею наук в 1806 году изданному», (ч. —2) и «Продолжение „Технологического журнала“» (1816—1826, т. 1—11) (под ред. В. М. Севергина).

⁵³ *Рижский И. С.* О городище Ольвии и другие примечания.— «Технологический журнал...», 1806, т. V, ч. 2, с. 161—170; *Круг Ф.* Известие о древних северных памятниках.— Там же, 1811, т. VIII, ч. 1; с. 167—186; *Иноходцев П.* О Фаросе или древнем египетском маяке.— «Прибавление к „Технологическому журналу“», ч. 1 (1806), с. 55—62 и т. д.

⁵⁴ Материалы Археографической комиссии, как правило, публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях» и с 50-х годов XIX в.— в «Журнале Министерства народного просвещения».

издания — «Чтения имп. Академии наук в Санкт-Петербурге» (ч. 1—2) — вышла в свет в 1831 г.⁵⁵

В «Чтениях...» помещался сокращенный текст статей или докладов (как правило, информационного характера), прочитанных академиками. Предполагалось выпускать «Чтения» не чаще одного раза в год, но так как подготовка сокращенного текста зависела от неперменного секретаря, у которого и без того был широкий круг обязанностей, то издание и прекратилось на первом же выпуске. Первый раздел, озаглавленный «История. Древности. Нумизматика», открывали две статьи Ф. Круга, посвященные службе варяжских дружин у константинопольских императоров⁵⁶. Одновременно здесь же были опубликованы работы по археологии, античности⁵⁷ и востоковедению⁵⁸.

В 1841 г. произошло слияние Академии наук и Российской Академии, в результате чего Академия наук была подразделена на три Отделения, что сказалось и на структуре академических изданий. С 1852 г. II Отделение стало издавать свой журнал «Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности» и с 1854 г. — «Ученые записки Второго Отделения имп. Академии наук».

И в то же время, несмотря на несомненные достижения русской науки, труды I и III Отделений продолжали печататься на иностранных языках. Соблюдение этой, ничем не оправданной традиции тормозило распространение влияния Академии на развитие науки и просвещения в России. Поэтому в 1852 г. было предпринято издание нового периодического органа трудов Академии на русском языке, исключая II Отделение⁵⁹.

В передовой статье первого выпуска «Ученых записок...» были изложены цели и задачи нового органа. Предполагалось печатать

⁵⁵ «Чтения имп. Академии наук в Санкт-Петербурге за 1829 и 1830 годы. Отделение наук исторических, филологических и политических». СПб., 1831, Книжка первая (далее — «Чтения...»).

⁵⁶ *Круг Ф.* Кого византийские писатели разумели под названием foederati, fargani и varangu? — «Чтения...», 1831, ч. 1-2, с. 1—6, 7—13. Здесь же Ф. Кругом и К. Германом опубликована рецензия на работу А. Шегрена «Исторический, статический и филологический опыт о зырянах» (Там же, с. 76—78).

⁵⁷ *Шегрен А.* О древнейших обиталищах Ями. — «Чтения...», с. 14—23; *Френ Х.* Три монеты волжских булгар из 10-го века по Р. Х. — Там же, с. 52—58; *Круг Ф.* Объяснение надписи на большом золотом кольце в Музее Академии наук. — Там же, с. 67—71; *Келлер Е.* Боготворение героев и чествование заслуженных мужей в Древней Греции. — Там же, с. 74—75.

⁵⁸ *Френ Х.* Разыскание о истории Таберистана. — «Чтения...», с. 24—32; *Шмидт Я.* Донесение о переводе с китайского монахом Иакинфом Бичурным «Истории Тибета и Хухунора». — Там же, с. 33—39; *Он же.* О некоторых основных положениях буддизма (ч. 1—2). — Там же, с. 40—51.

⁵⁹ «Ученые записки имп. Академии наук по первому и третьему Отделениям». СПб., 1852—1855, т. 1—3. Всего 15 выпусков, по пять в каждом томе (далее — «Ученые записки...»).

как «оригинальные русские сочинения академиков, членов-корреспондентов и посторонних ученых, так и переводы и извлечения из сочинений, издаваемых Академиею на каком-либо из иностранных языков»⁶⁰. «Ученые записки...» должны были выходить «бессрочными выпусками, без определенного числа листов в каждом выпуске. При особенных обстоятельствах сочинения, назначаемые для «Ученых записок...», будут издаваться немедленно, хотя бы книжка не достигла еще обыкновенной величины выпуска. 40—45 листов составят том»⁶¹.

Перед историческим отделением были поставлены определенные задачи. Публиковать прежде всего «исторические материалы, в оригинале написанные на русском языке, или переведенные с других языков, особенно касающиеся истории царствования Петра Великого и истории наук и образования в России». Одновременно этот раздел журнала обязан «знакомить отечественную публику с прежними учено-литературными трудами Академии; вместе с этим частным интересом Академия имеет в виду общую цель — собрать мало-по-малу материалы для полной истории своей учено-литературной деятельности, или приготовить Литературную летопись Академии с 1726 по 1851 годы»⁶². Указывалось на важность публикации материалов III Отделения, так как его труды «более или менее непосредственно касаются нашего Отечества»⁶³.

Это было одно из интересных периодических изданий Академии. Большая заслуга в работе над ним принадлежала его редактору академику А. А. Кунику. В первом же выпуске была помещена его статья «Об ученых сборниках и периодических изданиях с 1725—1852 гг.» — первый систематический обзор на данную тему⁶⁴. В первых двух томах были опубликованы интересные материалы по истории России и Грузии⁶⁵, археологии Поволжья⁶⁶ и античному искусству⁶⁷. Со второго тома «Ученых

⁶⁰ «Ученые записки...», 1852, т. I, вып. 1, с. СXXXIV.

⁶¹ Там же, с. CLX (Предпослано каждому из выпусков).

⁶² Там же, 1852, т. I, вып. 1, с. СXXXV.

⁶³ Там же, с. СXXXVII.

⁶⁴ Там же, с. I—СXXX. Кроме этого, он автор целого ряда заметок, подписанных буквой «К».

⁶⁵ *Погодин М. П.* Исследование о месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского.— «Ученые записки...», 1852, т. I, вып. 2; *Броссе М. И.* Сведения о грузинской царице Тамаре в древнерусской литературе.— Там же, 1853, т. I, вып. 4; *Он же.* О грузинском письме царя Арчила к шведскому королю Карлу XII от 2 февраля 1706 года и о пребывании царя Арчила в России.— Там же, 1854, т. II, вып. 4.

⁶⁶ *Терещенко А. В.* Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства.— «Ученые записки...», 1853, т. II, вып. 1.

⁶⁷ *Уваров С. С.* О древне-классическом памятнике, перевезенном из России в Поречье.— «Ученые записки...», 1852, т. I, вып. 1. *Стефани Л.* О подлоге имен древне-классических художников на резных камнях.— Там же, 1852, т. I, вып. 3.

записок» была впервые введена рубрика «Исторические материалы и разыскания», где публиковались различные исторические документы по истории древней Руси и татаро-монгольскому нашествию⁶⁸, польско-шведской интервенции и русско-шведским отношениям XVIII в.⁶⁹, истории Византии⁷⁰, истории Академии наук и деятельности М. В. Ломоносова⁷¹.

Основной комплекс исторических исследований продолжали определять работы по востоковедению⁷², историографии Византии⁷³, этнографии и археологии⁷⁴. Несомненный интерес представляла статья о кочевых племенах юга России (по XIII в.)⁷⁵. Такова краткая характеристика исторической тематики «Ученых записок...».

⁶⁸ Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Латышского и некоторых русских летописей.— «Ученые записки...», 1853, т. II, вып. 2; Выписка из Генриха Латышского о русских событиях 1221—1223 годов.— Там же; О перенесении иконы св. Николая из Корсуня в Новгород в 1223 году. Материалы, служащие к восстановлению первобытной Новгородской летописи с 1208 по 1224 год.— Там же, 1854, т. II, вып. 5; Выписка из Ибн-аль-Атира о нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 год.— Там же, 1854, т. II, вып. 4; О нашествии татар в 1223 году по Нейбургской летописи.— Там же; О признании 1223 года временем битвы при Калке.— Там же.

⁶⁹ Современное известие о делах под Москвою в сентябре 1611 года (Соболенко П. Савваитовым).— «Ученые записки...», 1855, т. III, вып. 1; Об описании русско-шведской войны 1741—1742 годов.— Там же, 1853, т. II, вып. 1, с. 144—155, 330—331.

⁷⁰ Почему Византия доньше остается загадкой во всемирной истории? — «Ученые записки...», 1853, т. II, вып. 3; Основание Трапезунтской империи в 1204 году.— Там же, 1854, т. II, вып. 4, и др.

⁷¹ Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии? — «Ученые записки...», 1853, т. II, вып. 1; «Материалы для истории Академии наук, извлеченные из актов 1777 года.— Там же, 1855, т. III, вып. 1; Несколько слов о Фенелоне и его оде 1681 года, переведенной М. В. Ломоносовым.— Там же, 1855, т. III, вып. 2 (на с. 264—290 целый ряд заметок, связанных с историей публикации некоторых сочинений М. В. Ломоносова); О болонской перепечатке комментариев Академии наук.— Там же, 1855, т. III, вып. 5 и целый ряд заметок на другие темы.

⁷² Васильев В. О некоторых книгах, относящихся к истории буддизма в библиотеке Казанского университета.— «Ученые записки...», 1855, т. III, вып. 1; Дорн Б. Академик Френ и его ученая деятельность.— Там же, 1855, вып. 3; Отец Иакинф Вичурин (Автобиографическая записка).— Там же, 1855, вып. 5; Шифнер А. Заметка по части монгольской палеографии.— Там же; Объяснение восточных надписей. Письмо проф. Казем-бека и акад. Броссе.— Там же.

⁷³ О трудах византиниста Тафеля.— «Ученые записки...», 1853, т. II, вып. 3; О трудах византиниста Муллаха.— Там же, 1855, т. III, вып. 3; Об обработке византийской хронографии (по поводу сочинения Э. Муральга).— Там же.

⁷⁴ Перечень сочинений академика Шегрена, напечатанных с 1821 по 1854 год.— «Ученые записки...», 1855, т. III, вып. 4; Шифнер П. Об этнографической важности знаков собственности.— Там же, вып. 5; Кенпен П. О Роговолодом камне и двинских надписях.— Там же, вып. 1.

⁷⁵ О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам с указанием на новейшие исследования о черноморско-тюркских народах от Атиллы до Чингис-хана.— «Ученые записки...», 1855, т. III, вып. 5.

В 1861 г. Отделение русского языка и словесности выступило с предложением организовать общее периодическое издание двух Отделений⁷⁶. Многие академики, поддержав эту идею, предложили, в свою очередь, издавать журнал на русском языке общий для всех трех отделений. Обоснование этого предложения (составленное Э. Х. Ленцом, В. Я. Буняковским, К. С. Веселовским, Я. К. Гротом, А. А. Куником, О. Н. Бетлингом и П. С. Билярским) было представлено в 1862 г. Общему собранию. Настоятельная необходимость издания периодического органа академических трудов на русском языке была очевидной. Приняв решение об издании «Записок имп. Академии наук», собрание не приняло каких-либо рекомендаций по издававшимся «Известиям» и «Ученым запискам...», что, по существу, означало прекращение всех прежних изданий и замену их «Записками». Издание предполагалось нерегулярным, в год по два тома, каждый из которых, в свою очередь, состоял из двух книг, объемом от 50 до 70 листов.

В марте 1862 г. вышла первая книга нового издания под редакцией П. С. Билярского, но после его отъезда в Одессу оно перешло всецело к К. С. Веселовскому⁷⁷.

Структура журнала была следующей: 1) отчеты по всем трем Отделениям, 2) извлечения из протоколов заседаний Общего собрания и Отделений, 3) сообщения о новых изданиях Академии, 4) статьи (небольшого размера) и более значительные по объему, печатавшиеся в Приложениях к «Запискам». В составе журнала следует различать два вида публикации научного материала: небольшие статьи (объемом не более 1/2 листа) и крупные исследования, обычно публикуемые в Приложениях.

Видное место в этих Приложениях с самого начала заняли материалы, посвященные русской истории. Так, например, в 60-е годы XIX в. — время острой полемики по вопросу о происхождении государственности на Руси — на страницах «Записок» с большой работой по «варяжскому вопросу» выступил С. А. Геденов⁷⁸. Автор писал о мнимо-норманском происхождении Руси, ее корни он видел в племени словен. Его оппонент М. П. Погодин, стоявший на противоположной точке зрения, доказывал, что «варяги-русь было норманское племя»⁷⁹.

Существенный вклад в разработку истории академической науки в России внес М. И. Сухомлинов. Его колоссальная по объе-

⁷⁶ *Срезневский В. И.* К истории издания «Известий» и «Ученых записок» Второго Отделения имп. Академии наук (1852—1863). — «Сборник Отделения русского языка и словесности», т. XXX, № 3. СПб., 1905, с. 61.

⁷⁷ «Записки имп. Академии наук». СПб., 1862—1895, т. 1—75 (далее — «Записки...»).

⁷⁸ *Геденов С. А.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе. — «Записки...», 1862, т. 1, Приложение № 3; 1862, т. 2, Приложение № 3; 1863, т. 3, Приложение № 5.

⁷⁹ *Погодин М.* Геденов и его система о происхождении варягов и Руси. — «Записки...», 1865, т. 6, Приложение № 5, с. 2.

му публикация по истории Академии наук является важнейшим изданием, посвященным первой четверти века существования Академии⁸⁰.

К этим материалам примыкает и публикация П. П. Пекарского⁸¹. Он также подготовил интересную подборку новых документов о В. Н. Татищеве и его административной деятельности⁸². Кроме этого, Пекарскому принадлежит заслуга в освещении двух больших тем — история русской журналистики XVIII в.⁸³ и характеристика вновь найденного списка «Слова о полку Игореве»⁸⁴.

Активно сотрудничал в журнале Я. К. Грот. Он привлек новые архивные материалы по истории движения Емельяна Пугачева 1773—1775 гг.⁸⁵, опубликовал обширную переписку Екатерины II с бар. Гриммом⁸⁶, исследовал вопросы русско-шведских отношений XIV—XVIII вв.⁸⁷ Итогом работы в шведских архивах явилась публикация новых данных о Григории Котошихине⁸⁸. Грот подготовил и опубликовал переписку Н. М. Карамзина с Иоганном-Каспаром Лафатером, известным швейцарским

⁸⁰ *Сухомятинов М. И.* История Российской Академии.— «Записки...», 1874, т. 24, Приложение № 2; 1876, т. 27, Приложение № 1; 1877, т. 29, Приложение № 2; 1879, т. 32, Приложение № 1; 1881, т. 38, Приложение № 2; 1882, т. 41, Приложение № 2; 1884, т. 49, Приложение № 6; 1885, т. 58, Приложение № 1. В публикации приведены документы из Архива Академии наук, Сенатского архива, Московского архива Министерства иностранных дел, Архива Министерства юстиции.

⁸¹ *Пекарский П. П.* Материалы для истории Академии наук.— «Записки...», 1865, т. 7, Приложение № 3. По тематике к этому разделу примыкают публикации К. Веселовского «Несколько материалов для истории Академии наук в биографических очерках ее деятелей былого времени. 1 Никита Попов, профессор астрономии и Мартин Плацман, адъютант по математике (Там же, 1893, т. 73, Приложение № 2); Д. А. Толстого об академической гимназии в XVIII в. (Там же, 1885, т. 51, Приложение № 2) и о городских училищах России во второй половине XVIII в. (Там же, 1887, т. 54, Приложение № 1).

⁸² *Пекарский П. П.* Новые известия о В. Н. Татищеве.— «Записки...», 1864, т. 4, Приложение № 4.

⁸³ *Пекарский П. П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II.— «Записки...», 1863, т. 3, Приложение № 6.

⁸⁴ *Пекарский П. П.* «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами имп. Екатерины II.— «Записки...», 1864, т. 5, Приложение № 2.

⁸⁵ *Грот Я. К.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова.— «Записки...», 1862, т. 1, Приложение № 4; *Он же.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Переписка имп. Екатерины II с гр. П. И. Паниным.— Там же, 1863, т. 3, Приложение № 4.

⁸⁶ *Грот Я. К.* Екатерина II в переписке с Гриммом.— «Записки...», 1879, т. 34, Приложение № 1; Там же, 1882, т. 40, Приложение № 1; Там же, 1884, т. 48, Приложение № 1.

⁸⁷ *Грот Я. К.* Екатерина II и Густав III.— «Записки...», 1877, т. 30, Приложение № 6; *Он же.* Библиографические и исторические заметки. Ореховецкий договор. Происхождение Екатерины I.— Там же, 1878, т. 31, Приложение № 3. Ореховецкий договор, заключенный в 1323 г. между шведским королем Магнусом и новгородским князем Юрием, определял русско-шведские границы.

⁸⁸ *Грот Я. К.* Новые сведения о Котошихине по шведским источникам.— «Записки...», 1882, т. 40, Приложение № 1.

писателем и теологом⁸⁹. Карамзин встречался с Лафатером и посвятил ему теплые строки в своих воспоминаниях «Письма русского путешественника» (1789 г.). Их переписка считалась утерянной, но была обнаружена в Цюрихском архиве через 100 лет и дала много нового для биографии Карамзина эпохи его бурного литературного развития. Много нового для решения проблем русского образования дала публикация Я. К. Гротом писем М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова к И. И. Шувалову⁹⁰. В области истории русской культуры XVIII в. успешно работал М. Н. Лонгинов⁹¹.

Публикация И.-Х. Гамеля о взаимоотношениях Англии и Московского государства в XVI—XVII вв. раскрывала истинную роль Английской торговой компании в России, через которую английское правительство стремилось завоевать русский рынок⁹².

Обширный эпистолярный материал периода Отечественной войны 1812 г. опубликовал Н. Ф. Дубровин (451 письмо Александра I, М. И. Кутузова, М. Б. Баркляя де-Толли и других). Публикацию завершала библиография работ по теме (1602 наименования)⁹³.

Работ по истории Востока в журнале помещено немного, так как востоковеды, как правило, сотрудничали в других, не академических изданиях. Но и то, что попало на страницы «Записок», представляло большой научный интерес.

Большая публикация Б. Дорна раскрывала взаимоотношения Руси и народов Прикаспия на основе записок современных событиям восточных авторов⁹⁴. Эта проблема рассматривалась и в совместной работе А. А. Куника и В. Р. Розена по данным арабских источников XII в.⁹⁵ Различные аспекты грузинской истории разрабатывались Д. З. Бакрадзе⁹⁶. Проблемы тюркологии нашли свое отражение в работах В. В. Радлова, замечательного

— 4

⁸⁹ Грот Я. К. Переписка Карамзина с Лафатером.— «Записки...», 1894, т. 73, Приложение № 1. Эту тему дополняют опубликованные С. Пономаревым несколько раньше материалы к библиографии о Н. М. Карамзине (Там же, 1883, т. 45, Приложение № 4).

⁹⁰ «Записки...», 1862, т. 4, Приложение № 1.

⁹¹ Лонгинов М. Н. Русский театр в Петербурге и Москве (1749—1774).— «Записки...», 1874, т. 23, Приложение № 2.

⁹² Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях.— «Записки...», 1866, т. 8, Приложение № 1; 1869, т. 15, Приложение № 2.

⁹³ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников.— «Записки...», 1882, т. 42, Приложение № 1 (оно же и единственное к данному тому).

⁹⁴ Дорн Б. Каспий, о походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря.— «Записки...», 1876, т. 26, Приложение № 1.

⁹⁵ Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах.— «Записки...», 1879, т. 32, Приложение № 2.

⁹⁶ Бакрадзе Д. Статьи по истории и древностям Грузии.— «Записки...», 1887, т. 55, Приложение № 1; Он же. История Грузии на основании новых изысканий.— Там же, 1873, т. 22, с. 183—200; Он же. Краткий отчет

знатока и исследователя тюркских языков и наречий⁹⁷. Анализу армянского источника XVIII в. посвящена работа видного востоковеда и армениста К. П. Патканова (Патканяна)⁹⁸.

Востоковедческую тематику дополняли публикации историографического и библиографического характера⁹⁹. Анализу источников по истории Византии были посвящены работы С. Шестакова и В. Розена¹⁰⁰. Большую работу по выявлению документов по истории России в архивах Италии провел В. Макушев¹⁰¹.

Среди немногих работ по истории Древнего мира наиболее интересна работа С. М. Куторги¹⁰².

Работы Л. Стефани и С. Гедеонова были посвящены вопросам искусства¹⁰³.

Большой историографический интерес представляет раздел журнала «Отчет о...присуждениях наград графа Уварова», включающий в себя рецензии на сочинения, выдвинутые на соискание этой премии. Рецензии, как правило, были развернутыми¹⁰⁴. Довольно часто работы становились предметом острой дискус-

об археологической поездке в Гурию в 1873 году (Извлечение).— Там же, 1874, т. 23, с. 235—247.

⁹⁷ *Радлов В.* О языке Куманов, по поводу издания куманского словаря.— «Записки...», 1884, т. 48, Приложение № 4; *Он же.* К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика.— Там же, 1893, т. 72, Приложение № 2.

⁹⁸ *Патканов К. П.* Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенс в 1722 и 1723 гг. Материалы для истории Персии.— «Записки...», 1870, т. 17, Приложение № 3.

⁹⁹ *Пономарев С. И.* Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах (Материалы для библиографии).— «Записки...», 1877, т. 30, Приложение № 1; *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия Успенского.— Там же, 1891, т. 64, Приложение № 9; *Пономарев С. И.* О двух новых трудах преосвященного Порфирия Успенского.— Там же, 1878, т. 31, с. 267—296. Порфирий Успенский за время своих неоднократных путешествий по Востоку и службы там собрал великолепную коллекцию книг и рукописей на греческом, арабском, эфиопском языках, списки, каталоги греческих и славянских рукописей.

¹⁰⁰ *Шестаков С.* По вопросу об источниках хроники Георгия монаха (Амартола). VI книга Хроники.— «Записки...», 1893, т. 70, с. 1—58; Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил барон В. Р. Розен.— Там же, 1883, т. 44, Приложение № 1.

¹⁰¹ *Макушев В.* Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. Флорентийский государственный архив.— «Записки...», 1869, т. 16, Приложение № 5; Там же, 1871, т. 19, Приложения № 3, 4.

¹⁰² *Куторга С. М.* О дне и празднике Нового года у афинян пред Пелопоннесскою войною, с объяснением одной оропской надписи. Историческое исследование.— «Записки...», 1865, т. 8, Приложение № 5.

¹⁰³ *Гедеонов С. А.* Мертвый ребенок на дельфине. Группа из мрамора, приписывается Рафаэлю.— «Записки...», 1872, т. 20, Приложение № 1; *Стефани Л.* Аполлон Воэдромиос. Статуя музея графа С. Г. Строганова.— Там же, 1863, т. 3, Приложение № 1; *Он же.* Нимб и лучезарный венец в произведениях древнего искусства.— Там же, 1864, т. 4, Приложение № 1.

¹⁰⁴ *Рец.: Н. Дубровина* на кн. М. И. Богдановича «Восточная война 1853—1856 годов» («Записки...», 1879, т. 33, Приложение № 1, с. 23—528): П. Н.

сии¹⁰⁵. Объем рецензий давал возможность и этот раздел оформлять в виде «Приложения» к журналу¹⁰⁶.

Следует сказать, что, предпринимая в 1862 г. печатание «Записок», Академия намеревалась выпускать их в свет в виде периодического издания, по 2 тома (или 4 книги) в год. По мере выхода обнаружилось, что «Приложения» своим значительным объемом нередко задерживали своевременный выход отдельных томов и затрудняли равномерное распределение числа печатных трудов (с этим обстоятельством, кстати, была связана и подписная цена).

В 1894 г. новым непрременным секретарем Н. Ф. Дубровиним было признано целесообразным «своевременно ввести в главных своих изданиях ряд изменений, направленных к тому, чтобы органы эти могли наиболее удовлетворять своему назначению. С этой целью постановлено печатать статьи преимущественно на русском языке»¹⁰⁷.

В том же году седьмая серия изданий Академии «Mémoires» были переименованы в «Записки имп. Академии наук» и разделена на две части: по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям¹⁰⁸. Это была уже восьмая серия изданий, которая печатала свои труды, в основном на русском языке. Прежние издания были прекращены. В этом новом периодическом органе Академии преимущественное место было отведено публикациям работ по византиноведению¹⁰⁹. В. В. Василевский и П. Никитин опубликовали материалы об идейной борьбе и приемах полемики христиан с мусульманами в IX в.¹¹⁰

Большое значение имели работы видного русского эпитафиста В. В. Латышева¹¹¹. Востоковедение представлено в журна-

Милюкова на кн. А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразования» (Там же, 1893, т. 70, Приложение № 3, с. 20—202).

¹⁰⁵ Рец.: Ф. Фортинского, А. Куника и И. Срезневского на книгу С. А. Геденова «Варяги и Русь». — «Записки...», 1879, т. 33, Приложение № 1, с. 605—700.

¹⁰⁶ Роспись отчетам о присуждениях наград и премий имп. Академиею наук, присужденных с основания конкурсов при ней по 1908 г. СПб., 1911, с. 187—198.

¹⁰⁷ Отчет Академии наук за 1894 год. — «Известия Академии наук», 1895, т. II, с. LXXI.

¹⁰⁸ «Записки имп. Академии наук. VIII серия. По Историко-филологическому отделению». СПб., 1895—1922, т. I—XIII (далее — «Записки...»). Том XIII, вып. 6 (имел подзаголовок: «По Отделению исторических наук и филологии»). Каждый том состоял из семи выпусков и более.

¹⁰⁹ Никитин П. О некоторых греческих текстах житий святых. — «Записки...», 1895, т. I, вып. 1; т. III, вып. 2, 3; Истрин В. Первая книга Хроники Иоанна Малала. — Там же, 1897, т. I, вып. 3; Кулаковский Ю. А. Стратегика императора Никифора. — Там же, 1908, т. VIII, вып. 9; Бенешевич В. Н. Ответы Петра Хартофилакса (конца XI века). — Там же, 1909, т. VIII, вып. 14, и др.

¹¹⁰ Сказание о 42 аморийских мучениках и церковная служба им. — «Записки...», 1905, т. VII, вып. 2.

¹¹¹ Латышев В. В. Жития св. епископов херсонских. — «Записки...», 1906,

ле небольшим числом работ¹¹². Сравнительно немногими трудами была представлена и русская история. Здесь следует отметить прежде всего статьи по истории Московского государства XVII в.¹¹³ и исследования С. Е. Десницкого, известного юриста XVIII в., первого русского профессора права¹¹⁴.

Впервые в академических изданиях нашли отражение события Великой французской революции XVIII в. Н. И. Кареев собрал и опубликовал большой фактический материал, характеризующий роль секций революционного Парижа того времени¹¹⁵.

В этом издании также продолжалась традиция «Записок» — публиковать разборы сочинений, выдвинутых на соискание премии С. С. Уварова, П. Н. Батюшкова, П. Н. Демидова.

Взросший интерес к истории Византии вызвал выход в свет в 1894 г. первого в истории Академии наук специализированного журнала — «Византийский временник»¹¹⁶. Этот интерес был вызван, с одной стороны, наличием богатейших, мало изученных материалов по истории Византии, с другой — становилось все более очевидным, что без их привлечения невозможно понять и объяснить многие процессы экономического, политического и культурного развития России и Западной Европы¹¹⁷.

Виднейший русский византист В. Г. Васильевский выступил с инициативой организации журнала, который публиковал бы тексты и исследования по истории и филологии Византии. В 1894 г. вышел первый том «Византийского временника», состоящий из 4-х выпусков. Редакторами издания были В. Г. Васильевский и В. Э. Регель, активными сотрудниками — Д. В. Айналов,

т. VIII, вып. 3; *Он же*. Неизданные греческие агиографические тексты.— Там же, 1914, т. XII, вып. 2; *Он же*. Византийская царская «Миней».— Там же, 1915, т. XII, вып. 7; *Он же*. Мефодия патриарха Константинопольского, житие препод. Феофана Проповедника.— Там же, 1918, т. XIII, вып. 4.

¹¹² *Баргольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894.— «Записки...», 1897, т. I, вып. 4 (об изучении памятников древности в Чуйской и Илийской долинах). Большое значение имела его работа «Улугбек и его время» (Там же, 1918, т. XIII, вып. 5), а также исследование Н. И. Веселовского «Хан из темников Золотой Орды и его время» (Там же, 1922, т. XIII, вып. 6).

¹¹³ *Лаппо-Данилевский А. С., Миклашевский Г. Н.* Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVII века.— «Записки...», 1902, т. VI, вып. 4; *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке.— Там же, 1906, т. IX, вып. 1; 1918, т. IX, вып. 2.

¹¹⁴ *Десницкий С. Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи.— «Записки...», 1905, т. VII, вып. 4.

¹¹⁵ *Кареев Н. И.* Неизданные документы по истории Парижских секций 1790—1795 гг.— «Записки...», 1912, т. XI, вып. 2; *Он же*. Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года.— Там же, 1914, т. XII, вып. 4.

¹¹⁶ «Византийский временник». СПб.—Л., 1894—1925, т. I—XXV. Издание было возобновлено в 1947 г. под ред. академика Е. А. Косминского, при сохранении прежней пагинации (например, т. 1 (XXVI) и т. д.).

¹¹⁷ История Академии наук СССР, т. 2, с. 600—601.

Ф. И. Успенский, А. А. Васильев, П. В. Безобразов, С. П. Шестаков. На страницах журнала помещались также материалы по истории и филологии стран Ближнего и Среднего Востока, публикации греческих, славянских, латинских и восточных рукописей¹¹⁸.

В мае 1911 г. Н. Я. Марр, В. Н. Бенешевич и Б. А. Тураев направили в Историко-филологическое отделение Академии наук записку с обоснованием необходимости создания органа по изучению христианской культуры народов Азии и Африки под названием «Восток христианский»¹¹⁹. 11 января 1912 г. Отделение решило издавать отдельные выпуски (по 6—8 листов) по мере накопления материала, а в конце года соединять их в том объеме в 25—30 листов. Сроки выхода каждого выпуска: апрель, август, декабрь. Состав выпуска — научные статьи и рецензии, библиографии, научная хроника. Предполагалось, что журнал будет издаваться на русском, латинском и греческом языках.

В 1912 г. вышел первый выпуск нового журнала под названием «Христианский Восток». Журнал ставил перед собой специальные научные задачи и не предназначался для широкой читательской публики. В журнале сотрудничали Н. Я. Марр, Б. А. Тураев, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, К. А. Ростовцев и другие.

20 апреля 1916 г. на заседании Отделения исторических наук и филологии М. А. Дьяконов поставил вопрос об издании «Русского исторического журнала». Это предложение было поддержано ведущими учеными Академии, которые говорили о том, что «русская историческая наука, успевшая занять почетное место даже в международном научном общении, до сих пор не располагает периодическим органом, способным удовлетворить самым насущным ее потребностям»¹²⁰. Отделение было согласно с этим мнением. После получения необходимых дотаций в Академии наук стал выходить первый специальный журнал по русской истории¹²¹.

Обзор материалов по истории в периодических изданиях Академии наук со времени ее основания до 1917 г. позволяет представить состояние академической исторической науки в целом и понять характер и особенности ее становления до Великой Октябрьской социалистической революции.

¹¹⁸ «Византийский временник». Пг., 1922, т. XVI (Указатели к первым XV томам).

¹¹⁹ «Христианский Восток». Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. СПб., 1912, т. I, вып. 1—3. В 1922 г. вышел последний, VI, том.

¹²⁰ История Академии наук СССР, т. 2, с. 591.

¹²¹ «Русский исторический журнал». Пг., 1917—1921, кн. 1—8. Мы не останавливаемся на характеристике этого журнала, ибо его деятельность (за исключением первых двух книг) выходит за хронологические рамки данного обзора. Кроме того, сам характер журнала требует более тщательного анализа.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

**О СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1905—1907 ГГ.**

Т. П. Придворова, В. И. Салов

Семьдесят лет минуло с начала первой русской революции, которая послужила генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции. В Постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 гг. в России» подчеркивается, что этот юбилей — знаменательная дата в истории нашей партии и народа, международного коммунистического и рабочего движения. Это Постановление, содержащее глубокий анализ первой русской революции, — яркий исторический документ, свидетельствующий о том, что КПСС свято выполняет наказ В. И. Ленина. На партию, писал В. И. Ленин в июне 1907 г., «ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции»¹. И еще раз подчеркивал: «Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее»².

С самого начала революции мировая общественность с пристальным вниманием наблюдала за «первым натиском бури» в России, а для зарубежной буржуазной профессуры революция сразу же стала объектом подробного изучения. Сначала интерес к ней цеховой профессуры возник как непосредственная реакция на развитие событий, таивших в себе неотвратимую угрозу всему старому господствующему строю. Пожалуй, наиболее отчетливо эта реакция выражена в работах известного немецкого социолога Макса Вебера, который откликнулся на революцию 1905—1907 гг.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 26.

² Там же.

двумя исследованиями: «О состоянии демократии в России» и «Переход России к псевдоконституционализму». В них в полной мере отразились и страх перед русской революцией и непринятие ее. Упомянув о том, что правящие круги царской России и ее кредиторы из западных стран «желали порядка», Вебер писал: «Манифест 17 (30) октября должен был привести к установлению спокойствия в стране». И с сожалением констатировал: «Этого не случилось»³. Вслед за Вебером работы подобного же содержания опубликовали немецкие историки О. Гётч, В. Унгерн-Штернберг и О. Гёбель⁴. Посеянный революцией 1905—1907 гг. страх перед возможностью новой революционной бури в России уже никогда больше не покидал буржуазных историков.

Со временем интерес к Первой русской революции не только не убавился, но и неуклонно рос, а в последние годы изучение ее стало особенно интенсивным. Несмотря на различия в предмете конкретных исследований и на вариации в названиях работ, в новейшей буржуазной историографии русской революции 1905—1907 гг. наметился общий круг проблем, которых так или иначе касаются все авторы.

Предлагаемая статья не претендует на всестороннее освещение довольно сложного вопроса о современной буржуазной историографии Первой русской революции. Она представляет собой попытку критически рассмотреть лишь некоторые его аспекты, прежде всего — осмыслить идейно-теоретические основы историографических концепций, их взаимообусловленное влияние и закономерность развития в едином русле буржуазного историографического процесса.

Революция 1905—1907 гг. была первой народной революцией эпохи империализма. Она явилась, по выражению В. И. Ленина, «самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны»⁵.

Российский пролетариат впервые в мировой истории выступил в революции 1905—1907 гг. как класс-гегемон, создавший общенародный фронт и возглавивший борьбу трудящихся масс за свержение царской монархии и упразднение пережитков крепостничества, против некоторых черт российского («черносотенно-октябристского») капитализма. Революция 1905—1907 гг. исторически призвана была, как это подчеркивал В. И. Ленин, ускорить поступательное развитие капитализма, подготовляющее объективные условия для победы социалистической революции в стране⁶.

³ *Weber M.* Gesammelte politische Schriften. Tübingen, 1971, S. 66.

⁴ *Hoetsch O.* Die Historische Voraussetzungen eines konstitutionellen Lebens in Russland.— In: Beiträge zur russischen Geschichte. Berlin, 1907; *Ungern-Sternberg V.* Die Erziehung der St. Petersburger Arbeiter zur Revolution. Berlin, 1909; *Goebel O.* Die russische Industriearbeiter um 1905. Berlin, 1911.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 49.

⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 35, 45, 282—283; т. 48, с. 12—13.

«Рабочий класс России,— писал В. И. Ленин,— показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя,— мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму»⁷. Он смог успешно справиться с этой задачей потому, что во главе российского пролетариата выступила ленинская партия большевиков⁸.

Пытаясь исказить политику большевиков, нынешние буржуазные идеологи всячески стараются представить большевистскую партию силой, противостоящей революционному порыву масс. Это стремление отчетливо выражено в книге западногерманского профессора К. Руффмана о Советской России. Характеризуя отношение большевиков к революционному движению, он пытается представить дело так, будто «вопреки официальной точке зрения советской историографии, большевики были гораздо меньше, чем социал-революционеры, меньшевики и либералы, связаны с основными слоями в революционном движении 1905 года, которое ничто так не определяло, как стихийные действия безымянных масс»⁹. Этот же тезис развивает профессор Уэслейнского университета (США) Филипп Помпер, который пускается в разглагольствования о том, что «суть большевизма заключалась в суровом недоверии к массовым движениям и в сектантском отношении к коллективным действиям». А потому, мол, большевики стремились к «сужению (широкого революционного фронта.— Т. П., В. С.) до партии пролетариата»¹⁰. Английский историк Джон Кип договорился даже до того, что большевики будто бы «помешали создать широкий, истинно демократический фронт против самодержавия»¹¹.

Между тем развитие революции 1905—1907 гг. показало, что пролетариат оттесняет буржуазию от руководства антифеодальной и демократической борьбой, берет в свои руки представительство непролетарских масс трудящихся, выступая как класс-гегемон. Такая политика пролетариата и его партии была исторически обусловлена и неизбежна в силу того, что империалистическая буржуазия органически неспособна руководить каким-либо революционным движением народных масс.

Оспаривая ленинское положение о руководящей роли пролетариата и о буржуазно-демократическом характере революции 1905—1907 гг., буржуазные историки декларируют тезис о чисто буржуазном характере этой революции и о руководящей роли в ней буржуазии. «Революция 1905 года не угрожала, собственно говоря, капиталистическому строю: революцией руководила рус-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 220.

⁸ Подробнее см.: Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 гг.). М., 1975.

⁹ Ruffman K. Sowjetrussland. München, 1971, S. 39—40.

¹⁰ Pomper P. The Russian Revolutionary Intelligentsia. New York, 1970, p. 187, 188.

¹¹ Keep J. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 182, 266.

ская буржуазия», — пишет профессор парижской Высшей школы практических исследований Р. Жиро, повторяя старый кадетский тезис (П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер, М. Т. Карпович и др.)¹². Этот тезис воспроизводится и в книге ученика известного антикоммуниста Л. Шапиро, профессора Русского и Восточноевропейского центра Тель-Авивского университета Ш. Галая «Движение «Освобождение» в России (1900—1905)»¹³. Оценивая эту работу, журнал «American Historical Review», орган Американской ассоциации историков, отметил: «Для Галая именно движение «Освобождение» было главной силой в борьбе за демократию и, следовательно, деятельность этого движения имела решающее значение в подготовке почвы для свержения самодержавия»¹⁴.

Такой подход характерен для работ большинства современных буржуазных авторов. «Книга Галая, — делается вывод на страницах того же журнала, — отражает точку зрения западной историографии»¹⁵. Согласно этой «точке зрения», «нереволюционеры сыграли главную роль» в революции 1905—1907 гг. А. Спектор, профессор в отставке Вашингтонского университета, говоря о кадетях, считает необходимым подчеркнуть: «Ни одна группа в период между 1905 и 1917 гг. не пользовалась таким влиянием, как эта»¹⁶. Дж. Уолкин (Обернский университет, США) утверждает, что «революционеры играли важную, но второстепенную роль. В действительности успех общественного движения зависел от состояния умов либералов и консерваторов, и именно то, что они не были на стороне самодержавия в 1905 и 1917 гг., имело решающее значение»¹⁷. Программа левых либералов из «Союза освобождения», — развивает эту мысль Ф. Помпер, была близка «к общему политическому настрою общества» и, оказывается, «пользовалась влиянием среди рабочих»¹⁸. Достоинство кадетов Помпер усматривает в том, что они «не хотели поощрять массовое насилие и вооруженное восстание против правительства». В этой связи он не без основания замечает: «Такая позиция была не очень далека от меньшевистской идеи о том, что пролетариат, толкнув буржуазию к власти, примирится с властью буржуазии»¹⁹.

Буржуазные историки не прочь порассуждать об альтернативах развития революционных событий в 1905—1907 гг. Они считают, что в это время «возникла замечательная возможность»

¹² *Girault R.* Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887—1914. Paris, 1973, p. 453.

¹³ *Galat Sh.* The Liberation Movement in Russia 1900—1905. London, 1973.

¹⁴ «The American Historical Review», June 1974, p. 823.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Spector I.* An Introduction to Russian History and Culture. New York, 1969, p. 161.

¹⁷ *Walkin J.* The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia. Political and Social Institutions under the Last Three Czars. New York, 1962, p. 186.

¹⁸ *Pomper P.* Op. cit., p. 183.

¹⁹ *Ibid.*, p. 188.

для кадетов получить полный контроль над правительством, но кадеты «упустили эту возможность», «проявив достойные сожаления слабость, колебания и неуверенность»²⁰. Они сетуют по поводу того, что кадетам не удалось договориться с правительством о проведении «разумных реформ», которые могли бы направить развитие России по буржуазно-либеральному пути. Г. Гринвуд, профессор Куинслендского университета (Австралия), пишет: «Учитывая быстрый рост среднего класса, либеральные группы, возможно, имели бы самый большой шанс на успех, если бы можно было убедить правительство признать необходимость политических и конституционных перемен. Но правительство отказалось изменить свою репрессивную политику и не смогло завоевать поддержки прогрессивных и либеральных классов общества, взяв на себя инициативу в проведении разумных реформ. Тем самым оно сыграло на руку революционерам и в значительной мере содействовало их успеху»²¹. Гринвуд с горечью отмечает, что вожди либеральных групп проявили «неопытность», допустили «сомнения в искренности царского режима», отказавшись от приглашения гр. С. Ю. Витте войти в правительство, а «их отказ... имел катастрофические последствия и для интересов групп, которые они представляли, и для мирных конституционных реформ»²².

Так, затушевывая стремление русской буржуазии к сделке с даризмом за счет народных масс, современная буржуазная историография пытается оспаривать ленинский тезис о том, что победа революции была невозможна как победа буржуазии.

Следует отметить, однако, что некоторые буржуазные авторы вынуждены признать архаичность кадетской концепции истории Первой русской революции и критикуют своих коллег, доньше придерживающихся этой концепции. На страницах американского журнала «Journal of Modern History» профессор Калифорнийского университета Т. фон Лауэ, оценивая книгу Дж. Кипа «Развитие социал-демократии в России»²³, отметил, что Кип изображает дело так, «будто Ленин не вел борьбу с самодержавием не на жизнь, а на смерть, и как будто эта борьба не требовала величайшей концентрации воли»²⁴. В то же время, продолжает Лауэ, «Кип, подобно большинству авторов, пишущих на эту тему, все еще воюет с самодержавием с позиций либерала»²⁵. Далее Лауэ, по существу, признает антиисторизм мышления нынешних адептов «либерального пути развития России». «Подобно проиграв-

²⁰ *Spector I.* Op. cit., p. 167.

²¹ *Greenwood G.* The Modern World. A History of Our Time, vol. I. (From Early European Expansion to the Outbreak of World War II). Sydney, 1964, p. 411—412.

²² *Ibid.*, p. 416.

²³ *Keep J.* Op. cit.

²⁴ «The Journal of Modern History», 1963, March, p. 106.

²⁵ *Ibidem.*

шим либералам в русской истории,— пишет Лауэ,— он (Кип.— Т. П., В. С.) навязывает России и ее эволюции западные стандарты»²⁶. Возможности русских либералов весьма трезво оценивает и французский историк М. Либман, который отмечает, что, в отличие от западноевропейской, «русская буржуазия не смогла организовать мощного движения протеста, способного подорвать устой царского самодержавия»²⁷.

Однако ни Лауэ, ни Кип, ни Либман, ни кто-либо другой из западных буржуазных историков ни словом не упоминают о том, что либеральная буржуазия больше всего страшилась нарастания революционной волны, боялась демократизации страны больше, чем самодержавия, и шла на сговор с реакцией. Русская либеральная буржуазия, писал В. И. Ленин, ненавидела русский пролетариат за то, что он «оказался в 1905 году *достаточно зрел политически*, чтобы вырвать у этой буржуазии *руководство* движением, чтобы беспощадно разоблачать предательство либералов»²⁸.

Для сторонников прокадетского направления характерно принятие революционных идей и методов борьбы, и это отмечают иногда сами западные историки. Так, американский профессор М. Раев, характеризуя подход к революционному движению английского историка Х. Ситона-Уотсона, подчеркивал, что последний, «следуя традиции умеренной либеральной историографии (Корнилов, Кизеветтер, Карпович), ...относится с глубокой подозрительностью к революционным идеологии и методам»²⁹.

В ходе революции 1905—1907 гг. возник союз рабочего класса с крестьянством, который характеризует все революционные события этого периода. «Этот союз,— писал В. И. Ленин,— был стихийен, неорганизован, часто неосознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции»³⁰. В. И. Ленин назвал пролетариат вождем, ведущим за собой крестьянство³¹.

В ряде работ буржуазных авторов уделяется внимание крестьянскому движению. Помпер, например, пишет о «жакерии, охватившей сельскохозяйственные районы европейской части России весной 1905 года»³². Иногда западные историки даже ставят вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, но осве-

²⁶ Ibidem.

²⁷ *Liebman M.* La Revolution russe. Paris, 1967, p. 32.

²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 359.

²⁹ «The Russian Review», 1968, vol. 24, No 1, p. 90.

³⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 342—343.

³¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 269.

³² *Pomper P.* Op. cit., p. 189.

щение его приобретает явно антикоммунистический характер, поскольку авторы отрицают объективную обусловленность ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства при руководстве со стороны пролетариата. К. Руффман признает, что «в отличие от Плеханова и других теоретиков-меньшевиков, Ленин уже в 1905 году возлагал большие надежды на потенциальную революционную силу крестьянства и его союз с организованным рабочим движением и радикальной интеллигенцией»³³. Но далее он изображает дело так, будто крестьяне, «осознав постоянно растущий голод и ... недостаток, ... действовали самостоятельно» и «превратились в главную движущую силу революции»³⁴. Смысл подобных утверждений сводится к отрицанию роли рабочего класса как гегемона революции 1905—1907 гг.

Ленин говорил о Первой русской революции как о действительно народной революции. В ее горниле «масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией,— отмечал В. И. Ленин,— поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»³⁵.

Революционное творчество масс проявилось в создании Советов рабочих депутатов в крупных промышленных центрах, которые дали толчок возникновению Советов крестьянских и солдатских депутатов. По характеристике В. И. Лениной, Советы представляли в зачатке диктатуру революционных элементов. Они явились прообразом Советов 1917 года, сыгравших историческую роль в качестве политических органов диктатуры пролетариата.

Буржуазная историография, обращаясь к освещению процесса возникновения Советов, извращает отношение большевиков к Советам, отрицает их роль в создании и деятельности этих органов трудящихся масс³⁶. Французский историк Яссур в статье «Уроки 1905 года: партия или Советы?», признав, что меньшевиком пугал «большевистский дух» Советов, пускается затем в измышления о том, что большевики-де «долгое время колебались в своем отношении к Советам», поскольку они якобы не хотели «иметь дело с массами»³⁷. Подобное освещение проблемы является собой пример фальсификации истории.

В. И. Ленин сразу же понял историческое значение Советов и, критикуя сектантские взгляды на Советы, наметил правильные отношения между ними и партией пролетариев. В ноябре 1905 г., отвечая на вопрос: «Советы или партия?», Ленин со всей опреде-

³³ Ruffman K. Op. cit., S. 39.

³⁴ Ibid., S. 87.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 39.

³⁶ Подробнее см.: Демочкин Н. Н. Под флагом меньшевистских идей.— «История СССР», 1966, № 5.

³⁷ Jassour A. Leçon de 1905. Parti ou Soviet? — «Le mouvement social», 1968, N 62, p. 3, 19, 26; Sur 1905. Paris, 1974.

ленностью подчеркивал: «Решение безусловно должно быть: и Совет рабочих депутатов и партия»³⁸.

При характеристике Советов одни буржуазные авторы приписывают им роль чисто экономических органов (например, О. Анвайлер и другие), другие признают, что Советы отражали политические настроения масс. Рuffman отмечает, что «Советы... были стихийно созданы в годы Первой русской революции непосредственной инициативой трудящихся... как орган так называемого «революционного самоуправления», который представлял не только социальные интересы пролетариата, но и во все возрастающей степени его политические интересы»³⁹.

В освещении проблемы Советов в современной буржуазной историографии намечается тенденция к реалистической оценке фактов. Английский профессор Л. Кочен пишет, например: «Прозорливой оказалась и ленинская оценка Советов». На примере подхода Ленина к Советам, продолжает Кочен, «виден замечательный контраст между динамичной ленинской оценкой Советов как зародыша революционного правительства... и оценкой меньшевиков, которые приписывали Советам несколько пассивную роль рабочего конгресса»⁴⁰. Петроградский Совет, по словам Кочена, стал образцом для Советов, созданных в других крупных городах, а также для крестьянских и солдатских Советов⁴¹.

В работах большинства современных буржуазных авторов дело представляется так, будто бы революция 1905—1907 гг. — это всего лишь стихийный взрыв, не поддающийся рационалистическому объяснению. По словам Г. фон Рауха, «революционное движение было ничем не сдерживаемой силой, которая, по-видимому, не поддается рационалистическому руководству»⁴². В работе другого западногерманского профессора Э. Оберлендера «Политические партии в России 1905—1918 гг.» говорится: «Успех революции 1905 года не был успехом одной какой-либо партии или политического направления: успехом своим она обязана в первую очередь стихийному массовому движению, которое охватило почти все слои общества»⁴³. Пропагандируя этот антиленинский тезис, буржуазные авторы сознательно замалчивают тот факт, что большевистская партия неустанно вносила в рабочее движение сознательность, организованность, придавала борьбе пролетариата целенаправленный характер.

Пытаясь оспаривать руководящую роль большевистской партии в революции, буржуазные историки впадают в явное противоречие не только с фактами действительности, но и со своими соб-

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 61.

³⁹ Ruffman K. Op. cit., S. 19.

⁴⁰ Kochan L. Russia in Revolution. London, 1966, p. 99.

⁴¹ Ibid., p. 99.

⁴² Rauch G. von Lenin. Die Grundlegung des Sowjetsystems. Berlin — Göttingen — Frankfurt, 1957, S. 34.

⁴³ Oberländer E. Politische Parteien in Russland 1905—1919. Köln, 1970, S. 15.

ственными утверждениями. Так, Д. Гейер в работе «Русская революция» сначала утверждает, будто «русским социал-демократам не удалось превратить свою партию в ведущую организацию рабочего движения», а затем, несколькими строками ниже, признает, что пролетариат «пожалуй почти всегда действовал под непосредственным влиянием их программы и лозунгов»⁴⁴. Нечто подобное наблюдается и у Помпера: сначала он пускается в антибольшевистские рассуждения, а в конце концов вынужден признать: «Десятки тысяч людей собрались под большевистские знамена — под лозунгами Ленина, — потому что они были действительно революционными»⁴⁵. После этого признания он снова впадает в антикоммунистический транс, от которого он уже не в состоянии избавиться.

В концепциях нынешних буржуазных авторов вместо основных противостоящих сил — демократического и реакционно-монархического лагеря — выступают иные два лагеря, «две России»: правительство и народ, бюрократия и общество. А положение в стране зависело мол от «умонастроения общества»⁴⁶. В результате антимонархических настроений и возникла-де «единственная настоящая война — война между властью и народом»⁴⁷. Налицо, как видим, — откровенно идеалистический подход к объяснению революционного процесса.

В ходе революции 1905—1907 гг. отчетливо выявились чисто пролетарские средства борьбы — массовые политические стачки, и этим определилось то, что революция 1905—1907 гг., по определению В. И. Ленина, была уже в известном смысле революцией *пролетарской*⁴⁸. Ходом исторических событий вопрос о вооруженной борьбе и вооруженном восстании был поставлен во главу угла революционных событий.

Дж. Уолкин, который видит в Октябрьской всеобщей стачке кульминацию революционных событий 1905 г.⁴⁹, последствия ее объясняет по-кадетски. Царь, по его словам, «уступил солидным и уважаемым гражданам, из которых состояла лояльная оппозиция, а не профессиональным революционерам, которых, будь они в одиночестве, можно было подавить, — как их и подавляли, когда они выступали одни до и после 1905 года»⁵⁰.

Основным положением ленинской концепции Первой русской революции 1905—1907 гг. является тезис о том, что эта революция, будучи первой народной революцией эпохи империализма, стала генеральной репетицией Великой Октябрьской социалисти-

⁴⁴ Geyer D. Die russische Revolution. Berlin — Mainz, 1968, S. 30.

⁴⁵ Pomper P. Op. cit., p. 195.

⁴⁶ Harcave S. First Blood. The Russian Revolution of 1905. London, 1965, p. 23—26.

⁴⁷ Walkin J. Op. cit., p. 188.

⁴⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

⁴⁹ Walkin J. Op. cit., p. 212.

⁵⁰ Ibid., p. 214.

ческой революции. «Без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»⁵¹.

Некоторые буржуазные историки оспаривают этот ленинский тезис. Так, Помпер пишет: «Революция 1905 года, которую часто называют генеральной репетицией 1917 года, в действительности была чем-то совсем на него не похожим»⁵². Однако эта «непохожесть» не помешала революции 1905—1907 гг. исторически стать «генеральной репетицией» Октября. Негативную позицию в отношении ленинской характеристики занял и французский теоретик левоэкстремистских движений Ж. Баррот в работе «Коммунизм и русский вопрос»⁵³.

Однако многие современные буржуазные историки воспроизводят ленинскую оценку революции 1905—1907 гг. как генеральной репетиции 1917 года. Правда, зачастую это делается для того, чтобы перетолковать ленинский тезис в антикоммунистическом духе. Пример тому — освещение декабрьского вооруженного восстания 1905 года в буржуазной историографии.

Декабрьское вооруженное восстание явилось кульминационным пунктом Первой русской революции. Оно стало великой школой борьбы для рабочего класса и всех трудящихся Российской империи. «После декабря,— писал В. И. Ленин,— это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году»⁵⁴.

Отдельные буржуазные историки признают огромную роль декабрьского вооруженного восстания в революции 1905—1917 гг. А. Спектор, например, называет его «второй русской революцией 1905 года» и, сравнивая с революцией 1917 года, отмечает, что восстание в декабре 1905 года «не стало таким масштабным, как в 1917 году»⁵⁵.

Признавая значение опыта, накопленного большевиками в декабре 1905 года, для организации вооруженного восстания в октябре 1917 года, современные буржуазные историки стремятся в то же время всячески извратить самую сущность марксистско-ленинского учения о вооруженном восстании. Они изображают вооруженное восстание как некую разновидность революционного действия типа так называемой «традиционно-русской террористической акции». Так, западногерманский историк О. Анвайлер призывает своих коллег подчеркивать якобы существующую «традиционную связь между русским революционным движением и террористическими акциями и планами восстаний», которые, по его словам, имели для Ленина «неоценимое значение»⁵⁶. Но и в

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 9—10.

⁵² Pomper P. Op. cit., p. 177.

⁵³ Barrot J. Communisme et question russe. Paris, 1973, p. 93.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 386—387.

⁵⁵ Spector I. Op. cit., p. 110.

⁵⁶ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1969, N 4, S. 612.

данном случае столь откровенно антикоммунистическое толкование соседствует с реалистической оценкой: автор подчеркивает, что судьбу восстания 1905 года можно сравнить с судьбой Парижской коммуны 1871 года и что большевики учли этот урок истории⁵⁷. Ленин, пишет западногерманский историк В. Гаучи, рассматривал революцию 1905—1907 гг. «как генеральную репетицию, результат которой укрепил его убеждение, что свергнуть царское самодержавие можно только силой и что пролетариат может прийти к власти только путем тщательно организованного восстания»⁵⁸.

Передко к оценке Первой русской революции буржуазные историки подходят с антинаучных позиций так называемой «волюнтаристской модели большевизма». В 1905—1907 гг., по словам Л. Кочена, был «использован волюнтаристский аспект марксизма», и на основе этого опыта была создана некая «специфическая теория революции, которая имела определенное сходство с действительными условиями 1917 года»⁵⁹. Таким образом, буржуазные авторы грубо извращают ленинский тезис о том, что революция 1905—1907 гг. явилась генеральной репетицией Октября 1917 года.

Современная буржуазная историография охотно воспроизводит меньшевистскую концепцию Первой русской революции, в соответствии с которой меньшевизм представляется как «подлинно марксистское течение», заинтересованное в углублении революции.

В действительности же меньшевики проводили политику, направленную на то, чтобы подорвать боеспособность революционного пролетариата. В резолюции III съезда РСДРП(б) отмечалось, что меньшевики стремятся «сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во временном демократическо-революционном правительстве»⁶⁰.

Разновидностью меньшевистской концепции является троцкистская фальсификация исторического опыта революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин писал, что у «Троцкого «философия истории» та же самая», что и у меньшевиков⁶¹.

Интересно отметить, что некоторые буржуазные авторы акцентируют внимание на антиленинской позиции Л. Д. Троцкого. По словам Помпера, Троцкий, «уже тогда (в 1905 году.— Т. П.,

⁵⁷ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1969, N 4, S. 612.

⁵⁸ *Gautschi W.* Lenin als Emigrant in der Schweiz. Zürich — Köln, 1973, S. 65.

⁵⁹ *Kochan L.* Op. cit., p. 137.

⁶⁰ Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 455.

⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 358.

В. С.) стал троцкистом»⁶². При этом буржуазные историки охотно воспроизводят троцкистский вариант меньшевистской исторической концепции — так называемую теорию Парвуса—Троцкого о «перманентной революции»⁶³, которая игнорирует роль пролетариата как гегемона революции и роль крестьянства как его союзника в буржуазной революции. Отрицая роль пролетарской партии как руководящей революционной силы, Троцкий разглагольствовал о так называемой «революционной роли субэлиты»⁶⁴.

В. И. Ленин отмечал, что основной ошибкой Троцкого было «игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической»⁶⁵. Ныне протроцкистская фальсификация находит питательную среду в маоистских, гошистских и иных левоэкстремистских движениях нашего времени. Отсюда задача неустанной борьбы против всяческих извращений истории Первой русской революции.

Нельзя не остановиться, хотя бы вскользь, на характеристике тех источников, которые используют буржуазные авторы. Некоторые из них в последнее время пытаются вовлечь в сферу научного оборота личные архивы кадетов, меньшевиков, троцкистов, эсеров, партий и организаций, противостоявших большевикам, а также документы официальных организаций США, Франции и других стран. Например, книга А. Эшера о П. Б. Аксельроде⁶⁶ написана в основном на материалах личного архива Аксельрода; они раскрывают близость взглядов Аксельрода, Э. Бернштейна и К. Каутского по многим вопросам (игнорирование политического потенциала крестьянства и т. д.)⁶⁷. Работа американского историка Ю. Трани «Россия в 1905 году: взгляд из американского посольства» написана по материалам дневников, донесений и переписки Д. фон Мейера, посла США в Санкт-Петербурге с апреля 1905 г. Изучение этих материалов привело Трани к выводу, что фон Мейер и большинство других дипломатических представителей западных стран «не поняли истинного значения событий 1905 года», считая, что «монархический строй может сохраниться в России, если будут осуществлены реформы»⁶⁸. Публикация А. Эшера «Надвигающийся шторм: посольство Австро-Венгрии о внутреннем кризисе в России 1902—1906 гг.» также свидетельст-

⁶² Pomper P. Op. cit., p. 185—186.

⁶³ Liebman M. Lenin en 1905. Une révolution qui ébranle une doctrine.— «Les Temps modernes», 1970, Avril, No 285.

⁶⁴ «Canadian Slavonic Papers», 1972, vol. XIV, No 4, p. 611—612.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 381.

⁶⁶ Ascher A. Paul Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.), 1972.

⁶⁷ «Historische Zeitschrift», 1974, H. 2, S. 496.

⁶⁸ Trani E. Russia in 1905. The View from American Embassy.— «The Review of Politics», 1969, January.

вует о неспособности представителей западных держав понять характер и движущие силы революции⁶⁹.

Отмечая тот факт, что буржуазная историография революции 1905—1907 гг. не смогла подняться до понимания истоков, движущих сил и результатов этой революции, некоторые нынешние западные историки признают, что представляемые ими концепции игнорируют подлинные факты и источники, если они не вписываются в изображаемую в них историческую картину. Даже единомышленники Дж. Уолкина, оценивая его книгу «Развитие демократии в предреволюционной России», вынуждены были недвусмысленно заметить, что Уолкин «совсем небезупречен в использовании первоисточников», что он «совсем не использует работы Ленина и Плеханова», а когда цитирует ленинские работы по работам Б. Вольфа, то «делает поразительные заявления», приписывая Ленину «довольно легкомысленные спекуляции самого господина Вольфа»⁷⁰. Комментарии, как говорится, излишни. «Категории анализа у Уолкина», по словам Д. Тредголда, «заимствованы непосредственно у русского либерального правоведа В. А. Маклакова»⁷¹. К этой оценке Уолкина присоединился Т. фон Лауэ, который отметил, что «основной тезис автора является, по сути, тезисом либералов», а при таком подходе Уолкин «почти неизбежно впадает в ошибку, не уделяя должного внимания радикальным и революционным движениям и партиям»⁷².

Оценивая работу А. Томпсона и Р. Харта «Нерешительный крестовый поход: Америка и русская революция 1905 года», Дж. Уолкин отметил, что «книга страдает от явного стремления авторов найти параллели с современными «обязательствами» США (включая вьетнамскую войну и «доктрину освобождения» Даллеса.— *Т. II., В. С.*); основным же ее недостатком является то, что «автор (речь идет о Харте, поскольку он писал книгу на основе собранного Томпсоном материала.— *Т. II., В. С.*) не потрудился ознакомиться в достаточной мере со сложным характером революции 1905 года. Он, по-видимому, читал — и иногда цитирует кое-какие работы по русской истории, — но источниками для анализа многих событий в России в 1905 году ему служат либо американская пресса, либо американский дипломат»⁷³. Учитывая подобный подход к источникам, вряд ли можно согласиться со второй частью вывода А. Томпсона и Р. Харта о том, что большинство американцев сочувствовало революции в начальной стадии, а затем они отвернулись от нее «из-за явного радикализ-

⁶⁹ *Ascher A. The Coming Storm: The Austro-Hungarian Embassy on Russia's Internal Crisis, 1902—1906.*— «Survey», 1964, October.

⁷⁰ «The Times Literary Supplement», 1963, 3 May, p. 327.

⁷¹ *Treadgold D. The Seeds of Revolution.*— «Problems of Communism», 1969, July — August, vol. XII, No 4, p. 30.

⁷² «The American Historical Review», 1963, July, p. 1062—1063.

⁷³ «The Russian Review», 1971, January, p. 86.

ма революционеров»⁷⁴. Можно присоединиться к надеждам рецензента на то, что тема об американском общественном мнении в отношении революции 1905 года в России «еще станет сюжетом для действительно интересного исследования»⁷⁵.

Работам буржуазных авторов присущ алогизм, порожденный откровенной антибольшевистской тенденциозностью их концепций. Это вынуждены признать и их коллеги-рецензенты. Так, Лауэ, оценивая книгу Дж. Кипа «Развитие социал-демократии в России», отметил «явную политическую тенденциозность» автора, симпатии которого «на стороне либералов и меньшевиков». Но Кип, продолжает Лауэ, не сознает, как его «политические симпатии и его исследование порождают целый ряд противоречий. Он явно сожалеет о развитии ленинизма и всего, что выросло из него, но его антипатия часто приходит в противоречие с его же признанием, что, с точки зрения российской действительности, Ленин был чаще прав, чем меньшевики, и имел над ними превосходство»⁷⁶.

Подводя итоги сказанному выше, следует отметить, что современная зарубежная литература по истории Первой русской революции 1905—1907 гг. представляет собой сложное историографическое явление, несущее на себе глубокие следы «холодной войны» и сопутствующего ей грубого антикоммунизма и в то же время отражает появление новых тенденций в связи с наметившейся, благодаря инициативе Советского Союза, разрядкой международной напряженности.

В этой литературе нашел отражение тот факт, что демократическая и антиимпериалистическая борьба масс в эпоху империализма все более тесно сближаются, и то, что историческая правота линии большевизма в 1905—1907 гг. была полностью подтверждена опытом всех последующих народных революций.

⁷⁴ *Thompson A. W. and Hart R. A. The Uncertain Crusade: America and the Russian Revolution of 1905.* Amherst (University of Massachusetts), 1970.

⁷⁵ «*The Russian Review*», 1971, January, p. 87.

⁷⁶ «*The Journal of Modern History*», 1965, March, p. 106.

СООБЩЕНИЯ

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ
ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И. А. Демидов, В. В. Ишутин

История старейшего и одного из крупнейших по масштабам своей деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР), просуществовавшего 125 лет (с 1804 по 1929 г.) до сих пор не была предметом специального исследования.

Дореволюционная историческая литература по этому вопросу исчерпывается первой частью монографии одного из членов ОИДР Н. А. Попова¹, а также газетными и журнальными статьями, появившимися в связи с 80-летним и 100-летним юбилеями Общества².

Из работ советских историков можно отметить две статьи К. В. Сивкова, дающие общую характеристику деятельности ОИДР³, и учебное пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института, в котором подробно разбирается археографическая деятельность Общества в дореволюционный период⁴. В той или иной связи о работе ОИДР упоми-

¹ *Попов Н. А.* История имп. Московского Общества истории и древностей российских, ч. 1 (1804—1812 гг.). М., 1884. Краткий очерк деятельности ОИДР до конца 70-х годов XIX в. дал В. С. Иконников (*Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, с. 297—302).

² 80-летие ОИДР.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1884, № 5, отд. 4, с. 1—11; *Павлов П. Е.* Столетие первого русского исторического общества.— «Исторический вестник», 1904, № 3, с. 1045—1054; *Пичета В. И.* К столетию ОИДР.— «Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии», 1904, вып. 1, с. 44—53; Столетний юбилей ОИДР.— «Исторический вестник», 1904, № 7, с. 326—330; «Русские ведомости», 18—19 марта 1904 г.; «Русское слово», 19 марта 1904 г.

³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1. М., 1955, с. 573—575; т. 2. М., 1960, с. 606.

⁴ *Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М.* История археографии в дореволюционной России. М., 1969, с. 44—55, 153—159, 212—219.

нается в большинстве учебников по историографии и археографии, но общего освещения история Общества нигде не получила.

В данной статье делается попытка восполнить этот пробел в историографии вопроса о деятельности русских исторических обществ в XIX — начале XX в.

Настоящая работа базируется прежде всего на материалах таких повременных изданий ОИДР, как «Записки и труды», «Труды и летописи», «Русский исторический сборник», «Временник ОИДР», «Чтения в ОИДР». В этих изданиях имеются: протоколы заседаний общества с 1811 по 1913 г. включительно; уставы ОИДР 1811 г.⁵ и 1893 г.⁶, регламентировавшие деятельность Общества и формулировавшие права и обязанности его членов; списки членов ОИДР с 1811 г. по апрель 1912 г.; объявления о премиях, учрежденных при Обществе, и отчеты об их присуждении; указатели к изданиям ОИДР⁷.

Кроме того, были использованы документы фонда ОИДР, хранящегося в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ф. 203). Они охватывают почти весь период существования Общества — с 1815 по 1929 г.

Социальные перемены, происходившие в России в первой половине XIX века в результате кризиса феодально-крепостнических отношений, сопровождались развитием естественных и общественных наук, в том числе и истории. Прошлое России, ее социальные, экономические и культурные проблемы требовали подробного и тщательного освещения как дворянской, так и зарождавшейся новой буржуазной исторической наукой. Создание сети научных исторических обществ, большая часть которых была открыта во второй половине прошлого века, должно было в значительной степени облегчить решение многих исторических вопросов. Первым таким русским обществом в XIX в. стало Общество истории и древностей российских.

Поводом для его создания послужило обращение известного историка русского летописания Августа-Людвига Шлёцера к императору Александру I⁸. Официальное открытие ОИДР состоялось 18 марта 1804 г. В состав Общества вошло несколько профессоров Московского университета, придворный историограф Н. М. Карамзин, архивисты — Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, коллекционер А. И. Мусин-Пушкин и некоторые другие. Общество поставило своей задачей издание русских летописей, поскольку тогда господствовало мнение, что «основное

⁵ Устав ОИДР 1811 г.— «Записки и труды», ч. 1. М., 1815, с. I—XXIV.

⁶ Устав ОИДР 1893 г.— «Чтения в ОИДР» (далее — ЧОИДР), 1893, кн. 1, с. 1—8.

⁷ Белокуров С. А. Указатель ко всем периодическим изданиям ОИДР по 1915 г.— ЧОИДР, 1916, кн. 2.

⁸ Попов Н. А. Указ, соч., с. 2—4.

содержание русской истории находится в летописях»⁹. Однако работа в этом направлении шла очень медленно: за семь лет было подготовлено и напечатано всего 10 листов (80 печатных страниц) летописи по Лаврентьевскому списку. Причина этого заключалась как в недостатке квалифицированных кадров для осуществления поставленной задачи («всевозможно точное и исправное издание российских летописей»), так и в отсутствии научно обоснованной методики работы. Кроме того, как в научных, так и в правительственных кругах идея пристального изучения далекого прошлого России, а также новая форма работы историков — коллективная — всеобщего одобрения не вызвали. Так, первый министр народного просвещения граф П. В. Завадовский, который по повелению Александра I разрешил учредить ОИДР, придерживался того мнения, что «довольно было бы одной страницы, чтоб наши все материалы на времена до Петра Первого вместить в одну»¹⁰, а Н. М. Карамзин в период организации Общества сказал: «Десять обществ не сделают того, что сделает один человек, совершенно посвятивший себя историческим предметам»¹¹. Думается, что столь прохладное отношение как к кругу занятий Общества, так и к новым формам работы не могло не сказаться на результатах деятельности ОИДР в первые годы его существования.

В декабре 1810 г. попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов закрыл ОИДР как невыполнившее своей задачи. Однако в январе 1811 г. члены Общества вновь были собраны, чтобы принять предложенный Голенищевым-Кутузовым и утвержденный Александром I Устав ОИДР. Работа Общества, прерванная Отечественной войной 1812 года, возобновилась лишь в 1815 г.¹²

Устав 1811 г., незначительно переработанный в 1816 г., оставался основным документом, регламентировавшим деятельность Общества, вплоть до 1893 г. Несколько раз ставился вопрос об изменении уставных положений (в 1848, 1877 и 1887 гг.), но дальше составления обширных проектов дело не шло. Наконец, в 1893 г. был утвержден новый Устав ОИДР¹³. Принципиальных отличий от первого он не содержал. Изменилась только формулировка направления деятельности Общества и увеличивалось число действительных членов с 30 до 100 чел. Остальные изменения касались сокращения числа статей Устава и исправления архаизмов, поэтому в дальнейшем организационное устройство

⁹ *Забелин И. Е.* Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях ОИДР за 1815—1888 гг., т. 2. М., 1889, с. VI.

¹⁰ *Попов Н. А.* Указ. соч., с. 6.

¹¹ Там же, с. 14.

¹² Подробнее о начальном этапе деятельности ОИДР см.: *Попов Н. А.* Указ. соч.

¹³ ЧОИДР. 1893, кн. 1, с. 1—8.

ОИДР будет рассматриваться по Уставу 1816 г., а в необходимых случаях корректироваться положениями Устава 1893 г.

Главная задача ОИДР заключалась «в критическом разборе древних русских летописей, в сличении их списков, в исправлении погрешностей... и... скорейшем и вернейшем их издании» (Устав 1816 г., § 2). Однако это оказалось невыполнимым, и постепенно усилия Общества сосредоточились на решении других задач, тем более, что с конца 30-х годов XIX в. изданием летописей стала заниматься Археографическая комиссия.

Устав 1893 г. уже иначе определил характер деятельности ОИДР: «Главнейшие задачи Общества состоят в собирании материалов для отечественной истории и разработке оной по всем вопросам и предметам, в область ее входящим» (§ 2). Фактически именно этими вопросами Общество занималось в течение всего времени своего существования, за исключением первых семи лет, когда вся работа была направлена на издание Лаврентьевской летописи.

Состав ОИДР подразделялся по Уставу на четыре группы членов: действительных, соревнователей, почетных и благотворителей. Основную группу составляли действительные члены. Их должно было быть не более 30 человек (§ 17), а Устав 1893 г. увеличивал их число до 100 (§ 12). Действительными членами ОИДР могли быть люди, известные «в ученом свете сочинениями или отличными сведениями из российской истории и древностей», но большая их часть, «для вящего успеха в делах», должна была жить в Москве (§ 9).

В члены-соревнователи принимались, по письменному представлению действительных членов, лица, которые могли быть полезными Обществу «доставлением разных сведений касательно предметов, коими Общество занимается»; они должны были отвечать на запросы Общества «...или исполнять другие какие-либо для пользы Общества нужные препоручения» (§ 45). Число членов-соревнователей Уставом не ограничивалось.

Благотворителями могли стать лица, которые сделали «какое-либо значительное для Общества пожертвование книгами, рукописями, или денежными, либо другими какими-нибудь пособиями» (§ 41). Их число также не ограничивалось.

В группу почетных членов входили крупные сановники, известные русские и зарубежные ученые. В разное время почетными членами ОИДР были П. А. Вяземский, П. И. Шафарик, графы Д. Н. Блудов и Д. А. Толстой, министр финансов Н. Х. Бунге, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и другие.

Во главе ОИДР стоял председатель, избиравшийся из числа действительных (Устав 1816 г., § 23), а также почетных членов (Устав 1893 г., § 21). В его обязанности входил контроль за соблюдением уставных положений, открытие и закрытие заседаний Общества, визирование всех деловых бумаг ОИДР и т. п. В отсутствие председателя его замещал «временный заседатель»

(§ 28). В 1836 г. гр. С. Г. Строганов предложил ввести должность вице-президента Общества на время отсутствия председателя. Эта должность просуществовала до 1876 г. Вице-президентами ОИДР чаще всего избирались попечители Московского университета и Московского учебного округа. Устав 1893 г. ограничивал срок председательских полномочий тремя годами (§ 21).

Вторым должностным лицом ОИДР был секретарь (§ 30—33). Он вел все делопроизводство Общества, имел в своем ведении архив. По установившейся традиции, все секретари ОИДР, начиная с 1837 г., были и редакторами изданий Общества. Такая практика была закреплена Уставом 1893 г. (§ 29). Секретарь избирался на три года. На этот же срок избирались казначей (§ 34—37) и библиотекарь (§ 38—39). Кроме вышеназванных, к должностным лицам ОИДР относились актуарий (помощник секретаря) и служители.

Издательская деятельность Общества истории и древностей российских началась с выпуска в 1815 г. «Записок и трудов»¹⁴ (впоследствии — «Труды и записки»¹⁵, «Труды и летописи»¹⁶), которые выходили частями в 1824, 1827, 1830, 1833 и 1837 гг. Они содержали исследования членов Общества, протоколы его заседаний и отчеты о деятельности. В том же году для публикации актового материала ОИДР начало издавать журнал под названием «Русские достопамятности». В первую его часть, подготовленную К. Ф. Калайдовичем, вошло 14 исторических памятников (Устав новгородского князя Святослава, Правда Русская с древнейшего списка XIII века и другие).

В 20—30-х годах XIX в. ОИДР уделял мало внимания заседаниям как форме научной работы. Заседания созывались нерегулярно (в 1818, 1819 и 1822 гг. они совсем не проводились) и носили административный характер: на заседаниях рассматривались вопросы пополнения библиотеки и нумизматического кабинета Общества книгами, рукописями и коллекциями, которые преподносились в дар Обществу его членами и благотворителями. Иногда во время заседаний прочитывались доклады или сообщения, которые затем, как правило, публиковались в трудах ОИДР. Тематика этих выступлений была преимущественно археолого-нумизматической, хотя затрагивались и вопросы летописания, исторических связей славян с их соседями и т. п. Особенно активное участие в заседаниях принимали К. Ф. Калайдович, Н. С. Арцыбашев, М. Т. Каченовский и некоторые другие. Они

¹⁴ Записки и труды ОИДР, ч. I—II, М., 1815—1824.

¹⁵ Труды и записки ОИДР, ч. III, кн. 1, М., 1826.

¹⁶ Труды и летописи ОИДР, ч. III, кн. 2, М., 1827; ч. IV, кн. 1—2, М., 1828; ч. V, кн. 1, М., 1830; ч. VI, М., 1833.

же чаще других членов Общества публиковали свои работы в «Трудах и летописях».

На одном из заседаний Общества в 1823 г. молодым историком П. М. Строевым была предпринята попытка активизировать деятельность ОИДР. Он выступил с большой, по существу программной, речью «О средствах удобнейших и скорейших к открытию памятников отечественной истории и об успешнейшем способе обрабатывать оные»¹⁷. Фактически эта речь была планом широких археографических работ на всей территории России. Однако предложения Строева не были приняты членами Общества: одни находили проект дорогостоящим, другие не видели путей его осуществления, третьи были оскорблены дерзостью Строева, осмелившегося выступить в роли учителя. В связи с этим эпизодом следует отметить, что выполнение столь грандиозной работы, предложенной Строевым, действительно было невозможно, так как состав Общества, хотя и значительно вырос к этому времени в численном отношении, профессионально не был подготовлен к этому.

В 1823 г. в действительные члены было принято сразу 24 человека, а за период с 1815 по 1836 г.— 89 человек. Однако количественный рост членов Общества ни в коей мере не свидетельствовал о способности ОИДР приняться за разработку крупных исторических вопросов. Достаточно сказать, что в первые десятилетия существования Общества на руководящих должностях были люди, для которых занятия историей не являлись специальными и не выходили за рамки любительского интереса к «древностям». Так, первыми председателями ОИДР были отставной майор П. П. Бекетов, профессор минералогии и сельского домоводства А. А. Прокопович-Антонский, генерал-майор в отставке А. А. Писарев. В подавляющем большинстве личные научные интересы принимаемых в Общество членов ограничивались вопросами нумизматики, археологии, иконографии и т. п.

Кроме того, издательская и научная деятельность ОИДР в значительной степени тормозилась отсутствием стабильной финансовой базы. До 1837 г. Общество осуществляло свою работу целиком на благотворительные средства. Лишь в 1837 г. ему была отпущена государственная субсидия в размере 1428 руб. 50 коп. серебром, и тогда же ОИДР стало именоваться «императорским». К этому времени председателем Общества стал гр. С. Г. Строганов, а секретарем — профессор Московского университета, известный историк М. П. Погодин.

После этого деятельность ОИДР несколько оживилась. В 1837—1844 гг. вышло 7 томов (в 22 книгах) «Русского исторического сборника». В нем были помещены письменные памятники древнерусской истории, отдельные исторические документы (не позднее XVII века), статьи членов Общества (Погодина,

¹⁷ «Северный архив», 1823, № 19, с. 1—27.

И. Снегирева, А. Черткова и других). «Русский исторический сборник» по характеру материалов мало отличался от «Трудов и летописей» Общества. Он выходил благодаря деятельному участию Погодина как секретаря ОИДР.

В этот же период были опубликованы 2-я и 3-я части «Русских достопамятностей» под редакцией Д. М. Дубенского. В них были помещены памятники русского права и литературный памятник XII в.— «Слово о полку Игореве».

В 1844 г. Погодин оставил должность секретаря ОИДР. На его место пришел О. М. Бодянский, один из первых русских славистов. Новому секретарю удалось значительно перестроить работу Общества. По его инициативе с 1846 г. стали выходить «Чтения в Обществе истории и древностей российских». С этого времени, как отмечал один из секретарей ОИДР Е. В. Барсов, Общество «сосредоточилось на задачах лишь чисто исторических и историко-литературных»¹⁸.

Наряду с исследованиями, в «Чтениях» в большом количестве публиковались исторические источники XIII—XVII вв.: летописи и памятники древней литературы, материалы по истории украинского, чешского и польского народов, иностранные источники по русской истории XVI—XVII вв., документы по истории церкви и т. п. Постоянно в «Чтениях» 1846—1848 гг. публиковались Бодянский, И. Д. Беляев, В. Ундольский. Помещали свои работы И. Е. Забелин, Г.-Ф. Миллер, И. И. Срезневский.

При Бодянском заседания ОИДР стали проводиться ежемесячно, кроме летних каникул. С 1846 г. по июнь 1848 г. члены Общества собирались 23 раза, и к каждому заседанию выходила очередная книга «Чтений».

Однако в 1848 г. министр народного просвещения гр. С. С. Уваров запретил издание «Чтений» после того, как в них был напечатан перевод сочинения английского посла Джойса Флетчера «О Московском государстве в XVI в.», в котором изображались некоторые отрицательные стороны царского правительства, церкви и сообщались сведения о народных волнениях. Стоит отметить, что репрессивные меры, которым подверглось Общество в 1848 г. (закрытие «Чтений», отстранение от должности Бодянского и ссылка его в Казань, отставка председателя Общества Строганова и т. п.¹⁹), были следствием не только недовольства правительственных кругов деятельностью ОИДР. «Погром 1848 года» был обусловлен также личной неприязнью гр. Уварова к попечителю Московского университета и председателю ОИДР гр. С. Г. Строганову. Дело в том, что в 1847 г. Уваров составил проект нового Устава университета и разослал его всем попечителям учебных округов для обсуждения. Строганов не согласился ни с одним положением проекта и обстоятельно изложил свои

¹⁸ ЧОИДР, 1881, кн. 3, с. 1.

¹⁹ Подробнее см.: Белокуров С. А. «Дело Флетчера». 1848—1864 гг. М., 1910.

возражения в письме к Николаю I. После этого проект Уварова провалился²⁰. Но министр в долгу не остался: «погромом» Общества в 1848 г. он отомстил Строганову.

После этого состоялись перевыборы председателя и секретаря ОИДР. Место Строганова занял вице-президент Общества, археолог и нумизмат А. Д. Чертков, а секретарем стал профессор Московского университета по кафедре истории русского права И. Д. Беляев. «Чтения» были заменены «Временником ОИДР». В 1849—1857 гг. в нем публиковались документы, освещавшие внутреннюю историю России XI—XVII вв., преимущественно историю русского права, быта, хозяйства и техники Московского государства; акты XIII—XV вв., касающиеся социально-экономических отношений феодальной эпохи в России; памятник по истории быта XVI в. — Домострой; материалы по истории русской иконописи и т. п.

В период секретарства Беляева заседания Общества проводились по 6—7 раз в год, а «Временник» за девять лет вышел всего в 25 книгах, причем в 1856 и 1857 гг. было выпущено только по одной книге.

В целом деятельность Общества в первой половине XIX в. носила, как мы видели, спорадический характер: она то замирала, то значительно активизировалась. И тем не менее, она вполне заслужила ту оценку, которую ей дал Н. Г. Чернышевский в рецензии на 16—19 номера «Временника» за 1853—1854 гг.: «Трудно и перечислить сколько важных исследований по русской истории, сколько драгоценных материалов для нее напечатано в «Чтениях» и «Временнике»²¹.

С 1857 г. начинается новый период деятельности ОИДР. На заседании 29 марта вместо отказавшегося от должности семидесятилетнего Черткова председателем был вновь избран гр. С. Г. Строганов²². На следующем заседании Общества было решено прекратить издание «Временника» и возобновить выпуск «Чтений». Секретарем ОИДР снова стал профессор кафедры истории и литературы славянских народов Московского университета О. М. Бодянский²³.

Характерной чертой деятельности ОИДР в 1857—1877 гг. являлось то, что она в значительной степени зависела от секретаря. Наиболее точно эту особенность определили современники Бодянского в «Докладной записке о пересмотре Устава имп. Общества истории и древностей российских», составленной в 1877 г.²⁴ О втором секретарстве Бодянского в этом документе говорилось следующее: «С 1857 года управление делами Общества переходит

²⁰ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897, с. 306—307.

²¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1949, с. 318—319.

²² ЧОИДР, 1858, кн. 4, протоколы, с. 139.

²³ Там же, с. 143.

²⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ), ф. 203, кн. 26, л. 38—42.

в руки председателя и секретаря, отправлявших эти должности до перемены, происшедшей в 1848 г. Но так как председатель жил в Петербурге, а не в Москве, избравшиеся же временно в звание вице-президентов лица были вместе с тем и попечителями Московского учебного округа и, стало быть, имели множество других занятий, то единственно действовавшим членом правления остался один секретарь. Удивляться ли, что за время вторичного исправления им должности секретаря, что продолжалось около 20 лет, он имел охоту составить лишь один годовой отчет, именно за первый год своего возобновившегося секретарства (1858). С тех пор секретарь делается исключительным редактором повременного издания Общества «Чтений»; он собирает общие собрания по мере выхода книг этих «Чтений» из типографии; он ведет все сношения от имени Общества; ...он привлекает к «Чтениям» новых сотрудников, находя их вне Общества»²⁵.

Работа ОИДР в период секретарства Бодянского протекала в общем-то спокойно и равномерно, пока в 1873 г. едва не повторился «погром» 1848 г.

Бодянский довольно часто помещал в «Чтениях» небольшие статьи и заметки полемического характера. В основном это были ответы на критические замечания некоторых периодических изданий в адрес «Чтений»²⁶. В конце 60-х годов XIX в. Бодянский открыто выступил против готовившейся министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым реформы университетского Устава. Толстой увидел в университетской автономии и в общей политике просвещения 60-х годов «язву материализма», спасения от которой предполагал найти в развитии классического образования, особенно в университетах. На страницах «Московских ведомостей», возглавлявшихся М. Н. Катковым, гр. Толстой открыл кампанию в защиту своего курса, проводниками которой стали профессор университета Н. А. Любимов и П. М. Леонтьев. В своих воспоминаниях М. М. Ковалевский так рассказывал о реакции прогрессивной части преподавателей университета на действия «прислужника Каткова» — Любимова: С. М. Соловьев в знак протеста оставил должность ректора университета, С. А. Муромцев демонстративно отказался пожать руку Любимова²⁷.

В 1873 г. в «Чтениях» появилась большая статья под названием «Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета, К. Муция Сцеволы. С предисловием О. Бодянского»²⁸ (под псевдонимом скрывался сам секретарь ОИДР). Эта статья была направлена против пересмотра Устава университета 1863 г. и отстаивала университетскую ав-

²⁵ ОРГБЛ, ф. 203, кн. 26, л. 40.

²⁶ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 210—214.

²⁷ Ковалевский М. М. Московский университет в конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания). — «Вестник Европы». 1910, май, с. 186—187.

²⁸ ЧОИДР, 1873, кн. 1, отд. V, с. 284—356.

тономию. В августе 1873 г. «Московские ведомости» ответили «Чтениям» заметкой «Пасквиль на казенные деньги», которая не предвещала ни секретарю, ни редактируемому им изданию ничего хорошего.

В марте 1875 г. «высочайшим повелением» было определено, чтобы издания Общества выходили в свет только с разрешения председателя и «под его личную ответственность»²⁹. Кроме того, гр. Толстой сделал специальное распоряжение о порядке издания «Чтений», вторым параграфом которого запрещалась какая бы то ни было полемика на страницах журнала³⁰. «Благодаря статьям Бодянского об университетском уставе,— писал в 1884 г. С. А. Белокуров,— наверху косо смотрели на Общество, и за Обществом был учрежден негласный постоянный надзор, от которого Общество освободилось только в недавнее время»³¹.

После 1873 г. работа в ОИДР совсем замерла: за период с января 1873 г. по ноябрь 1877 г. было проведено восемь заседаний, причем в 1873 и 1874 гг. Общество собиралось всего по одному разу. Была нарушена и регулярность выпуска «Чтений», хотя за год по-прежнему выходило по четыре книги.

После того, как в начале 1874 г. подали в отставку и председатель ОИДР гр. С. Г. Строганов (по причине «расстроеного здоровья и отъезда за границу») и вице-президент кн. А. П. Ширинский-Шихматов («вследствие назначения его в товарищи министра народного просвещения»)³², в истории Общества наступил довольно затяжной период «председательской чехарды». Его характерные черты особенно проявились после смерти Бодянского, поэтому начало этого периода мы условно относим к 1877 г. За время до 1893 г. в ОИДР сменилось пять председателей и два секретаря.

В апреле 1875 г. председателем Общества избрали его бывшего секретаря М. П. Погодина. Пробыл он в этой должности недолго (он умер в декабре того же года). В апрельском заседании 1876 г. председателем ОИДР был избран гр. Д. Н. Толстой-Знаменский, кандидатура которого была утверждена министром народного просвещения³³. Однако уже в начале 1879 г. члены Общества снова должны были выбирать председателя, так как Толстой-Знаменский «по болезни» сложил с себя это звание. Председателем ОИДР стал историк С. М. Соловьев³⁴. В апрельском заседании 1879 г. он выступил с обширной программой деятельности Общества³⁵, но сделать ничего не успел: в октябре того же года он умер. Следующим на пост председателя ОИДР был

²⁹ ЧОИДР, 1875, кн. 3, протоколы, с. 117—118.

³⁰ ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 28, л. 4.

³¹ Там же, ф. 23, к. 3, д. 3, л. 22.

³² ЧОИДР, 1875, кн. 1, протоколы, с. 168.

³³ ЧОИДР, 1878, кн. 1, протоколы, с. 1.

³⁴ ЧОИДР, 1880, кн. 4, протоколы, с. 3—4.

³⁵ Там же, с. 4—5.

избран один из его старейших действительных членов, известный историк и археолог И. Е. Забелин, исполнявший свои обязанности до мая 1888 г.

Должность секретаря не была такой «текучей», как председательская. После смерти Бодянского секретарем стал А. Н. Попов, профессор Лазаревского института восточных языков, специалист по древнерусской литературе, а с 1881 г. по 1907 г. секретарем ОИДР был Е. В. Барсов, известный собиратель произведений народного творчества, древних рукописей и особенно материалов по истории русского раскола.

Трения между Барсовым и Забелиным привели к тому, что в мае 1888 г. Забелин пишет уже четвертое заявление о своем желании оставить председательское кресло. Было решено до утверждения нового Устава временным председателем избрать сотрудника Оружейной палаты, историка культуры Ю. Д. Филимонова³⁶.

Однако быстро утвердить новый Устав не удалось, и «временное председательство» Филимонова продолжалось до начала 1893 г. На заседании 24 февраля было зачитано отношение министра народного просвещения об утверждении Устава ОИДР и состоялось избрание нового председателя Общества. Им стал В. О. Ключевский³⁷.

В начале 1906 г. председатель, которому исполнилось уже 65 лет, отказался от должности, и в апреле председателем был избран (за отсутствием других кандидатур) генерал-лейтенант В. Г. Глазов, бывший министр народного просвещения, почетный член ОИДР с 1905 г., председатель Русского военно-исторического общества³⁸.

В 1907 г. профессор Московского университета М. К. Любавский сменил на посту секретаря Барсова, который почти 26 лет вел дела Общества.

В начале 1917 г. Глазов был переизбран председателем на новое трехлетие, но так как он часто болел и безвыездно жил в Петрограде, то фактическим председателем Общества являлся М. К. Любавский, хотя и считался «временным». Поэтому в феврале 1917 года секретарем выбрали казначея Общества С. А. Белокурова³⁹.

*

Во второй половине XIX — начале XX века численный состав ОИДР продолжал увеличиваться, нарушая уставные требования. В 1858 г. в Общество входило 86 действительных членов⁴⁰,

³⁶ ЧОИДР, 1892, кн. 1, протоколы, с. 11.

³⁷ ЧОИДР, 1894, кн. 1, протоколы, с. 32—34.

³⁸ ЧОИДР, 1907, кн. 1, протоколы, с. 16.

³⁹ ОР ГБЛ, ф. 203, п. 47, л. 303об.

⁴⁰ ЧОИДР, 1859, кн. 2, протоколы, с. 190.

в 1890 г. — 91⁴¹, но в среднем число действительных членов в 1857—1917 гг. варьировалось от 60 до 80 человек.

Членов-соревнователей в ОИДР было немного, хотя Устав не ограничивал их количества. В 1877 г. насчитывалось всего 17 соревнователей⁴². В дальнейшем их число увеличилось: в 1890 г. — 24⁴³, в 1902 г. — 38 чел.⁴⁴ К началу XX в. установилось довольно стабильное соотношение группы действительных членов и соревнователей, которое можно выразить, как 2 : 1.

Из 86 действительных членов, состоявших в Обществе в 1858 г., около 60 были если не профессиональными историками, то, по крайней мере, известными любителями в различных областях исторических знаний. Среди них более 20 профессоров университетов и духовных академий, членов-корреспондентов и академиков. Их научные интересы составляли география, фольклор, этнография, нумизматика, архивное дело, история права, литературы, церкви и т. п. Членами Общества были известные архивисты П. И. Иванов, Н. В. Калачов, М. А. Оболенский. В списках 1858 г. есть имена А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, Ф. И. Глинки, П. М. Строева и других.

В дальнейшем «любительский» элемент из состава ОИДР стал исчезать. Из принятых в Общество в 1893—1904 гг. 28 действительных членов было 16 профессоров различных учебных заведений, остальные 12 человек своим служебным положением отвечали научным интересам Общества. Так, М. А. Веневитинов был директором Московского публичного и Румянцевского музеев, С. А. Шумиков — помощником редактора изданий и описей Московского архива Министерства юстиции (ММЮ), С. А. Долгов — хранителем Отделения рукописей и старопечатных книг Румянцевского музея.

К началу XX в. группа действительных членов ОИДР уже представляла собой коллектив профессиональных историков, среди которых выделялись такие ученые, как В. О. Ключевский, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев, Ю. В. Готье, М. М. Богословский, И. А. Бычков и другие.

Члены-соревнователи по своему составу ничем не отличались от действительных членов. Среди них — профессора и приват-доценты Московского, Петербургского и Казанского университетов, преподаватели Московской и других духовных семинарий, служащие Московской Синодальной типографии, чиновники Московского Главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) и ММЮ и другие.

Кроме процесса «профессионализации» членского состава ОИДР, обращает на себя внимание то обстоятельство, что, начи-

⁴¹ ЧОИДР, 1890, кн. 2, протоколы, с. 35—42.

⁴² ЧОИДР, 1877, кн. 2, протоколы, с. 175—178.

⁴³ ЧОИДР, 1890, кн. 2, состав, с. 35—42.

⁴⁴ ЧОИДР, 1902, кн. 3, состав, с. 1—8.

ная со второй половины XIX в., довольно резко увеличивается число иногородних членов Общества. Это свидетельствует о том, что произошло постепенное расширение географической сферы деятельности ОИДР, которое из «московского» превращалось в общероссийское.

В Уставе 1893 г. говорилось, что «главнейшие задачи Общества состоят в собирании материалов для отечественной истории и в разработке оной по всем вопросам и предметам, в область ее входящим» и что Общество «обнаружает исторические материалы и труды периодическими, а также и отдельными изданиями»⁴⁵. В соответствии с этими задачами деятельность ОИДР в 50-х годах XIX в. — 1917 г. в основном состояла из двух взаимосвязанных форм: дискуссионной и археографической.

Дискуссионная форма деятельности получила свое выражение в заседаниях Общества — годовых, обыкновенных и чрезвычайных. В память о первом учредительном заседании ОИДР его годовые заседания происходили, как правило, 18 марта. В годовых заседаниях должностные лица представляли отчеты о своей работе. Чрезвычайные заседания собирались председателем Общества в случае необходимости, и на них обсуждались лишь те вопросы, по поводу которых были созваны эти заседания. Члены Общества должны были ежемесячно собираться на обыкновенные заседания для обсуждения «текущих дел и ученых докладов»⁴⁶.

Заседания ОИДР в период секретарства Бодянского (1857—1877 гг.) можно назвать научными с некоторой оговоркой, потому что на них решались преимущественно административно-хозяйственные вопросы.

Обыкновенные заседания проходили по определенному порядку: сначала зачитывался протокол предыдущего заседания, который подписывали все присутствующие; затем зачитывались отношения различных учреждений и письма, поступившие в Общество за время между заседаниями. После этого рассматривался перечень поступивших в Общество «приношений» — книг и рукописей для библиотеки, статей и материалов для публикации в «Чтениях». В конце заседания происходило избрание новых членов. Поскольку Бодянский приурочивал обыкновенные заседания к выходу очередной книги «Чтений», то собравшиеся получали еще и новый номер журнала.

Судя по протоколам Общества, слушание и обсуждение научных докладов и сообщений вошло в практику заседаний лишь в 1866 г., когда председатель Виленской комиссии для разбора древних актов П. А. Бессонов выступил с рассказом «о своих

⁴⁵ ЧОИДР, 1893, кн. 1, с. 1.

⁴⁶ Там же, с. 8.

исторических трудах, поисках и открытиях» во время работы в архивах⁴⁷. С этого времени на заседаниях Общества до 16 ноября 1876 г. было сделано 20 сообщений. Бодянский выступал с пятью докладами, в качестве которых использовал свои предисловия к опубликованным в «Чтениях» переводам описаний путешествий Корнелия де Бруина через Московию⁴⁸, антиохийского патриарха Макария⁴⁹, барона Майерберга⁵⁰.

Дважды на заседаниях Общества этого периода выступал Погонин с материалами о Петре I⁵¹. Были выступления и некоторых других членов ОИДР, но в основном заседания 60—70-х годов XIX в. еще не обрели научного характера.

За 1857—1877 гг. в Обществе было проведено всего 56 заседаний. В прямой зависимости от количества заседаний находится интенсивность их посещения действительными членами и соревнователями Общества. За 20 лет (до 1877 г.) на собраниях присутствовало в общей сложности 66 чел. Материалы протоколов позволяют определить небольшую группу членов, наиболее активно посещавших заседания. Сюда входят: Бодянский, не пропустивший в эти годы ни одного заседания; А. Н. Афанасьев и Ю. Д. Филимонов, присутствовавшие на собраниях более 30 раз; археолог и писатель гр. М. В. Толстой — 41, И. Е. Забелин — 26, В. М. Ундольский — 19, С. М. Соловьев — 18 и т. д.

В период «председательской чехарды» (конец 1877 г. — начало 1893 г.) собрания в ОИДР происходили уже в среднем по 5—6 раз в год. Всего за этот период заседания посетили 92 чел. Характерно увеличение числа научных докладов, прочитанных на заседаниях. С ними выступило и приняло участие в их обсуждении более 20 чел. (В. О. Ключевский, А. А. Шахматов, А. П. Дювернуа, И. Е. Забелин, Н. А. Попов, Е. В. Барсов и другие).

Стали проводиться объединенные заседания членов Общества с представителями других научных учреждений и обществ. Так, 4 декабря 1883 г. члены ОИДР вместе с Московским археологическим обществом отметили «день чествования 300-летней памяти русского первопечатника Ивана Федорова»⁵². Специальные заседания были посвящены памяти историков В. Н. Татищева⁵³ и И. Н. Болтина⁵⁴.

Особенно часто ОИДР стало проводить свои заседания в 1893—1917 гг., после утверждения нового Устава Общества. Так, за 1893—1903 гг. было создано свыше 100 заседаний, которые

⁴⁷ ЧОИДР, 1867, кн. 4, протоколы, с. 205.

⁴⁸ ЧОИДР, 1872, кн. 3, протоколы, с. 331.

⁴⁹ ЧОИДР, 1873, кн. 4, протоколы, с. 251.

⁵⁰ ЧОИДР, 1875, кн. 1, протоколы, с. 165.

⁵¹ ЧОИДР, 1872, кн. 3, протоколы, с. 331; ЧОИДР, 1876, кн. 4, протоколы, с. 265.

⁵² ЧОИДР, 1884, кн. 4, протоколы, с. 2—3.

⁵³ ЧОИДР, 1886, кн. 4, протоколы, с. 4—5.

⁵⁴ ЧОИДР, 1894, кн. 1, протоколы, с. 31.

проводились ежемесячно, кроме «летних вакаций». К группе наиболее активных участников заседаний, кроме председателя Ключевского, можно отнести Барсова, Белокурова, В. И. Холмогорова, Н. В. Никитина, Любавского, Д. И. Иловайского и других. Всего за это время (до 1903 г.) на заседаниях Общества присутствовало 76 чел.

Тематика выступлений на заседаниях затрагивала вопросы русской истории с древнейших времен до конца XVIII в. XIX век в докладах представлен не был. Много места в сообщениях занимали церковные сюжеты (с ними часто выступал Барсов). Несколько сообщений сделал Ключевский: «О трудах Екатерины II по русской истории»⁵⁵, «Несколько соображений о Судебнике царя Федора»⁵⁶, «О значении походов Суворова итальянского и швейцарского в европейской политике»⁵⁷ и т. д. Чаше председатель выступал с воспоминаниями о членах Общества: Д. Ф. Масловском, Ф. И. Буслаеве, А. С. Павлове, К. Н. Бестужева-Рюмине и других.

Всего за период с 1893 по 1904 г. с сообщениями и в прениях выступило более сорока человек. За это время было сделано 114 научных докладов и сообщений. Проводились специальные заседания памяти Екатерины II, И. Шафарика и М. П. Погодина. Выступления членов ОИДР становились материалами «Чтений» или в сокращенном виде печатались в приложениях к протоколам.

Как и раньше, заседания ОИДР были закрытыми: на них могли присутствовать только члены Общества. Обсуждавшиеся вопросы становились известны общественным кругам только после их появления в «Чтениях». Исключением была речь председателя ОИДР В. О. Ключевского «Памяти в бозе почившего государя императора Александра III», произнесенная 28 октября 1894 г. Она была напечатана отдельным изданием и послужила поводом для студенческих волнений⁵⁸.

Тематика рефератов и научных докладов на заседаниях Общества в 1905—1917 гг. целиком зависела от научных интересов их авторов. Так, С. Б. Веселовский, занимавшийся на основе актового материала разработкой вопросов экономической и финансовой политики Русского государства в XVI—XVII вв., выступал с такими докладами, как «Кабачная реформа 1652 г.», «Посадская соха в 1-й половине XVII века», «О составе и источниках 25-й главы Уложения царя Алексея» и т. п.

Приват-доцент Московского университета Ю. В. Готье, занимавшийся преимущественно историей России XVIII в., выступал с докладами и сообщениями об областном управлении и его реформе.

⁵⁵ ЧОИДР, 1892, кн. 2, протоколы, с. 27.

⁵⁶ ЧОИДР, 1901, кн. 1, протоколы, с. 5.

⁵⁷ Там же, с. 8.

⁵⁸ Подробнее см.: *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974, с. 348—356.

Выступления членов ОИДР затрагивали многие вопросы политической, экономической и культурной жизни России — историю землевладения в Поморском крае и постановку народного образования, таможенную политику и историю приказной системы на Руси, деятельность Петра I и историю русского театра.

Особенно большой материал для выступлений на заседаниях давали диссертационные работы членов Общества. Так, магистерская диссертация М. М. Богословского была посвящена областной реформе Петра I, а докторская — земскому самоуправлению на Русском Севере в XVII в., поэтому почти все его сообщения и доклады относились к этим темам. Этапы работы Готье над докторской диссертацией «История областного управления от Петра I до Екатерины II» прослеживаются по многим его выступлениям на заседаниях Общества.

Издательская деятельность была наиболее активной формой работы ОИДР. Условно печатную продукцию Общества второй половины XIX в. можно поделить между двумя редакторами: 78 томов «Чтений» было выпущено О. М. Бодянским и около 90 томов (до 1904 г.) вышло под редакцией Е. В. Барсова. В 1877—1881 гг. «Чтения» редактировались А. Н. Поповым, которому удалось издать только 16 томов.

Приступая к выпуску «Чтений» в 1858 г., Бодянский составил следующую программу издания. Публикуемые материалы он разделил на пять отделов: I. Исследования, где помещаются статьи членов Общества и других ученых. II. Материалы отечественные: разные акты, грамоты или договоры, летописи, хронографы или временники, описание старинных обрядов, посольств и других происшествий, хранящиеся в архивах у частных людей, доселе неизданные и т. п. III. Материалы славянские: т. е. письменные памятники славянских народов, имеющие более или менее связь с памятниками русскими и отношение к истории отечественной, как в подлиннике, так и в переводе на русский, по усмотрению. IV. Материалы иностранные: тоже в подлиннике или переводе, смотря по важности и отношению их к русской истории. V. Смесью: статьи исторического, археологического, филологического и подобного содержания по упомянутым отделениям, не вошедшие в оные почему-либо, а в особенности по малости объема, знания второстепенного и т. п.»⁵⁹. За почти двадцатилетний период редакторской работы Бодянский ни разу не изменил программу «Чтений».

Тематика опубликованных при Бодянском исследований затрагивает многие вопросы русской истории и истории славянских народов. Однако общее направление раздела «Исследования» ха-

⁵⁹ ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 19, л. 29.

рактируется преобладанием работ, освещающих деятельность и историю русской церкви и религиозных течений. Среди них можно назвать исследование В. Милютина «О недвижимых имуществах духовенства в России», «Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии» архимандрита Макария, «Очерки из истории российской церковной иерархии» Г. Ф. Карпова, «Очерки униатской церкви» Ю. Ф. Крачковского и целый ряд других.

Хотя во второй половине XIX в. действительных членов и соревнователей Общества из среды духовенства было всего несколько человек, публиковались они в «Чтениях» очень часто. Так, «Указатель» С. А. Белокурова отмечает 56 публикаций архимандрита Григория (Воинова)⁶⁰, 71 — архимандрита Леонида (Кавелина)⁶¹ и 46 — архимандрита Макария (Миролюбова)⁶². Большинство напечатанных ими материалов невелико по объему, однако, регулярно появляясь на страницах «Чтений», они в какой-то степени определяли лицо этого издания.

Помимо работ на церковные темы, в разделе «Исследования» помещались работы, посвященные вопросам внутренней и внешней политики Русского государства вплоть до XIX в., труды по русской военной истории, этнографии (например, Г. Ф. Карпова «История борьбы Московского государства с польско-литовским»⁶³, В. Пассека «Новгород сам в себе»⁶⁴, М. Д. Затыркевича «О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период»⁶⁵).

Необходимо отметить, что часть исследований, опубликованных в «Чтениях» при Бодянском, посвящена вопросам истории России XIX в. В четырех книгах «Чтений» за 1866 г. была напечатана работа И. П. Липранди «Пятидесятилетие Бородинской битвы», а несколько позже — его замечания на книгу М. И. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам»⁶⁶. Иногда появлялись заметки и сообщения о недавних событиях. Так, в 1862 г. в «Чтениях» была помещена статья С. Шипова «О существе польских волнений»⁶⁷ — о событиях 1861 г. Нечего и говорить, что политическая направленность этой статьи, как и некоторых других, освещавших события современной истории, целиком выдержана в духе буржуазно-дворянской историографии. Тем не менее появление на страницах «Чтений» «современной тематики» — главная особенность этого издания при редакторе О. М. Бодянском.

⁶⁰ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 276.

⁶¹ Там же, с. 279.

⁶² Там же, с. 280.

⁶³ ЧОИДР, 1866, кн. 3, с. 1—140; кн. 4, с. 1—154.

⁶⁴ ЧОИДР, 1869, кн. 4, с. 1—187.

⁶⁵ ЧОИДР, 1873, кн. 1, с. 1—106; кн. 2, с. 107—306; кн. 3, с. 307—353+1—105.

⁶⁶ ЧОИДР, 1868, кн. 1, с. 1—54; 1869, кн. 1, с. 1—98; кн. 2, с. 1—79.

⁶⁷ ЧОИДР, 1862, кн. 1, с. 1—9.

Во втором отделе «Чтений» — «Материалы исторические» — печатались крупные подборки официальных документов, помещавшиеся иногда в нескольких книгах. Например, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским «Источники Малороссийской истории» за XVII—XVIII вв.⁶⁸, «Материалы для истории Сибири»⁶⁹ и другие. «Архив военно-походной канцелярии П. А. Румянцева-Задунайского» за 1767—1786 гг. был опубликован в шести книгах за 1865—1876 гг. Материалы по военной истории представлены интересными записками генерала А. П. Ермолова⁷⁰ и приложениями к ним⁷¹.

Вопросы классовой борьбы на страницах «Чтений» освещались мало и односторонне, но в опубликованных материалах — например, о восстании Емельяна Пугачева⁷² — содержались сведения о предводителе восстания и о борьбе крестьян под его руководством.

Много внимания Бодянский уделял материалам этнографического характера. В «Чтениях» впервые были опубликованы «Пословицы русского народа»⁷³, собранные В. И. Далем. «Народные песни Галицкой и Угорской Руси»⁷⁴, изданные профессором Львовского университета Я. Ф. Головацким, заняли в «Чтениях» более 3500 страниц и печатались с перерывами в 1863—1877 гг. Около 600 страниц было отдано Бодянским «Русским народным песням»⁷⁵ из собрания П. В. Шейна. Из общего числа работ этнографического характера, опубликованных во всех изданиях ОИДР, Бодянским была напечатана почти треть.

Кроме уже упоминавшихся записок А. П. Ермолова, мемуарная литература в «Чтениях» этого периода была представлена записками сенатора И. В. Полухина, статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого⁷⁶, адмирала А. С. Шипкова⁷⁷ и других.

⁶⁸ ЧОИДР, 1858, кн. 1, с. 1—339; 1859, кн. 1, с. 1—340.

⁶⁹ ЧОИДР, 1865, кн. 4, с. 1—128; 1867, кн. 1, с. 129—230; кн. 2, с. 231—324.

⁷⁰ ЧОИДР, 1865, кн. 3, с. 1—184; кн. 4, с. 185—380; 1866, кн. 2, с. 1—120; кн. 3, с. 121—192.

⁷¹ ЧОИДР, 1867, кн. 3, с. 1—247; кн. 4, с. 248—358; 1868, кн. 1, с. 359—434.

⁷² ЧОИДР, 1858, кн. 2, с. 1—52; 1859, кн. 1, с. 49—56; кн. 3, с. 97—120; 1860, кн. 2, с. 31—92.

⁷³ ЧОИДР, 1861, кн. 2, с. I—XL+1—288; кн. IV, с. 289—688; 1862, кн. 1, с. 689—1095+1—6.

⁷⁴ ЧОИДР, 1863, кн. 3, с. I—XII+1—130; кн. 4, с. 131—388; 1864, кн. 1, с. 1—176; кн. 3, с. 177—320; кн. 4, с. 321—468; 1865, кн. 4, с. 469—534; 1866, кн. 1, с. 535—624; кн. 3, с. 625—738; 1867, кн. 2, с. 739—841; 1870, кн. 3, с. 1—132; кн. 4, с. 133—288; 1871, кн. 1, с. 289—446; кн. 2, с. 447—523; 1871, кн. IV, с. 1—108; 1872, кн. 1, с. 109—208; кн. 2, с. 209—272; кн. 3, с. 273—398; кн. 4, с. 399—530; 1876, кн. 1, с. 531—670; кн. 2, с. 671—747; кн. 3, с. 1—16+I—LXXX+1—II+I—II+I—III+1—II; 1877, кн. 2, с. 1—II+1—24.

⁷⁵ ЧОИДР, 1868, кн. 1, с. I—II+1—82; кн. 2, с. I—IV+81—244; кн. IV, с. 245—288; 1869, кн. 1, с. 289—364; кн. 3, с. 365—410; кн. 4, с. 411—510; 1870, кн. 1, с. 511—568; кн. 3, с. I—XXXII.

⁷⁶ ЧОИДР, 1862, кн. 2, с. 1—176; кн. 3, с. 177—294.

⁷⁷ ЧОИДР, 1868, кн. 3, с. 1—142.

Чтобы лучше представить характер «Чтений» 1858—1877 гг., остановимся на анализе материалов, помещавшихся Бодянским в разделе «Смесь». Здесь публиковались источники и статьи небольшого объема по самым различным вопросам русской истории, но примечательно, что большинство этих материалов относилось к современности — к XIX в. Из 796 названий работ и источников, касающихся истории XIX в.⁷⁸, Бодянским было напечатано 547, т. е. 68%. В годы секретарства Бодянского в разделе «Смесь» появились материалы об Отечественной войне 1812 г., о восстании в Семеновском полку 1840 г., о событиях в Польше 1830 г., о революции 1848 г. в Западной Европе, о крестьянской реформе 1861 г., об экономическом и финансовом положении России в XIX в. и т. п.

В 60-х годах XIX в. цензурные условия для «разных ученых обществ и учреждений» были несколько облегчены по сравнению с предшествовавшим временем. В мае 1862 г. Обществу истории и древностей российских было предоставлено право не подвергать свои издания общей цензуре, если председатель или секретарь примут на себя ответственность за соблюдение цензурных постановлений, а «министр народного просвещения признает возможным предоставить этим лицам цензурование... изданий»⁷⁹. Председатель Общества гр. С. Г. Строганов, постоянно проживавший в Петербурге, этой ответственности на себя не взял. Цензором изданий ОИДР был назначен его секретарь О. М. Бодянский⁸⁰.

Авторский коллектив «Чтений» этого периода трудно определить, так как очень многие материалы публиковались анонимно, особенно в разделе «Смесь». Из 80 действительных членов ОИДР (к началу 1858 г.) в изданиях Общества не участвовало совсем 24 человека, 13 членов печатались всего по одному разу, 6 — по два раза и т. п. Лишь 15 действительных членов регулярно публиковали в изданиях ОИДР свои материалы. Активность членов-соревнователей была еще ниже.

За 1858—1877 гг. в «Чтениях» были опубликованы переводные и оригинальные работы, исторические и литературные материалы 192-х авторов, из них членами ОИДР было только 68 (около 36%). В период секретарства Е. В. Барсова (1881—1907 гг.) в «Чтениях» (до 1904 г.) были напечатаны работы 143-х чел., из которых членами ОИДР были 84 (уже 60%). Это позволяет сделать вывод, что к началу XX в. все большее число членов Общества включалось в его издательскую деятельность.

После смерти О. М. Бодянского (1877 г.) редакцию «Чтений» возглавил А. Н. Попов. Он издал 16 томов, в которых основное место было отведено религиозной полемической литературе, опи-

⁷⁸ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 176—217.

⁷⁹ ЧОИДР, 1862, кн. 3, протоколы, с. 325—326.

⁸⁰ ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 16, л. 145.

саниям рукописей церковных и монастырских библиотек. Научные разделы «Чтений» в это время были ликвидированы.

В 1881 г. секретарем ОИДР и редактором его постоянного издания был избран Е. В. Барсов. В соответствии с программой, изложенной в записке «О задачах «Чтений» под заведованием новой редакции», он восстановил деление публикуемых материалов на отделы (изъяв «материалы славянские»): 1) Материалы исторические; 2) Материалы историко-литературные; 3) Материалы иностранные; 4) Исследования и 5) Смесь. При Бодянском «Чтения» открыли доступ на свои страницы магистерским и докторским диссертациям. С тех пор структура «Чтений» оставалась без изменений.

С конца 70-х годов XIX в. тематика публикаций в «Чтениях» меняется. Если Бодянский отдавал предпочтение материалам по истории России XVIII—XIX вв., то при Барсове были чаще представлены XVI—XVII вв. По XVI в. в этот период опубликовано более 40% всех исследований и материалов, напечатанных Обществом до 1916 г. На XVII в. приходится 31% и на XVIII в. — 26%. Материалы по XIX в. почти отсутствуют. Издания ОИДР стали по своей тематике строго академическими, в них возобладал дух «официальной, казенной, титулованной, профессорской науки»⁸¹.

Из историко-юридических актов в 80-х годах XIX в. в «Чтениях» были напечатаны «Изборник» вел. кн. Святослава Ярославича (1073 г.) с греческим и латинским текстами⁸², «Акты переходной эпохи XVII—XVIII вв.», собранные К. П. Победоносцевым⁸³.

По-прежнему очень много места занимали материалы по истории русской церкви. Такие источники часто печатал сам Барсов, обладатель большой коллекции рукописей. Первую книгу «Чтений» за 1900 г. занял 2-й том «Истории русской церкви» Е. Е. Голубинского. Он же опубликовал в это время другую большую работу — «Историю канонизации святых в русской церкви»⁸⁴.

Среди источников по дипломатической истории можно назвать такие, как «Русско-австрийский союз 1759 г. Документы, собранные Генерального штаба полковником Масловским»⁸⁵, материалы МГАМИД и Шведского государственного архива 1616—1651 гг.⁸⁶

Ценные материалы публиковались по истории экономики — «Акты Литовско-Русского государства»⁸⁷; по истории государственного аппарата — «Регламент Вотчинной коллегии» в проек-

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 466.

⁸² ЧОИДР, 1882, кн. 4, с. 1—184.

⁸³ ЧОИДР, 1886, кн. 3, с. 1—160.

⁸⁴ ЧОИДР, 1903, кн. 1, с. 1—600.

⁸⁵ ЧОИДР, 1887, кн. 1, с. 1—258.

⁸⁶ ЧОИДР, 1897, кн. 3, с. 1—240; кн. 4, с. 241—288; 1898, кн. 1, с. 289—493.

⁸⁷ ЧОИДР, 1899, кн. 3, с. 1—69.

тах 1723, 1732 и 1740 годов»⁸⁸, «Материалы для истории приказного судопроизводства в России»⁸⁹; по военной истории — «Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II. Материалы для русской военной истории»⁹⁰, «Материалы к истории военного искусства в России»⁹¹.

К 100-летию юбилею ОИДР, который отмечался 18 марта 1904 г., под наблюдением С. А. Белокурова была издана фототипическим способом «Утвержденная грамота об избрании в 1613 г. на Московское государство Михаила Федоровича Романова». Выбор для юбилейного издания именно этого исторического документа был, конечно, не случайным: в этом сказались дворянско-буржуазная направленность всей деятельности Общества истории и древностей российских.

С 1905 по 1918 г. Общество выпустило в свет 53 книги «Чтений». В разделе «Материалы исторические» было помещено около 40 публикаций; в «Материалах историко-литературных» — примерно столько же; в «Материалах иностранных» — 10 публикаций; кроме того, было напечатано 25 исследований, около 50 статей, заметок и сообщений, а также более 600 отдельных документов в разделе «Смесь».

Министерство народного просвещения в докладной записке, направленной в Государственную думу в связи с ходатайством Общества об увеличении ежегодной правительственной субсидии, отмечало, что «Чтения» относятся «к изданиям, объективно освещающим разнообразие относящиеся к истории страны вопросы и лишенным определенных тенденций»⁹². Однако, несмотря на такое утверждение, определенная классовая направленность в деятельности Общества существовала, и это отражалось на содержании «Чтений».

В 1892—1917 гг. «Чтения» публиковали в основном исследования и источники по внутренней истории России XVII—XVIII вв. Центральное место занимали документы XVII в., особенно по истории экономики. Первостепенное значение придавалось истории русской православной церкви.

В 1907—1908 гг. в «Чтениях» были помещены две крупные публикации по истории государственного аппарата, подготовленные С. А. Белокуровым, — «Разрядные записи за Смутное время (1713—1721 гг.)» и «Дневальные записки приказа Тайных дел 1765—1783 гг.»⁹³ с интересными сведениями о придворной жизни и быте царедворцев.

⁸⁸ ЧОИДР, 1890, кн. 1, с. 1—218.

⁸⁹ Там же, кн. 4, с. 1—175.

⁹⁰ ЧОИДР, 1899, кн. 2, с. 1—114.

⁹¹ ЧОИДР, 1890, кн. 2, с. 1—294.

⁹² ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 42, л. 96.

⁹³ ЧОИДР, 1907, кн. 2, Материалы исторические (далее — Ист.), с. 1—80; кн. 3, с. 81—312+I—XXVIII; 1908, кн. 1, Ист., с. I—X+1—224; кн. 2, с. 225—346.

Документы, отражающие торгово-финансовую политику Русского государства, вошли в такие публикации, как «Третья Новгородская скра (около 1325 г.)», представляющая собой собрание постановлений или статуты торговавших в Новгороде немецких купцов⁹⁴, «Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве»⁹⁵.

К наиболее ранним источникам по истории землевладения, опубликованным в «Чтениях», относится земельное описание Литовско-Русского государства — «Полоцкая ревизия 1552 года»⁹⁶. С 1903 г. стали один за другим появляться выпуски солидной публикации, подготовленной действительным членом Общества С. А. Шумаковым, — «Сотницы, грамоты и записи», содержавшие материалы по истории центрального и местного управления, служилого и тяглого сословий, экономики и финансов XVII—XVIII вв.⁹⁷ По истории тяглого населения в Московском государстве, экономической жизни и социальных отношений в XVI—XVII вв. интересны публикации — «Новгородские бобыльские порядные»⁹⁸ и «Арзамасские и Барминские будные станы. Приходорасходные и сметные книги 1679—1680 гг.»⁹⁹ Материалов по истории помещичье-дворянского класса «Чтения» печатали сравнительно немного¹⁰⁰, а по истории классовой борьбы — вообще не появились на страницах (за 1905—1917 гг.). Документы по истории науки и культуры тоже занимали в «Чтениях» незначительное место. Наиболее крупными были только две публикации — «О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века (1701—1715 гг.)»¹⁰¹ и «Московский театр при царях Алексее и Петре»¹⁰².

В «Чтениях» сравнительно много места отводилось запискам и сообщениям иностранцев о Русском государстве XVI—XVII вв., главным образом о Москве¹⁰³.

⁹⁴ ЧОИДР, 1905, кн. 4, Ист., с. 1—40.

⁹⁵ «Акты писцового дела» (далее — АПД), т. 1, акты 1587—1627 гг. — ЧОИДР, 1913, кн. 2, Ист., с. I—XII+1—320; кн. 3, с. 321—448; кн. 4, с. 449—668; АПД, т. 2, акты 1627—1650 гг. — ЧОИДР, 1916, кн. 3, с. I—IV+1—490.

⁹⁶ ЧОИДР, 1905, кн. 2, Ист., с. I—XXII+1—236.

⁹⁷ ЧОИДР, 1908, кн. 4, Ист., вып. 4, с. I—VI+1—170; 1909, кн. 4, Ист., вып. 5, с. I—VI+1—116; 1911, кн. 3, Ист., вып. 6, с. I—IV+1—128; 1913, кн. 4, Ист., вып. 7, с. I—VI+1—46.

⁹⁸ ЧОИДР, 1912, кн. 2, Ист., с. 1—35. С предисловием Б. Д. Грекова.

⁹⁹ ЧОИДР, 1903, кн. 3, Ист., с. I—X+1—70.

¹⁰⁰ Материалы для истории русского дворянства. — ЧОИДР, 1909, кн. 3, Ист., с. I—IV+1—222; Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. — ЧОИДР, 1911, кн. 1, Ист., с. 1—50; Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1645 гг. — ЧОИДР, 1911, кн. 1, Ист., с. 51—89.

¹⁰¹ ЧОИДР, 1907, кн. 1, Ист., с. I—XLI+1—244.

¹⁰² ЧОИДР, 1914, кн. 1, Ист., с. I—XXI+1—192.

¹⁰³ Показание польского шляхтича Кристофа Граевского о своей поездке в Москву. 1574—1575 гг. — ЧОИДР, 1905, кн. 1, Материалы иностранные (далее — Иностр.), с. 1—16; Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. — ЧОИДР, 1915, кн. 2, Иностр., с. I—VIII+1—268 и др.

К истории дипломатии и внешних сношений России того же времени относятся две публикации — «Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Уилльямса 1756—1757 годов»¹⁰⁴, «К истории сношений со Швецией. Отрывки шведского дневника времен царя Алексея Михайловича»¹⁰⁵. Более позднего времени касаются «Дневальные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым»¹⁰⁶.

Самой крупной публикацией «Чтений» за 1905—1917 гг. была серия документов под общим названием «Смутное время Московского государства», выявление, подготовку и издание которых проводили сотрудники московских архивов, члены Общества С. А. Белокуров, Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский, А. М. Гневушев, С. Б. Веселовский и другие.

Выпуски этой публикации содержали документы по истории Новгорода и его уездов¹⁰⁷, по истории землевладения¹⁰⁸, освещали состояние и деятельность подмосковных ополчений¹⁰⁹, оборону Смоленска¹¹⁰, характеризовали правление Василия Шуйского и последующий период до избрания на царство Михаила Романова¹¹¹. Публикация прервалась в 1918 г. Тогда же прекратилась и вся издательская деятельность Общества.

Несмотря на незавершенность публикации «Смутное время Московского государства», Обществу удалось ввести в научный оборот свыше 150 печатных листов документов по истории России периода польско-шведской интервенции начала XVII в.¹¹²

Помимо перечисленных публикаций, ОИДР посвящало отдельные книги «Чтений» общеисторическим датам, а также некоторым наиболее видным своим членам. Так, полувековая годовщина отмены крепостного права в России была отмечена изданием работы протоиерея И. П. Кречетовича «Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным)»¹¹³. Одну из книг «Чтений» Общество посвятило 100-летию Отечественной войны 1812 г.¹¹⁴ В память о бывшем председателе ОИДР вышла 1-я книга «Чтений» за 1914 г., содержащая документы и воспоминания о жизни и деятельности В. О. Ключевского.

Отбор материалов для «Чтений» частично происходил на заседаниях Общества. Документы брали из частных собраний, го-

¹⁰⁴ ЧОИДР, 1909, кн. 2, Иностран., с. I—XXXII+1—360.

¹⁰⁵ ЧОИДР, 1912, кн. 1, Иностран., с. 1—28.

¹⁰⁶ ЧОИДР, 1910, кн. 2, Ист., с. 1—48.

¹⁰⁷ ЧОИДР, 1910, кн. 3, Ист., с. I—IV+I—V+1—284.

¹⁰⁸ ЧОИДР, 1911, кн. 4, Ист., с. I—XXXV+1—180; 1916, кн. 1.

¹⁰⁹ ЧОИДР, 1911, кн. 4, Ист., с. I—XIV+1—228.

¹¹⁰ ЧОИДР, 1912, кн. 1, Ист., с. I—XVII+1—282.

¹¹¹ ЧОИДР, 1915, кн. 2, Ист., с. I—XIX+1—422; кн. 4, с. I—XVIII+1—240.

¹¹² Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. Указ. соч., с. 217.

¹¹³ ЧОИДР, 1911, кн. 2.

¹¹⁴ ЧОИДР, 1912, кн. 4.

сударственных архивохранилищ, церковных и монастырских библиотек, а также из архивов иностранных государств, преимущественно Дании и Швеции. Так как некоторые члены Общества служили в государственных архивах, документы для «Чтений» они черпали из их фондов. Когда в конце 1908 г. члены-соревнователи С. Б. Веселовский, Н. П. Ардашев и Г. Н. Шмелев выступили как инициаторы публикации документов «Смутного времени», то они предложили свои услуги для розыска необходимых материалов в сохранившихся делах Поместного и Разрядного приказов¹¹⁵.

Материалы для публикации присылали и посторонние лица. В 1905—1917 гг. в «Чтениях» были помещены работы 43 чел., не являвшихся членами ОИДР. За этот же период в «Чтениях» были помещены работы 61 члена Общества, причем из них 32 выступали на заседаниях со своими материалами. Наиболее активное участие в издательской деятельности ОИДР этого периода принимали такие члены Общества, как С. А. Белокуров, С. К. Богоявленский, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, М. К. Любавский, М. Н. Сперанский.

Методика публикации источников в «Чтениях» не была выработана Обществом и не нашла отражения в каких-либо официальных документах. При издании наиболее редких и ценных документов или таких, которые издавались со специальными целями, старались сохранить все особенности подлинников. В деталях приема передачи текста публикаций у разных редакторов не были одинаковыми. Особенно это заметно в серийном издании «Смутное время Московского государства», все выпуски которого редактировались разными лицами¹¹⁶.

За время своего существования Общество собрало большую библиотеку рукописных и печатных книг. Руководство библиотекой всегда возлагалось на высококвалифицированных членов Общества. Так, в 1841—1847 гг. библиотекарем был библиограф и археограф П. М. Строев. Он составил каталог рукописей и книг, поступивших в ОИДР до 1845 г.¹¹⁷ С 1847 г. по 1864 г. библиотекой Общества заведовал известный библиограф В. М. Ундольский, в 1864—1898 гг. — Ю. Д. Филимонов, в 1898—1915 гг. — Е. И. Соколов, в 1915—1917 гг. — К. В. Покровский.

После строевского каталога лишь в 1905 г. вышло описание библиотеки Общества, составленное Е. И. Соколовым¹¹⁸. Поль-

¹¹⁵ ЧОИДР, 1909, кн. 4, протоколы, с. 24.

¹¹⁶ Подробнее об археографическом направлении деятельности Общества см.: Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. Указ. соч., с. 217—219.

¹¹⁷ Строев П. М. Библиотека ОИДР. М., 1846.

¹¹⁸ Соколов Е. И. Библиотека ОИДР, вып. 2. М., 1905.

зоваться библиотекой могли только члены ОИДР. Фонд библиотеки постоянно пополнялся. Почти на каждом заседании Общества сообщался перечень рукописей и книг, поступивших в ОИДР. К марту 1912 г. в библиотеке насчитывалось около 1500 рукописей, более 4500 историко-юридических актов и свыше 14 000 томов книг и периодических изданий.

После закрытия ОИДР в 1929 г. его библиотечный фонд поступил в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, а рукописное собрание — в Отдел рукописей.

Для поощрения научной работы историков при Обществе существовало несколько специальных премий, носивших фамилии своих учредителей или лиц, в память о которых эти премии были основаны.

Первая премия была учреждена в 1845 г. чиновниками канцелярии московского генерал-губернатора как вознаграждение за сочинение «Градоначальствование князя Д. В. Голицына в Москве». Премия осталась неприсужденной, и ее капитал к марту 1917 г. составил около 6 тыс. руб. процентными бумагами и наличными деньгами¹¹⁹.

Второй по времени основания была премия Г. Ф. Карпова, доктора русской истории и казначея Общества (до его кончины в 1890 г.). Премия была учреждена вдовой Карпова за исследования по истории русского и украинского народов. За 1892—1917 гг. премия Карпова из 24 соисканий была присуждена 21 раз. Каждый год на конкурс подавалось от одного до четырех сочинений.

В 1906 г. министр народного просвещения А. Н. Шварц утвердил правила премии А. П. Бахрушина, которая присуждалась «за лучшее сочинение по истории и археологии города Москвы и Московской губернии».

Последней была премия, учрежденная в 1914 г. членом Общества Д. И. Иловайским. Разработанные Иловайским правила предусматривали присуждение премии тем исследователям, которые продолжали разработку ранней истории славян в установленном им направлении (т. е. подтверждали бы мысль Иловайского о сближении Руси с гуннами и сарматами); сочинениям о времени польско-шведской интервенции начала XVII в., в которых разделялись бы взгляды Иловайского на роль в ней Лжедмитрия I; работам по истории экономики, политики и культуры Русского государства XV—XVII вв. и Российской империи XVIII в., если они, по крайней мере, не противоречили выводам Иловайского в его «Истории России»¹²⁰.

¹¹⁹ ОР ГБЛ, ф. 203, п. 47, л. 317.

¹²⁰ ЧОИДР, 1915, кн. 2, О премии Д. И. Иловайского, с. V—VII.

Эту премию Общество успело присудить только один раз, так как соискания должны были проводиться через каждые три года, а после Великой Октябрьской социалистической революции премии Общества автоматически ликвидировались.

Формально Общество истории и древностей российских являлось внепартийной профессиональной организацией, но тем не менее оно было связано с государственными учреждениями и политическими партиями России. По этой причине Общество в своей деятельности не могло не отразить существовавшие в стране социальные и политические отношения, потому что, как указывал В. И. Ленин в работе «Три источника и три составных части марксизма», ««беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство»¹²¹.

Существование ОИДР при Московском университете наложило свой отпечаток на состав и деятельность Общества, в котором, говоря словами В. И. Ленина, преобладала официальная, казенная, титулованная, профессорская наука¹²².

Практически деятельность Общества с момента основания до 1917 г. протекала в русле дворянско-буржуазной историографии, в фарватере официальной идеологии. Даже незначительные проявления самостоятельного отношения к некоторым явлениям общественной жизни пресекались правительством и руководством университета. Примером может служить уже упоминавшаяся выше история с публикацией сочинения Дж. Флетчера в 1848 г. и публицистическая деятельность О. М. Бодянского в 70-х годах XIX в. Все члены ОИДР придерживались либо буржуазно-либеральных, либо конституционно-монархических взглядов (ученые демократического направления, а тем более ученые-марксисты отсутствовали). Демонстрируя свои верноподданнические настроения, члены ОИДР к 100-летию существования Общества постановили, как мы уже знаем, опубликовать «Утвержденную грамоту об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова»¹²³.

Наиболее активные члены Общества были профессорами и приват-доцентами Московского университета, преподававшими на историко-филологическом и юридическом факультетах. Часть из них (М. К. Любавский, Р. Ф. Брандт, М. М. Богословский, А. Н. Филиппов, С. Ф. Платонов, Д. И. Иловайский, С. А. Белокуров и некоторые другие) стояла на монархических позициях,

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

¹²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 466.

¹²³ ЧОИДР, 1906, кн. 3, с. 1—110.

примыкая к лагерю правой процаристской профессуры, и открыто проповедовала свои взгляды с кафедр университета.

Небезынтересно отметить принадлежность некоторых членов Общества к политическим партиям. Так, в образовавшуюся осенью 1905 г. конституционно-демократическую партию (кадеты) входили: В. О. Ключевский, А. А. Кизеветтер (которого В. И. Ленин относил к числу кадетских профессоров, сознательно извращающих подлинную суть исторических событий, торгующих наукой в угоду реакции и оплевывающих традиции русской революции ¹²⁴), П. Н. Милюков — один из основателей партии кадетов и председатель ее Центрального комитета, А. С. Лаппо-Данилевский.

Именно о них писал В. И. Ленин в статье «Политическая стачка и уличная борьба в Москве», опубликованной в октябре 1905 г. и касающейся расширения студенческого движения в связи с предоставлением в августе того же года автономии университетам (советы которых получили право избирать ректоров, а факультетские собрания — деканов и секретарей с последующим утверждением всех избранных лиц Министерством народного просвещения): «Посмотрите на либеральных профессоров, ректоров, помощников ректоров и всю эту компанию Трубецких, Мануиловых и проч. Ведь это — лучшие люди либерализма и конституционно-демократической партии, наиболее идейные, наиболее образованные, наиболее бескорыстные, наиболее свободные от непосредственного давления интересов и влияний денежного мешка. И как ведут себя эти лучшие люди? Как воспользовались они первой властью, властью правления в университетах, властью, врученной им по выбору? Они уже трусят революции... Они закрыли университет в Москве, боясь бойни в университете. Они вызвали только еще скорее несравненно более крупную бойню на улице» ¹²⁵.

Еще более уничтожающей критике за ее реакцию на события Первой русской революции либеральная профессура была подвергнута в другой работе В. И. Ленина — «Уроки московских событий». В ней В. И. Ленин прямо писал: «Завязкой московских событий были происшествия чисто академического, на первый взгляд, характера. Правительство даровало частичную «автономию», или якобы автономию, университетам. Гг. профессора получили самоуправление. Студенты получили право сходок. В общей системе самодержавно-крепостнического гнета была пробита, таким образом, маленькая брешь. И в эту брешь сейчас же устремились с неожиданной силой новые революционные потоки. ...Правительство вознегодовало. «Солидные» либералы, получившие профессорское самоуправление, заметались и забегали от революционных студентов к полицейскому, нагаечному правительству. ...Са-

¹²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 25.

¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 352.

моуправляющиеся либералы предавали народ и изменяли свободе, ибо они боялись побоища в университете. И они были примерно наказаны за свою подлую трусость. Закрыв революционный университет, они открыли уличную революцию. Жалкие педанты, они уже ликовали было, наперерыв с негодями Глазовыми, что им удалось потушить пожар в школе. На самом деле, они только разожгли пожар в громадном промышленном городе»¹²⁶.

Эти ленинские характеристики представителей буржуазной, прежде всего исторической, науки достаточно ясно говорят о политической направленности деятельности определенной части историков в начале XX в., в том числе и самого Общества.

Реакция ОИДР на общественно-политические события в России, судя по имеющимся источникам, носила своеобразный характер. Так, в связи с Всероссийской политической стачкой 1905 г. Общество пропустило свое октябрьское заседание, а Декабрьское вооруженное восстание в Москве заставило членов ОИДР провести годичное заседание только в апреле 1906 г., а не по давней традиции — 18 марта.

На манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), Общество отреагировало очень быстро, поместив в последней книге «Чтений» за 1905 г. работу одного из своих бывших членов И. Д. Беляева «Судьбы земщины и выборного начала на Руси». Это исследование было написано еще в 1865 г. и нигде не публиковалось.

Работа Беляева начиналась с рассмотрения типов управления на Руси (за исключением Новгородской земли) и заканчивалась разбором «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», утвержденного Александром II 19 февраля 1861 г. Беляев разбирал только один из основных вопросов «Положения» — об организации крестьянского управления. Изданием работы Беляева Общество как бы проводило параллель между начавшимся в 1861 г. «освобождением» крестьян и «дарованием» Думе — представительному учреждению — законодательных прав в октябре 1905 г. Общество словно подметило нечто аналогичное в этих двух мероприятиях правительства, которые были, по словам В. И. Ленина, соответственно первым и вторым шагом самодержавия по пути превращения феодальной монархии в буржуазную¹²⁷.

Останавливаясь на «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., Беляев видел в нем «обширнейшее поприще и вернейшее средство к сближению сословий и к восстановлению значения земщины в делах общественных»¹²⁸. Разумеется, автор не мог увидеть в создании земских учреждений

¹²⁶ Там же, с. 376—377.

¹²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 165; КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. I. М., 1970, с. 249.

¹²⁸ ЧОИДР, 1905, кн. 4, Исследования, с. 133.

определенную уступку волне «общественного возбуждения и революционного натиска»¹²⁹. Свое рассмотрение истории «народного представительства» в органах управления Беляев заканчивал оптимистическим выводом о том, что «судя по строю целого института земских учреждений, кажется, нельзя сомневаться, что выборное начало в нынешних земских учреждениях не подвергнется той участи, которой оно подвергалось в реформах Екатерины II-й. Какие бы неудачи на первых порах не встретили настоящий институт, но его вынесет сродство его с древним историческим институтом земщины на Руси, это сродство поможет ему укорениться в русском народе и принести обильные плоды на благо русской земли; молчаливые и терпеливые ожидания русской земли начинают сбываться, правительство наконец постигло истинную свою задачу. Теперь черед обществу правильно исполнить свои обязанности»¹³⁰. Словами Беляева ОИДР выразило свою надежду на то, что судьба новой Думы будет счастливее судьбы земских учреждений, не оправдавших упований либералов.

Отношение Общества к начавшейся в июле 1914 г. первой мировой войне было выражено Барсовым в его выступлениях на заседаниях ОИДР. На одном из них (сентябрь 1914 г.) Барсов произнес речь, посвященную 30-летию научно-преподавательской деятельности М. К. Любавского, в которой осудил наступательные операции немецких войск на Северо-Западном фронте и выразил уверенность в победоносном окончании войны¹³¹. Те же мысли были высказаны Барсовым и в его январской речи 1915 г. в «день ангела» В. О. Ключевского¹³². Кроме того, члены Общества нашли нужным приобрести на имеющиеся свободные суммы облигации Военного займа 1916 г.¹³³

Каких-либо сведений об отношении ОИДР к Октябрьской революции найти не удалось, так как протоколов заседаний с апреля по ноябрь 1917 г. включительно в фонде Общества нет. Известно только, что на последнем заседании за 1917 г. Н. П. Попов сделал доклад «Под сению Московского Кремля 26 октября — 6 ноября 1917 года»¹³⁴, но текст доклада, к сожалению, не сохранился.

Однако неспособность большинства буржуазных ученых понять глубокий социальный смысл и значение происходивших в России революционных изменений видна из письма временного председателя Общества М. К. Любавского, который 19 ноября 1917 г. писал С. Ф. Платонову в Петроград: «Считаю, что все происходящее есть кара божия нашей буржуазии и интеллиген-

¹²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 33.

¹³⁰ ОИДР, 1905, кн. 4, Исследования, с. 135.

¹³¹ ОР ГБЛ, ф. 203, п. 45, л. 18—20.

¹³² Там же, п. 46, л. 29—31.

¹³³ Там же, п. 47, л. 33.

¹³⁴ Там же, л. 359 об.

ции: буржуазии — за то, что временем войны воспользовалась для наживы, интеллигенции — за ее легкомыслие, с которым она расшатывала институт монархии, смешивая его с личностью монарха. Думаю, что народу придется расплачиваться за то, что остался таким же самым, каким был в XVII веке, с тою же «небогобоязливою натурою», о которой говорит Котошихин»¹³⁵.

В фонде Общества истории и древностей российских протоколы заседаний с января 1918 г. по март 1920 г. не сохранились, поэтому некоторые сведения о работе ОИДР за это время можно почерпнуть из отчета о его деятельности в 1919—1920 гг. После смерти С. А. Белокурова в декабре 1918 г. секретарем Общества избрали М. М. Богословского. К марту 1920 г. в составе ОИДР было 3 почетных, 63 действительных члена и 49 соревнователей. Однако секретарь тут же уточнял: «Впрочем, относительно этих цифр следует оговориться, что о многих иногородних и зарубежных членах Общества не известно, живы ли они или нет». За отчетный период членами Общества стали В. Ф. Ржига, С. В. Бахрушин, А. Е. Пресняков, В. И. Пичета и другие.

Секретарю приходилось констатировать, что «издательская деятельность Общества совершенно прекратилась, и не было выпущено ни одной книги «Чтений»»¹³⁶. В условиях гражданской войны остановилась работа многих типографий, поэтому Общество, не имевшее собственной, не смогло продолжить выпуск «Чтений». И секретарю в каждом отчете оставалось только отмечать, что «и в текущем году, как и в ближайшие предыдущие, ученая деятельность Общества проявлялась только в научных сообщениях и в их обсуждениях»¹³⁷.

Невозможность продолжать выпуск «Чтений» заставила Общество все свое внимание перенести на работу в заседаниях. Если в 1919 г. их количество было еще обычным — одно годовое и 10 обыкновенных, то в последующие годы оно возросло: 13 — в 1921 г., 15 — в 1922 г.

В начале 20-х годов XX в. проходила регистрация различных обществ и союзов. В сентябре 1922 г. ОИДР была предложена дополнительная регистрация в Главнауке. Тогда же, на сентябрьском заседании Общества, был рассмотрен представленный его правлением измененный Устав (добавлены две новые главы: V — «О средствах Общества» и VI — «Об отчетности») ¹³⁸. Комиссия по утверждению обществ, союзов и объединений, рассмотрев 10 апреля 1923 г. Устав ОИДР, постановила: «Признать невозможным существование в стенах высшей школы, наряду с специальными факультетами, частного Общества, притом чисто кастового, замкнутого в собственные профессорские рамки, т. е.

¹³⁵ Цит. по кн.: *Алексеева Г. Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968, с. 7.

¹³⁶ ОР ГБЛ, ф. 203, п. 48, л. 2—2об.

¹³⁷ Там же, л. 73 об.

¹³⁸ Там же, л. 152, 160 об.— 161.

существование его отвлекло бы внимание профессуры от занятий со студенчеством и породило бы разнь между учащимися и учащими, ввиду чего в утверждении Устава отказать»¹³⁹. Общество решило «уполномочить Правление войти в соответствующие инстанции для разъяснения вопроса о дальнейшей судьбе Общества и работы Общества впредь до выяснения вопроса приостановить»¹⁴⁰.

Вынужденный перерыв в деятельности ОИДР длился почти два года: с 25 мая 1923 г. по 11 мая 1925 г. Только после поддержки со стороны начальника Главнауки РСФСР Ф. Н. Петрова, В. П. Волгина и некоторых других лиц Устав Общества был зарегистрирован административным отделом Московского совета¹⁴¹.

Теперь за год Общество проводило до 20 заседаний. Тематика докладов и сообщений на них осталась в основном той же: «Литва и славяне в XI и XIII веках» (М. К. Любавский), «Легенда о Мангазейском чудотворце» (С. В. Бахрушин), «Летописный отрывок времени Василия III» (М. Н. Тихомиров) и т. п. Вместе с тем на заседаниях все чаще поднимались вопросы, раньше незатрагивавшиеся: «Яицкое казачество и Пугачев» (С. А. Голубцов), «П. И. Пестель (из впечатлений от новых материалов)» (С. Н. Чернов).

В середине 20-х годов в ОИДР входили такие ученые, как М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, С. Д. Сказкин, Н. А. Рожков, Н. М. Дружинин, В. И. Невский и другие. К осени 1928 г. в списках Общества значилось 65 действительных членов и 4 соревнователя¹⁴².

«Общество истории и древностей российских,— вспоминает академик Л. В. Черепнин,— в то время доживало уже последние дни. Сыграв за время своего существования большую роль в развитии культуры, оно после Октябрьской революции не смогло уловить новые жизненные запросы и представляло собой как бы закатеневший уголок старой Москвы»¹⁴³. Это свидетельство современника по существу определило основную причину, по которой Общество прекратило свою работу. В годы первой пятилетки, когда происходила коренная реорганизация научных учреждений и обществ, оно было ликвидировано. Последнее, 790-е заседание ОИДР проходило 9 апреля 1929 г.¹⁴⁴ Общество истории и древностей российских уступило место новым творческим силам советской науки.

¹³⁹ ОР ГБЛ, ф. 203, п. 48, л. 216 об., 219.

¹⁴⁰ Там же, л. 215.

¹⁴¹ Там же, л. 226—226 об.

¹⁴² Там же, п. 49, л. 273—273 об.

¹⁴³ Черепнин Л. В. И. А. Голубцов — ученый и человек. — «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, с. 188—189.

¹⁴⁴ ОР ГБЛ, ф. 203, п. 49, л. 366 об.— 367 об.

ОДНОДВОРЦЫ XVIII ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н. К. Ткачева

В советской исторической литературе большое внимание уделяется изучению основных сословных категорий русского крестьянства, однако положение различных категорий освещено не в одинаковой степени. Менее исследованным остался один из разрядов государственных крестьян — однодворцы. Изучение истории однодворцев представляется крайне важным для понимания глубинных процессов, происходивших в Российском государстве во второй половине XVII—XVIII в. В последнее время однодворцы привлекают все большее внимание советских исследователей.

Как известно, государственные крестьяне — однодворцы — образовались из служилых людей «по прибору» в первой четверти XVIII в. на территории Азовской и Киевской (позднее Белгородской и Воронежской) губерний в связи с созданием регулярной армии. Это общепринятое определение нуждается, однако, в дальнейшем уточнении и конкретизации. Чтобы понять процесс формирования части служилых людей в обособленную группу закрепощенного населения — однодворцев, эволюцию этого термина в XVII—XVIII вв., обособленное положение однодворцев среди других групп сельского населения России и многие другие вопросы, связанные с их историей, необходимо в первую очередь познакомиться с тем, что достигнуто в области изучения истории однодворцев русскими и советскими историками.

Данная статья и посвящена обзору исторической литературы об однодворцах в отечественной историографии.

Дореволюционная литература об однодворцах, как и в отношении других категорий крестьян, большей частью носила описательный характер. Историки не вскрывали корни экономических процессов в государственной деревне, хотя на отдельные стороны экономического положения однодворцев и обращали внимание.

Историей однодворцев впервые заинтересовался отнюдь не историк, а чиновник Центрального кадастрового управления Министерства государственных имуществ в сороковые годы XIX в. Я. Соловьев, по роду своей деятельности хорошо знакомый с положением крестьянства в России. В 1850 г. он опубликовал статью «Об однодворцах», в которой поставил вопрос о происхождении однодворцев, о возникновении самого термина «однодворец», о службе однодворцев в ландмилиции и об их земельном праве в XVII—XVIII вв. Соловьев установил, что в XVII в. те дети боярские, которые владели только собственными дворами и не име-

ли дворов крестьянских, назывались однодворцами: «В начале официального употребления слова „однодворец“ под ним разумели только детей боярских»¹. В законодательстве впервые это слово употреблено, как ошибочно считал Соловьев, в указе 12 марта 1714 г.: «Рейтары, и солдаты, и городовоу службы однодворцы». Но в дальнейшем понятие слова «однодворец» приобрело, по мнению автора, «обширное значение». В XVII в. в южных украинских уездах² правительство наделяло землей на поместном праве (взамен денежного и хлебного жалованья) не только детей боярских, но «вообще всех служилых людей, обязанных оберегать пределы государства от татарских набегов». Соловьев считал, что «служилые люди украинских городов, принадлежа в начале к разным древним сословиям, мало-помалу сливались и, наконец, объединились в отношении прав на поземельное владение³, ничем не отличаясь друг от друга, исключая количество отводимых земель». При Петре I украинская пограничная стража — дети боярские, пушкари, затинчики, станичники, вольные люди других сословий, бывшие крепостные и проч. «оказались за чертой дворянства». Они образовали особую группу населения на юге России — однодворцев, которые на протяжении почти всего XVIII в. продолжали выполнять, хотя и на изменившихся условиях, функцию защиты границ Российской империи.

Соловьеву нельзя отказать в тщательности исследования. Но выдвинутые им положения о причинах складывания особой группы населения на юге России — однодворцев, их земельном праве нельзя считать правильными, так как он подменял социально-экономические и классовые процессы в жизни общества правотворчеством самодержцев.

Затронутый Соловьевым вопрос получил дальнейшее рассмотрение в исторической литературе второй половины XIX в. Высказанное им мнение о происхождении однодворцев утвердилось в работах региональных историков Г. Германова и Щепкиной⁴.

Русский буржуазный экономист и статистик И. Н. Миклашевский в монографии «К истории хозяйственного быта Московского государства», анализируя дозорную книгу Оскольского уезда за 1617 г., также соглашался с Я. Соловьевым, что в XVII в. дети боярские, не имевшие крестьян и бобылей, назывались «однодворцами». Однако он не признавал выводов Соловьева о дальнейшей эволюции этого термина и считал, «что Соловьев совершенно напрасно связывает их (однодворцев.— *Н. Т.*) происхож-

¹ Соловьев Я. Об однодворцах.— «Отечественные записки», 1850, № 69, отд. 2, с. 81—100.

² То есть находившихся на южной окраине Российского государства — Полевой Украине.

³ Дети боярские владели землей на вотчинном и поместном праве.

⁴ Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии в XVII в.— «Зап. имп. Географического общества», кн. XII, 1857; Щепкина. Тульский уезд в XVII в. М., 1892.

дение с изменением в податной системе Московского государства»⁵. Миклашевский считал также неправильной дату первого официального употребления термина «однодворец» (1714 г.), приведенную Соловьевым. Однако каких-либо позитивных положений по этим вопросам Миклашевский не высказал.

Крупнейшие русские буржуазные историки второй половины XIX в. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский в своих трудах попутно касались отдельных моментов истории однодворцев.

С. М. Соловьев в своей многотомной «Истории России» осветил отдельные моменты из истории однодворцев во второй половине XVIII в., используя документы государственных архивов России. Он привел текст проекта П. И. Шувалова от 15 ноября 1756 г. («О беспорядках, каковы происходят за неимением об однодворцах учреждения»), данные о работе Комиссии об однодворцах в 1756 г., рассказал об однодворческих сектах в селе Жидиловке Козловского уезда и селе Горелове Тамбовского уезда в 1766—1767 гг.⁶ Соловьев считал, что однодворцы образовались «преимущественно из разного названия мелких служилых людей, испомещенных на старых украинских, т. е. пограничных со степью местах»⁷. Он видел в однодворцах обособленную группу населения⁸, которая в сословной лестнице екатерининского времени стояла якобы вслед за дворянством и промышленным капиталом⁹.

Его ученик В. О. Ключевский в спецкурсе «История сословий в России» (1886 г.) писал, что в XVII в. на юге Российского государства «на диких полях» служилые люди «рассаживались не одиночными помещичьими усадьбами, а огромными сплошными и притом укрепленными селениями и почти все жили „однодворкою“, т. е. имели только свои собственные дворы, не имея крестьянских дворов»¹⁰.

Характеризуя служилых людей «по отечеству» и «прибору» во второй половине XVII в., Ключевский отмечал, что «класс однодворцев» образовался в результате совмещения двух землевладельческих прав. «Приборная служба» (т. е. стрельцы, казаки, пушкарки, вербовавшиеся из беднейших городских детей боярских, тяглых и вольных людей и получавшие землю в пожизненное пользование с обязательством военной службы) имела значение канала, писал Ключевский, «посредством которого происходил постоянный обмен сил между городским дворянством и

⁵ Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1. (Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в.). М., 1894, с. 111.

⁶ Соловьев С. М. История России, кн. XII. М., 1964, с. 384—385, 497; кн. XIV. М., 1965, с. 57.

⁷ Там же, кн. XII, с. 384.

⁸ В эту группу Соловьев включал и «людей старых служб».

⁹ Соловьев С. М. Указ. соч., кн. XIV, с. 71.

¹⁰ Ключевский В. О. Собрание сочинений, т. 6. М., 1959, с. 398.

неслужилыми классами. С одной стороны, в приборные чины попадали все отбросы этого дворянства, с другой — через эти чины проникали в состав дворянства лучшие боевые силы, поднимавшиеся из глубин неслужилых классов»¹¹. «Класс однодворцев», с одной стороны, платил подушную подать, подобно крестьянам, а с другой — имел право владеть крепостными душами, подобно дворянам. Исходя из вышеприведенных высказываний, можно сделать вывод, что Ключевский не относил однодворцев XVIII в. к крестьянскому классу России, а считал их обособленной группой населения. Подобно С. М. Соловьеву, он признавал их смешанный социальный состав.

И С. М. Соловьев, и В. О. Ключевский не могли не заметить остроты социальных противоречий в русской действительности XVII—XVIII вв., в частности, соперничества между различными слоями служилых людей во второй половине XVII — первой четверти XVIII в., но они сводили его к чисто внешним явлениям — местническим спорам и конфликтам при дворе, игнорируя объективный процесс роста в XVII—XVIII вв. феодальной собственности на землю и рабочие руки. Политическая и классовая ограниченность взглядов этих историков не позволила им выяснить классовую сущность возникшей в XVIII в. обособленной группы населения — однодворцев.

В работе последователя «государственной школы» П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892 г.) вопрос об однодворцах был затронут в связи с характеристикой финансово-податной и административной реформ Петра I в первые два десятилетия XVIII в. Милюков приводил данные из документов Сената, донесений губернаторов и других официальных источников о численности однодворцев в Азовской и Киевской губерниях, о сумме денежных податей, причитающихся с них и их дворовых по переписи 1710 г.¹²

Либерально-народническая историография (В. И. Семевский, Г. Н. Шмелев, М. В. Ключков и др.) расширила круг вопросов, более четко определила социальную сущность однодворцев, ввела в оборот многочисленные и разнообразные архивные источники.

Крупнейший историк русского крестьянства В. И. Семевский в исследовании «Крестьяне императрицы Екатерины II» подробно остановился на истории однодворцев во второй половине XVIII в.¹³ Истории однодворцев XVII в. Семевский коснулся лишь бегло, приводя фактические материалы, собранные И. Н. Миклашевским. Однодворцами в XVIII в. он называл разряд госу-

¹¹ Ключевский В. О. Собрание сочинений, т. 6, М., 1959, с. 412.

¹² Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, изд. 2. СПб., 1905, с. 193—196.

¹³ Семевский В. И. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. 2. СПб., 1901.

дарственных крестьян, который образовался из прежних служилых людей — детей боярских, казаков, стрельцов, рейтаров, драгун, солдат, копейщиков, пушкарей, затинщиков (пищальников), воротников и засечных сторожей, поселенных в XVI и XVII вв. на южной границе Московского государства для защиты Российского государства от нападения крымских и ногайских татар. Со времени царствования Петра I, а именно с 1719 г., все эти служилые люди, по Семевскому, получили окончательно название однодворцев. С этого времени их положение значительно изменилось, хотя уравнивание их с крестьянами, как считал Семевский, началось еще ранее — с введения подворной подати в 1678 г.

В своем исследовании Семевский подробно описал повинности однодворцев во второй половине XVIII в.; службу их в ландмилиции; землевладение и землепользование; требования однодворцев в наказах, поданных в Уложенную комиссию; остановился на праве владения однодворцами крепостными и судьбе однодворческих крестьян. Семевский отметил также рост имущественного расслоения в среде однодворцев во второй половине XVIII в. и причину этого: политику правительства по отношению к однодворцам и притеснение их дворянством («насильственные действия помещиков»). В итоге Семевский пришел к следующему выводу: во второй половине XVIII в. однодворцы переживали «сильное развитие имущественного неравенства». Причина этого, по его мнению, коренилась в исторически сложившейся форме землевладения однодворцев — владении на вотчинном и поместном праве, отсутствии переделов земли в однодворческих поселениях. Правительственные мероприятия XVIII в., в частности межевая инструкция 1766 г., пытались, по мнению Семевского, пойти навстречу «истинным народным нуждам», изменить формы землевладения однодворцев, но в конечном итоге фискальные интересы — стремление полностью получить подати — превысили эти «благие намерения» и сорвали их. Отсутствие общинного пользования землей порождало и отсутствие солидарности однодворцев в отстаивании своих прав. Имущественное расслоение однодворцев, отметил Семевский, было более сильным, чем у других категорий государственных крестьян. Это положение сохранилось и в современное Семевскому время.

Исследование Семевского хотя и страдает подробным изложением фактов и наличием ряда субъективно-психологических выводов, но отличается достоверностью изложения и богатством приведенного документального материала¹⁴, а также новыми, более четкими, по сравнению с предшествовавшими исследователями, выводами о социальной принадлежности однодворцев. Кро-

¹⁴ В. И. Семевский использовал документы Московского архива Министерства юстиции, Межевого архива, Петербургского Сенатского архива, наказы крестьян депутатам Уложенной комиссии 1767 и др.

ме того, свои выводы о прошлом однодворцев он связывал с современным ему днем. Семевский считал возможным проведением реформы «сверху» ликвидировать то бедственное положение, в котором находились однодворцы на рубеже XX в.

Эклектическое смешение взглядов последователей «государственной школы» и историков либерально-народнического толка представляет собой концепция земского статистика второй половины XIX в. Н. А. Благовещенского, изложенная им в монографии «Четвертное право»¹⁵. В вопросе об образовании однодворцев в особое сословие Благовещенский исходил из ложных, идеалистических посылок и не отражал действительного хода исторического процесса. Однако обращение его к экономическому положению однодворцев заслуживает внимания. Он впервые попытался проанализировать «четвертное право» — форму землевладения однодворцев.

Критике книги Благовещенского была посвящена появившаяся в начале XX в. работа Г. Н. Шмелева «Несколько замечаний об однодворцах»¹⁶. Она содержала также и позитивные соображения автора по вопросам о происхождении однодворцев и форме их землевладения. Подобно предыдущим авторам, Шмелев считал, что «однодворцами» в XVII в. называли тех дворян и детей боярских, «за которыми не было крестьян и бобылей». «С начала XVIII в. однодворцами стал называться обособленный разряд государственных крестьян, происходивший от служилых людей, несший ландмилиционную службу и сохранивший право владеть крепостными»¹⁷. Причиной его образования явилось, по мнению Шмелева, постепенное слияние в XVII в., в результате совместной службы, дворянского элемента служилых людей южной границы Московского государства — дворян и детей боярских — с недворянским элементом — лицами духовного звания, посадскими людьми, крестьянами и бобылями, холопами, гулящими людьми, занимавшими низшие военные должности в южном пограничном войске. Вся эта служилая масса, в общем небогатая, не имела крестьян и бобылей и личным трудом обрабатывала свою землю. Дворянский элемент постепенно в ней ассимилировался и был поглощен. Дворяне и дети боярские — однодворцы стали рассматриваться правительством как крестьяне, чему Шмелев приводил ряд примеров. Правительством Петра I все служилые люди южного пограничного войска были официально отнесены к государственному крестьянам. Термин «однодворцы», как название особого разряда населения, впервые был употреблен, считал Шмелев, в указах правительства 4 апреля и 13 мая 1723 г. В 40-х годах XIX в. однодворцы потеряли пра-

¹⁵ *Благовещенский Н. А. Четвертное право. М., 1899.*

¹⁶ *Шмелев Г. Н. Несколько замечаний об однодворцах (Разбор исследования Н. А. Благовещенского). Харьков, 1901.*

¹⁷ Там же, с. 15.

во владеть крепостными и «с этого времени они уже решительно ничем не отличались от государственных крестьян»¹⁸.

Отмечая заслугу Благовещенского, который «первый сделал попытку изучить однодворческое землевладение на исторической основе», Шмелев считал ошибочным его утверждение, что «четвертная» форма землевладения однодворцев явилась результатом законодательной политики правительства. По мнению Шмелева, землевладение у однодворцев сначала было сябринным, результатом артельного начала, которое вообще было широко развито в хозяйственной жизни Московского государства XVI—XVII вв. «Испомещение [служилых людей] в одних урочищах и частые набеги воинских людей создавали условия для его возникновения». С XVIII в. «под влиянием разных условий сябринное землевладение однодворцев стало превращаться в общинное»¹⁹. «Четвертное» землевладение было переходной формой к нему.

С замечаниями Шмелева о том, что экономическое положение детей боярских — однодворцев — положило начало их превращению в государственных крестьян, следует согласиться. Интересны приводимые им этому примеры. Но выводы о преимущественном влиянии одинаковых условий пограничной службы на стирание грани между мелкопоместными дворянами и детьми боярскими и «приборными чинами» в южных уездах Российского государства в XVII в. наивны и неверны.

Ценна характеристика, данная Шмелевым ландратским переписям как источнику для изучения экономического положения населения, в том числе однодворцев в первой четверти XVIII в. До сих пор историки еще не ввели эти переписи в широкий научный оборот.

О положении однодворцев в начале XVIII в. несколько данных привел М. В. Ключков в работе «Население России при Петре Великом по переписям того времени»²⁰. Среди трудов местных историков следует назвать работы Ф. Щербина «Четвертное землевладение в Воронежской губернии»²¹ и П. Зверева «Курские старозаимочники и однодворцы»²².

Заканчивая обзор исследований дореволюционного периода об однодворцах, можно сделать следующий вывод: основными вопросами по истории однодворцев, поднятыми исследователями разных направлений во второй половине XIX — начале XX в., были вопросы о происхождении однодворцев, формах их землевладения, их повинностях, о службе в ландмилиции, взаимоотноше-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 31, 35, 25.

²⁰ Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. 1 (Перепись дворов и населения, [б. м.], 1911.

²¹ Щербин Ф. Четвертное землевладение в Воронежской губернии. — В кн.: Воронежский юбилейный сборник. Воронеж, 1886.

²² Зверев П. Курские старозаимочники и однодворцы. — «Юридический вестник», т. 28, кн. 1, 1888, с. 300—321.

ниях с господствующим классом дворян и правительством. Был также затронут вопрос об имущественном расслоении однодворцев (вторая половина XVIII в.), но в целом экономическое положение однодворцев, размеры их земельных угодий, наличие скота и тягловой силы, занятия промыслами, торговлей, характеристика однодворческой общины, положение однодворческих крестьян остались неисследованными. Вне поля зрения осталась классовая борьба однодворцев, в частности участие однодворцев в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. Несмотря на внешнее различие методологических приемов — изложение событий в хронологической последовательности или иллюстрирование своих положений фактическим материалом, — дореволюционных исследователей в их выводах объединяло одно: полная невозможность вскрыть действительную основу происходивших изменений в России второй половины XVII—XVIII в.

Проблемная постановка вопроса об однодворцах стала возможной лишь в советской исторической науке, вооруженной марксистско-ленинской теорией о закономерностях развития и смены общественно-экономических формаций в историческом процессе.

В. И. Ленин в своих трудах дал марксистскую периодизацию истории России²³. Господствующие социальные отношения в Российском государстве в XVII—XVIII вв. определялись «основными экономическими чертами порядка», которые В. И. Ленин определял понятием «феодализм» или «крепостничество»²⁴. Главной чертой «крепостничества» являлось прежде всего господство феодальной собственности на землю. Именно «крепостническая собственность» выступала как «источник и опора крепостнической эксплуатации»²⁵. Надел прикреплял крестьян к земле и обеспечивал тем самым землевладельцев рабочими руками. Огромную роль в крепостнической системе играло внеэкономическое принуждение²⁶. Оно могло быть разным по форме — от сословной неравноправности крестьянина до крепостного права. В. И. Ленин отчетливо различал феодализм помещичий и выросший на его основе феодализм государственный, т. е. систему феодальных отношений, сложившихся на землях, которыми распоряжалось государство. Ленин указывал в то же время на полное политическое бесправие крестьян в крепостном обществе²⁷.

Но «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был больший элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму»²⁸. Экономическое развитие страны и классовая борьба

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153; т. 20, с. 121.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 315.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 134.

²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 206.

²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 76.

²⁸ См. там же.

ба определяли эволюцию государственного строя России. В. И. Ленин определял монархию как «очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение»²⁹. Реформы Петра I Ленин рассматривал как начало «европеизации» России³⁰. Она проявилась в политике правительства в отношении промышленности и торговли, в словесном устройстве, в создании нового, более совершенного государственного аппарата, обслуживаемого целой армией чиновничества, и пр. В течение всего XVIII в. наблюдалась дальнейшая эволюция самодержавия, дворянская природа которого в основе оставалась прежней³¹. «Просвещенный абсолютизм» воочию показал себя как такая форма государственной власти в крепостной России, когда «то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радицевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых...»³².

В. И. Ленин указывал на огромное значение классовой борьбы в феодальной России. В «новый период русской истории», отмечал Ленин, начинаются крестьянские войны, которые ставили вопрос о феодальной системе в национальном масштабе — «изгнание помещиков и захват помещичьих земель»³³. Но борьба крестьян за власть мыслилась ими в старой, привычной самодержавной форме. Крестьяне боролись за «хорошего», «мужицкого» царя. Это и обуславливало появление самозванства. В. И. Ленин отмечал, что «крестьянские идеи об уравнительности — реакционные и утопические с точки зрения социализма — революционные с точки зрения буржуазного демократизма»³⁴. Он отмечал прогрессивность и необходимость гражданских войн крепостных крестьян против помещиков³⁵.

В. И. Ленин впервые вложил в понятие «феодализм» применительно к России научное диалектическое определение феодальных форм эксплуатации, господства и подчинения, феодальной государственности, классовой борьбы — истоков всех явлений социально-политической жизни России с IX — до середины XIX в. Мысли и идеи В. И. Ленина, содержащие анализ и оценку процессов эпохи феодального периода в России, легли в основу последующих исследований советских историков.

Крупнейший исследователь истории государственных крестьян в России академик Н. М. Дружинин в монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева»³⁶ определил

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 359.

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 371.

³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 319.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 340.

³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.

³⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. т. I—II. М.—Л., 1946—1958.

новообразованную, юридически оформленную правительством Пистра I категорию сельского населения — однодворцев как особую группу феодально-зависимого населения, один из разрядов государственных крестьян. «По отношению к однодворцам, владевшим государственными поместными дачами,— писал Дружинин,— правительство заняло совершенно иную позицию, чем по отношению к помещикам-дворянам»³⁷. Подобно остальным разрядам государственных крестьян, однодворцы принадлежали носителю государственной власти и обладателю всей земли, не занятой частными собственниками,— царю.

Превращение части мелких служилых людей, которые раньше с формально-юридической точки зрения ничем не отличались от средних и крупных помещиков, в низшее податное сословие вызвало глухое брожение и недовольство в среде однодворцев. Фактически однодворцы продолжали в XVIII — первой половине XIX в. распоряжаться своими земельными участками, как распоряжались и ранее: совершали на них разнообразные сделки, завещали, закладывали и продавали их не только однодворцам, но и соседям-помещикам. Это было возможным потому, что сила векового, давностного владения создавала у однодворцев противовес утверждению безусловного права казны на обладание земельными угодьями. В результате мобилизации земли помещиками в XVIII—XIX вв. на территории однодворческих селений образовалась крайняя чересполосица и начались затяжные судебные споры.

Имея большую самостоятельность в распоряжении своими земельными участками, однодворцы (подобно прочим государственным крестьянам), по мнению Дружинина, испытывали более ослабленную, смягченную форму внеэкономического принуждения, чем частновладельческие крестьяне. Они признавались субъектами гражданского и публичного права, сохранили за собой право владеть имевшимися у них крепостными крестьянами и право продавать их другим однодворцам, получили в силу межевой инструкции 1766 г. право приобретать казенные земли у членов своего сословия. Но в то же время однодворцы целиком зависели от феодального государства, которое стремилось расширить и усилить феодальную эксплуатацию этой категории землевладельцев.

Н. М. Дружинин отмечал, что однодворцы не переставали в XVIII в. мечтать о возвращении своего былого положения и досаждали правительству разнообразными жалобами, добивались признания и закрепления за собой утраченных привилегий. Государство отвечало на эти просьбы решительным отказом, настойчиво утверждая свое право земельной собственности на однодворческие участки, стремилось подчинить непосредственной эксплуатации казной однодворческих крестьян. Практическое при-

³⁷ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I, с. 31.

менение законов XVIII — первой половины XIX в. об «устройстве состояния» однодворцев и однодворческих крестьян преследовало, как справедливо считал автор исследования, одну цель — ликвидировать специфические особенности однодворцев и слить их с другими разрядами населения государственной деревни в единообразную массу «свободных сельских обывателей», подчиненных казне. «Этот процесс нивелировки, — отмечал Дружинин, — проходил успешнее там, где он находил могущественную опору в экономических условиях жизни»³⁸. Чем больше развивались товарно-денежные отношения, тем больше расслаивались, беднели и приближались к положению рядового крестьянства однодворцы. В 1850 г. «четвертные» земли однодворцев были фактически уравнены с казенными³⁹. Однодворцев ограничили в праве поступать на военную службу⁴⁰. В 1843 г. правительство начало выкуп в казну крепостных у однодворцев (у однодворцев-сектантов они отбирались принудительно)⁴¹.

Меры правительства по ликвидации преимуществ однодворцев осуществлялись медленно, исподволь, осторожно. Создание единой системы управления в сельской местности в 1866 г. (вследствие чего государственные крестьяне слились с бывшими крепостными и удельными) не затронуло, однако, особенностей положения однодворцев⁴². Свое обособленное положение они сохранили вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

В монографии Дружинина прослежена также и судьба западных однодворцев, причисленных в это звание из состава польской шляхты.

Капитальное исследование академика Дружинина по истории государственных крестьян в XVIII — первой половине XIX в. определило общий путь изучения социально-экономического развития такой обособленной группы сельского населения, какой были однодворцы. Оно дало направление для последующих исследований по конкретной истории однодворцев.

В 1950 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья В. А. Александрова «К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян». Солидаризируясь с выводом академика Дружинина в том, что «петровское законодательство только укрепило и расширило сложившиеся отношения, которые были унаследованы от XVII столетия»⁴³, автор статьи на примере стрелецкого войска, несшего службу в южных городах Российского государства, рассматривал положение мелких служилых людей в XVII в. и прослеживал их связь с потомками — однодворцами, обращенными в первой четверти XVIII в. в податное

³⁸ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, с. 279.

³⁹ Там же, с. 65.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 64.

⁴² Там же, с. 567.

⁴³ Там же, т. I, с. 26—27.

крестьянское сословие. Александров указывал на экономические истоки этого явления. Стрельцы южных городов за предоставленную им землю несли в XVII в. феодальные повинности, не имевшие ничего общего с ратной службой. Им вменялось в обязанность обрабатывать «на государя» (подобно другим служилым людям) управляемые воеводами десятинные пашни, исполнять всевозможные «поделки», «струговое дело», платить натуральный оброк в государевы житницы — «четвериковый хлеб». Александров считает этот натуральный налог — стрелецкий хлеб — обычной феодальной рентой⁴⁴. Стрельцы очень страдали от этого налога — сбор хлеба встречал их постоянное сопротивление.

Хозяйство стрельцов, как и других служилых людей, подвергалось неусыпному надзору со стороны местной администрации. «По сравнению с поместными и даже приборными казачьими землевладениями, стрелецкие земельные наделы имели во много раз меньше четей и приравнивались к среднему крестьянскому наделу»⁴⁵ (от 10 и менее четей). Автор отмечал, что наделы стрельцов нередко произвольно уменьшались центральными и местными властями; нередко часть земли, отводимой стрельцу под пашню (перелог, поросшую лесом), нельзя было использовать, поэтому фактический размер пашни у него еще более сокращался. Кроме того, на стрелецкое хозяйство в 60—70-х годах XVII в. влияли постоянные наборы стрелецких детей в армию — они лишили хозяйство рабочих рук. К концу XVII в. появились даже безземельные стрельцы. Некоторая часть их бросала службу и обращалась в крестьян и бобылей.

Обстоятельный анализ писцовых, переписных, разборных книг, десятен и столбцов Разрядного приказа по южным городам за период с 40-х годов по конец XVII в. позволил Александрову сделать вывод о том, что стрелецкое войско на юге страны во второй половине XVII в. испытывало гнет со стороны феодально-крепостнического государства. Натуральный оброк, обработка десятинной пашни являлись первыми этапами закрепощения стрельцов. Процесс, протекавший на юге, был тождествен по своей сути общему процессу закрепощения. Преобразования Петра I (включение стрельцов южных городов в состав податного разряда государственных крестьян-однодворцев) «по сути дела только юридически оформило уже сложившиеся отношения»⁴⁶. Александров также считал, что по своему положению стрельцы резко отличались от поместных служилых людей⁴⁷.

Наблюдения Александрова о том, что процесс закрепощения государством в южных уездах страны мелких служилых людей — стрельцов шел уже в XVII в., помогают понять, почему стало

⁴⁴ Александров В. А. К вопросу о происхождении государственных крестьян. — «Вопросы истории», 1950, № 10, с. 93.

⁴⁵ Там же, с. 90.

⁴⁶ Там же, с. 95, 88.

⁴⁷ Там же, с. 94.

достаточным одного правительственного акта в XVIII в., чтобы свободных с формально-юридической точки зрения людей можно было превратить в феодально-зависимых. Выводы Александра ценны для решения одного из самых важных вопросов в истории однодворцев — их происхождения.

Вопрос о происхождении однодворцев был также затронут М. Д. Рабиновичем в защищенной им в 1953 г. кандидатской диссертации «Судьбы „служилых людей старых служб“ в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века». Он поставил целью «проследить ход формирования регулярной русской армии, процесс отмирания войск старой организации и установить судьбы их людских континентов в связи с общими изменениями в экономическом, социальном и политическом строе Русского государства в ходе и результате реформ первой четверти XVIII века»⁴⁸. Автор использовал документы двух центральных государственных архивов: Древних актов и Военно-исторического.

Вкратце основные, касающиеся однодворцев положения Рабиновича сводятся к следующему. Военная реформа правительства Петра I, создание регулярной армии вызвали появление в документах первого десятилетия XVIII в. нового термина «служилые люди старых (прежних) служб». До 1710 г. это понятие охватывало всю совокупность военных служилых людей нерегулярной армии, вне зависимости от их местонахождения. Используя их частью для внутренней военной службы и «стремясь в максимальной степени увеличить количество тяглого населения», правительство в первой четверти XVIII в. стало на путь массового и повсеместного перевода «служилых людей старых служб» на положение государственных крестьян, обложенных налогом на содержание армии⁴⁹. В этих целях оно последовательно ликвидировало привилегии «служилых людей старых служб»: наследственность их службы, лишало их жалованья, проводило обложение налогами и повинностями наряду с тяглыми посадскими людьми и крестьянами. Изменения в социально-экономической жизни «служилых людей старых служб» определили и два пути их развития. Служилые люди Киевской и Азовской губерний, жившие в сельских местностях, по переписи 1710 г. были объединены названием «однодворцы»⁵⁰. Этот термин бытовал еще в XVIII в., говорит автор, и означал «хозяев всего одного двора», мелкопоместных дворян и детей боярских, в основном не имевших крестьян и по своему положению схожих с чернососными крестьянами⁵¹. В XVII в. термин «однодворец» означал «имуущественное состоя-

⁴⁸ Рабинович М. Д. Судьбы «служилых людей старых служб» в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII века. Рукопись канд. дисс. М., 1953, с. 3.

⁴⁹ Там же, с. 498.

⁵⁰ Там же, с. 442, 445, 446.

⁵¹ Там же, с. 99, 100, 121.

ние и степень боеготовности военных служилых людей юга страны»⁵², а после переписи 1710 г. «он покрыл собой, за малым исключением, все многочисленные прослойки и группы военных „служилых людей старых (прежних) служб“ в Киевской и Азовской губерниях и «сделался синонимом разновидности государственных крестьян»⁵³. Рабинович считает, что «во втором десятилетии XVIII в. происходит окончательное превращение основной массы южных „служилых людей старых служб“ в разновидность государственных крестьян-однодворцев»⁵⁴. Начало же этого процесса он относит к концу XVII в.⁵⁵

Наименования разных категорий «служилых людей старых служб», превращенных в однодворцев, исчезли в основном из употребления в документах, как считает Рабинович, к 1727 г.

«Служилых людей прежних служб», живших в городах и имевших источником своего существования «государево хлебное и денежное жалованье», правительство обязало нести государству бесплатную и бессрочную службу (в той мере, в какой оно нуждалось в них) и включило в состав посадских тяглецов⁵⁶. Часть их, имевших землю, оно также пыталось перевести на положение однодворцев⁵⁷.

В диссертации Рабиновича показан классовый характер политики правительства Петра I, направленной на усиление феодально-крепостнической эксплуатации народных масс в интересах господствующего класса дворянства. Автор привел интересные, неизвестные до того в исторической литературе примеры о мероприятиях правительства по уничтожению привилегий служилых людей, об активном сопротивлении однодворцев введению подушной подати⁵⁸.

Обширность поставленной задачи и объем работы, очевидно, не позволили исследователю обстоятельно обосновать высказанное им положение о начавшемся в XVII в. процессе складывания крупного дворянства-шляхетства как привилегированного сословия и его размежевания со служилыми людьми низших категорий⁵⁹. Отдельные единичные примеры имущественного положения детей боярских носят случайный⁶⁰ характер и не дают представления о процессе социального расслоения феодальных землевладельцев.

В конце работы Рабинович прослеживает историю ландмилиции в России в первые два десятилетия XVIII в. (в том числе ук-

⁵² Рабинович М. Д. Указ. соч., с. 443.

⁵³ Там же, с. 446.

⁵⁴ Там же, с. 490.

⁵⁵ Там же, с. 463.

⁵⁶ Там же, с. 447.

⁵⁷ Там же, с. 505—507.

⁵⁸ Там же, с. 470, 494, 497, 507 и след.

⁵⁹ Там же, с. 448.

⁶⁰ Там же, с. 452.

раинской) и приходит к выводу, что «после ряда экспериментов» Петр I решил комплектовать ландмилицкие части однодворцами, на которых он возложил и их содержание⁶¹. В частности, автор отметил значение указа 8 января 1723 г., в котором, как он пишет, была впервые сформулирована идея особого сбора с однодворцев на содержание определенных воинских частей. Кроме того, однодворцы официально приравнивались указом к пашенным крестьянам⁶².

Исследование Рабиновича наглядно показало связь закрепощения государством значительной части свободного населения Российского государства (в частности, однодворцев) с военными преобразованиями Петра I, те методы внеэкономического принуждения, которыми пользовался правительственный аппарат носителя государственной власти и обладателя всей земли — царя в отношении держателей мелких земельных участков — «служилых людей старых служб» в первой четверти XVIII в. Автор показал, что процесс закрепощения «служилых людей старых служб» с разной степенью напряженности шел на протяжении всей первой четверти XVIII в. и был юридически оформлен введением подушной подати и организацией ландмилиции.

Вопросы социально-экономической истории однодворцев периода середины — второй половины XVIII в. отражены в ряде статей и сообщений советских историков. Ф. И. Лаппо опубликовал в журнале «Исторические записки» в 1950 г. статью «Наказы однодворцев как исторический источник»⁶³, написанную на основании неопубликованных документов. Статья содержала анализ погостных, уездных и провинциальных наказов однодворцев в Уложенную комиссию 1767 г. от Белгородской, Севской, Орловской провинций Белгородской губернии и Елецкой провинции Воронежской губернии. Автор ставил задачу воссоздать «историю возникновения наказов, их авторство, заимствования» и выявить социальные тенденции однодворческих наказов. Он пришел к выводу о возможности использования этого вида источников путем сопоставления их с другими данными для изучения положения однодворцев, наблюдавшегося среди них процесса расслоения в середине XVIII в. Он устанавливает, что наказания, исходившие из однодворческой массы, отличаются демократической тенденцией и являются «по существу формой протеста однодворцев против эксплуатации их помещиками и крепостническим государством»⁶⁴.

В 1960 г. Лаппо выступил с конкретным исследованием о ревизских сказках как источнике по истории русского крестьянст-

⁶¹ Там же, с. 570.

⁶² Там же, с. 559.

⁶³ Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник. — «Исторические записки», 1950, т. 35, с. 232—264.

⁶⁴ Там же, с. 264.

ва⁶⁵. Проведя анализ ревизских сказок по Белгородской провинции, он показал, что «на основании статистического материала ревизских сказок возможно освещение ряда проблем как демографического, так и социально-экономического порядка»⁶⁶. В частности, Лаппо установил ряд процессов, протекавших в однодворческой деревне Обоянского, Карповского, Новооскольского и Яблоновского уездов в середине XVIII в.: вытеснение однодворческого землевладения помещичьим, продажу однодворцами своих крепостных, эксплуатацию государством однодворцев (рекрутскиеборы в армию), бегство однодворцев. В ревизских сказках, как отметил Лаппо, можно встретить данные о количестве земли у домохозяина-однодворца, о характере землевладения (поместная или купленная земля) и др.

Круг изучения однодворческих наказов расширил воронежский исследователь В. И. Недосекин. В кандидатской диссертации «Наказы в Законодательную комиссию 1767 года от Воронежской губернии как исторический источник»⁶⁷ (1953 г.) и статье «Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII века»⁶⁸ (1955 г.) он исследовал неопубликованные наказания однодворцев Воронежской губернии в Уложенную комиссию 1767 г., которые (при сопоставлении их с другими источниками) позволили ему «раскрыть социально-экономические корни и предпосылки обострения классовой и внутриклассовой борьбы в черноземной губернии в 60-х годах XVIII века». Недосекин сделал выводы о имущественном неравенстве и классовом расслоении в однодворческой деревне 60-х годов XVIII в.: однодворческая деревня делилась, по его мнению, на два полюса. «На одном выступала фигура „прожиточного мужика“, в руках которого оказалась земля, деньги и труд выброшенных с земли крестьян. На другом полюсе — обедневшие однодворцы, большая часть которых жила продажей своей рабочей силы»⁶⁹. В деревне шла и ожесточенная борьба за землю между однодворцами и помещиками, стремившимися в целых расширения товарного производства захватить чернополосные

⁶⁵ Лаппо Ф. И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства (По материалам 3-й ревизии).— В кн.: Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1960 г. Киев, 1962, с. 236—247.

⁶⁶ Лаппо Ф. И. Ревизские сказки..., с. 239, 244.

⁶⁷ Недосекин В. И. Наказы в Законодательную комиссию 1767 г. от Воронежской губернии как исторический источник (К вопросу о формировании капиталистического уклада в черноземных губерниях). Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1953; *Он же*. Материалы Законодательной комиссии 1767 г. от Воронежской губернии как исторический источник.— «Учен. зап. Бalaшовского гос. пед. ин-та», 1956, т. 1, с. 232—287.

⁶⁸ Недосекин В. И. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII века.— «Изв. Воронежского гос. пед. ин-та», 1955, т. 19, с. 133—154.

⁶⁹ Недосекин В. И. Наказы в Законодательную комиссию 1767 г. от Воронежской губернии как исторический источник, с. 8.

земли однодворцев. Это вызывало массовые побеги однодворцев на Дон и Волгу, убийства ими помещиков, поджоги, восстания.

Социально-экономической истории однодворцев посвящены также и другие статьи того же автора⁷⁰. В докторской диссертации «Социально-экономическое развитие черноземного центра России во второй половине XVIII века»⁷¹. Недосекин пришел к выводу, что к исходу XVIII в. в губерниях черноземной полосы структура «четвертного» землепользования уменьшилась. Однодворцы не всегда могли обеспечить прожиточный минимум своих семей. Выступления однодворцев против произвола помещиков и властей стали сливаться с антифеодальным движением частновладельческих крестьян.

Анализ содержания однодворческих наказов в Уложенную комиссию 1767 г. провел также М. Т. Белявский в монографии «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева»⁷². Он отметил внутреннюю двойственность и противоречивость части однодворческих наказов, что «являлось отражением двойственного положения самих однодворцев в системе крепостного хозяйства и крепостного правопорядка»⁷³. Так, с одной стороны, однодворцы выступали против произвола и привилегий дворян, а с другой — защищали крепостное право. Для наказов однодворцев характерна вера в «хорошего» царя.

Отмечая положительные моменты работы по анализу однодворческих наказов, проделанных Лаппо и Недосекиным (последнего в его вышеуказанных статье и кандидатской диссертации), Белявский не согласился с выводом Недосекина о том, что «наказы представляют своеобразную „программу“ нового класса, стремящегося к экономическому и политическому господству», как результат «развития капитализма в однодворческой деревне». Эти явления, справедливо отмечает автор, в хозяйстве Воронежской губернии можно отнести только к пореформенному периоду (после 1861 г.). Наказы однодворцев «не явились программой нового класса, идущего на смену крепостникам»⁷⁴.

Вопросы положения однодворцев в 30—50-е годы XVIII в. затронул М. Д. Рабинович в своих выступлениях на XIII и XIV Межреспубликанских сессиях симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы в 1971 и 1972 гг.⁷⁵ Приведенные Рабиновичем

⁷⁰ Недосекин В. И. К истории формирования крупного дворянского землевладения в Воронежской губернии в XVIII веке.— «Известия Воронежского гос. пед. ин-та», 1958, т. 28; *Он же*. Четвертное землепользование однодворцев юга России в XVIII веке.— «Труды Воронежского гос. ун-та», 1960, с. 53.

⁷¹ Недосекин В. И. Социально-экономическое развитие черноземного центра России во второй половине XVIII века. Автореф. докт. дис. М., 1968.

⁷² Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965.

⁷³ Там же, с. 111.

⁷⁴ Там же, с. 113.

⁷⁵ Рабинович М. Д. Положение и классовая борьба однодворцев в первой половине XVIII в. (Тезисы).— В кн.: Тезисы докладов и сообще-

фактические данные проиллюстрировали положение академика Дружинина о политике правительства в XVIII в. по отношению к однодворцам, как «обособленной разновидности государственных крестьян».

Тут же цель имело и сообщение автора данной статьи на X сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1963 г.— «Из истории однодворцев в XVIII веке»⁷⁶.

Вопрос об участии однодворцев в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева и в последующие годы XVIII в. получил в исторической литературе широкое освещение. В 1950 г. вышла статья К. В. Сивкова «Самозванчество в России в последней трети XVIII века»⁷⁷, в которой был собран большой фактический материал и сделаны выводы о стихийности выступлений народных масс, о самозванчестве как проявлении одной из форм классовой борьбы, о широком распространении самозванчества среди однодворцев и причинах этого явления.

Ф. И. Лапко в статье «Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г.»⁷⁸ на конкретном примере показал, что одной из основных причин недовольства однодворцев был рост экспроприации у них земли помещиками. Автор также установил, что восстание однодворцев села Стаканово Ливенского уезда Елецкой провинции в 1776 г. явилось отражением Крестьянской войны 1773—1775 гг. в Центрально-земледельческом районе страны.

В. М. Проторчина в статье «К истории воронежских однодворцев в XVIII веке»⁷⁹ на примерах проявлений недовольства однодворцев Воронежской губернии в 1739 и 1765 гг. отметила эволюцию классового сознания однодворцев. Если сначала однодворцы проявляли сословную ограниченность (считали себя выше крестьян) и стремились добиться только облегчения своего положения, не выступая против эксплуатации вообще, то во второй половине XVIII в. «однодворцы действовали дружно с помещичьими и дворянскими крестьянами», а «сословное деление общества отступало на задний план перед классово-экономическим делени-

ний XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс — Каунас, сентябрь 1971 г.). Ротапринт. Москва, 1971, с. 83—87; *Он же*. Сельское хозяйство и переселение однодворцев в 30—50-е годы XVIII века (Тезисы).— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Минск — Гродно, 25—29 сентября 1972). Ротапринт. М., 1972, с. 141—142.

⁷⁶ *Ткачева Н. К.* Из истории однодворцев в XVIII веке.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г. Л., 1972, с. 133—141.

⁷⁷ *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII века.— «Исторические записки», 1950, т. 31, с. 88—136.

⁷⁸ *Лапко Ф. И.* Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г.— «Исторические записки», 1953, т. 44, с. 306—319.

⁷⁹ *Проторчина В. М.* К истории воронежских однодворцев в XVIII веке.— «Изв. Воронежского гос. пед. ин-та», 1955, т. 19, с. 107—131.

ем, поскольку экономическое положение однодворцев в большинстве случаев было такое же, как у крестьянства, и направления их борьбы, таким образом, совпадали»⁸⁰. Были отмечены также неорганизованность, отсутствие ясных политических требований, царистский характер, локальность в выступлениях однодворцев.

Участие однодворцев в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева рассматривается в трехтомном коллективном труде «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева»⁸¹. Тенденцию превращения большей части обедневших детей боярских в XVII в. в государственных крестьян — однодворцев — попытался проследить В. М. Важинский⁸².

Советская историческая наука в истории однодворцев поставила и осветила ряд вопросов — политику закрепощения однодворцев в XVIII — первой половине XIX в. государством-землевладельцем, отдельные стороны социально-экономической жизни однодворцев во второй половине XVIII в.: насильственный захват помещиками однодворческих земель, имущественное неравенство однодворцев, формы классовой борьбы однодворцев и участие их в Крестьянской войне второй половины XVIII в., историю украинской ландмилиции. Советские ученые значительно расширили источниковедческую базу по данной теме. Но в истории однодворцев еще много «белых пятен». И прежде всего окончательно не решен вопрос об их происхождении.

Образование нового разряда населения России в первой четверти XVIII в. — однодворцев — яркий пример одного из проявлений феодальных отношений господства и подчинения, феодальных форм эксплуатации. В. И. Ленин придавал большое значение проблеме формирования крестьянства. Проследить сложный процесс «окрестьянивания» формально свободных низших «служилых чинов» «по отчеству» и «по прибору» по дошедшим до нас архивным источникам конца XVII — начала XVIII в. — необходимое условие для понимания истории формирования русского крестьянства как класса.

Одними из совершенно не рассмотренных вопросов по истории однодворцев в советской исторической литературе являются также вопросы о крепостных крестьянах-однодворцах, характере землевладения однодворцев в XVIII—XIX вв. и их «мирской» организации. Заслуживает внимания историков освоение однодворцами во второй половине XVIII — начале XIX в. Поволжья. Все эти вопросы ждут своих исследователей.

⁸⁰ Там же, с. 125—126, 131.

⁸¹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Под ред. В. В. Мавродина, т. III. Л., 1970, с. 248—249.

⁸² Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж, 1974.

**К ВОПРОСУ О ЗНАКОМСТВЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ XVIII В.
С ИДЕЯМИ ЖАНА БОДЕНА**

Ф. А. Коган-Бернштейн

Жан Боден (Jean Bodin, 1535—1592), знаменитый государствовед и политик, не был историком в тесном смысле слова и не оставил ни одного специально исторического труда. Однако, исходя из своих политико-юридических концепций и устремлений, он в книге, которая была первенцем его научного творчества и называлась «*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*» («Метод легкого познания истории» 1566 г.), пришел к некоторым теоретическим выводам, составившим веху в развитии исторической мысли.

«*Methodus...*» Бодена отличается особым обилием новых идей: учение об исторической закономерности — так называемая «теория климата», построенное по-новому учение о государстве, в основу которого положено учение о суверенитете, теория прогресса, не говоря о ряде ценных мыслей менее крупного значения (посвященных вопросам исторической методологии, критике царившего в свое время учения о четырех мировых монархиях, защите идей об экономической взаимозависимости и солидарности всех стран и т. д.). Отдельные части этой работы Боден развил позднее в своем монументальном труде «*République*» («О государстве», 1576 г.). Обе эти книги были переведены на многие европейские языки.

Естественно возникает вопрос, какова была судьба идей Бодена в России, оказал ли Боден какое-нибудь воздействие на развитие общественно-политической мысли в нашем отечестве? О непосредственном воздействии как будто не может быть речи. В те немногие десятилетия, когда имя Бодена еще гремело и произведения его неоднократно издавались и переводились на иностранные языки, духовная атмосфера в России не благоприятствовала восприятию идей французского мыслителя. Когда же, примерно через полтора века, русское образованное общество стало активно знакомиться с духовными богатствами Запада, время Бодена уже прошло и предметом изучения русского просвещения сделались Монтескье, Вольтер, Дидро и др. Но все же следы знакомства с Боденом и даже известного влияния его можно найти и у нас.

Г. В. Плеханов, проведя любопытную параллель между И. С. Пересветовым, представителем русской общественно-поли-

тической мысли времен Ивана Грозного, и Боденом, указывал на ряд общих черт в их идеологии. Но все же ясно, что говорить о прямом влиянии Бодена нельзя: он был младшим современником русского публициста. Иное дело — писавший через 100 лет после Пересветова образованный хорват Юрий Крижанич (1617—1683). Плеханов писал о нем, что вследствие пристрастия к французскому политическому строю Крижанич «истолковывал законы бога и природы в том же смысле, в каком прежде него истолковывал их Боден»¹. Здесь мы имеем, возможно, уже не просто случайное совпадение идей, как в случае с Пересветовым. Но нам нужно снова продвинуться вперед на целый век, чтобы напасть на очевидный на сей раз след знакомства с Боденом. Я имею в виду известного историка времен Екатерины II И. Н. Болтина, к которому, как отмечал В. О. Ключевский, постоянно обращались, в том числе и Екатерина II, как к знатоку за историческими справками и консультациями².

Иван Никитич Болтин (1735—1792), историк-практик, провел 18 лет на военной службе, а после выхода в отставку продолжал служить то по таможенному ведомству, то в Крыму секретарем Г. А. Потемкина, который дорожил его умом и практическими знаниями и покровительствовал ему всю жизнь. Практическая работа дала Болтину прекрасное знание страны, подготовила его к занятиям русской историей, которой он занимался с жаром, со страстью, но лишь урывками, в часы отдохновения.

В Петербурге Болтин сблизился с кружком «любителей отечественной истории», в частности с гр. А. И. Мусиным-Пушкиным, занимался, как и другие члены кружка, собиранием старинных рукописей, имел возможность пользоваться ценной коллекцией Мусина-Пушкина. Постепенно Болтин сделался одним из крупнейших русских историков XVIII в. Даже такой суровый критик, как Шлёцер, признавал его «величайшим знатоком отечественной истории»³.

В круге чтения Болтина, поражающем своей обширностью, виднейшее место занимали французские просветители. «Исторический словарь» Пьера Бейля, «Опыт о нравах» Вольтера, «Дух законов» Монтескье, «Политико-философская история» Рейналя, а также «Картины Парижа» Мерсье — настольные книги Болтина⁴.

Критически осмысливая идеи французских просветителей, Болтин (уже в возрасте 40—50 лет) усиленно занялся изучением

¹ Плеханов Г. В. Соч., т. XX. М.—Л., 1925, с. 296.

² Ключевский В. О. Соч., т. 8. М., 1959, с. 425.

³ Шлёцер А.-Л. Нестор.—Русские летописи на древнеславянском языке, т. 1, СПб., 1809, с. 381.

⁴ Как отмечает Ключевский, Болтин хорошо знаком был не только с сочинениями названных французских просветителей, но и с произведениями Жан-Жака Руссо, Э. Гиббона, А. Смита, В. Вольнея и др. (Ключевский В. О. Соч., т. 8, с. 139, 173).

древнего периода русской истории, главным образом по истории В. Н. Татищева, оказавшего на него сильнейшее влияние. Как раз ко времени окончания занятий Татищевым стала выходить «Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne» («История физическая, нравственная, гражданская и политическая России древней и нынешней») Леклерка (первые 5 томов появились в 1783—1785 гг.).

Леклерк — вначале домовый врач гр. Кирилла Григорьевича Разумовского, сопровождавший гетмана в путешествиях по России, прожив здесь менее 10 лет, — успел под покровительством своего могущественного патрона сделать довольно быстро карьеру: стал «директором наук» Шляхетского корпуса, профессором и советником Академии искусств и, по-видимому, по рекомендации все того же Разумовского (как президента Академии наук) был избран в 1765 г. почетным членом Академии наук.

Несмотря на то, что Леклерк весьма слабо усвоил русский язык, а еще менее успел изучить русскую жизнь и нравы, он задумал написать историю России и для этой цели получил некоторые указания и материалы от другого знаменитого русского историка, автора «Истории российской от древнейших времен» кн. М. М. Щербатова. Леклерк усиленно пользовался также новиковским «Словарем российских писателей» (допустив при переводе из-за незнания русского языка множество ошибок) и весьма бесцеремонно — щербатовской переделкой французского историка Левака.

В результате получилась крайне неудачная компиляция, которая к тому же пестрила грубыми искажениями, ошибками и недоразумениями. Но, конечно, не низкий теоретический уровень вызвал возмущение патриотических кругов России, самой Екатерины II и ее ближайшего окружения: виной всему было обличительное отношение Леклерка к «деспотичеству», осуждение — пусть и чисто декларативного характера — закабаления трудящихся масс, подчеркнуто пренебрежительный тон по отношению ко всему российскому.

Оскорбленный в своих патриотических чувствах, Болтин принялся, по мере чтения книги Леклерка, составлять к ней письменные примечания. Так возникли два увесистых тома «Примечаний на историю древнюю и нынешнюю России господина Леклерка» (1788 г.), содержащие весьма суровый, но недалекий от истины, отзыв Болтина о труде Леклерка.

Может быть, уже самое написание «Примечаний» представляло «заказ» покровителя Болтина — Потемкина, необычайно возмущенного леклерковским «охулением», но, во всяком случае, они были изданы в 1788 г. при его посредстве, на личные средства императрицы.

«Примечания» на книгу Леклерка имели неожиданным последствием то, что они втянули Болтина в долгий спор с историком, кн. Щербатовым, указаниями которого, как сказано было,

пользовался Леклерк. Результатом этого были (вышедшие уже после смерти как Болтина, так и кн. Щербатова) «Критические примечания генерал-майора Болтина на I и II том Истории князя Щербатова». Впрочем, эта полемика между Болтиным и кн. Щербатовым, затрагивающая специальные вопросы русской истории, не имеет отношения к нашей теме, и интересны именно «Примечания» на Леклерка.

Дело в том, что среди многочисленных цитат, которыми изобилует эта работа Болтина, мы встречаем две ссылки на Бодена: одну — на его известную книгу о государстве «République» (1576 г.), другую — на работу — «Метод легкого познания истории» («Methodus ad facilem historiarum cognitionem»).

На с. 277 II тома «Примечаний» на Леклерка мы читаем: «Иулий III бесстыдство свое до того простер, что Ганнимеда своего Иннокентия, человека молодого, подлого невежду, сделал кардиналом, а как прочие кардиналы стали о сем роптать, то папа отвечал им: — А вы какое достоинство нашли во мне, поставив меня главою республики христианские?» И за этим следует ссылка на 4-ю книгу «Methodus...» (в действительности соответствующее место находится в 5-й книге).

На с. 490 того же II тома «Примечаний» говорилось: «Г-н Леклерк следует методу Павла Иовия, писателя XVI века, который, будучи вопрошен, для чего он лжи и небылицы рассказывает, а о событиях истинных молчит? — отвечивал, что делает то в пользу друзей своих. Он хвастался иметь перо золотое и перо железное, из коих первое употреблял он в пользу тех государей, от коих получал милости, а другое против тех, от коих он ничего не получил». И за этим следует общее указание на «Methodus...» Бодена.

По-видимому, в этих ссылках авторы, писавшие о Болтине, — Сухомлинов, Ключевский, Милюков и другие, — видели доказательство непосредственного знакомства Болтина с идеями Бодена. Так, П. Н. Милюков в своих «Главных течениях русской исторической мысли» высказывает предположение о том, что Болтин мог быть знаком непосредственно с «Методом легкого познания истории» («Methodus...»), так как Болтин в своих примечаниях на историю Леклерка дает ссылку на Бодена, не заимствованную из статьи «Паоло Джовио» словаря П. Бейля⁵.

Но если обратиться к статье о Паоло Джовио в словаре Бейля, то мы найдем соответствующее место⁶ (причем любопытно, что Болтин в данном случае ошибся и приписал Бодену отзыв о Джовио другого автора — Тессье (Tessier). То же самое

⁵ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913, с. 365; Примечания на Историю древняя и нынешняя России, г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным, т. 2. СПб., 1788, с. 490.

⁶ Bayle P. Dictionnaire historique et critique, t. II. Amsterdam, 1720, p. 1576; ср. Болтин Н. И. Указ. соч., т. 2, с. 277.

можно сказать и о замечании Болтина насчет папы Юлия III, которое он мог найти в статье Бейля об этом папе ⁷⁾).

Таким образом, названные ссылки не могут служить неопровержимым доказательством непосредственного знакомства Болтина с Боденом, так как он мог их заимствовать из неисчерпаемой сокровищницы цитат Бейля. Разумеется, трудно предположить, чтобы Болтин ограничился знакомством из вторых рук с автором, которого так высоко ставил Бейль. Но гораздо убедительнее в пользу знакомства с Боденом говорит другое обстоятельство.

Как историк Болтин замечателен тем, что, не довольствуясь чисто прагматическим изложением событий, он старался вскрыть в историческом процессе закономерность. В этом отношении Милюков противопоставлял Болтина, как представителя «реального и органического» ⁸⁾ понимания истории его знаменитому противнику — Щербатову, исходившему из рационалистического взгляда на исторический процесс.

Плеханов находил эту характеристику Болтина слишком лестной. У автора «Примечаний» на Леклерка, писал Плеханов, «не было и не могло быть такого взгляда ни на историю вообще, ни на русскую историю в частности. Его заслуга ограничивается тем, что, неудовлетворенный историческим идеализмом, он попытался, — только попытался, — выработать себе органический взгляд на историю, для чего и обратился к одной из тогдашних разновидностей (зачаточного) исторического материализма ⁹⁾».

Плеханов имел здесь в виду «теорию климата». Фактором, вносящим в историю закономерность, Болтин считал влияние климата. Естественно было бы ожидать здесь зависимости Болтина от такого тогдашнего властителя дум, как Монтескье. И, конечно, она имеется, но все же дело обстоит сложнее. Возражая в начале первого тома «Примечаний» Леклерку, утверждавшему, что не климат «устраивает» людей и что нравы происходят от воспитания, Болтин писал: «Некоторые, любящие пускаться в крайности, климату более надлежащего могущества присвоили, и все перемени в людях и государствах из него выводили; другие, напротив, все от него отняли и оставили его без силы и действия. Из числа первых суть Монтескю и Дюбос; а из числа последних Гельвеций, с которым г. Леклерк, будучи одного ремесла, восхотели быть и одинакового мнения (Болтин имеет здесь в виду профессию Леклерка, бывшего врачом, так же как и Гельвеций. — *Ф. К.-Б.*). Но я последую тем, кои держатся средния дороги, то-есть, кои, хотя и полагают климат первенственною причиною в устранении и образовании человеков, однако ж и других содействующих ему причин не отрицают. По их мнению, климат имеет главное влияние в наши тела и нравы; прочия ж причины, яко воспитание, форма

⁷⁾ *Bayle P. Op. cit.*, p. 1557.

⁸⁾ *Милюков П. Н. Указ. соч.*, с. 39.

⁹⁾ *Плеханов Г. В. Соч.*, т. XXII. М.— Л., 1925, с. 164.

правления, примеры и прочия суть второстепенные или побочные; они токмо содействуют или, приличнее, препятствуют действиям онаго»¹⁰.

Мы не будем разбирать, насколько прав Болтин, утверждая, будто Монтескье объясняет все климатом, а Гельвеций, наоборот, отрицает какую бы то ни было роль климата в исторических судьбах народов. Нам важно только отметить, что Болтин, становясь в ряды сторонников теории климата, тщательно отмежевывает себя от Монтескье.

Кто же те, «кои держатся средния дороги?» К сожалению, Болтин в этом пункте ограничился указанием на многих древних и нынешних писателей, защищавших теорию климата, ссылаясь на Полибия, утверждавшего, что «климат образует нравы народов», приводил данную Витрувием характеристику северных и южных народов, цитировал современника Бодена, испанского писателя Хуарте, согласно которому «испанцы по различному положению провинций, как в сложении тела, так и во нравах бесконечно друг от друга разствуют»¹¹. Бодена он здесь не назвал. Но между тем собственная его концепция ближе всего именно к боденовской трактовке «теории климата». Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить те немногие страницы, на которых Болтин излагает свою теорию «средния дороги», с соответствующими рассуждениями Бодена.

Как было сказано, Боден восставал против взглядов таких авторов, как Гален и Полибий, признававших ничем не устранимое влияние климата — мыслить так было бы, по его словам, даже нечестиво («quod ne cogitare quidem nefas est»). Смешение народов, длительное воспитание — то, что Боден называл «disciplina», понимая под этим широкий комплекс таких факторов, как законодательство, воспитание, божественная помощь и пр., — дают возможность преодолеть воздействие климата. Это и есть те побочные причины, которые, по словам Болтина, «токмо содействуют или препятствуют действию» климата.

Указав на влияние этих второстепенных причин, Болтин продолжал: «Но хотя от стечения сих побочных причин национальный характер и теряется, но если климат остается одинаков по времени, главнейшая причина побеждает побочные, и первобытный характер, зависевший от ее влияния, паки составляет»¹². Это как бы совпадение с мыслью Бодена об устойчивости природного характера народов (*natura populorum*), который изменяется только в результате усилия или продолжительного воспитания, но, даже изменившись, стремится вернуться к первоначальному своему характеру.

¹⁰ Примечания на Историю древняя и нынешняя Россия, г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным, т. I. СПб., 1788, § 11, с. 5—6.

¹¹ Там же, § 11, с. 8.

¹² Там же, § 11, с. 9.

Если у Болтина мы читаем: «Готы и другие народы переменяли с начала и от части язык древних каталонян, но климат превозмог их напоследок. Франки, вошед в Галлию, были от галлов отличны, но по времени сделались галлами»¹³, то от Бодена мы узнаем, что, по словам Цезаря, галлы, захватившие плодороднейшие места Германии, с течением времени так изменились по своему характеру и природе, что к его времени — лет через 500 после их переселения — приспособились к условиям своей новой родины. То же самое можно сказать и о готах после завоевания ими Испании.

Разъясняя понятие климата, Болтин замечал: «Не одна высота полусюа составляет различие в климате, но и многие другие обстоятельства, яко высота или низкость положения страны, близость высоких гор и различное их расположение, воды, болота, ветры, туманы и качества земли»¹⁴.

Боден также не ограничивался рассмотрением различий по географической широте, изучал влияние высоты местности над уровнем моря, режима ветров, гор, рек, болот, плодородия почвы. По Бодену огромное значение для *natura populorum* имело даже направление горных цепей: «Горные цепи, тянущиеся с запада на восток, как Пиренеи или Апеннины, порождают огромные различия между людьми, живущими по разным склонам их, хотя и на одной почти широте». По Болтину: «Часто небольшое расстояние в рассуждении местоположений различных делает чувствительнейшую в климате разность; а сия под одной формой правления при одинаковом воспитании и при тех же самых примерах производит некоторую отмену и в телесном сложении и в душевных свойствах жителей тутошних»¹⁵.

И Болтин, и Боден цитировали Полибия, и особенно Витрувия с его характеристикой северян и южан. Как и Боден, Болтин указывал на перемену, происходящую с растениями при перенесении их из одного климата в другой, и т. д.

Словом, в целом концепция Болтина о влиянии климата сходна с соответствующими высказываниями Бодена. Но не более того, ибо лишь через два года после появления «Примечаний» Болтина вышел в свет «Словарь исторический»¹⁶, в материалах которого русский читатель мог получить вполне отчетливое представление о боденовской «теории климата», без упоминания

¹³ Примечания на Историю древняя и нынешняя России, г. Леккерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтинным, т. I, § 11, с. 9—10.

¹⁴ Там же, § 11, с. 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Словарь исторический или сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния патриархов, царей, императоров, королей... философов, древних и нынешних веков историков... с показанием главнейших их сочинений. Перевод с французских Исторических словарей с приобщением к оному жития и деяний великих князей и государей Всероссийских и прочих, мужеством, подвигами и дарованиями отличившихся..., ч. I—II. М., 1790.

имени автора, но так уж повелось у нас в XVIII в. со многими французскими авторами.

Своим появлением на свет «Словарь исторический» обязан был следующим обстоятельствам. В мае 1789 г. истекал срок арендного договора Н. И. Новикова на содержание университетской типографии и издание «Московских ведомостей». Кончилось, по выражению Ключевского, «новиковское десятилетие», и Екатерина II, обеспокоенная деятельностью Новикова и его кружка, заблаговременно предписала ни в коем случае не возобновлять договор с Новиковым, а объявить новые торги. На объявленных университетом торгах издание «Московских ведомостей» перешло коллежскому асессору Светушкину, который, однако, был лишь подставным лицом, в действительности же негласным издателем был Огороков.

Новый издатель «Московских ведомостей» был крайне обеспокоен, как бы из-за происшедшей перемены это весьма популярное издание Новикова не потерпело краха. Чтобы поддержать издание на прежней высоте, надо было прежде всего позаботиться о хорошем, интересном к нему приложении, ибо при Новикове «Московские ведомости» всегда выходили с «Приложениями» и не по одному, а иногда по два, по три сочинения одновременно. «Приложения» в основном и привлекали подписчиков. Между тем у нового издателя не было такого сочинения, которое представляло бы бесспорный интерес для читателей и которое, с другой стороны, можно было бы растянуть на целое периодическое издание.

Вот тут-то, неизвестно точно, по чьей мысли, выбор пал на французский исторический словарь. Путем произведенных мною сопоставлений удалось установить, что этим словарем был «Dictionnaire historique» аббата Феллэ, первое издание которого вышло в Париже в 1781 г., а второе, расширенное, в 1789—1797 гг. Этот «Словарь исторический» новый издатель и распорядился перевести на русский язык. При этом, чтобы придать новому приложению еще больший для русского читателя интерес, в него решено было включить как дань благонамеренности и целый ряд биографий русских людей — князей, царей, а также ученых и писателей (в отличие от переводного французского текста, эти биографии набраны были курсивом).

Так появился на свет перевод «Словаря исторического», который выходил «Приложением» к каждому номеру «Московских ведомостей» (по 1 печ. листу). Любопытно, что новшество пришлось по вкусу читателям, так как в объявлении об издании «Московских ведомостей» на 1791 г. говорилось: «Издание «Словаря исторического», как одобряемой почтенной публикой книги, будет продолжаться и в следующем году». За время аренды «Московских ведомостей» преемником Новикова (до 1794 г.) вышло 12 частей «Словаря» (до буквы «Т» включительно). После перехода университетской типографии к Ридигеру и Клаудию издание «Словаря» приостановилось. Закончил его в 1798 г. тот же Огоро-

ков, который после университетской типографии содержал Сенатскую типографию в Москве.

Статья о Бодене в «Словаре» содержала краткую биографию его (с рядом ошибок) и столь же краткое изложение его главных трудов: «Methodus...», «République», «Démonomanie» («Демонomanия»), «Theatrum Naturae» («Картина вселенной») и «Colloquium Heptaplomeres» («Семичастный разговор»).

Автор статьи не особенно благожелательно относился к Бодену. Сравнив «République» с «Разумом законов» Монтескье, он заявил: «Ученое испытание расположено в нем гораздо с меньшим искусством, нежели в сочинении о «Разуме законов», с которым его сравнивали. Довольно видно, что он не размышлял о своем предмете, сколько славный Монтескье»¹⁷. По поводу «Methodus...» автор привел мнение Ла Моннэ, который говорит, что «сей способ есть весьма неправилен и, несмотря на все ученые примечания, часто занятые у других, находят в нем грубое невежество сочинителя»¹⁸.

В опровержение «теории климата» указывалось, что «прежде сего бывшие свободные народы теперь находятся в рабстве, а атмосфера нигмало не переменялась; варварские народы сделались просвещенными, а народы, в прежние времена, прославившиеся науками и художествами, предалися теперь невежеству и варварству»¹⁹. Это возражение скорее следовало бы направить по адресу «славного Монтескью», а не Бодена, который как раз доказывает, что обратное воздействие человека, «дисциплина», может парализовать влияние климата; в доказательство чего и приводит пример современных ему германцев, так отличных от варваров эпохи Тацита.

О «Colloquium Heptaplomeres» или «Седимичниках о сокровенных таинствах горных вещей» говорится, что эта работа, «иначе называемая боденовым натурализмом, книга письменная (т. е. рукописная.— Ф. К.-Б.), в которой заставляет он натуральной и жидовской закон жаловаться на христианской. Его отвращение к сей последней религии, побудившее его отвергнуть наилучшим образом основанные догматы, не воспрепятствовало ему принять множество суеверных заблуждений, которыми наполнен его натурализм». Все эти отрицательные характеристики трудов Бодена заканчиваются неожиданно весьма высокой оценкой личности автора: «Он был пылок,— читаем мы в заключении,— предприимчив и ничто его не утешало, имел дух республиканской, и оказывал его почти во всю свою жизнь»²⁰.

¹⁷ Словарь исторический или сокращенная библиотека..., ч. II, с. 280.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 281.

²⁰ Там же. Русский переводчик вообще весьма волно обращался с текстом аббата Фелле; эти заключительные строки французского оригинала он передал весьма неточно. В оригинале «Il était vif, tantôt zélé défenseur de la monarchie, tantôt républicain Outre» (Там же).

Так или иначе, статья о Бодене в «Словаре историческом» впервые дала русскому читателю некоторое представление об этом мыслителе.

Любопытно, что в год выхода «Словаря исторического» в охваченном революцией Париже Кондорсэ, в сотрудничестве с рядом других авторов, стал издавать «Bibliothèque de l'homme public» («Библиотеку общественного деятеля») — коллекцию из 28 томов, содержащую изложение важнейших трудов по вопросам политики, законодательства, финансов и пр. В первом томе были даны изложения «Политики» Аристотеля, «О государстве» Бодена, «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия» Макиавелли, а также макиавеллевского «Государя». Первые два тома этого издания были переведены на русский язык членами кружка М. И. Хераскова, но перевод не увидел света, так и оставшись в рукописи.

Но если появление во Франции довольно пространным резюме «Государства» Бодена (оно занимает в издании Кондорсэ 75 страниц — столько же, сколько и изложение «Политики» Аристотеля) объясняется потребностью в политическом просвещении французского «homme public» периода Учредительного собрания, то не так просто объяснить причины выхода в России в 1794 г. книги «Физика истории или всеобщие рассуждения о первоначальных причинах телесного сложения и природного характера народов» некоего «И. Г.», глухо назвавшего свою работу «переводом с французского» и посвятившего ее гр. А. Г. Орлову-Чесменскому²¹.

Милюков в своих «Главных течениях русской исторической мысли», указывая на эту работу «И. Г.», правильно заметил, что в ней содержится изложение учения Бодена, хотя в «Физике истории» нигде не упоминается имя этого автора. Милюков говорил о «французской переделке» идей Бодена, которую перевел «И. Г.», но, очевидно, Милюков не был знаком с этой переделкой в подлиннике, ибо он не приводит ни названия ее, ни автора.

После предпринятых в этом направлении поисков было обнаружено, что оригиналом, с которого переводил «И. Г.», служила книга, вышедшая в 1765 г. в Гааге анонимно²².

В предисловии (Avertissement) к этой книге (в примечании, к которому дана биография Бодена с весьма высокой оценкой его произведений и, в частности, «Methodus...», опущенном по неизвестным нам причинам русским переводчиком) говорилось, что идея этого труда и наиболее значительная часть его содержания были подсказаны составителю одной из глав превосходного «Метода легкого познания истории». И действительно, «Physique de l'histoire...» является в основном переделкой V главы «Methodus...»,

²¹ Физика истории, или всеобщие рассуждения о первоначальных причинах телесного сложения и природного характера народов. Пер. с французского. М., 1794 (далее — Физика истории...).

²² «La physique de l'histoire ou Consideration sur les Principes élémentaires du temperament et du Caractere naturel des Peuples. La Haye, 1765.

в которой излагается боденовская теория исторической закономерности или «теория климата».

Удалось установить также, что автором «Physique de l'histoire...» был земляк Бодена аббат Пишон, плодовитый компилятор (отчасти плагиатор), писавший по самым разнообразным вопросам и не оставивший своим вниманием и книгу Гельвеция «О человеке».

В 50—60-х годах XVIII в., после целого столетия забвения, во Франции воскрес интерес к Бодену. За эти годы вышло несколько кратких изложений «République», а также названная компиляция Пишона, находившая себе, очевидно, читателей, хотя на книжном рынке уже около 20 лет имелся знаменитый «Дух законов» Монтескье. Свидетельством известных достоинств компиляции Пишона является и вышедший через 30 лет перевод ее на русский язык. Об этом же говорит, пожалуй, и то, что «Physique de l'histoire...» имела в библиотеке Т. Н. Грановского. У меня в руках был именно экземпляр, принадлежавший знаменитому русскому историку.

В своей переделке Пишон в основном следовал за Боденом. Деление на географические пояса, учение о четырех органических жидкостях (крови, желчи и пр.), полярные характеристики северян и южан, промежуточное место, занимаемое в этом отношении жителями среднего пояса, и т. д.— все это излагается точно так, как у Бодена. Пишон цитировал тех же древних и новых авторов, что и Боден, дополняя их кое-где ссылками на позднейших писателей, как Ларошфуко, Мопертюи, Монтескье. Но все же боденовская «теория климата» была несколько модернизирована, приноровлена к умственному уровню XVIII в. Так, в противоположность Бодену, с его пристрастием к астрологическим и мистическим изложениям, Пишон отвергал астрологию, «сию мечтательную (т. е. мнимую.— *Ф. К.-Б.*) науку»²³.

Не довольствуясь боденовским объяснением причины мужества северян и робости южан, он прибегал к теориям современных ему ученых. «Спросите анатомистов,— писал Пишон,— о расположении крови северных народов. Она наполнена, скажут вам, маленькими жилочками, подобными кабановым («И. Г.» пропустил в своем переводе слова «и бычьим».— *Ф. К.-Б.*). По сей-то причине, кровь их, будучи довольно сгущена, делается твердою и неудобораспускаемой. От сего рождается в них неукротимой и суровой нрав, свойственный всем северным народам. От сего происходит стремительность к действию и проч. Кровь южных жителей, по противной причине, есть весьма жидка и легка; и если сравнить ее с кровью других животных, то она довольно похожа на зайчью или оленью <...> От сего южные жители, будучи не в состоянии противостоять очевидной опасности (поелику чувст-

²³ «La physique de l'histoire (ou Consideration sur les Principes elementaires du temperament et du Caractere naturel des Peuples. La Haye, 1765, p. 172. *Ф. К.-Б.*)

ва их внезапно приводят в возмущение), немедленно последуют движениям боязливости, которые разве только одно чрезмерное их восхищение и иступление остановить может»²⁴.

Я не берусь судить, правильно ли излагает Пишон взгляды естествоиспытателей XVIII в., или же он преподносит читателю свои собственные домыслы; во всяком случае его рассуждения — в духе наивной физиологии века Просвещения. Аббат Пишон в курсе модных материалистических теорий своего века и не прочь приукрасить ими свою книгу. «Человек,— писал он,— рассуждаемый в физическом смысле, есть род машины, весьма подобный винному (т. е. перегонному.— *Ф. К.-Б.*) кубу» (Вспомним, что «L'homme-machine» Ламетри вышла в 1748 г.). Пишон готов признать, что человек в своих поступках руководствуется всегда выгодой, корыстолюбием, интересом²⁵ (книга Гельвеция «De l'Esprit», где проводится «теория интереса», вышла в 1758 г.). В книгу включена, как дань галантному веку, особая глава «О телесном сложении и природном характере женщин в сношении со нравами умеренного климата», не имеющая решительно никакого отношения к Бодену и его «теории климата». Но это кокетничанье аббата с материализмом нисколько не мешает ему проводить религиозную точку зрения через всю свою книгу и постепенно поднимать читателя «незаметным усилием до вечного начала, которое все создало, все упорядочило для славы своих творений и своей собственной славы»²⁶.

Изложение Пишона модернизировано, приспособлено к литературным вкусам читателя XVIII в. Широкий непрерывный поток боденовской латыни, почти не признававшей абзацев и прописных букв после точек, разбился у Пишона на два с половиной десятка небольших, написанных гладкой французской прозой глав, трактующих об отдельных вопросах боденовской «теории климата» («О характере южных народов и природных их склонностях», «О любви относительно к климату», «О естественном состоянии жителей умеренного пояса относительно к народам крайних климатов» и т. д.). Под рукой опытного литературного ремесленника Боден стал удобочитаемым, а теории его могли стать темой бесед в великосветских гостиных.

Русский перевод «И. Г.» не отличается особенными достоинствами: он пропускает отдельные слова, выражения, у него нередко нехватает слов для адекватной передачи французских терминов, встречаются купюры, произведенные по не всегда ясным соображениям. Так, непонятно, как указано было, почему он выпустил предисловие (Avertissement) Пишона, в котором француз излагал мотивы, побудившие его выбрать для своей перделки V главу «Methodus...» Бодена.

²⁴ Физика истории..., с. 28—29.

²⁵ Там же, с. 130.

²⁶ Там же, с. 265 и след.

Зато можно, кажется, понять соображения, заставившие переводчика выпустить главу XXI книги Пишона: «О преобладающих чертах характера жителей среднего пояса, и в частности о недостатке постоянства, приписываемого французскому народу». Защита Пишоном в этой главе достоинств, характера французского народа от несправедливых, по его мнению, нападков не могла в последние годы царствования Екатерины II понравиться российским правящим кругам, и в частности бывшей «ученице» Вольтера. После казни Людовика XVI старая Екатерина старалась забыть,— и заставить забыть,— былой, ни к чему не обязывавший флирт «Фелицы» с французскими просветителями. Монтескье, которого Екатерина, по ее собственным словам, «огрabila» для своего «Наказа», Вольтер, Дидро и весь «Энциклопедии скептический причет» вышли из моды. Само имя французов стало одиозным. Как выразилась императрица по поводу негодования в Англии, вызванного казнью французского короля: «Следует искоренить всё, вплоть до самого имени французов» («Il faut absolument exterminer jusqu'au nom des français») ²⁷. Как бы подчиняясь этой директиве, «И. Г.» в своем переводе либо выпускает места, где говорится о французах, либо иногда заменяет слова автора о французах неопределенной фразой о жителях умеренной полосы.

С какой же целью издал «И. Г.» свой перевод? Переводчик, надо думать, желал дать русскому читателю весьма интересовавшее его изложение «теории климата». Подтверждением этого может быть следующее обнаруженное нами «Особое прибавление» к «Московским ведомостям» № 101, которое гласит:

«В оную же книжную лавку в продажу вступили следующие, вновь из печати выпешдшие книги:

1) «Физика Истории, или всеобщия рассуждения о первоначальных причинах телесного сложения и природного характера народов». Перевод с франц.

До настоящего времени не было еще на Российском языке ни одной книги подобного содержания. Почти ни один, как из древних, так и из новейших, авторов еще не покушался писать о сей материи. Почему новая, и может быть первая в своем роде, сия книга, в которой автор с глубоким вниманием изследы вая натуру и телесное сложение не только частных людей обоего пола, но и целых народов, обитающих на Севере, Юге, Востоке и Западе, открывает наиточнейшим образом из неоспоримых физических начал природный характер их, их нравы, склонности, страсти и пожелания, угадывает справедливо причины, управляющие их бытием, поведением и всеми отношениями, конечно, по привлекательности и пользе своей заслужит одобрение почтеннейшей публики и цену от любопытного читателя...

Декабря 20 дня, 1794 года, в среду» ²⁸.

²⁷ Пынин А. Н. История русской литературы, т. IV. СПб., 1913, с. 61.

²⁸ «Московские ведомости», 1794, Особое прибавление к № 101.

Таким образом, остается предположить, что переводчик желал познакомить русское общество с «теорией климата», но не в крайней ее форме, как у Монтескье, а придерживаясь «средняя дороги», в духе Болтина.

Чрезвычайно интересное высказывание по этому поводу имеется в неопубликованной рукописи Н. Д. Чечулина. Приведем его полностью:

«В 1794 году вышел под названием «Физика истории, или всеобщия рассуждения о первоначальных причинах телесного сложения и природного характера народов» перевод плохой французской переделки сочинения Бодена (Jean Bodin, 1530—1596) «Methodus ad facilem historiarum cognitionem». Появление этого сочинения было уже совершенно запоздалым. Заслугу Бодена составляет его новое, в свое время, учение, что характеры людей,— а чрез это посредственно и ход истории каждой страны,— определяются климатом, т. е. совокупностью всех физических условий страны. Но у нас задолго до выхода «Физики истории» это учение стало русским читателям известно чрез несколько книг, авторы которых следовали Монтескье, который развивал это учение в своем «Духе законов» с таким талантом. И если в XVI веке мысль Бодена являлась крупным шагом в развитии исторического понимания, то в конце XVIII приложение, тем более такое плохое, каково оно в «Физике истории», представляло уже только исторический интерес; автор переделки, а может быть и русский переводчик, сгладил кажется все проблески оригинального ума, выступающие в трактате Бодена, устранил выражения веры автора в ведьм, колдовство и астрологию, заменив все это мелким и дешевым рационализмом своего времени.

Книга эта прошла у нас совершенно, по-видимому, бесследно, чего она и заслуживала, едва ли не у одного Болтина можно заметить некоторые признаки знакомства с нею»²⁹.

Вообще учение о влиянии климата привлекало к себе внимание русского образованного общества конца XVIII в. Об этом свидетельствует сравнительно большое число посвященных данному вопросу статей, оригинальных и переводных: обнаруженных мною в тогдашних журналах. Из них я назову, например, следующие: в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований», представлявшем второе «Приложение к «Московским ведомостям»», издававшееся при Светушкине (1791, ч. III), имеется любопытная статья «Нечто из влияния климата в рассуждении и обычаях народов»; в тобольском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (июнь—июль 1791 г.) напечатана статья «Исторические известия о влиянии климата на национальные характеры человечества»; в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (продолжение «Чтений для

²⁹ Чечулин Н. Д. Литература общественных знаний в России XVIII века, т. I.— ОР ГПБ, ф. 838 (Н. Д. Чечулина), д. 5, л. 148—149.

вкуса») (1797, ч. XIII) встречаем статью «Влияние климата на искусство» и т. д.

Но особенный интерес представляет статья, помещенная в январском номере за 1798 г. издававшегося И. П. Пниным «Санкт-Петербургского журнала». Это был один из самых интересных и общественно значимых журналов. Именно в нем впервые появились переводы трех глав гольбаховской «Системы природы»³⁰, восемь глав его же «Всеобщей морали» (разумеется, анонимно) и ряд других переводов. Интересующая же нас статья носит название: «Примечания на книгу XIV, главу 2-ю г-на Монтескья о разуме законов». Она предпослана напечатанному в февральском номере журнала (1798 г.) переводу 2-й главы XIV книги труда Монтескье. Эта глава, как известно, содержит основные идеи «теории климата» Монтескье.

Критический разбор этой главы, принадлежащий, быть может, перу самого Пнина, по размерам в несколько раз превышает переведенную из «Духа законов» главу. «Думали, и может быть еще думают,— начинает неизвестный автор свою статью,— что Монтескый первый говорил о влиянии климата. Сие мнение есть погрешность. До него тонкий и замысловатый Фонтенель упражнялся в сем предмете. Шардин, один из таких путешественников, которые умеют наблюдать, учинил много рассуждений о физическом и нравственном влиянии климатов. Аббат Дюббос подтвердил и изъяснил мысли Шардина; и Бодин, который, может быть, читал в Полибии, что климат определяет образ, цвет и нравы народов, *сделал уже из того за сто, за пятьдесят лет прежде основание своей системы* в книге своей о республике и в способе своем преподавания истории»³¹.

Таким образом, автор статьи знает, что еще за полтора века до Монтескье Боден, исходя из указаний античных авторов, построил свою систему о влиянии климата, и знает также, что она изложена Боденом как в «Methodus...», так и в «République».

Далее мы читаем следующее: «Прежде всех сих писателей бессмертный Гиппократ весьма пространно рассуждал о сем предмете в славном своем сочинении *О воздухе, о водах и местах*. Сочинитель „Разума законов“, *не приводя ни одного из сих философов*, соорудил в свою чреду систему, но он токмо переменял начала Гиппократовы и дал большее протяжение мыслям Дюббоса, Шардина и Бодина. Он хотел уверить публику, что первый возымел некоторые мысли о сем предмете (курсив наш.— Ф. К.-Б.); и публика поверила его слову. Надобно простить сию малую вину изобретательному уму, который, при-

³⁰ За систематическое изложение материалистической философии «Система природы» получила название «Библии атеизма».

³¹ «Санкт-Петербургский журнал», 1798, январь, с. 84—85. (Курсив наш.— Ф. К.-Б.)

обыкли мыслить сам от себя, *почитал себя иногда изобретающим*, в то время, когда только повторял мнения других»³².

Монтескье, как известно, выбрал эпиграфом для своего труда «*Prolem sine matre creata*» («Без матери рожденное дитя»), подчеркивая тем самостоятельность и оригинальность своих взглядов. Но русский автор, не смущаясь авторитетом Монтескье, разоблачал неосновательность этих претензий. Через полвека после него французский исследователь Бодриар, сопоставляя в своей книге о Бодене автора «*Methodus...*» с творцом «Духа законов», придет к следующему заключению: «Боден (и это еще одно свидетельство огромной разницы между стилем и способом изложения обоих авторов) даже, когда он делает открытия, производит впечатление преподносящего что-то старое и почти обветшалое; Монтескье же кажется сделавшим открытие, в то время как он излагает то, что вычитал. Один говорит перегруженным, педантичным языком века эрудитов, другой придает какую-то новую пикантность легкому языку светского лощенного века»³³.

Характеризуя взгляды Монтескье, автор «Примечания» пишет: «Сей славный муж почитает влияние климата как бы всеобщей причиной почти всех нравственных и политических явлений; и к утверждению сего мнения составил он систему, в которой находится больше отважности и чрезвычайности, нежели точности в наблюдениях и истины в следствиях»³⁴.

Против крайностей взглядов Монтескье автор «Примечания» выдвигает ряд возражений, которые он резюмирует потом в нескольких пунктах: «1) <...> климат может иметь влияние на физическое и нравственное свойство людей, как причина *совместная*, а не как причина *совершенная*; 2) <...> сие влияние весьма сильно в климатах чрез меру жарких или чрез меру холодных, но <...> оно едва чувствительно в климатах умеренных, 3) <...> положение Земли в рассуждении Солнца не может определить одно климат оной; 4) <...> какая бы ни была сила сего влияния, законодатель должен ослабить действия оного, если они вредны, пользоваться оными, если полезны, и даже не касаться оных, когда оне опасны...»³⁵.

В пояснении к пункту 3 мы читаем: «Не одно местоположение Земли в рассуждении Солнца может определить ее климат. Составляет же оной постоянной степень теплоты или стужи в атмосфере; и сие действие не зависит единственно от широты; оно происходит от множеств других местных причин, каковы, например, суть: *возвышение земли над морем, обширность твердой земли, качества земли, смежность лесов, высота сопредель-*

³² Там же, с. 85.

³³ Baudrillard H. Jean Bodin et son temps. Paris, 1853, p. 418.

³⁴ «Санкт-Петербургский журнал», 1798, январь, с. 86—87.

³⁵ «Санкт-Петербургский журнал», 1798, январь, с. 91—92.

*ных гор, свойство ветров, там царствующих и тысяча подобных обстоятельств»*³⁶.

Мы здесь встречаем знакомое уже нам по Бодену и Болтину расчленение понятий климата. Может показаться, что в лице автора «Примечаний» мы имеем дело со сторонником болтинской «средняя дороги». Но в действительности это не так. В то время как Болтин, вслед за Боденом, признавал доминирующее, хотя и не исключительное, влияние климата, автор «Примечаний» толкует это влияние ограничительно, находя его очень сильным в крайних поясах и ничтожным в умеренном поясе, и вообще считая климат причиной лишь «совместной», т. е. одной из многих, имеющих одинаковое значение.

С автором «Примечаний» мы находимся уже на пороге XIX в., и я могу считать свою задачу исполненной. Полагаю, что приведенные мною факты неоспоримо доказывают ошибочность априорного предположения, будто Жан Боден остался совершенно чужд развитию ранней русской общественно-политической мысли. Знакомство со взглядами Бодена в конце XVIII в. можно определенно установить.

³⁶ «Санкт-Петербургский журнал», 1798, январь, с. 101—102. (Курсив наш.— Ф. К.-Б.)

**«РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ» И ПРИЕМЫ ИХ ОБРАБОТКИ
В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII В.**

(По данным хроники Д. Стоу — Э. Хауэса)

Л. А. Никитина

Тема России издавна интересовала английского читателя¹. Однако она получила особое развитие в английской историографии лишь после возникновения прямых контактов между Россией и Англией в 1553 г. Английские историки конца XVI — начала XVII вв. уделяли большое внимание русской теме. Сообщения о России встречаются в хрониках: Томаса Купера², Джона Кингстона³, Рафаэля Холиншеда⁴, Вильяма Кэмдена⁵, Джона Стоу — Эдмонда Хауэса⁶, Джона Спида⁷, Ричарда Бекера⁸ и других. Наибольшую известность у исследователей англо-русских отношений получили русские разделы хроники Джона Стоу. К изучению отдельных ее разделов, хотя и весьма выборочно, обращались некоторые историки (И. Х. Гамель, И. И. Любименко, М. П. Алексеев, Джон Лингард, Т. С. Виллан, Ч. Оман и другие⁹). Интерес их к хронике Стоу — Хауэса определялся, оче-

¹ О собирании в Англии сведений по истории народов, населявших русские земли в античное время и в период раннего средневековья, см. работу Л. Б. Райта и «Введение» к американскому изданию книги С. Герберштейна (*Wright L. B. Middle-Class Culture in Elizabethan England. Washington, 1958; Herberstein S. Notes upon Russia, v. I. N.-Y., 1963, p. II—CXLVII*).

² Cooper's Chronicle. London, 1565, p. 357.

³ Продолжатель хроники Роберта Фабиена (*Fabian Robert. The New Chronicles of England and France. Ed. by H. Ellis. London, 1811, p. 718*).

⁴ *Holinshed Raphael. Chronicles of England, Scotland and Ireland, v. IV. London, 1808, p. 86, 235.*

⁵ *Camden William. The History of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth, Late Queen of England. London, 1675, p. 102—125, 285—286, 473, 537, 604, 649.*

⁶ *Stow John. Annales or a General Chronicle of England, began by John Stow, continued and augmented with Matters Forreign and Domestic, Ancient and Modern unto the End of This Present Yeere 1631 by Edmund Howes, gentl. London, 1631 (далее — Annales).*

⁷ *Speed John. The History of Great Britain under the Conquest of Romans, Saxons, Danes and Normans... from Julius Caesar to our Most Gracious Sovereign King James. London, 1650, p. 907, 896.*

⁸ *Baker Richard. A Chronicle of Kings of England. London, 1684.*

⁹ *Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетия. — «Записки имп. Академии наук», 1865, т. VIII, кн. 1, с. 103; Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией, вып. 1 (XVI в.). Юрьев, 1912, с. 122; Алексеев М. П. Шекспир и Русское государство XVI—XVII вв. — В кн.: Шекспир и русская культура. Сборник статей. М.—Л., 1965, с. 804; *Lingard John. A History of England from the First Invasion by the Ro-**

видно, тем, что для этого произведения английской анналистики конца XVI — начала XVII в. характерны значительный охват событий (в хронологическом отношении) и большая степень достоверности.

Задачей данной статьи будет проследить специфику раскрытия русской темы в хронике Стоу—Хауэса. Кроме того, мы попытаемся выявить русские источники и определить приемы обработки хронистами документов о России. Все эти вопросы не ставились еще в историографии англо-русских отношений.

Изучаемая хроника является произведением двух авторов. Основной автор хроники — Джон Стоу — родился в Лондоне около 1525 г. Он не был профессиональным историком и происходил из семьи небогатого лондонского торговца¹⁰. Будущий хронист не пошел по стопам отца и деда. Вступив в цех лондонских портных, Стоу стал портным и торговцем одеждой¹¹. Рано заинтересовавшись историей, он начал собирать рукописи и редкие печатные издания¹². Ранние работы Стоу обратили на себя внимание лондонской купеческой олигархии. «Отцы» Лондона (магистраты) назначили его историографом английской столицы¹³. Стоу получил мизерную пенсию и поручение отразить «деяния» лондонских купцов в хронике событий, происходивших в Лондоне и в Англии с древнейших времен вплоть до времени написания работы. Эта-то хроника, изданная впервые в 1580 г., и стала одним из самых значительных произведений английской городской анналистики конца XVI — начала XVII в. и в смысле отражения «русской» темы. Хроника многократно переиздавалась. Причем каждый раз автор дополнял свою работу, излагая историю Англии вплоть до года издания. Известно 8 изданий хроники (с 1580 по 1631 г.)¹⁴. Джон Стоу умер 6 апреля 1605 г. А его хроника до сих пор является настольной книгой для каждого исследователя истории Англии с древнейших времен до XVII в. Пожалуй, не меньший интерес представляет хроника и для историков России.

После смерти Джона Стоу английские антиквари (любители древности) были обеспокоены прекращением работы по хронографии Лондона. Они стали искать кандидатуру продолжателя

mans to the Revolution in 1688, v. VII. London, 1860, p. 246—247; *Willan T. S.* The Early History of the Russian Company, 1553—1603. Manchester, 1956, p. 112; *Oman Charles.* The English Silver in the Kremlin, 1557—1663. London, 1961, p. 46, 61.

¹⁰ *Stow John.* The Survey of London. With introduction by Henry B. Wheatley. Oxford, 1908, p. IX; *Dorsch T. S.* Two English Antiquaries: John Leland and John Stow.— «Essays and Studies 1959». London, 1959, v. 12, p. 30.

¹¹ *Stow John.* The Survey of London, p. IX.

¹² *Ibidem*; *Smith Robert Metcalf.* Froissart and the English Chronicle Play. N.-Y., 1915, p. 53.

¹³ *Stow John.* The Survey of London, p. X.

¹⁴ *Wright L. B.* The Elizabethan Middle-Class Taste for History.— «The Journal of Modern History», 1931, v. 3, N 2, p. 181.

хроники. Было несколько лиц, которые могли бы завершить дело Джона Стоу. Но выбор пал на Эдмонда Хауэса. О его жизни известно мало. Некоторые сведения о себе он сообщает в издании хроники 1631 г. Там он рассказывает о своей работе с архиепископом Кентерберийским Джоном Уайтгифтом по подготовке всякого рода «сокращений хроник»¹⁵. Причиной, которая, по словам Хауэса, побудила его приняться за «труд хронологии», было то, что «счастливое» царствование короля Якова I еще не нашло своего историка, который бы передал потомству сведения о «благоденствии» английского народа¹⁶. Хотя существовала «прекрасная работа» Джона Стоу («so good worke»), различные влиятельные лица не переставали побуждать Хауэса «к этому настоящему делу хронологии»¹⁷. Хауэс работал над хроникой 30 лет¹⁸. Результатом было «Дополнение» («Supplement») к хронике Джона Стоу, «расширенное за счет материалов иностранных и внутренних, древних и современных до конца этого настоящего 1631 г.»¹⁹ Хауэс трижды перерабатывал хронику, изменяя, дополняя и переиздавая ее в 1605, 1615 и 1631 г.²⁰

По содержанию хроника Стоу — Хауэса представляет собой изложение английской истории с древнейших времен до 1631 г. Авторы не ограничились описанием истории английского народа. Они пытались осветить и перспективу развития всего человечества. Хронистов интересовала внутренняя история Англии, ее отношения с соседними государствами (Шотландией, Францией, Нидерландами, Швецией, Испанией, Данией, Италией и Россией). Международные связи Англии авторы хроники также прослеживали с древнейших времен до 1631 г.

По объему хроника Стоу — Хауэса — огромный (in-folio) том, насчитывающий 1050 страниц с приложением указателя и других дополнительных разделов.

«Русские» разделы составляют лишь незначительную часть работы и входят в хронику под 1553, 1569, 1601, 1604—1605, 1617, 1619 и 1628 гг. Сравнительно небольшой удельный вес разделов об англо-русских связях объясняется тем, что, во-первых, прямые контакты с Россией начались довольно поздно — с 1553 г., а хроника начинается с библейских времен. Во-вторых, англо-русские отношения представляют лишь один из многочисленных аспектов работы хронистов, и к тому же не основной.

В «русских» разделах хроники авторы освещают прежде всего различные направления англо-русских отношений: политиче-

¹⁵ См. «Посвящение» Э. Хауэса королю Карлу I Стюарту в *Annales*. Нумерация страниц в «Посвящении» отсутствует. *Annales*, p. 891, 1003.

¹⁶ *Ibid.*, p. 1089.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.*, («Посвящение»).

¹⁹ См. титульный лист «*Annales*» издания 1631 г.

²⁰ *Dictionary of the National Biography*, ed. by Lee Stephen and Sidney Lee, v. 55. London, 1950, p. 4.

ские²¹, экономические²² и культурные²³. Затем сообщаются некоторые сведения о России: природные условия²⁴, данные этнографического характера²⁵, описание наиболее важных этапов русской политической истории: Крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в.²⁶, русско-шведских переговоров в Столбове и Дедёрине²⁷, церковной истории (учреждение в России патриархии)²⁸, титулатуры русских царей²⁹, развития русских городов³⁰, отношений России с соседними государствами³¹, деятельности английской Московской компании)³².

Джон Стоу освещал историю англо-русских связей с 1553 по 1601 г.³³, а Эдмонд Хаузс — с 1601 по 1628 г.³⁴ В хронике имеются сообщения о русских посольствах в Англию (И. Г. Непей³⁵, А. Г. Совина³⁶, Г. И. Микулина³⁷, А. И. Зюзина³⁸, М. И. Поздеева — С. И. Вольтского³⁹, Василия Дмитриевича⁴⁰). Хроника содержит сведения и об английских посольствах в Россию (Р. Ченслера⁴¹, Т. Смита⁴², Д. Меррика⁴³ и Д. Дигса⁴⁴).

Источники по истории англо-русских отношений богаты по содержанию и разнообразны по форме. Это прежде всего переписка русских царей с английскими королями и государственными деятелями. Авторы прямо ссылаются на грамоты русских царей (Ивана Васильевича, Бориса Годунова, Федора Борисовича Годунова, Лжедмитрия I, Василия Ивановича Шуйского, Михаила Федоровича)⁴⁵.

Грамоты английских королей (Марии Тюдор, Якова I Стюарта, также упоминаются авторами хроники⁴⁶. Известна хронистам и

²¹ *Annales*, p. 609, 629—630, 663, 791, 792, 793, 844, 871, 873, 1012, 1027—1028, 1044.

²² *Ibid.*, p. 629—630, 663, 1017.

²³ *Ibid.*, p. 791.

²⁴ *Ibid.*, p. 889, 891—892.

²⁵ *Ibid.*, p. 889.

²⁶ *Ibid.*, p. 871—874.

²⁷ *Ibid.*, p. 1012, 1027—1028.

²⁸ *Ibid.*, p. 874.

²⁹ *Ibid.*, p. 629—630, 791, 844, 1017.

³⁰ *Ibid.*, p. 629, 871, 889.

³¹ *Ibid.*, p. 791.

³² *Ibid.*, p. 629—630, 663, 805, 1017.

³³ *Ibid.*, p. 609—815.

³⁴ *Ibid.*, p. 817—1050.

³⁵ *Ibid.*, p. 629—630.

³⁶ *Ibid.*, p. 663.

³⁷ *Ibid.*, p. 791—792, 815.

³⁸ *Ibid.*, p. 1012.

³⁹ *Ibid.*, p. 1028, 1029.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 1044. В хронике фамилия русского гонца Василия Дмитриевича отсутствует.

⁴¹ *Ibid.*, p. 609.

⁴² *Ibid.*, p. 844, 871.

⁴³ *Ibid.*, p. 1012, 1027—1028.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 1029.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 629, 630, 791—792, 871, 874, 1012, 1027, 1044.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 630, 844, 871, 1027.

переписка русских царей и английских королей с правительствами соседних государств (Дании, Швеции, Шотландии и других стран) по вопросам англо-русских связей⁴⁷.

Данные «русских» разделов хроники Стоу—Хауэса основываются также и на материалах дипломатических переговоров русского и английского правительств в различные периоды (тексты мирных договоров, инструкции послам и другие документы).

Среди договоров, упоминаемых в хронике, особое место занимает Столбовский договор 1617 г. между Россией и Швецией. Последняя статья договора в шведском его варианте целиком цитируется продолжателем хроники Хауэсом.

Имеются в хронике ссылки и на дипломатическую переписку английских агентов со своим правительством. Так, Хауэс упоминает о письмах в Лондон английского агента из Константинополя об убийстве турками константинопольского патриарха, учредившего в России самостоятельную патриархию⁴⁸. Одним из основных источников хроники для характеристики англо-русских отношений являются привилегии английской Московской компании, выданные ей русским правительством в разные годы. В хронике упоминаются привилегии царей Ивана IV, Бориса Годунова, Федора Борисовича Годунова, Лжедмитрия I, Василия Ивановича Шуйского^{48a}.

Авторы хроники ссылались и на переписку агентов Московской компании. Так, рассказывая о посольстве И. Г. Непей в Англию в 1556 г., Стоу писал, что члены компании узнали о гибели своего корабля у берегов Шотландии из писем своих агентов в Эдинбурге⁴⁹.

Авторы хроники использовали также акты английского парламента, утверждавшие привилегии английской Московской компании⁵⁰. Очевидно, хронисты изучали и другие документы из архива Московской компании: мы имеем в виду рассказы о торжественных приемах русских послов в Лондоне⁵¹. Авторы хроники прямо говорят о своем знакомстве с таможенными книгами английской столицы («the bookes of the Custome House»⁵²).

Однако хронисты не ограничивались использованием русских и английских источников для освещения вопросов, касающихся развития торговли с Россией. Стоу ссылался на немецкие документы, в частности, на прокламацию и привилегии, выданные саксонским герцогом Генрихом Львом русским, датским, норвежским и другим купцам на свободную торговлю в Любеке⁵³. Сре-

⁴⁷ Ibid., p. 629, 1028.

⁴⁸ Ibid., p. 874.

^{48a} Ibid., p. 1017, 791—792, 871.

⁴⁹ Ibid., p. 629.

⁵⁰ Ibid., p. 1017.

⁵¹ Ibid., p. 629—630, 792.

⁵² Ibid., p. 868.

⁵³ Ibid., p. 96.

ди источников хроники большое место занимают записки иностранцев о России. На материале таких именно записок построен раздел о польско-шведской интервенции в России в начале XVII в.⁵⁴ Возможно, что записки иностранцев использовались и при описании русско-шведских переговоров 1614—1617 гг.⁵⁵

Детализация и красочность отдельных описаний в хронике свидетельствует о том, что хронисты были хорошо знакомы и с рассказами очевидцев. Так, Хауэс очень живо описывал наводнение на Севере России (1607 г.): «В это время в России, особенно в районе Холмогор, случилось подобное ужасное наводнение, во время которого унесло прочь церкви и дома, но, с другой стороны, было нанесено не так много вреда, как в Англии, так как лед не разбился, а был крепким, и тогда [на нем] спасались люди и животные, но если бы лед разбился, то это нанесло бы ущерба намного больше, чем в Англии, так как подобные разливы не известны в тех краях; лед стоял там до 11-го мая, чего никогда не видели до тех пор»⁵⁶. Совершенно ясно, что этот рассказ основан на сообщении очевидца, наблюдавшего наводнение.

На рассказах очевидцев основано сообщение Э. Хауэса о морозных зимах в России. Рассказывая о морозах, случившихся в Англии и во Франции в 1607 г., хронист писал, что русские, узнав об этом, говорили: «Как глупо и стыдно, неразумно то, что вы жалуетесь на один несчастный 6-ти недельный мороз, который случается в ваших странах не более раза в 50 лет, в то время как мы в течение 50 лет редко имеем морозы, которые стояли бы менее 5 месяцев каждый год и с большей суровостью...»⁵⁷

Мы уже говорили, что достоверность сообщений хронистов о России определяется не только богатством и разнообразием использованных ими источников, но и умелым обращением с ними. Как же авторы хроники относились к своим источникам? Методы обработки источников весьма типичны для английской историографии конца XVI — начала XVII в. Те же приемы мы наблюдали при изучении «русских» разделов других английских хроник⁵⁸.

Прежде всего применяется простое упоминание отдельных документов, содержащих сведения о России (особенно часто — грамот русских царей). Так, рассказывая об аудиенции, данной королевой Елизаветой I русскому послу в Лондоне Г. И. Микулину 14 октября 1600 г., Хауэс писал, что посол «передал свои грамоты» королеве⁵⁹. Хронисты ссылаются и на грамоты англий-

⁵⁴ *Annales*, p. 871—874.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 1012, 1027—1028.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 889.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 891—892.

⁵⁸ *Никигина Л. А.* Англо-русские отношения в свете хроники В. Кэмдена — В кн.: *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину*. М., 1972, с. 312—325.

⁵⁹ *Annales*, p. 791.

ских королей русским царям, дипломатические инструкции, привилегии Московской компании⁶⁰ и другие виды документов.

Другим приемом является цитирование источника. Так, рассказав о ходе переговоров между Россией и Швецией в 1614—1617 гг. и о роли английского посредника Джона Меррика, Хауэс целиком привел последнюю статью Столбовского договора от 27 февраля 1617 г.

«Последняя статья договора между представителями обоих государей:

И для того, чтобы добиться более твердой и крепкой (прочной) уверенности в том, что все обещания, данные в этом договоре, являются заключенными и согласованными между нами, представителями этих названных королевских величеств, которые были полностью уполномочены...и при посредничестве посла его королевского величества, короля Великобритании, который до сего часто упоминается, и будут исполнены нашим великим господином Густавом-Адольфом, королем Швеции и наследниками его королевского величества, будут верно и с твердостью исполнены и соблюдаемы во всех пунктах и статьях этого договора...Итак, мы, посол нашего великого господина Густава-Адольфа, короля Швеции, получивший полные полномочия, Яков де ла Гарди, граф Лекский и т. д. и один из членов Тайного Совета короля, а также Генрих Горн, лорд Рэнкский и Венденский и других владений, а также член Тайного Совета его величества и Арвей Тоннисон, лорд Твисбери и других владений, а также Монс Мартинсон, секретарь короля, установили и утвердили этот договор о мире нашими клятвами на священном евангелии и властью, которую мы имеем по этому вопросу, подписали его нашими руками и запечатали его нашими печатами и выразили доброе желание, чтобы посол его королевского величества короля Великобритании, обладающий полными полномочиями, благородный (noble) и достойный сэр Джон Меррик, рыцарь, чтобы он от имени его величества короля Великобритании, как посредник подписал бы вместе с нами и приложил бы печать к этим... в свидетельство того, что согласовано было здесь. И мы, представители его королевского величества короля Швеции, передали этот трактат послу его царского величества царя России. Дано в Столбове 27 февраля 1617 г.

Подобные (аутентичные) статьи слово в слово имеются в русском варианте договора, скрепленного и снабженного печатами шведских представителей»⁶¹.

В хронике Стоу—Хауэса применялся и прием частичного цитирования источника (в том числе грамот русских царей и английских королей⁶²), также присущий всей английской аннали-

⁶⁰ Ibid., p. 1027, 871.

⁶¹ Ibid., p. 1028.

⁶² Ibid., p. 629.

стике конца XVI — начала XVII в. Так, Э. Хауэс довольно часто сокращает полный царский титул, который приводится в грамотах английских королей, например в грамоте короля Якова I царю Борису Годунову. О посольстве Томаса Смита в Россию в 1604—1606 гг. хронист писал: «Томас Смит, достойный джентельмен, бывший олдермен Лондона, был послан послом от короля Якова Английского к императору всея Руси, великому князю Владимирскому, Московскому и Новгородскому, царю Казанскому и царю Астраханскому и т. д. Он начал свое посольство туда 12 июня»⁶³.

В хронике встречается также прием сокращенного изложения содержания русских источников. Так, Хауэс, например, излагает содержание грамот царя Бориса Годунова, переданных королеве Елизавете I посольством Г. И. Микулина в 1600 г. Сопоставим текст наказа царя Бориса (а наказ отразил содержание царских грамот) с соответствующим разделом хроники Э. Хауэса.

В наказе царя Бориса Годунова говорилось, что посол должен сообщить английской королеве о смерти царя Федора Ивановича и о том, что произошло после этого, т. е. об избрании на царство Бориса Годунова по желанию всех сословий: «Мы, великий государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси самодержец, на великих государствах: на Владимирском и Московском, и на Новгородском, и на царствах Казанском и Астороханском, и на Сибирском, и на всех государствах Российского царствия и на новоприбылых государствах учинились есмь великим государем царем и великим князем всеа Руси самодержцом и венчались царским венцом и диадимом, по древнему нашему обычаю, и скифетро Российского царствия восприях. И послали есмь к тебе, сестре нашей любительной, Елисавет королевне государство свое обестить, про наше царское здоровье сказати и твое, сестры наши любительные, здоровье видеть, посланика нашего... И мы, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, с тобою, сестрою нашею любительною, Елисавет королевною, хотим быти в брацкой любви и в ссылке, и в крепкой дружбе и в соединении... и ваших торговых людей, которые торгуют в нашем государстве в Московском и во всех наших государствах, для тебя. сестры наши любительные, как преж сего жаловали, так и вперед жаловати хотим. А по челобитью твоих подданных торговых людей, которые торгуют в нашем государстве, позволили им торговати в нашем государстве, попрежнему, беспошлинно, и нашу царскую жаловалую грамоту новую за золотом печатью дати им велели, и тое нашу царскую грамоту послали есмь к тебе, сестре нашей, с твоим подданным со Фряриком Ивановым»⁶⁴.

⁶³ Annale, p. 844.

⁶⁴ Сборник РИО, т. 38. СПб., 1883. с. 278—288.

А теперь приведем соответствующий раздел хроники Хауэса, написанный на основании изучения хронистом грамоты царя Бориса Годунова к королеве Елизавете. Грамота эта отразилась в цитировавшемся выше наказе. Хауэс писал, что в своих грамотах Борис Годунов «высказывал свое особое желание [иметь] дружбу с ее величеством [и говорил о том], с какой благосклонностью он поступил и будет поступать по отношению к ее подданным, утверждая их привилегии (their Charter) и разрешая им свободный проезд [в грамоте] под своей золотой печатью, ясно показывая к тому же, что он принял этот титул с этого общего согласия или скорее по принуждению со стороны знати и народа (Commons), а сверх того по горячему желанию почтенного духовенства и их святейшего патриарха, приписывая себе и наследственное право на корону; среди других предметов он желал, чтобы королева послала ему несколько человек хороших докторов, ученых людей и искусных ремесленников, которым он и обещал [оказать] хороший прием и дать достойное вознаграждение»⁶⁵.

Итак, прием сокращенного изложения царской грамоты становится совершенно очевидным из приведенного сопоставления этих двух документов: царского наказа послу Г. И. Микулину и соответствующего раздела хроники. Тот же прием краткого изложения русского источника применил Хауэс, рассказывая о переписке царя Федора Борисовича Годунова с королем Яковом I: По словам хрониста, новый царь «быстро ответил» английскому послу Томасу Смиуту «о том, что он утвердит все, что бы ни даровал его отец»⁶⁶.

Особенно наглядно прием сокращенного изложения содержания виден в рассказе Хауэса о событиях Крестьянской войны и польско-шведской интервенции в России⁶⁷. Весь этот рассказ основан на неизвестных нам записках иностранцев. Уже само название этого раздела свидетельствует об этом: «Краткое повествование о России» («A briefe relation of Russia») ⁶⁸. О сокращении источника свидетельствует и сама форма подачи материала в этом разделе. Хронист часто делает замечания типа: «Короче говоря...» «Короче говоря, так он (Борис Годунов.— Л. Н.) царствовал, и так он жил в течение 7 лет»⁶⁹.

Рассказывая о царствовании Ивана Грозного, Хауэс писал: «54 года царствовал он на императорском престоле; о том, какие он в это время одержал победы, какие покóрил страны, а также о присущих ему добродетелях и пороках, *потребовался бы гораздо больший трактат (discourse)*»⁷⁰. Можно предположить, что имен-

⁶⁵ Annales, p. 791.

⁶⁶ Ibid., p. 871.

⁶⁷ Ibid., p. 871—874.

⁶⁸ Ibid., p. 871.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibid., p. 873. (Курсив наш.—Л. Н.)

но такой более обширный трактат о царствовании Ивана IV был известен хронисту.

В хронике можно заметить также обычный для английской анналистики прием комбинирования данных нескольких источников о каком-либо одном событии. Так, описывая посольство Г. И. Микулина в Англию в 1600—1601 гг., хронист использовал и записки иностранцев о России, и грамоты царя Бориса Годунова королеве Елизавете, и привилегию, данную царем Борисом Московской компании, и материалы посольства, отложившиеся в английских архивах, и свидетельства очевидцев о развлечениях членов русского посольства в английской столице.

Хронист сообщал: «Властитель Борис Федорович посредством многих затей (devices) расположил к себе сердца людей. После того как он предложил устранить с пути Дмитрия, прямого (immediate) наследника после смерти Федора Васильевича⁷¹, общая к нему любовь и его слава были таковы среди простого народа и всех других главных сановников государства (которые только с его помощью добились своего повышения по службе и которые крепко держались друг за друга вследствие недовольства [ими] и вследствие вытеснения [ими] древней знати), что он был при помощи [лиц] из своей партии (faction) избран императором России, что [он] и принял после слабого отказа. И затем со всей поспешностью он послал своих послов к тем государям, которых он считал наиболее близкими и милостивыми по отношению к его теперешней удаче.

18 сентября 1600 г. его посол с 20 лицами прибыл в Лондон. 14 октября он имел аудиенцию и передал свои грамоты, в которых новый император, по-иному и более правильно обычно называемый великим князем, высказывал свое особое желание [иметь] дружбу с ее величеством [и говорил о том], с какой благосклонностью он поступал и будет поступать по отношению к ее подданным, утверждая их привилегии (their Charter) и разрешая им свободный проезд [в грамоте] под своей золотой печатью, ясно показывая к тому же, что он принял этот титул с этого общего согласия или скорее по принуждению со стороны знати и народа (Commons), а сверх того по горячему желанию почтенного духовенства и их святейшего патриарха, приписывая себе и наследственное право на корону; среди других предметов он желал, чтобы королева послала ему несколько человек хороших докторов, ученых людей и искусных ремесленников, которым он обещал [оказать] хороший прием и дать достойное вознаграждение. Относительно остального об этом льстивом тиране смотри в 3-м году [царствования] короля Якова; его посол был с большим почетом принят, в его честь был дан пир, и он был принят королевой, и пользовался любезным обращением и получал со-

⁷¹ Так в тексте. Следовало бы: Федора Ивановича.

держание в течение 8 месяцев за счет Компании московских купцов, а затем возвратился обратно.

Московиты охотятся в Мэрибон-парке

Третьего февраля послы от императора России и другие московиты проехали верхом через город Лондон к Мэрибон-парку и там охотились по своему желанию и вскоре после этого возвратились домой»⁷².

Тот же прием комбинирования данных разных источников об одном и том же событии мы наблюдаем в рассказе Хауэса о посольстве Алексея Ивановича Зюзина в Англию; это и грамота царя Михаила Федоровича с изложением задач русского посольства⁷³, и рассказ о почетном приеме посла королем Яковом I, и сообщение о дарах посла семье английского короля, и рассказ об отъезде в Россию Зюзина вместе с Джоном Мерриком, будущим посредником в русско-шведских переговорах. Попутно даются ценные сведения о самом Джоне Меррике.

Приведем соответствующий текст хроники: «26 октября прошлого 1613 г. прибыл Алексей Иванович Зюзин, наместник Шацкий, посол от Михаила Федоровича, нового молодого императора России, к королю Великобритании с тем, чтобы заключить мир между королем Швеции и русским императором и выразить желание, чтобы его величеству (Якову I.— Л. Н.) было бы угодно послать посла к его господину императору: этой весной 1614 г. этот посол получил очень почетный во всех отношениях прием, а его дары из мехов, которые он преподнес королю, королеве и принцу, были очень милостиво приняты. И сего июня месяца 1614 г. король послал сэра Джона Меррика, рыцаря, послом в Москву; сей рыцарь всегда, начиная со своей юности, имел большой и серьезный опыт в отношении тех областей, и его хорошо знали и любили государи и народ России; он отправился в почетном сопровождении»⁷⁴.

Сравнение приведенного отрывка хроники с современными документами и, в частности, с материалами посольства Зюзина подтверждает наш вывод о комбинировании разных источников автором⁷⁵.

Совершенно определенно можно выявить целый ряд «составляющих» в разделе об участии Джона Меррика в ведении русско-шведских переговоров 1614—1618 гг.⁷⁶ Здесь и инструкция анг-

⁷² Annales, p. 791—792.

⁷³ Грамота царя Михаила Федоровича королю Якову I от 11 июня 1613 г. была издана С. Коноваловым (*Kononov S. Seven Royal Letters. 1613—1628.*— «Oxford Slavonic Papers», 1957, v. VII, p. 122).

⁷⁴ Annales, p. 1012.

⁷⁵ Ср. изложение посольских дел, связанных с миссией А. И. Зюзина, в работе С. М. Соловьева (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен*, т. 9, кн. V. М., 1961, с. 69).

⁷⁶ Annales, p. 1012, 1027—1028.

лийского короля Якова I Джону Меррику о ведении переговоров в России и в Швеции, и грамоты этого короля, адресованные царю Михаилу Федоровичу, и материалы переговоров Меррика в Москве, Нарве, Ладогe и Столбове, и текст Столбовского мирного договора, и перечень даров русского царя королю Якову I, посланных в Англию вместе с Джоном Мерриком. Возможно, все эти документы отразились в дневнике английского посла, который попал в руки хрониста. Но как бы то ни было, раздел хроники Хауэса о посольстве в Россию Джона Меррика в 1614—1618 гг. составлен из показаний целого ряда самых разнообразных источников ⁷⁷.

Присутствие многих «составляющих» видим мы и при анализе раздела хроники Хауэса о миссии гонца царя Михаила Федоровича — Василия Дмитриевича — в Англию в 1628 г. Здесь и изложение содержания грамот царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича к английскому королю Карлу I, и описание приема гонца лондонскими горожанами, и сведения об аудиенции, данной гонцу английским королем Карлом I. Приведем соответствующий отрывок хроники: «Около 16 ноября 1628 [года] прибыл в Лондон гонец (a Messenger) от императора России Михаила Федоровича так же, как и от патриарха, господина Филарета Никитича Московского и всея Руси, по имени Василий Дмитриевич ⁷⁸, который назывался в письме императора дворянином, [принадлежащим] к государеву дому, известным и глубоко уважаемым; он прибыл для того, чтобы поздравить его величество, нашего короля, с счастливым приходом его к власти (to the Crowne) его великих королевств Англии, Шотландии, Франции и Ирландии. Он был с почетом принят в городе Лондоне и препровожден в его резиденцию (Lodging). Его величеству было угодно дать ему аудиенцию 7 декабря» ⁷⁹.

Для методики работы авторов хроники с русскими источниками характерно также их стремление связать друг с другом сообщения отдельных разделов о развитии англо-русских отношений. Перекрестные ссылки используются авторами как для указания на уже изложенный материал, так и для связи его с будущими событиями. Так, в разделе о посольстве М. И. Поздеева — С. И. Волинского Хауэс говорил, что русские послы прибыли от «вышеупомянутого Михаила Федоровича, императора России» ⁸⁰. И действительно, царь Михаил Федорович, «новый молодой импе-

⁷⁷ Документы о миссии Джона Меррика см. в кн.: *Лыжин Н. П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857; *Соловьев С. М.* Указ. соч., т. 9, кн. V, с. 77; *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.—Л., 1964 г.; *Kononov S.* Anglo-Russian Relations, 1620—1624.— «Oxford Slavonic Papers», 1957, v. VII, p. 122).

⁷⁸ Фамилия гонца в хронике не приводится.

⁷⁹ *Annales*, p. 1044.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 871.

ратор России», уже упоминался в хронике под 1613 г. в разделе о посольстве в Англию А. И. Зюзина в 1613—1614 гг.⁸¹

Сообщая о возвращении Меррика в Англию в 1617 г., хронист опять-таки ссылался на свой более ранний рассказ об его отправлении в Россию в 1614 г.: «Возвратился в Англию сэр Джон Меррик, рыцарь, который, как вы можете прочесть, был послан послом в Россию в 1614 г.»⁸² И действительно, в хронике уже говорилось ранее об отправлении Меррика послом в Россию⁸³.

Используют хронисты и фразы, которые связывают уже изложенный материал с тем, о котором они только еще собираются рассказать. Так, перед тем, как рассказать о ходе посольства Джона Меррика в Россию в 1614—1617 гг., Хауэс пишет, что целью посла было «быть посредником при заключении мира между императором России и королем Швеции..., образ действия его при этом следует далее»⁸⁴.

Иногда хронисты при помощи перекрестных ссылок как бы опережают ход событий и дают историческую перспективу. Так, говоря о захвате русского престола Борисом Годуновым, хронист добавил: «А о том, чего желал бог в большей степени, будет сказано впоследствии»⁸⁵. Перекрестные ссылки обращены не только в будущее, но и в прошлое. В разделе о посольстве Т. Смита Хауэс сообщал под 1604 г.: «Сэр Томас Смит возвратился из России около 12-го сентября, будучи в прошлом году послан в качестве посла его величества...»⁸⁶

Одним из моментов, которые определяют значительную степень достоверности сообщений авторов хроники о развитии англо-русских отношений, является внимание к датировке. Этому они придают особое значение. Все события английской истории излагаются в хронологическом порядке. Царствование каждого из английских королей выделено особо, все события внутри этого царствования располагаются также в хронологическом порядке. Для важнейших событий хронисты приводят число и месяц их совершения. Даже незначительные этапы первого русского посольства в Англию, имевшего, по мнению Стоу, особое значение, снабжены точными датами. Это и время отпуска И. Непеи царем Иваном Васильевичем (25 марта 1556 г.), и отъезда посольства из порта св. Николая (20 июля 1556 г.), и гибели корабля «Эдуард-благое предприятие» у берегов Шотландии (10 ноября 1556 г.), и даты проезда И. Непеи из Шотландии в Лондон через различные английские города, и прибытия первого русского посла в Лондон

⁸¹ Ibid., p. 844.

⁸² Ibid., p. 1027.

⁸³ Ibid., p. 1012.

⁸⁴ Ibid., p. 1026.

⁸⁵ Ibid., p. 871.

⁸⁶ Ibid., p. 871.

(28 февраля 1557 г.), и дата королевской аудиенции. Точные даты дают читателю возможность следить за ходом посольства и всеми этапами переговоров. Точная датировка событий дает возможность проверить сообщения хроники об этом посольстве сравнением с данными других современных источников.

Такие же точные датировки, подтверждаемые показаниями других источников, даются хронистами и для других этапов англо-русских отношений (посольства Г. И. Микулина, Томаса Смита, С. И. Волынского и других)⁸⁷. Хауэс писал под 1604 г.: «Он (Томас Смит.— Л. Н.) начал свое путешествие туда (в Россию.— Л. Н.) 12 июня»⁸⁸. При описании посольства С. И. Волынского и М. И. Поздеева Хауэс также сообщает точную дату и день недели, когда прибыл в Лондон русский посол («во вторник, 4-го ноября 1617 г.»). Сообщается и время аудиенции, данной послам королем Яковом I («в следующее воскресенье»), и время новогоднего (1618 г.) приема русских послов⁸⁹. Рассказывает хронист и о времени приезда в Лондон Джона Меррика — «в вышеназванном ноябре» (1617 г.)⁹⁰. Это дает возможность читателю связать во времени его приезд с миссией русских послов Волынского и Поздеева.

Внимание хронистов к датировке событий заметно и при описании истории России. Так, по данным хроники, Иван IV Васильевич царствовал в течение 54 лет, царь Федор Иванович — 15 лет, Борис Годунов — 7 лет. Сообщается и о коротких царствованиях Федора Борисовича Годунова и Лжедмитрия I⁹¹.

Столь же внимательно датировал Хауэс и события Крестьянской войны и польско-шведской интервенции. Он сообщает время вооруженной борьбы первого самозванца с Борисом Годуновым — «менее, чем 4 месяца»⁹², даты смерти Федора Борисовича Годунова и его матери (11 июня 1605 г.), коронации Лжедмитрия I (21 июля 1605 г.), коронации Марины Мнишек (приблизительно 8 мая 1605 г.), восстания в Москве (17 мая 1605 г.)⁹³, воцарения В. И. Шуйского («через 4 дня» после смерти Лжедмитрия I)⁹⁴.

Часто хронисты стремятся приурочить дату к определенному дню недели или месяца. И. Непея въезжал в Лондон 28 февраля 1557 г., «что приходилось на последний день этого февраля»⁹⁵.

Хронисты старались «привязать» сообщаемые даты к другим, важным, по их мнению, событиям англо-русских отношений. Так, сообщая о приеме И. Непеи королем Филиппом Испанским

⁸⁷ Annales, p. 629—630, 790, 791, 844, 1028—1029.

⁸⁸ Ibid., p. 844, 1027.

⁸⁹ Ibid., p. 1027.

⁹⁰ Ibid., p. 1028.

⁹¹ Ibid., p. 871—873.

⁹² Ibid., p. 873.

⁹³ Через 9 дней после коронации Марины Мнишек (Ibidem).

⁹⁴ Ibid., p. 874.

⁹⁵ Ibid., p. 629.

и королевой Марией Тюдор 25 марта 1557 г., Стоу заметил, что это произошло «через 12 месяцев после того, как он (русский посол.— Л. Н.) покинул императора, своего господина»⁹⁶. Часто авторы хроники используют для датировки подлинные документы (так Хауэс правильно датирует Столбовский договор 1617 г.⁹⁷).

Для авторов хроники характерно синхронное изложение событий. Все события, происходящие в России, они соизмеряют во времени с событиями, в то же время происходящими на континенте и в Англии, что помогает читателю правильно оценить «русские» события.

Одним из основных методических приемов работы хронистов с «русским» материалом является составление заголовков, которые отражают содержание того или иного раздела, чаще всего они имеют информационный характер. Так, рассказ о посольстве Томаса Смита в Россию в 1604—1606 гг. помещен в хронике в двух разделах, разделенных «английским» материалом. Первый называется «Посол в Россию»⁹⁸, второй — «Сэр Томас Смит возвращается из Московии»⁹⁹. Под 1600 г. Хауэс поместил заголовок: «Посол от нового императора России»¹⁰⁰ (речь идет о приезде в Англию посольства Григория Ивановича Микулина, которое должно было сообщить королеве Елизавете о вступлении на русский престол Бориса Годунова).

Часто заголовок говорит об отношении хронистов к описываемым событиям. Так, под 1607 г. на поля хроники вынесен заголовок: «Церкви в России строятся из дерева»¹⁰¹. Очевидно, здесь нашло отражение удивление современников деревянным (на Севере) строительством в России начала XVII в. В Англии в это время широко развивается каменное строительство, и авторы хроники каждый раз отмечают такие случаи¹⁰².

Иногда заголовки дополняют и поясняют изложенный материал. Так, в связи со вступлением на английский престол короля Карла I Стюарта, царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич отправили в Англию экстренное посольство во главе с Василием Дмитриевичем. В заголовке хроники мы читаем: «Особое (speciall) посольство из России»¹⁰³.

Иногда заголовок как бы подводит итог предстоящему рассказу хрониста о событии. Так, рассказу о событиях «Смутного времени» в России предшествует заголовок: «Состояние России и смерть трех царей в течение одного года»¹⁰⁴. Заголовки порой

⁹⁶ Ibid., p. 630.

⁹⁷ Ibid., p. 1028.

⁹⁸ Ibid., p. 814.

⁹⁹ Ibid., p. 871.

¹⁰⁰ Ibid., p. 701.

¹⁰¹ Ibid., p. 880.

¹⁰² Ibid., p. 1015.

¹⁰³ Ibid., p. 1044.

¹⁰⁴ Ibid., p. 871.

очень четко отражают идейные позиции авторов. Рассказывая о деятельности царя Ивана IV, Хауэс затрагивал спорный в литературе того времени¹⁰⁵ вопрос о титуле русского царя. Рассказав о взятии Казани и Астрахани и подтверждении, в связи с этим, права Ивана IV на титул царя, хронист вынес на поля заголовков: «Они (русские великие князья.— Л. Н.) приняли титул императора около 60 лет тому назад»¹⁰⁶. Раздел о роли Лондона Хауэс озаглавил следующим образом: «Лондон по изобилию товаров превосходит другие города»¹⁰⁷. Такое название звучало особенно выразительно, если вспомнить, что хронист описывал процветание Лондона на фоне бедствий других европейских столиц (двух пожаров Москвы, осады Парижа, падения Антверпена и т. д.¹⁰⁸).

В некоторых случаях авторы хроники выносят на поля название источника. Это можно отнести к упоминанию Столбовского договора. Хронист, приводя последнюю статью его целиком, перед текстом ее писал: «Последняя статья договора между представителями обоих государей»¹⁰⁹.

Одним из приемов субъективного толкования «русских» источников в хронике Стоу—Хауэса можно считать введение в текст работы оценок. Это давало возможность хронистам проводить свою точку зрения на развитие событий в России. Так, вслед за сообщением о смерти Лжедмитрия I повествуется об избрании на русский престол Василия Ивановича Шуйского: «Через 4 дня после этого был избран императором Василий Иванович (который теперь царствует), и он был немедленно коронован, и так как из его рук мы, англичане, приняли особые милости, то нам не остается ничего иного, как восхвалять его щедрость»¹¹⁰. Тот же прием введения прямых оценок мы наблюдаем в трактовке Столбовских переговоров¹¹¹.

Хронисты используют в «русских» разделах также попутное комментирование текста. Очень ярко виден этот прием в рассказе об учреждении патриархии в России. Хауэс писал: «В 1588 г. патриарх греческой церкви *вследствие личного недовольства* приехал из Хио (Хиос.— Л. Н.), или Сио, в Греции, в город Москву и за *симоническое вознаграждение в сумме 20 тыс. фунтов* он не только передал свои права на престол, но также совершенно отказался от них и сложил с себя и со всех своих преемников всякую церковную юрисдикцию и даровал ее митрополиту Московскому»¹¹².

¹⁰⁵ *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, с. 33.

¹⁰⁶ *Annales*, p. 871.

¹⁰⁷ *Ibidem*.

¹⁰⁸ «Обращение к олдерменам Лондона» (*Ibidem*).

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 1027.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 874.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 1028.

¹¹² *Ibid.*, p. 874. (Курсив наш.— Л. Н.)

Широко используют авторы хроники прием акцентирования отдельных положений, чтобы направить мысль читателя в нужное им русло. Так, рассказав о победах Лжедмитрия I над войсками Бориса Годунова и о гибели царя и его семьи, хронист кончил свой рассказ следующими словами: «Таким образом, менее чем за 4 месяца этот мнимый царевич закончил свою войну и начал своё царствование»¹¹³.

Свою точку зрения авторы хроники проводят очень настойчиво. Стараясь подчеркнуть роль английского посредника Джона Меррика при заключении Столбовского мирного договора между Россией и Швецией, Хауэс несколько раз возвращался к характеристике личности посла и трудности его миссии: «И сего июня месяца 1614 г. король (Яков I.—*Л. Н.*) послал сэра Джона Меррика, рыцаря, послом в Москву; сей рыцарь всегда, начиная со своей юности, имел большой опыт в отношении тех областей, и его хорошо знали и любили государи и народ России. Он отправился в почетном сопровождении»¹¹⁴. Под 1617 г. Э. Хауэс снова поместил сообщение о миссии Меррика и снова подчеркнул ту же самую мысль: значительность личности посла и трудность его миссии: «Сэр Джон Меррик, рыцарь, возвратился в Англию, который, как вы можете прочесть, был послан послом в Россию в 1614 г. его величеством для того, чтобы быть посредником при заключении мира между императором России и королем Швеции, что он и выполнил с большим трудом»¹¹⁵.

Итак, мы остановились лишь на некоторых основных приемах обработки «русских» источников в хронике Стоу—Хауэса, которая представляет интерес, как образец работы английских историков конца XVI—начала XVII в. с их концепцией, направленной на прославление деяний английских государственных деятелей, дипломатов и купцов английской Московской компании,— той концепцией, которая была продиктована авторам хроники интересами английских купцов, принимавших участие в торговле с Россией. Аналогичные приёмы обработки «русских» источников встречаются в произведениях и других английских историков этого периода: Вильяма Кэмдена, Ричарда Бекера, Джона Спида.

Однако, наряду с такими чертами, присущими всей английской историографии изучаемого периода, хроника Стоу—Хауэса дает широкий хронологический охват событий (с 1553 по 1628 г.), обильный фактический материал при высокой степени достоверности сообщаемых фактов. Заметен и особый интерес хронистов к истории России. Всё это привлекало и продолжает привлекать к хронике Стоу—Хауэса внимание многих поколений историков России и Англии.

¹¹³ Ibid., p. 873.

¹¹⁴ Ibid., p. 1012.

¹¹⁵ Ibid., p. 1027. (Курсив наш.—*Л. Н.*)

VI

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТРУДАХ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

(Библиография) *

1917

Культурные задачи рабочего класса. Культура общечеловеческая и классовая. Пг., 24 с.

1918

[Доклад на I Всерос. съезде по просвещению 26 августа 1918 г.].— «Известия», 27 авг., с. 6. (Изложение).

То же, стеногр.— Протоколы I Всерос. съезда по просвещению, созв. Нар. комиссариатом по просвещению в Москве 25 авг. 1918 г. М., 1919, с. 5—14.

[Доклад на I Всерос. съезде учителей-интернационалистов 2 июня 1918 г.].— «Известия», 5 июня, с. 6.

То же, стеногр.— «Нар. просвещение», № 3, с. 1.

Место и роль интеллигенции в обществе.— «Нар. просвещение», № 3, с. 24—26.

О преподавании истории в коммунистической школе. Лекция, прочит. на сент. Пед. курсах в Петербурге в 1918 г. Пг., 20 с. (На правах рукописи).

То же, с примеч. авт.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., 1923, с. 94—115.

По поводу прав и обязанностей ученых.— «Петрогр. правда», 16 окт., с. 2. Пролетариат и искусство.— «Пролет. культура», М., № 2, с. 23—24. Тезисы доклада, подготовленного для первой Всерос. конференции Пролеткульта.

Просветительные поезда.— «Петрогр. правда», 25 дек., с. 1.

[Речь на открытии I Всерос. съезда учителей 4 июля 1918 г.].— «Известия», 5 июля, с. 7. (Изложение).

То же, полностью.— Протоколы I Всерос. съезда учителей, созв. Нар. комиссариатом по просвещению в Москве 3 июля 1918 г. М., с. 8—12.

Речь о социальном воспитании. Речь, произнес. 3 ноября 1918 г. в Петрограде. Пг., 14 с.

Трудовое начало в единой школе.— «Петроград. правда», 1 окт., с. 1.

Что такое образование. Речь на открытии Курсов инструкторов по внешкольному образованию. Пг., 22 с.

1919

Еще о Пролеткульте и советской культурной работе.— «Известия», 13 апр., с. 2.

Задачи внешкольного образования в Советской России.— «Внешкольный съезд» (однодн. газ.), 4 июня, с. 1. Отрывок из речи на открытии I Все-

* Составитель *Е. С. Почерняева.*

рос. съезда по внешкольному образованию 6 мая 1919 г.

То же, полностью. — В кн.: *Ленин В. И., Луначарский А. В.*

Речи на I Всерос. съезде по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. М., с. 5—17.

Задачи государственного кинодела в РСФСР. — В кн.: *Кинематограф*. М., с. 5—7.

К вопросу о национализации театров. — «Вестник театра», № 18, с. 2—4.

Комиссариат народного просвещения и писатели. — «Известия», 6 февр., с. 1. Ответ на статью В. Устинова «Против течения» («Известия», 2 февр.).

Коммунистическая пропаганда и народное просвещение. — «Известия», 26 марта, с. 1.

То же, с доп. — В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., 1923, с. 88—93.

Народное образование в Советской России. Статья [1] — 2. — «Ком. Интернационал», № 2, стб. 217—220; № 4, стб. 493—499; № 6, стб. 869—872.

Начала пролетарской эстетики. — «Пролет. культура». М., № 11—12, с. 8—10. О национализации театров (Письмо в редакцию). — «Известия», 12 июня, с. 4.

Об антирелигиозной пропаганде. — «Революция и церковь», № 1, с. 13—16.

Общая политика Наркомпроса. — «Жизнь национальностей», 31 авг., с. 2. Стеногр. доклада на Всерос. совещ. работников по просвещению народов не русского языка 17 августа 1919 г.

Очередные задачи школьного и народного просвещения. — «Сев. коммуна», 27 апр., с. 1.

Проблемы социалистической культуры. — «Нар. просвещение», № 9—10, с. 3—5.

Проводительная политика Советской власти. — В кн.: *Октябрьский переворот и диктатура пролетариата*. М., с. 145—153.

Революция и внешкольное образование. — «Внешкольное образование». № 2—3, с. 3—5.

Речь на I Всерос. съезде по рабоче-крестьянскому театру 21 ноября 1919 г.]. — «Вестн. театра», № 43, с. 5. В статье: Съезд по рабоче-крестьянскому театру. Подпись: *Н. Л.* Изложение.

То же, стеногр. — I Всерос. съезд по рабоче-крестьянскому театру. 17—26 ноября 1919 г. М., 1920, с. 11—15.

Советская власть и памятники старины. — «Ком. Интернационал», № 7—8, стб. 1071—1076.

Художественная задача Советской власти. — «Худож. жизнь», № 1, с. 2—3. В дальнейшем эта работа публиковалась как часть статьи «Советское государство и искусство» (1924 г.).

1920

Вместо предисловия. — В кн.: *Народный комиссариат по просвещению*. 1917— октябрь — 1920 (Краткий отчет). М., с. 3—14.

Две трудовые школы. — «Вестн. проф.-техн. образования», № 2, с. 3—5.

Деятельность Наркомпроса. — «Известия», 5 окт., с. 2—3. Сокращенная стенограмма доклада на 3-м заседании III сессии ВЦИК VII созыва.

Единая трудовая школа и техническое образование. — «Вестн. проф.-техн. образования», № 5—7, с. 3—5.

То же, со значит. доп. и примеч. авт. — В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. Изд. 2-е. М., 1925, с. 164—172.

Задачи Главполитпросвета. — «VIII съезд Советов. Ежеднев. бюл. съезда», № 1, с. 9.

Именем пролетариата. — «Вестн. театра», № 51, с. 3—4.

Полемика со статьей П. М. Керженцева «Буржуазное наследие» («Вестн. театра», № 51).

- К вопросу о театральной политике. — «Вести. театра», № 74, с. 2—3.
 Авторские поправки к статье — «Вести. театра», № 75, с. 3.
 К победе (Третья годовщина и культурные завоевания Советской власти). — «Красная газета», 7 ноября, с. 4.
 Литература и революция. — «Худож. слово», кн. 1, с. 35—38.
 Наука и Советская власть. — «Известия», 16 дек., с. 1.
 Несколько слов о забытом фронте. — «Известия», 6 апр., с. 1.
 Основные вопросы нового фронта. — «Вестн. проф.-техн. образования», № 1, с. 3—4.
 Политика и просвещение (Доклад на IV Всерос. совещании политпросветов 2 ноября 1919 г.). — «Работник просвещения», № 1, с. 4—6.
 Пролетариат и творчество в понимании Калинина. — В кн.: Сборник памяти Ф. И. Калинина. Ростов-на-Дону, с. 17—22.
 Революционное просвещение. — «Известия», 6 ноября, с. 2.
 [Речь на открытии III Всерос. съезда РКСМ 2 октября 1920 г.]. — «Известия», 5 окт., с. 2.
 То же, полностью. — Третий Всероссийский съезд РКСМ. 2—10 октября. 1920 г. Стеногр. отчет. М. — Л., 1926, с. 22—31.

1921

- Бесплатная школа. — «Известия», 2 окт., с. 1.
 Борьба за душу. — «Нар. просвещение», № 87—88, с. 2—3.
 В чем скажется новая экономическая политика на школе? — «На помощь школе». Однодн. газ. Моск. губ. ком. по проведению «Недели помощи школе», 20—27 ноября, с. 1.
 Тезисы вводного доклада [на открытии партийного совещания по вопросам народного образования]. — «Работник просвещения», № 2—3, с. 27—29.
 Единый Наркомпрос. — «Нар. просвещение», № 80, с. 1—3.
 К IX съезду Советов. — «Нар. просвещение», № 93, с. 1—2.
 На помощь школе. — «Нар. просвещение», № 91, с. 1.
 Народное образование в опасности. — «Известия», 25 сент., с. 1.
 Народное просвещение в условиях новой экономической политики. — «Коммунистка», № 16—17, с. 21—22.
 Народное просвещение в четвертую годовщину революции. — «Нар. просвещение», № 89—90, с. 1—2.
 Наши задачи в области художественной жизни. Статья первая. — «Красная новь», № 1, с. 146—157.
 О рабочей молодежи (Из речи на IV Всерос. съезде РКСМ). — «Смена» (Пг.), 11 окт., с. 1.
 То же, полностью под загл.: О школьном строительстве. Доклад наркомпроса тов. Луначарского. — IV съезд РКСМ. Стеногр. отчет. 21—28 сентября 1921 г. М. — Л., 1925, с. 215—227.
 Октябрьская революция и народное просвещение. — «День Великой революции». Однодн. газ., изд. объедин. ред.: «Правда», «Крас. газ.», «Маховик». В пользу голодающих крестьян, 7 ноября, с. 3.
 Октябрьская революция и просвещение. — «Работник просвещения и искусства», № 1, с. 10—11.
 План работы Наркомпроса в связи с партийным совещанием по народному образованию. — «Нар. просвещение», № 79, с. 1—3.
 [Речь на X съезде РКП(б) 9 марта 1921 г.]. — «Правда», 12 марта, с. 2 (X съезд РКП). Сокращенная стенограмма.
 То же, полностью. — Стеногр. отчет X съезда РКП(б) (8—16 марта 1921 г.). Пг., с. 61—64.
 Роль рабочих факультетов. — «Вестн. рабочих фак.», № 1, с. 3—7.
 Свобода книги и революция. — «Печать и революция», № 1, с. 3—9.
 III Интернационал и просвещение. — «Нар. просвещение», № 82, с. 1—2.
 4 года работы Наркомпроса. — «Петрогр. правда», 10 ноября, с. 1.
 Экономия и культура. — «Нар. просвещение», № 84, с. 2.

- Ближайшие задачи Наркомпроса на шестой год.— «Петрогр. правда», 5 ноября, с. 7.
- Всероссийский учительский съезд и X съезд Советов.— «Известия», 29 ноября, с. 1.
- Вступительное слово [на III Всероссийском съезде политпросветов РСФСР 26 ноября 1922 г.]— «Бюл. Третьего Всерос. съезда политпросветов РСФСР», № 1, с. 2—6.
- [Главнейшие задачи народного просвещения в текущий момент].— «Правда», 13 окт., с. 4 (Всерос. съезд Губоно). Изложение доклада на III Всерос. съезде заведующих губернскими отделами народного образования 12 октября 1922 г.
- То же, полностью.— «Бюл. III Всерос. съезда зав. губ. отд. нар. образования», № 1, с. 1—2.
- Заключительное слово [по своему докладу] на III Всерос. съезде заведующих губернскими отделами народного образования 13 октября 1922 г.— «Бюл. III Всерос. съезда зав. губ. отд. нар. образования», № 2, с. 1—2.
- Речь [на III Всероссийском съезде заведующих губернскими отделами народного образования 17 октября 1922 г.]— «Бюл. III Всерос. съезда зав. губ. отд. нар. образования», № 5, с. 1.
- Голод и Наркомпрос [Передовая].— «Известия», 22 марта, с. 1.
- Государственная экономия и академические театры.— «Программы Моск. гос. и акад. театров и зрелищных предприятий», № 1, с. 3—4.
- [Доклад на Всерос. съезде заведующих губернскими отделами народного образования 22 сентября 1921 г.]— Всерос. съезд губоно (Стеногр. отчет). М., с. 1—23.
- [Выступления на Всерос. съезде заведующих губернскими отделами народного образования 23, 26, 29 сентября 1921 г.]— Всерос. съезд губоно (Стеногр. отчет). М., с. 44—46, 130, 134—136, 289—291, 293—294.
- Доклад [на X Всерос. съезде Советов 24 декабря 1922 г.]— «Известия», 26 дек., с. 2—3. Изложение.
- То же, полностью.— «Бюл. X Всерос. съезда Советов», 1923, № 3, с. 72—89.
- Еще к вопросу о культуре.— «Известия», 3 ноября, с. 2.
- Изъяты церковных ценностей и Наркомпрос.— «Нар. просвещение», № 102, с. 1—2.
- [Какая школа нужна пролетарскому государству].— «Известия», 6 дек., с. 6 (Школа. Диспут о школе). Изложение доклада на диспуте в Доме Союзов 4 дек. 1922 г.
- То же, стеногр.— «Вестн. просвещения», № 10, с. 1—29.
- То же, сокр. стеногр., с примеч. автора.— В кн.: *Луначарский А. В.* Наши текущие задачи. М., 1924, с. 27—49.
- Наука в Германии и у нас.— «Известия», 4 авг., с. 5.
- О народном образовании (Статьи 1—9).— «Известия», 22 окт., с. 3; 24 окт., с. 4; 26 окт., с. 3, 28 окт.; с. 3; 5 ноября, с. 2; 19 ноября, с. 2; 28 ноября, с. 2.
- О частной школе.— «Петрогр. правда», 28 окт., с. 1.
- Опытно-показательные учреждения Наркомпроса.— «Известия», 23 марта, с. 1.
- От наступления к обороне.— «Нар. просвещение», 23 мая, с. 1—2.
- Пути к укреплению материального базиса народного образования.— «Нар. просвещение», № 98, с. 2—9. Доклад на II Всерос. съезде заведующих губернскими отделами народного образования в феврале 1922 г.
- Речь [на V Всероссийском съезде РКСМ 11 октября 1922 г.]— «Известия», 12 окт., с. 4. Изложение.
- То же, стеногр.— «Бюл. V Всерос. съезда РКСМ», № 1, с. 8—11.
- [Выступление на V Всероссийском съезде РКСМ в прениях по докладу «О коммунистическом воспитании молодежи в условиях НЭП'а» 13 октября 1922 г.]— «Бюл. V Всерос. съезда РКСМ», № 3, с. 114—117.
- [Выступление на V Всероссийском съезде РКСМ в прениях по докладу «Об образовании рабочей молодежи» 15 октября 1922 г.]— «Известия», 17 окт., с. 3. Изложение.

- То же, стеногр.— «Бюл. V Всерос. съезда РКСМ», № 5, с. 183—190.
- Смена вех интеллигентской общественности.— «Культура и жизнь», № 1, с. 5—10.
- То же, с примеч. авт.— В кн.: *Луначарский А. В.* Об интеллигенции. М., 1923, с. 42—51.
- Советская власть и интеллигенция.— «Петрогр. правда», 15 окт., с. 1.
- Советское государство и искусство. 4. Политика охраны национального художественного достояния.— «Известия», 19 февр., с. 2.
- Студенчество и новая экономическая политика.— «Пролет. студенчество», № 1, с. 5—8.
- То же, с примеч. авт.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., 1923, с. 199—203.
- Театр РСФСР.— «Печать и революция», № 7, с. 80—91.
- То же, с незначит. сокр. и примеч. авт.— В кн.: *Луначарский А. В.* Театр и революция. М., 1924, с. 97—113.
- Третий фронт.— «Известия», 25 авг., с. 1.
- Укрепление материальной базы школьного дела в России.— «Нар. просвещение», № 97, с. 2—3.

1923

- Единая трудовая политехническая школа. Речь тов. Луначарского на собрании работников просвещения. Стеногр. отчет.— «Красное знамя» (Томск). 2 июня, с. 2; 3 июня, с. 2; 7 июня, с. 2.
- Задачи коммунистической печати в Советской России.— «Сов. Сибирь» (Новониколаевск), 22 мая, с. 2.
- Задачи партии на третьем фронте.— «Пролетарий» (Пермь), № 6, с. 8—18.
- Доклад на общегородском партийном собрании в г. Перми 8 июня 1923 г.
- То же, с сокр. и примеч. авт.— В кн.: *Луначарский А. В.* Ленин и просвещение. М., 1924, с. 64—77.
- Значение самообразовательной работы.— «Помощь самообразованию», № 1, с. 3—4.
- Интеллигенция и революция (Лекция во «Дворце молодой гвардии» 28 мая) [1923 г. в г. Омске].— «Рабочий путь» (Омск), 1 июня, с. 2.
- Культура в РСФСР. Статья для «Манчестер Гардиан».— В кн.: *Луначарский А. В.* 1. Идеализм и материализм. 2. Культура буржуазная и пролетарская. Пг., с. 120—126.
- Московский Художественный театр.— «Худож. труд», № 3, с. 1—16.
- Народное просвещение в РСФСР.— В кн.: *Вся Россия.* Справочная и адресная книга на 1923 г. М., стб. 293—318.
- Новая экономическая политика и Наркомпрос.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., с. 183—188.
- Новый русский человек.— «Известия», 9 марта, с. 2.
- О едином фронте просвещения в Союзе Советских Республик.— «Нар. просвещение», № 8, с. 3—6.
- О значении «прикладного искусства».— «Худож. труд», № 1, с. 3—5.
- О классовой школе. Буржуазная и ком. труд. школа. Лекция, прочит. 26 апр. 1920 г. в секции Наркомпроса при Свердл. ун-те.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., с. 48—73.
- Наши текущие задачи (Из речи на Всерос. съезде завгубсоцвосов) [Март 1923 г.].— «Нар. просвещение», № 4—5, с. 3—20.
- О художественной политике [Наркомпроса].— «Известия», 29 апр., с. 5.
- В дальнейшем в более полном варианте статья публиковалась как часть работы «Советское государство и искусство» (М., 1924).
- О школе рабочей молодежи.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., с. 143—150.
- Основы просветительной политики Советской власти.— «Сов. Сибирь» (Новониколаевск), 22 мая, с. 2. Лекция, прочит. в Рабочем дворце г. Ново-николаевска 19 мая 1923 г.

- То же, стеногр.— «Сибирский пед. журн.» (Новониколаевск), № 2, с. 3—15.
- Политика Народного Комиссариата по просвещению за 5 лет.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., с. 170—182.
- Положение народного образования на шестой год революции.— «Ком. революция», № 3, с. 7—12.
- Предисловие.— В кн. *Луначарский А. В.* Об интеллигенции. М., с. 3.
- Предисловие.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., с. 5.
- Пролетарская культура.— В кн.: *Луначарский А. В.* 1. Идеализм и материализм. 2. Культура буржуазная и пролетарская. Пг., с. 109—113.
- Рабочий класс и культура.— «Призыв», № 1, с. 5—13.
- Революция и культура в России.— В кн.: *Луначарский А. В.* 1. Идеализм и материализм. 2. Культура буржуазная и пролетарская. Пг., с. 127—134.
- Речь [на II Всерос. съезде совпартшкол 11 апреля 1923 г.].— «Правда», 12 апр., с. 5. Изложение.
- То же, полностью.— Второй Всерос. съезд совпартшкол. Вып. 1. Протоколы заседаний. М., с. 3—9.
- [Речь на I Всерос. съезде научных работников в Доме Союзов 23 ноября 1923 г.].— «Известия», 24 ноября, с. 3 (Наука и пролетариат. I Всерос. съезд научн. работников). Изложение.
- То же, полностью, под загл.: Наука и революция.— В кн.: *Луначарский А. В.* Просвещение и революция. М., 1924, с. 7—14.
- Студенчество и контрреволюция.— В кн.: Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. Пг., с. 11—18.
- То же, с авт. примеч.— В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., с. 189—198.
- Студенчество и революция. Речь на сходке-митинге студентов томских ВУЗов 23 мая. Стеногр. отчет.— «Красное знамя» (Томск), 25 мая, с. 2—3; 26 мая, с. 2—3; 27 мая, с. 2, 5; 30 мая, с. 2—3.
- Тов. Ленин о задачах просвещения.— «Известия», 5 янв., с. 1.
- Что такое Народный комиссариат просвещения.— «Красная нива», № 42, с. 14—18.

1924

- Владимир Ильич и народное просвещение.— «На путях к новой школе», № 1, с. VII—XIV.
- То же, с доп., подзагл.: Ленин и просвещение.— В кн.: *Луначарский А. В.* Ленин и просвещение. М., с. 7—18.
- Вопрос о ликвидации неграмотности на Съезде Советов.— «Известия», 10 февр., с. 1.
- ВЦИК и народное просвещение.— «Известия», 17 окт., с. 1.
- Детское движение и коммунистическое воспитание.— «Правда», 2 сент., с. 1.
- Доклад о народном просвещении.— «Известия», 10 окт., с. 1, 4. Стенограмма доклада на 2-й сессии ВЦИК XI созыва 9 октября 1924 г.
- Заветы Ильича и художественное образование.— В кн.: *Луначарский А. В.* Ленин и просвещение. М., с. 19—38. Речь на собрании слушателей музыкального техникума.
- Задачи коммунистов в деревне.— «Нар. просвещение», № 11—12, с. 6—9.
- Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 75 с. Стеногр. публичной лекции, прочитанной в саду «Аквариум» 18 марта 1924 г.
- То же, с ред. изм.— «Современник», 1925, № 1, с. 17—49.
- Как строить трудовую школу в деревне.— «Беднота», 2 дек., с. 4.
- Культура буржуазная, переходная и социалистическая.— «Призыв», кн. 4, с. 126—152.
- Ленин и задачи просвещения.— «Нижегор. коммуна», 4 марта, с. 3 (Тов. А. В. Луначарский в Нижнем). Доклад для работников просвещения и искусств в городском театре Нижнего Новгорода 3 марта 1924 г.

- То же, со значит. доп. и ред. изм., под загл.: Ленин и вопросы просвещения. — «Коммунист» (Н.-Новгород), № 1, с. 112—124.
- Ленин и искусство (Воспоминания). — «Художник и зритель», № 2—3, с. 5—10.
- Ленин и советское просвещение. — «Труд. правда» (Пенза), 17 февр., с. 2. (А. В. Луначарский в Пензе). Изложение доклада на собрании работников просвещения во Дворце труда г. Пензы 13 февраля 1924 г.
- То же, стеногр. — В кн.: Краеведческие записки, вып. 2. Пенза, 1970, с. 104—118.
- Ленинская учеба. — «Смена», № 14, с. 1.
- То же, с доп. — В кн.: *Луначарский А. В.* Третий фронт. М., 1925, с. 53—57.
- Марксизм и педагогика. — В кн.: *Луначарский А. В.* Ленин и просвещение. М., с. 39—63. Доклад на конференции работников просвещения 30 декабря 1923 г.
- Международное положение и народное образование в СССР. — «Правда», 17 окт., с. 4. Изложение доклада на III Всерос. съезде по дошкольному воспитанию 15 октября 1924 г.
- То же. — Третий Всерос. съезд по дошкольному воспитанию. 15—21 октября 1924 г. Стеногр. отчет. М., 1925, с. 23—44.
- Наркомпрос и искусство. — «Известия», 21 марта, с. 3.
- Народное просвещение национальных республик. — «Красная Татария» (Казань), 3 окт., с. 2.
- Наши помощники и покровители. — «Известия», 13 апр., с. 2.
- Новое студенчество. — «Нар. просвещение», № 2, с. 78.
- О ликвидации неграмотности. — «Известия», 30 янв., с. 5. Стенограмма доклада на XI Съезде Советов РСФСР 29 января 1924 г.
- О положении высших учебных заведений в Республике. — «Красная молодежь», № 1, с. 95—98.
- О просвещении. Речь перед крестьянами — посетителями с.-х. выставки. — В кн.: *Луначарский А. В.* Наши текущие задачи. М., с. 58—73.
- О профессуре. — «Красная Татария» (Казань), 5 окт., с. 1.
- Октябрь и интеллигенция. — «Учительская газ.», 7 ноября, с. 2.
- Печать и просвещение масс. — «Красная печать», № 35, с. 13.
- Печать как орудие пролетариата. — «Красная печать», № 16—17, с. 8—11.
- Положение народного образования. — В кн.: *Луначарский А. В.* Наши текущие задачи. М., с. 79—89.
- Положение народного просвещения в республике. Доклад т. Луначарского на собрании работников просвещения и искусства, и студенчества. Самара. 12 января. — «Коммуна» (Самара), 13 янв., с. 2; 15 янв., с. 2. Изложение.
- То же, полностью, под загл.: На новых путях. Новые задачи и пути народного образования. Речь, произнесенная на собрании работников просвещения и студентов г. Самары 12 янв. 1924 г. Самара, 28 с.
- Проблемы образования в автономных республиках и областях. — «Жизнь национальностей», № 1, с. 31—33.
- Просвещение в Советской России. М., 48 с.
- Просвещение и революция. — «Нар. учитель», № 1, с. 16—18.
- [Речь на торжественном заседании работников просвещения, посвященном пятилетию Коминтерна в театре Госоперы в Тифлисе 15 июня 1924 г.] — «Заря Востока» (Тифлис), 18 июня, с. 5. В статье: Работники просвещения и революция. Изложение.
- То же, полностью, под загл.: Коминтерн и педагоги. — «Лит. Грузия», 1961, № 8, с. 81—85.
- Семь лет работы Наркомпроса. — «Призыв», № 6, с. 117—123.
- То же, с незначит. ред. изм., под загл.: Работа Наркомпроса с возникновением до наших дней. — В кн.: *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования. М., 1925, с. 187—197.
- Советское государство и искусство. — В кн.: *Луначарский А. В.* Искусство и революция. М., с. 41—73.

В статье с ред. изменениями объединены ранее опубликов. работы: Художественная задача Советской власти (1919 г.), Советское государство и искусство, ч. 1—3 (1922 г.) и О художественной политике Наркомпроса (1923 г.).

Третий фронт.— В кн.: Советская культура. Итоги и перспективы. М., с. 162—166.

Учитель, учись! — «Учительская газ.», 3 окт., с. 1.

Художественная политика Советского государства.— «Жизнь искусства», № 9, с. 1—2; № 10, с. 1—2.

1925

Академия наук и Советская власть (К двухсотлетию Академии).— «Рабочая газ.», 14 авг., с. 3.

В. И. Ленин о науке и искусстве.— «Нар. просвещение», № 1, с. 13—32. Доклад на заседании Гос. ученого совета, посвященном годовщине смерти В. И. Ленина, 23 января 1925 г.

Задачи просвещения в системе советского строительства.— «Труд», 16 янв., с. 4 (Учительство и нар. просвещение). Изложение доклада на I Всесоюзном учительском съезде, прочитанного 15 января 1925 г.

То же, стеногр.— «Учительская газ.», 16 янв., с. 4—7.

Интеллигенция и религия. М., 43 с. Доклад, прочитанный 15 марта 1925 г. К юбилею Академии наук.— «Нар. просвещение», № 9, с. 3—15.

Комсомол и пролетарская культура.— «Комс. правда», 29 окт., с. 3.

Ленин и наука.— «Ленингр. правда», 8 сент., с. 5.

На новых путях.— «Учительская газ.», 16 июля, с. 3. Изложение доклада на I Всероссийской конференции школ II ступени 7 июля 1925 г.

То же, стеногр., под загл.: Проблема повышенного образования.— В кн.: Вопросы школы II ступени. Труды Первой Всерос. конф. школ II ступени 5—7 июля 1925 г. М., 1926, с. 5—17.

Народное просвещение при новой экономической политике.— В кн.: Учитель и революция. М., с. 13—52.

О политике Наркомпроса в театральном деле.— «Сов. искусство», № 3, с. 3—7. Ответ на статью Р. Пельше «О единой художественной политике» («Сов. искусство», № 1).

О положении народного образования в России. В ответ гр-ну Марку Мрачному.— В кн.: *Луначарский А. В.* Третий фронт. М., с. 71—79.

О пролетарской культуре.— В кн.: *Луначарский А. В.* Третий фронт. М., с. 83—89.

[Основы советской театральной политики].— «Красная газ.». Веч. вып., 21 сент., с. 4 (А. В. Луначарский о театральной политике). Изложение доклада, прочитанного рабочим в Ленингр. гос. акад. драм. театре 19 сентября 1925 г.

То же, полностью. Отд. изд. М.— Л., 1926, 28 с.

По поводу резолюции ЦК о литературной политике.— «Новая веч. газ.», 11 июля, с. 2.

Религия и просвещение. М., 15 с. (Труды I Всесоюзного съезда воинствующих безбожников СССР. Стеногр. отчет, вып. 4). Доклад.

1926

Вопросы народного образования (Доклад).— В кн.: [*Луначарский А. В.*]. Вопросы народного образования. М., с. 3—41 (Материалы совещания завагитпропов и завженотделов Губкомов при ЦК РКП (б) в октябре 1925 г., вып. 6).

Индустриализация, наука и просвещение.— «Учительская газ.», 30 окт., с. 1. Речь в прениях по докладу «Хозяйственное положение страны» на XV конференции ВКП (б) 28 октября 1926 г.

Итоги XIV партсъезда и задачи партпросвещения.— В кн.: Вопросы преподавания исторических дисциплин. М., с. 9—38 (V методич. конф. преподавателей).

- давателей совпартшкол). Доклад на V методич. конференции преподавателей совпартшкол.
- Культура и революция.— «Веч. Москва», 6 ноября, с. 2.
- О культурном росте СССР. Материалы для докл. М.—Л., 12 с. (МК РКП (б) к 8-й годовщине Октябрьской революции).
- О нашей театральной политике.— «Красная газ.». Веч. вып., 21 дек., с. 4.
- Октябрьская революция и народное образование.— «Красная газ.». Веч. вып., 6 ноября, с. 2.
- То же, с доп. и ред. изм.— «Комс. правда», 7 ноября, с. 1; «Красная газ.», 7 ноября, с. 8.
- Основы художественного образования.— «Муз. образование», № 1—2, с. 5—27. Речь на открытии метод. совещания по худ. образованию 6 апреля 1925 г.
- То же, с ред. изм.— В кн.: *Луначарский А. В.* Вопросы социологии музыки. М., 1927, с. 77—104.
- Задачи народного просвещения.— «Известия», 28 мая, с. 2. Изложение доклада на V Всерос. съезде заведующих отделами народного образования 27 мая 1926 г.
- То же, полностью, под загл.: Очередные задачи народного просвещения.— Труды Пятого Всерос. съезда зав. отд. нар. образования. 27 мая — 2 июня 1926 г. М., с. 10—35.
- Почему мы охраняем церковные ценности?— «Красная газ.». Веч. вып., 5 авг., с. 2; 6 авг., с. 2.
- Принципы построения трудовой школы и программы ГУС'а.— «Нар. учитель», № 2, с. 25—28.
- [Речь на открытии Отдела по изучению искусства народностей СССР в Гос. академии худ. наук 20 октября 1926 г.].— «Веч. Москва», 21 окт., с. 1 (Пролетариат и искусство народов).
- То же, полностью, под загл.: Художественное творчество национальностей СССР.— В кн.: Искусство народов СССР, вып. 1. М., 1927 с. 9—24.
- Речь [на III съезде комсомола 6 октября 1920 г.].— Третий Всерос. съезд РКСМ. 2—10 окт. 1920 г. Стеногр. отчет. М.—Л., с. 144—157.
- Роль и значение просвещения в Советском Союзе и его ближайшие перспективы.— В кн.: Организация и методы просветительной работы, вып. 1. М., с. 9—30.

1927

- Доклад о постановке культурно-просветительной работы [на II конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда 11 августа 1917 г.].— В кн.: Октябрьская революция и фабзавкомы, ч. 1 (От Февраля к Октябрю). М., с. 233—237.
- Десятилетие революции и культура. М.—Л., 24 с.
- Доклад [на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок 14 октября 1927 г.].— «Известия», 15 окт., с. 2—3.
- Индустриализация — база культуры. Культура — база индустриализации.— «Веч. Москва», 27 дек., с. 2.
- Индустриализация страны и повышение квалификации учительства.— «Вестн. просвещенца» (Оренбург), № 11—12, с. 1—8. Из доклада на II Всерос. конф. по вопросам повышения квалификации работников социального воспитания.
- Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве.— «Учительская газ.», 7 ноября, с. 2—3.
- То же, со значит. доп.— «Ком. революция», № 1, с. 21—35.
- Итоги и перспективы советского искусства.— «Правда», 23 сент., с. 5. Изложение доклада, прочитанного в Гос. академии художеств 20 сентября 1927 г.
- То же, стеногр., под загл.: Перспективы советского искусства.— «На лит. посту», № 20, с. 6—16.

- Итоги театрального строительства.— «Правда», 11 мая, с. 4. Краткое изложение доклада на Всесоюзном совещании по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б).
- То же, стеногр., под загл.: Итоги театрального строительства и задачи партии в области театральной политики.— Пути развития театра (Стеногр. отчет и решения парт. совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г.). М.—Л., с. 17—41.
- Культура, быт и религия.— «Антирелигиозник», № 4, с. 3—7.
- Культурные достижения пролетарской диктатуры.— «Ком. революция», № 20, с. 31—39.
- Ленин и культурность.— «Красная газ.». Веч. вып., 21 янв., с. 2.
- Народное просвещение.— «Красная газ.», 15 апр., с. 3. Изложение доклада на XIII Всерос. съезде Советов 14 апреля 1927 г.
- То же, стеногр.— «Нар. просвещение», № 5, с. 3—18; № 6, с. 15—25.
- Наша интеллигенция за десять лет.— «Огонек», № 45, с. 14.
- О крестьянском театре.— В кн.: *Луначарский А. В.* Театр сегодня. М.—Л., с. 22—27.
- Об итогах культурного строительства Союза Советских Социалистических Республик за 10 лет.— «Красная газ.». Веч. вып. 17 окт., с. 1—2; 18 окт., с. 1—2. Сокращенная стенограмма доклада на юбилейной сессии ЦИК (2 сессия IV созыва) в Ленинграде 16 октября 1927 г.
- То же, отд. изд., под загл.: Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М.—Л., 135 с. с прил.
- Об упадочничестве среди молодежи.— «Труд», 16 февр., с. 4. Изложение доклада на диспуте в Коммунистической академии 13 февраля 1927 г.
- То же, полностью.— В кн.: *Упадочное настроение среди молодежи.* Есенинщина. М., с. 5—44.
- Предпосылки культурной революции.— «Веч. Киев», 4 окт., с. 2.
- Профессура и студенчество.— «Красная панорама», № 9, с. 4—5.
- [Речь в прениях по докладом о директивах пятилетнего плана народного хозяйства на XV съезде ВКП(б) 14 декабря 1927 г.].— «Веч. Москва», 15 дек., с. 1 (Речи гг. Микояна, Луначарского). Изложение.
- То же, полностью.— «Известия», 20 дек., с. 6.
- [Речь на международной конференции пролетарских писателей в Наркомпросе 15 ноября 1927 г.].— «Известия», 16 ноября, с. 2. В статье: Международная конференция пролетарских и революционных писателей. Изложение.
- То же, полностью, под загл.: Этапы роста советской литературы.— «На лит. посту», № 22—23, с. 16—20.
- Речь [на VI Всесоюзном съезде работников просвещения 18 марта 1927 г.].— «Веч. Москва», 19 марта, с. 1. Изложение.
- То же, стеногр., под загл.: Доклад тов. Луначарского.— «Бюл. VI Всесоюзного съезда работников просвещения СССР», № 6, с. 1—31.
- Советская интеллигенция (Некоторые итоги к десятилетию Октября).— «Веч. Москва», 10 мая, с. 2; 11 мая, с. 2.
- Советская школа.— В кн.: *Власть Советов за десять лет. 1917—1927.* Л., с. 39—54.
- Старая и новая интеллигенция.— «Красная газ.». Веч. вып., 4 ноября, с. 2.
- Театр и кино за 10 лет.— В кн.: *Власть Советов за десять лет. 1917—1927.* Л., с. 179—185.
- Учитель народных масс.— «Нар. просвещение», № 1, с. 3—4.

[Выступление в прениях по докладу А. И. Криничкого «Основные задачи агитации, пропаганды и культурного строительства» на агитпропсовещании при ЦК ВКП(б)].— В кн.: *Задачи агитации, пропаганды и культурного строительства.* Материалы агитпропсовещания при ЦК ВКП(б). Май—июнь 1928 г. М.—Л., с. 143—150.

- Довоенный уровень в области просвещения.— «Революция и культура», № 21, с. 13—20.
- [Доклад в Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова 29 января 1928 г.]— «Веч. Москва», 30 янв., с. 1. В статье: Культура, СССР и Запад. Чему учиться и что отвергать. Подпись: *О-Т*.
То же, стеногр., под загл.: Культура на Западе и у нас.— «Нар. учитель», № 10, с. 15—31.
- Доклад [на VIII Всесоюзном съезде Союза рабочих металлистов 24 февраля 1928 г.]— «Учительская газ.», 2 марта, с. 4 (Сквозь призму рабочей критики). Изложение.
То же, стеногр., под загл.: Состояние народного просвещения.— «Бюл. VIII Всесоюз. съезда Союза рабочих металлистов», № 10, с. 3—27.
- [Заключительное слово на VIII Всесоюзном съезде Союза рабочих металлистов 25 февраля 1928 г.]— «Учительская газ.», 2 марта с. 4. Изложение.
То же, стеногр.— «Бюл. VIII Всесоюзного съезда Союза рабочих металлистов», № 11, с. 36—42.
- Доклад [на VI Всесоюзном съезде сельхозлесрабочих в декабре 1928 г.]— «Батрак», 7 дек., с. 1. Изложение.
То же, стеногр.— В кн.: *Луначарский А. и Азмагов П.* Ликвидация неграмотности среди батрачества. Докл. на VI Всесоюзном съезде сельхозлесрабочих. М., 1929, с. 3—23.
- Еще о культурной революции.— «Веч. Киев», 9 февр., с. 2.
- За нового человека.— «Учительская газ.», 20 июля, с. 3; 27 июля, с. 3. Сокращенная стенограмма доклада на Всерос. конференции преподавателей общественнообразования школ II ступени РСФСР в июне 1928 г.
То же, полностью, под загл.: Об основах общественно-политического воспитания.— «Общественное образование в трудовой школе», № 3—4, с. 118—143.
- Итоги решений XV съезда ВКП(б) и задачи культурной революции (Докл. на вузовском партактиве 18 января 1928 г.). М.—Л., 72 с.
- Культурная революция.— «Красная газ.». Веч. вып., 23 мая, с. 4.
- Культурная революция и ВУЗ.— «Красное студенчество», № 8, с. 54—58.
- Культурная революция и молодежь.— «Красная газ.», 24 мая, с. 3.
Изложение лекции на Ленинградском общегородском собрании актива комсомола 23 мая 1928 г.
То же, стеногр., под загл.: Воспитание нового человека (Обработан. стеногр. лекции, прочит. 23 мая 1928 г. в Ленинграде). Л., 48 с.
- Культурная революция и наука.— «Науч. работник», № 4, с. 3—7.
- Материальная база народного просвещения.— «Революция и культура», № 11, с. 19—23.
- О двух поколений в нашем искусстве.— «Веч. Москва», 18 мая, с. 3.
- О детдомах и беспризорности.— «Нар. просвещение», № 1, с. 51—54. Речь на Всерос. конференции работников детских домов 15 ноября 1927 г.
То же, с ред. изм., под загл.: Приветствие т. Луначарского Всерос. конференции работников детских домов (15—20 ноября 1927 г.).— В кн.: *Детский дом*. М., с. 5—8.
То же, с ред. изм., под загл.: А. В. Луначарский о детском доме.— В кн.: *Детский дом и борьба с беспризорностью*. М., с. 24—27.
- О задачах культурного строительства.— «Ком. революция», № 3, с. 48—58. Стенограмма доклада.
- [О задачах культурной революции].— «Трудовой путь» (Армавир), 11 окт., с. 2. Доклад на общегородском партийном собрании в г. Армавире 6 октября 1928 г.
- Очередные задачи народного просвещения.— «Известия», 24 апр., с. 6. Краткое изложение доклада на VI Всероссийском съезде заведующих губернскими отделами народного образования 20 апреля 1928 г.
То же, полностью, под загл.: XV съезд компартии и задачи народного просвещения.— «Нар. просвещение», № 5, с. 3—18.

Предисловие.— В кн.: Материалы по русскому искусству, т. 1. Л., с. V—IX.

То же, с доп., под загл.: О плане и характере искусствоведческих исследований. Отд. изд., Л., 1929. 7 с. (Музейное дело, вып. 8).

Проблема культурной революции.— «Науч. работник», № 5—6, с. 14—25
Стенограмма речи на диспуте «Культурная революция и научные работники» 9 апреля 1928 г.

Пути и задачи культурной революции.— «Просвещение на Урале» (Свердловск), № 1, с. 20—26; № 2, с. 3—14; № 3, с. 3—7.

[Речь на общегородском собрании комсомольского актива г. Москвы в Доме Союзов 26 октября 1928 г.]— «Рабочая Москва», 27 окт., с. 1.
В статье: В поход за новую культуру. Подпись: И. К. Краткое изложение.

То же, стеногр., под загл.: К молодежи. Из речи на собрании комсомольского актива г. Москвы. Осень 1928 г.— «Юность», 1965, № 11, с. 77—80.

[Речь на расширенном заседании заведующих губернскими отделами народного образования 27 апреля 1928 г.]— В кн.: Наркомпрос, комсомол и профсоюзы на фронте культурной революции. М.—Л., с. 5—19.

Состояние средней и высшей школы.— «Правда», 9 мая, с. 6. Изложение речи на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 8 мая 1928 г.

То же, стеногр.— «Бюл. VIII Всесоюзного съезда ВЛКСМ», № 5, стр. 26—48.

[Речь на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 12 мая 1928 г.]— «Бюл. VIII Всесоюзного съезда ВЛКСМ», № 14, с. 39—47.

[Речь на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 13 мая 1928 г.]— «Комс. правда», 15 мая, с. 1 (Союз комсомола с Наркомпросом). Изложение речи на торжественном заседании делегатов съезда совместно с членами Общества «Долой неграмотность» и коллегией Наркомпроса.

То же, стеногр.— «Бюл. VIII Всесоюз. съезда ВЛКСМ», № 13, с. 9—14.

30-летний юбилей Художественного театра.— «Правда», 27 окт., с. 4—5.
Уроки шахтинского заговора и культурная революция.— «Красная газ.»

Веч. вып., 17 июля, с. 4; 19 июля, с. 4.

Что такое культурная революция?— «Красная газ.», 10 февр., с. 2. (Вопросы XV съезда ВКП(б)).

1929

Антирелигиозная борьба в школе.— «Известия», 26 марта, с. 2.

[Доклад на VII Всесоюзном съезде профсоюза работников просвещения].— «Учительская газ.», 8 марта, с. 2 (Под знаком соц. реконструкции).
Краткое изложение.

То же, полностью.— «Стенограммы и резолюции VII Всесоюз. съезда профсоюза работников просвещения СССР. Бюл.», № 6, с. 24—48.

[Доклад на VII Всесоюзном съезде работников искусств в Москве 13 мая 1929 г.]— «Красная газ.» Веч. вып., 14 мая, с. 4. В статье: А. В. Луначарский на съезде Рабиса. Краткое изложение.

То же, полностью, под загл.: Основные задачи Советской власти в области искусства.— «Лит. наследство», 1970, т. 82, с. 12—30.

[Доклад на Совещании заведующих крайоно 15 февраля 1929 г.]— «Учительская газ.», 17 февр., с. 3. Краткое изложение.

То же, полностью, под загл.: Основные вопросы партсовещания.— «Нар. просвещение», № 3—4, с. 3—10.

Заключительное слово на Совещании заведующих крайоно [15—20 февраля 1929 г.]— «Нар. просвещение», № 3—4, с. 37—41.

[Доклад на XIV Всерос. съезде Советов 15 мая 1929 г.]— «Учительская газ.», 16 мая, с. 1 (Развитие нар. образования отстает от темпа индустриализации). Изложение.

То же, полностью, под загл.: Культурное строительство и пятилетний план (Доклад на XIV Всерос. съезде Советов).— «Нар. просвещение», № 6, с. 10—36.

- [Заключительное слово на XIV Всерос. съезде Советов 17 мая 1929 г.]— «Известия», 19 мая, с. 3 (XIV Всерос. съезд Советов). Изложение.
- То же, полностью.— В кн.: *Луначарский А. В., Халатов А.* Вопросы культурного строительства РСФСР. М.—Л., с. 101—118.
- За единую политехническую школу.— «Учительская газ.», 22 июня, с. 2.
- Сокращенный текст доклада на заседании II пленума ЦК профсоюза работников просвещения.
- То же, полностью, под загл.: Система народного образования.— В кн.: К единой системе народного образования. М.—Л., с. 3—48.
- Задачи интеллигенции в обороне страны.— «Красная газ.». Веч. вып., 29 июля, с. 2.
- Индустриализация страны и культурные задачи.— «Коммуна» (Воронеж), 24 марта, с. 1.
- Классовая борьба в искусстве.— «Искусство», № 1—2, с. 7—24. В основу статьи положена лекция, прочитанная в Большом зале Московской консерватории 17 февраля 1929 г.
- Крестьянская литература и генеральная линия партии.— «Земля советская», № 8, с. 48—53.
- Доклад на I Всероссийском съезде крестьянских писателей 3 июня 1929 г.
- То же, с незначит. изм. и доп.— В кн.: Пути развития крестьянской литературы. Стенограммы и материалы Первого Всерос. съезда крестьянских писателей. М.—Л., 1930, с. 47—58.
- Культпоход комсомола. М.—Л., 31 с. (Наркомпрос РСФСР). Речь на собрании комсомольского и профсоюзного актива Москвы.
- Культура и еще раз культура.— «Работник просвещения», № 6, с. 8—10.
- Культурная пятилетка.— «Красная панорама», № 30, с. 4.
- Культурная революция и общественность.— «Известия», 27 янв., с. 4.
- В статье: Ликвидация неграмотности — кровное дело масс. Краткое изложение доклада на II Съезде общества «Долой неграмотность».
- То же. Отд. изд. М.—Л., 32 с. (О-во «Долой неграмотность»).
- Ленин и культура (Культура у нас и на Западе).— «Известия», 17 янв., с. 3.
- Ленинская культура.— «Комс. правда», 20 янв., с. 1.
- Международное и хозяйственное положение в СССР и народное просвещение.— Материалы IV Всерос. съезда по дошкольному воспитанию (По стеногр. отчету). М.—Л., с. 9—19. Доклад на IV Всерос. съезде по дошкольному воспитанию в декабре 1928 г.
- Н. К. Крупская и Наркомпрос.— «Правда», 27 февр., с. 3.
- Наркомпрос и культурная революция.— «Молодая гвардия», № 2, с. 5—11.
- Народное просвещение в системе социалистического строительства.— «Ком. революция», № 4, с. 84—88.
- Наука и советская общественность — «Учительская газ.», 20 февр., с. 1.
- Наш боевой фронт.— «Комс. правда», 3 февр., с. 1.
- Наши задачи в области художественной литературы (Из доклада на издательском активе ЗИФ'а).— «Лит. газ.», 28 окт., с. 2.
- Сокращенная стенограмма. Авторская поправка к публикации доклада помещена в «Лит. газ.», (4 ноября).
- То же, полностью. Отд. изд. М.—Л., 48 с.
- О судьбе, насилии и свободе.— «Лит. газ.», 23 дек., с. 2.
- Один из культурных заветов Ленина.— «Веч. Москва», 21 янв., с. 2.
- Подготовка кадров.— «Красная газ.». Веч. вып., 24 апр., с. 2.
- Политика и литература.— «Веч. Москва», 25 февр., с. 3.
- Политика и религия.— «Известия», 8 июня, с. 2.
- Предисловие.— В кн.: *Ольденбург С. Ф.* Культурная революция и задачи культурных работников. М.—Л., с. 5—14.
- Пятилетка народного образования.— «Гудок», 12 июня, с. 4.
- Пятилетний план и задачи просвещения.— «Вопросы просвещения на Сев. Кавказе» (Ростов-на-Дону), № 11, с. 10—25. Доклад на I Северо-Кавказском съезде по народному образованию.

- [Речь на открытии III Всесоюзного съезда научных работников].— «Учительская газ.», 22 февр., с. 2 (III Всесоюз. съезд науч. работников) Краткое изложение.
То же, полностью.— «Науч. работник», № 4, с. 3—10.
- [Речь на V Всесоюзном съезде Советов 24 мая 1929 г.].— «Рабочая Москва», 25 мая, с. 1 (Обсуждение пятилетнего плана). Краткое изложение.
То же, полностью.— 5 Съезд Советов. Стеногр. отчет. М., с. 25—30.
- Строительство новой культуры и вопросы стиля.— «Веч. Москва», 26 окт., с. 3.
- Фабрика знаний. 10 лет рабфаков.— «Огонек», № 9, с. 5.

1930

- Академия наук и Октябрьская революция.— «Красное знамя» (Краснодар), 14 марта, с. 2.
- [Доклад на II Всесоюзном съезде воинствующих безбожников 12 июня 1929 г.].— Стеногр. отчет Второго Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников. М., с. 159—169.
- Интеллигенция и социализм.— «ВАРНИТСО», № 2, с. 10—13.
- Культура в социалистических городах.— «Революция и культура», № 1, с. 35—41.
- Ленин и культура.— «За ком. просвещение», 22 апр., с. 2.
- Ленин о культуре.— «Красная газ.», Веч. вып., 21 янв., с. 2.
То же, более полно.— «Правда», 21 янв., с. 6.
- О задачах искусства в период реконструкции (К XVI партсъезду).— «Известия», 5 июня, с. 3.
- О наследстве классиков.— «Рус. язык в сов. школе», № 3, с. 15—23.
- Роль искусства в реконструктивный период. Статьи 1—2.— «Рост», № 4, с. 24—26; № 10, с. 14—16.

1931

- Очередные задачи литературоведения.— «Литература». Труды Ин-та новой рус. лит. АН СССР, т. I, с. 1—8.
- Самое дорогое имя для человеческой науки.— «Веч. Москва», 21 янв., с. 2 (Великий революционер — великий ученый).

1932

- Культура на Западе и у нас.— «Известия», 1 янв., с. 4.
- Культурный большевизм (К XV годовщине Октября). М., 8 с.
(Прессбюро ТАСС. Для обл. газет, № 68, 2 ноября). Репрография.
- Ленин и литературоведение.— Лит. энциклопедия, т. 6, стб. 194—260.
В статье: Ленин.

1933

- Выступление на заключительном заседании декады Белорусской академии наук в Москве [Февраль 1933 г.].— «Вестн. Ком. академии», № 2—3, с. 217—222.
- Ленин о монументальной пропаганде.— «Лит. газ.», 29 янв., с. 1.
- О роли пролетарского государства в развитии социалистической культуры.— «Под знаменем марксизма», № 6, с. 260—267.
- Стенограмма выступления на сессии Ин-та философии Комкадемии.
То же, с ред. изм.— В кн.: *Луначарский А. В.* Статьи об искусстве, М.—Л., 1941, с. 454—463.

1958

- Театр в Советской России [1921 г.].— В кн.: *Луначарский А. В.* О театре и драматургии, т. 1. М., с. 756—768.

- Великий народный учитель. А. В. Луначарский о В. И. Ленине. Подготовил к печати В. Зельдович.— «Нар. образование», № 4, с. 35—42. Отрывки из ранее публиковавшихся и неизданных работ.
- Общий очерк дела народного образования в РСФСР. Неопубл. доклад делегатам II Конгресса Коминтерна [19 июля—7 августа 1920 г.]. Публикация В. Д. Зельдовича.— «Нар. образование», № 11, с. 81—86.

- Из статьи «Достижения культурной революции» (25 октября 1928 г.).— В кн.: Луначарский о кино. М., с. 135.
- Из статьи «Культурные успехи СССР» (1931 г.).— В кн.: Луначарский о кино. М., с. 212.
- Из статьи «Революция культуры в России» (1922 г.).— В кн.: Луначарский о кино. М., с. 21—22.
- Очередные задачи антирелигиозной школы в районах национальных меньшинств (1929 г.).— В кн.: *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? М., с. 309—321.
- Революция и культура (1925 г.). Публикация Н. А. Трифонова.— «Советский Союз», № 12, с. 12—13.
Статья впервые была напечатана на немецком языке в журнале «Das neue Russland» (1925, № 5—6).
То же, с доп., под загл.: Принципы художественной политики в России. Публикация А. Ермакова.— «Новый мир», 1966, № 9, с. 240—244 (Из лит. наследия А. В. Луначарского).
- Сохранение и изучение памятников религиозного искусства. Предисл. к каталогу (1929 г.).— В кн.: *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? М., с. 373—376.

А. З. МАНФРЕД (1906—1976)

Альберт Захарович Манфред, виднейший советский специалист по истории нового времени и истории Франции, родился 28 августа 1906 г. в Петербурге. Учился в одной из наиболее передовых петербургских дореволюционных школ — Тенишевском училище.

Специальное историческое образование Манфред получил в аспирантуре Института истории РАНИОН (Российская ассоциация научно-общественных институтов). При поступлении в институт в 1927 г., он представил работу «Бланки в революции 1848 года», получившую самую высокую оценку В. П. Волгина. В РАНИОНе Манфред занимался в семинарах у Д. Б. Рязанова по истории социализма и у М. Н. Покровского по истории революции 1917 г., а затем у Н. М. Лукина по истории социалистического движения во Франции после Парижской Коммуны.

В 1928 г. Альберт Захарович был привлечен к работе в Институте В. И. Ленина в только что созданную тогда группу по истории Коммунистического Интернационала, возглавлявшуюся Бела Куном. Он избрал предметом исследования историю швейцарского социалистического движения в период Циммервальда, впервые изучил не только архивы и прессу, собранную в Институте В. И. Ленина, но и собрал ценнейшие сведения у ряда участников Циммервальдского движения, в том числе Фрица Платтена, находившегося тогда в Москве. Многие дала молодому ученому встреча с Н. К. Крупской, ознакомившейся с рукописью его первой печатной работы — «Циммервальдское движение в швейцарской социал-демократии», помещенной затем (в 1929 г.) в журнале «Пролетарская революция».

С 1940 г. Манфред работал в Москве, в областном педагогическом институте, на историческом факультете МГУ, в Институте иностранных языков, в Институте международных отношений. Блестящий лектор и внимательный педагог, он пользовался популярностью среди студентов.

С 1945 по 1968 г. Альберт Захарович работал в Институте истории, затем до кончины — в Институте всеобщей истории АН СССР. В этот период во всю ширь развернулось научное дарование Манфреда и появились его важнейшие труды.

Историк по призванию, любивший повторять, что нет науки прекраснее, чем историческая, он был специалистом очень широкого профиля.

Особый интерес исследователя всегда вызывала история Великой французской революции. Его первой печатной работой в этой области был изданный впервые в 1950 г. очерк «Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789—1794 гг.)», значительно расширенный и дополненный во втором издании (1956 г.). Хотя книга эта была научно-популярной, в ее

основу была положена большая работа автора над широким кругом первоисточников. В. П. Волгин назвал ее «наиболее ценной и в научном отношении содержательной».

А. З. Манфреда всегда привлекал жанр исторического портрета; деятели Великой французской революции особенно интересовали его. «Другу народа», Ж.-П. Марату он посвятил работу, вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей». Совместно с В. П. Волгиным он издал трехтомник «Избранных произведений» Марата. Впервые на русском языке под редакцией Альберта Захаровича и с его обширным введением вышли три тома «Избранных произведений» Максимилиана Робеспьера. В 1958 г., во время празднования двухсотлетия Робеспьера, он выступил с превосходным докладом «Споры о Робеспьере», вышла его брошюра с краткой биографией Робеспьера.

Внимание Манфреда постоянно привлекала также история внешней политики Франции. Его докторская диссертация, защищенная в 1950 г., была посвящена внешней политике Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871—1891 гг.). В 1952 г. она была опубликована. Автор использовал широчайший круг печатных первоисточников и интереснейшие архивные материалы (дневники и записные книжки Александра III в бытность его наследником престола, фонд кн. Э. Трубецкой и др.).

К истории франко-русских отношений, а также культурных связей между Россией и Францией Альберт Захарович обращался и позднее. Одним из первых он начал изучение истории советско-французских отношений. Его работы в этой области были объединены в 1967 г. в сборнике «Традиции дружбы и сотрудничества».

Еще в 1941 г. Манфред опубликовал статью о Парижской Коммуне 1871 года. Эта тема занимала его и позднее. К 90-летию Коммуны он выступил с очень интересным исследованием о первых десяти днях, когда у власти стояло революционное правительство Центрального комитета Национальной гвардии, по-новому оценил его важнейшую роль в развитии революционных событий. Он был главным редактором обобщающего труда «История Парижской Коммуны 1871 года», вышедшего к 100-летию Коммуны в 1971 г.

Историей французского социалистического движения Манфред начал заниматься еще в 20-х годах XX в. Особенно привлекала его фигура Жана Жореса. К 30-летней годовщине убийства Жореса, в 1944 г. ученый опубликовал свой первый этюд о нем, оспаривая распространенную у нас в 30-х—40-х годах негативную оценку Жореса. Статью Манфреда еще в рукописи прочитал и одобрил Морис Торез. Возвращаясь к этой теме и в последующие годы, Альберт Захарович доказывал, что, в отличие от большинства французских политических деятелей, Жорес эволюционировал, особенно в последние годы жизни, справа налево, как бы воплощая в себе стремление французского и всего европейского рабочего класса противодействовать колониализму и милитаризму.

Продолжая традицию крупнейших русских и советских историков (вспомним, например, В. О. Ключевского или Е. В. Тарле), Альберт Захарович придавал огромное значение литературной форме исторического повествования. Все его работы отмечены безупречным литературным вкусом и совершенством стиля.

Последние годы жизни Манфреда принесли подлинный расцвет его таланта. В 1971 г. вышел его капитальный труд «Наполеон Бонапарт», выдержавший ныне уже второе издание. Все лучшие черты научного и литературного дарования историка проявились в этой работе.

В 1975 г. вышла монография Манфреда «Образование русско-французского союза», подводящая итоги тридцатилетних исследований автора. Она поражает богатством использованных документов, извлеченных не только из советских, но и из французских архивов (из фондов Министерства иностранных дел и военного ведомства). В этой работе последовательно изложены все этапы сложного процесса сближения двух крупнейших европейских держав, завершившегося в 1891—1893 гг. заключением русско-французского союза, оказавшего большое влияние на всю мировую политику той эпохи.

Незадолго до кончины Альберт Захарович вновь обратился к Великой французской революции. Он завершил новую книгу «Три портрета из эпохи Великой французской революции» (Руссо, Мирабо и Робеспьер). Одно из последних его выступлений — на конференции советских и французских историков в Дижоне — было посвящено борьбе, развернувшейся в современной историографии по некоторым проблемам Французской революции. Альберт Захарович был полон новых творческих замыслов.

А. З. Манфред был талантливым, выдающимся организатором советской науки. По его инициативе был создан выходящий вот уже около двадцати лет «Французский ежегодник», главным редактором которого он стал после смерти В. П. Волгина. Под его руководством работала Группа по истории Франции при Институте всеобщей истории АН СССР.

Велики заслуги Манфреда в установлении и укреплении научных связей между советскими и французскими историками. Он был организатором почти всех конференций советских и французских историков, издания сборников статей советских и французских ученых, вышедших в 1970 г. к XIII Международному конгрессу исторических наук в Москве.

Деятельность Манфреда нашла широкое признание во Франции. Он был почетным доктором Клермон-Ферранского университета, почетным председателем Комиссии по истории Великой французской революции при Международном историческом комитете, президентом общества «СССР — Франция».

Никогда не забудут Альберта Захаровича его ученики и те, кому посчастливилось работать вместе с ним. Его отличали бесконечное обаяние, внимание к окружающим, необыкновенная доброжелательность и готовность помочь, умение деликатно и ненавязчиво направлять работу товарищей, искренняя заинтересованность в их успехах, их движении вперед. Глубочайшая духовная культура, подлинная интеллигентность, душевная щедрость делали его незаменимым руководителем. Его преданность и любовь к исторической науке передавались всем и создавали в среде его товарищей и учеников особую творческую атмосферу. Не случайно он создал целую школу исследователей истории Франции и был любим своими учениками.

В советской исторической науке Альберт Захарович Манфред, виднейший специалист по истории нового времени и истории Франции, выдающийся педагог и организатор науки, занимает почетное место.

*В. М. Далин,
С. В. Оболенская*

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ А. З. МАНФРЕДА *

1925

Гибель Сергея Есенина.— «Саратовские известия», 30 дек.

1927

Пушкин и советская литература.— «Псковский набат», 10 февр.

1928

Рец.: Волгин В. П. История социалистических идей. Ч. 1. Л., 1928.— «Молодая гвардия», № 5, с. 208—209. *Подп.:* А. Ман.

Рец.: Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. Составитель В. П. Волгин. *Подп.:* А. Ман.— «Молодая гвардия», № 9, с. 200.

Рец.: Сулковский Ф. И. Вожди в истории. М.— Л., 1928.— «Молодая гвардия», № 3, с. 196—198.

1929

Циммервальдское движение в швейцарской социал-демократии.— «Пролетарская революция», № 7, с. 15—47.

Рец.: Пастернак Б. Поверх барьеров. М.— Л., 1929.— «Книга и революция», № 23, с. 56.

1930

Рец.: Зевазс А. История Третьей республики. М.— Л., 1930.— «Книга и революция», № 23-24, с. 58—59.

Рец.: Кулацкая «постройка» [О творчестве поэта Кустова].— «Книга и революция», № 28, с. 42—43.

Рец.: Лепешинская А. В. Английская всеобщая стачка 1926 г. М.— Л., 1930.— «Книга и революция», № 13—14, с. 38.

Рец.: Лирический агитатор [О книге стихов Н. Асеева].— «Книга и революция», № 25, с. 46—47.

Рец.: Мюценберг В. С. Либкнехтом и Лениным. Пятнадцать лет в пролетарском юношеском движении. М., 1930.— «Пролетарская революция», № 10(105), с. 166—167.

Рец.: Пройденный путь [О стихотв. сборниках И. Садофьева].— «Книга и революция», № 11, с. 18—19.

Рец.: Яроцкий В. Я. Эпоха войн и революций. М., 1929.— «Книга и революция», № 6, с. 10.

1932

К мировому Октябрю.— «На ленинском пути» (Иваново), № 20, с. 2—6.

1933

Конец капиталистической стабилизации и переход ко второму туру войн и революций. М.— Иваново, 24 с.

На пороге решающих столкновений. Обзор междунар. положения. Иваново, 26 с.

Непобедимая Коммуна.— «На ленинском пути» (Иваново), № 5-6, с. 34—37.

Социал-демократия в борьбе за спасение капитализма.— Там же, № 19, с. 29—32.

Фашизм в Германии.— Там же, № 11, с. 28—32.

Второй распад II Интернационала.— «Рабочий край» (Иваново), 20 июля.

* Составители С. Н. Гурвич, М. И. Ковальская.

1934

Идут бои.— «Рабочий край», (Иваново), 27 февр.

1935

VII Конгресс Коминтерна.— «Хозяйство Ивановской промышленной области», (Иваново), № 9, с. 3—26.

О методике лекций.— «За большевистские педкадры» (Иваново), 3 апр.

1937

Пушкин и наше время.— «Рабочий край» (Иваново), 10 февр.

1941

Парижская Коммуна 1871 г.— «Мировое хозяйство и мировая политика», № 3, с. 20—39. *Псевдоним*: П. Ратманов.

Рец.: Лицо врага [О кн.: *Гейден К.* История германского фашизма. Пер. с нем. М.—Л., 1935; *Отвальт Э.* Путь Гитлера к власти. Пер. с нем. М., 1933.— «Исторический журнал», № 9, с. 136—142.

Рец.: *Марти А.* Восстание на Черном море. Пер. с франц. М., 1940, 391 с.— «Историк-марксист», № 4, с. 128—132.

Рец.: *Laurès J. Oeuvres.* Т. IX. Paris, 1939.— «Историк-марксист», № 1, с. 129—133.

1943

Рец.: *Эренбург И.* Падение Парижа. М., 1942.— «Исторический журнал», № 3—4, с. 95—99.

1944

Жан Жорес.— «Исторический журнал», № 9, с. 52—62.

1946

Рец.: *Бюхлер Ф.* Отношение Франции к России 1871—1878 гг.— «Вопросы истории», № 8-9, с. 132—135.

1947

Англо-французские отношения. Стенограмма лекции. М., 32 с. *Пер. на болг. яз.*: София, 1949.

Из предыстории франко-русского союза.— «Вопросы истории», № 1, с. 24—52. *Сокр. пер. на фр. яз.*: 1947.

Рец.: *Манусевич А.* Борьба за демократию во Франции.— «Советская книга», № 5, с. 47—51.

1948

Ред. коммент.: *Буонарротти Ф.* Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа. Т. 2, Пер. с франц. М.—Л., 398 с.

Рец.: Замогильные записки [О книгах: *Gamelin, gén.* Les armes francaises de 1940. Paris, 1946; *Lebrun A.* Temoignage. Paris, 1945].— «Вопросы истории», № 3, с. 106—112.

Рец.: *Поршнев Б. Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой.— «Советская книга», № 9, с. 82—85.

1949

Предательство французских правых социалистов в первые годы Четвертой республики (1945—47 гг.).— «Вопросы истории», № 7, с. 40—65.

353

1950

Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789—1794 гг.). М., 176 с.

Пер. на нем. яз.: Берлин, 1952; *на кит. яз.*: Пекин, 1954.

Рец.: Добролюбовский К.— «Вопросы истории», 1951, № 5, с. 115—119.

Внешняя политика Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871—1891). Автореф. дис. на соискание уч. степ. д-ра ист. наук. М., 27 с.

Русско-французские отношения после Франкфуртского мира (1871—1872).— «Вопросы истории», № 6, с. 57—84.

Пер. на фр. яз.: 1952.

1952

Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 591 с.

Рец.: Ерусалимский А. С.— «Вопросы истории», 1955, № 9, с. 142—153.

1953

Рец.: Революции 1848—1849 гг. Т. 1—2. М., 1952.— «Вопросы истории», № 3, с. 84—96 (Совместно с И. С. Галкиным).

1954

Возрождение германского милитаризма — угроза безопасности европейских народов. М., 40 с.

Пер. на болг. яз.: София.

О некоторых антинациональных тенденциях в современной французской историографии.— «Вопросы истории», № 3, с. 145—155.

After the London Nine-Power Conference.— «News. A Soviet Review of World Events» (М.), N 21, p. 14—16.

Concerning a Certain Anniversary.— Ibid., N 12, p. 5—7.

La coopération franco-soviétique et la paix en Europe.— «Etudes soviétiques» (Paris), N 81, p. 13—16.

La révolution française et les historiens soviétiques.— Ibid., N 80, p. 54—56.

1955

Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский.— В кн.: Из истории социально-политических идей. Сб. ст. к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., с. 633—642.

France and German Rearmament.— «News. A Soviet Review of World events» (М.), N 10, p. 5—6.

Neutrality: A Survey.— Ibid., N 20, p. 6—7.

Non-Involment in War Blocks and European Security.— Ibid., N 14, p. 5—6

Post-War Europe.— Ibid., N 6, p. 6—7.

1956

Великая Французская буржуазная революция XVIII в. 1789—1794 гг. М., 286 с.

Пер. на венг. яз.: Будапешт, 1958; *на франц. яз.*: М., 1961; *на исп. яз.*: Мехико, 1964; *на португ. яз.*: Лиссабон, 1964; Сан-Пауло, 1965.

Рец.: Godechot J.— «Revue historique» (Paris), 1972, t. 504, p. 479; Dautry J.— «Pensée» (Paris), 1962, N 101, p. 148.

Французский рабочий класс в борьбе за социальный прогресс, за мир и национальное величие Франции. Стенограмма лекции. М., 40 с.

Русская революция 1905 г. и подъем революционного движения во Франции.— В кн.: Первая русская революция и ее международное значение. Т. 2. М., с. 41—104.

- Русская революция 1905—1907 гг. и подъем революционного движения во Франции.— «Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР», № 9, с. 130—146.
Пер. на франц. яз.: «Recherches soviétiques» (Paris), № 5, p. 161—191.
- Франция и СССР.— «Новое время», № 14, с. 3—7.
Пер. на нем. и франц. яз.
- Collective Security or a New E. D. C.? — «News. A Soviet Review of World Events» (M.), № 22, p. 22.
- Franco-Soviet Relations.— Ibid., N 6, p. 8—9.
- Pour l'amitié et coopération franco-soviétique.— «Etudes soviétiques» (Paris), № 98, p. 1—4.
- [Вступит. статья]: Жан Поль Марат и его произведения.— В кн.: *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. Т. I. М., с. 7—69.
- Сост.:* Марат Ж.-П. Избранные произведения. Т. 1—3. М. (совместно с В. П. Волгиным).

1957

- Евгений Викторович Тарле.— В кн.: Из истории общественных движений и междунар. отношений. Сб. ст. в память Е. В. Тарле. М., с. 3—17.
- О роли Г. В. Плеханова в международном революционном движении в 90-х годах XIX в.— «Новая и новейшая история», № 1, с. 94—111.
- О рецензии А. С. Ерусалимского (Письмо в редакцию).— «Вопросы истории», № 3, с. 218—222.
Пер. на рум. яз.: Bucuresti, 1957.
- La coopération franco-soviétique et la sécurité européenne.— «Etudes soviétiques» (Paris), № 112, p. 1—4.
- L'étude de l'histoire de France en URSS.— «Pensée» (Paris), № 76, p. 42—46.
 [Предисловие].— В кн.: *Виллар Ж. и Виллар К.* Формирование французской нации (X — начало XIX в.). М., 1957, с. 5—21.
- [Предисловие].— В кн.: *Прело М.* Конституционное право Франции. Пер. с франц. М., с. 5—22.
- Отв. ред.:* Тарле Е. В. Наполеон. М., 465 с.
- Ред.:* Виллар Ж. и Виллар К. Формирование французской нации (X — начало XIX в.). Пер. с франц. М., 335 с.
- Ред.:* Прело М. Конституционное право Франции. Пер. с франц. М., 671 с.
- Ред.:* Тарле Е. В. Сочинения. Т. 2. М., 746 с.
- Член ред. колл.:* Тарле Е. В. Сочинения. Т. 1—12. М., 1957—1962.

1958

- Максимилиан Робеспьер — выдающийся деятель Великой французской буржуазной революции (К 200-летию со дня рождения). М., 48 с.
Пер. на нем. яз.: Maximilien Robespierre.— In: Maximilien Robespierre 1758—1794. Berlin, 1961, s. 19—65.
- Великая французская революция конца XVIII в.— В кн.: Новая история. Т. 2 (1789—1870). М., с. 5—32 (совместно с Ф. В. Потемкиным).
- Споры о Робеспьере.— «Вопросы истории», № 7, с. 62—85.
Пер. на нем. яз.:— In: Maximilien Robespierre. 1758—1794. Berlin, 1961, S. 525—558.
- [Предисловие].— В кн.: *Серебрякова Г. И.* Женщины эпохи Французской революции. М., с. 3—14.
- [Вступит. статья].— В кн.: *Эррио Э.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. Пер. с франц. М., с. 5—34.
- Зам. гл. ред.:* Французский ежегодник. М., 1958—1961.
- Ред.:* Серебрякова Г. И. Женщины эпохи Французской революции. М., 158 с.
- Ред.:* Тарле Е. В. Сочинения. Т. 3. М., 654 с.; Т. 4. М., 767 с. (совместно с Б. Ф. Поршневым).
- Ред.:* Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. Пер. с франц. М., 772 с.

- Некоторые вопросы франко-советских отношений в период 1917—1957 гг.—
В кн.: Французский ежегодник. 1958, с. 30—40.
- Всемирная история. Т. 6. М., 830 с. *Автор глав:*
Великая французская буржуазная революция 1789—1794 гг., с. 17—55;
Франция в период Термидорианской реакции. Директория, с. 56—68;
Империя Наполеона. Международные отношения в период наполеоновских войн, с. 86—97, 104—112;
Крушение наполеоновской империи, с. 123—130;
Дворянско-монархическая реакция в Западной Европе и буржуазно-революционное движение 20-х годов XIX в. (*Разделы:* Венский конгресс и Священный союз; Буржуазные революции в Испании и Италии); Франция в период Реставрации; Германия и Австрия в 1815—1830 гг.), с. 131—140, 144—151, 157—161;
Вторая империя во Франции, с. 561—572;
Образование итальянского национального государства. Объединение Германии, с. 531—544.
- Политический кризис во Франции.— «Мировая экономика и международные отношения», № 3, с. 50—67. *Псевд.:* А. Захаренко.
- [Предисловие].— В кн.: *Фридлянд Ц. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. М., с. III—XVI.*
- Жан Жорес — борец против реакции и войны (К 100-летию со дня рождения).— «Новая и новейшая история», № 5, с. 81—91.
- Франко-советские отношения в мировой политике.— «Международная жизнь», № 12, с. 24—35.
- Франция и германская проблема.— «Мировая экономика и международные отношения», № 8, с. 33—49.
- К 80-летию академика В. П. Волгина.— «Новая и новейшая история», № 4, с. 119—126.
- Наполеон I.— В кн.: Малая Сов. Энциклопедия, 3-е изд., т. 6, с. 397—406.
- Quelle fut la cause de l'alliance franco-russe? — «Cahiers du monde russe et soviétique» (Paris), № 1, p. 148—164.
- Рец.:* Страницы биографии В. И. Ленина (К выходу в свет книги М. Пианзолы «Ленин в Швейцарии». Пер. с франц. М., 1958).— «Коммунист», № 8, с. 116—119.
- Отв. ред.:* *Фридлянд Ц. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. М., 560 с.*

1960

- Новая история. Т. 3. М., 884 с. *Автор глав:*
Парижская Коммуна, с. 19—38.
Франко-прусская война. Революция 4 сентября 1870 г., с. 5—18.
Франция в 1871—1898 гг., с. 112—139;
Франция в 1899—1914 гг., с. 371—396.
- Член авт. колл.: Дипломатический словарь. Т. I, М., 579 с.
- Традиционная дружба.— «Советская культура», 12 марта.
- Hommage des historiens soviétiques à Georges Lefebvre.— «Annales historiques de la Révolution française» (Paris), № 159, p. 126—128 (совместно с В. П. Волгиным).
- [Интервью газете «Юманите»].— «L'Humanité» (Paris), 6 mars.

1961

- Очерки истории Франции XVIII—XX вв. Сб. ст. М., 616 с.
Пер. на франц. яз.: Essais d'histoire de France du XVIII au XXe siècle. М., 1969, 622 p.
- Рец.:* *Далин В. М.*— «Новый мир», 1962, № 7, с. 273—275; *Поршнев Б. Ф.*— «Новая и новейшая история», 1962, № 4, с. 168—170; *Agulhon M.*— «Mou-

vement social» (Paris), 1975, № 92, p. 119—122; Bruhat J.—«France—URSS» (Paris), 1970, № 25, p. 30; Godechot J.—«Revue historique» (Paris), 1972, t. 504, p. 479; Markov W.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (Berlin), 1972, Hf. 2, S. 240—241; Rebérioux M.—«Annales» (Paris), 1971, № 5, p. 1077.

К истории русско-французских культурных связей 70—80-х годов XIX в.— В кн.: Французский ежегодник 1959, с. 282—320.

Парижская Коммуна 1871 г. Т. 1—2. М. Автор глав:

Капиталистический мир в шестидесятых годах XIX в. Подъем демократического и рабочего движения.— Т. 1, с. 9—45;

Революционное правительство Центрального комитета Национальной гвардии.— Там же, с. 297—338;

Историческое значение и традиции Парижской Коммуны.— Т. 2, с. 547—565.

[Вступит. статья].— В кн.: Жорес Ж. Против войны и колониальной политики. М., с. 5—25.

Историческое значение и традиции Парижской Коммуны.— «Новая и новейшая история», № 2, с. 45—58.

Член авт. колл.: Дипломатический словарь, т. 2. М., 615 с.

Les bases de l'amitié—«Etudes soviétiques» (Paris), N 156, p. 1—3.

Ученый-революционер (К присуждению Ленинской премии 1961 г. В. П. Волгину).— «Культура и жизнь», № 8, с. 46—47.

Ценные исследования по истории социалистических учений [о работах В. П. Волгина, представленных на соискание Ленинской премии].— «Правда», 5 апр. (совместно с С. Д. Сказкиным).

И исследователь, и писатель.— «Литературная газета», 12 сент., с. 2.

Рец.: Розенталь Э. М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX в. М., 1960, 272 с.; Борисов Ю. В. Советско-французские отношения и безопасность Европы. М., 1960, 199 с.— «Международная жизнь», № 5, с. 137—140.

Рец.: Хрестоматия по новейшей истории. В 3-х т. Под ред. Б. Г. Гафурова. Т. 1—2.— «Новая и новейшая история», № 3, с. 134—136 (Совместно с В. А. Дунаевским).

Ред.: Жорес Ж. Против войны и колониальной политики. М., 238 с.

Ред.: Парижская Коммуна 1871 г. Т. 1—2. М., 1961.

Редактор-консультант издания: Советская историческая энциклопедия (СИЭ), т. 1—16. М., 1961—1976.

1962

Марат. М., 352 с.

Пер. на сербск. яз.: Белград, 1966.

Рец.: Загер Я. М.— «Новая и новейшая история», 1963, № 3, с. 160; Львов С. О замечательном — замечательно! — «Литературная газета», 1963, 27 дек.; Dautry J.—«Pensée» (Paris), 1963, № 108, p. 143—144.

К истории франко-советского договора о взаимной помощи 1935 г.— В кн.: Французский ежегодник. 1961, М., с. 458—468.

Капитализм против человечества.— «Коммунист», № 7, с. 85—94.

О современной политике Франции.— «Новое время», № 41, с. 4—7.

150 лет после Бородина.— «Международная жизнь», № 9, с. 107—113.

Nouveaux ouvrages soviétiques sur l'histoire de France.— «Etudes soviétiques» (Paris), № 169, p. 70—71.

Гл. ред.: Французский ежегодник. 1962—1976. М., 1963—1977.

1963

Воспоминание о В. П. Волгине.— В кн.: Французский ежегодник. 1962. М., с. 490—493.

Ниспровержение национальных традиций.— «Международная жизнь», № 3, с. 67—68.

- Путь к Седану.— «Новое время», № 19, с. 11—14.
 V. P. Volguine (1879—1962).— «Annales historiques de la Révolution française», Paris, № 171, p. 121—123 (совместно с В. М. Далиным).
 Волгин В. П.— В кн.: СИЭ, т. 3, М., с. 612—613.
 Гриви Жюль.— В кн.: СИЭ, т. 4, М., с. 704—705.
 Дантон Жорж Жак.— В кн.: СИЭ, т. 4, М., 1005—1006.
Член ред. колл.: Лукин Н. М. Избранные труды, в 3-х т. М., 1960—1963. *Ред.:* т. 3, М., 503 с.
Рец.: История дипломатии. Под ред. А. А. Громыко и др. Изд. 2-е. Т. 2 (Дипломатия в новое время).— «Новая и новейшая история», № 6, с. 114—117.

1964

- Голос Жореса.— «Новый мир», № 8, с. 212—227.
 Жан-Жак Руссо — предвестник революции.— «Вопросы истории», № 1, с. 98—113.
 Великая французская революция XVIII в. и современность (К 175-летию революции).— «Новая и новейшая история», № 4, с. 59—74.
Пер. на нем. яз.: Die Grosse Französische Revolution des 18. Jahrhunderts und die Gegenwart.— In: Studien über die Revolution. Berlin, 1969, S. 157—176.
 Освобождение Франции: история и современность.— «Международная жизнь», № 9, с. 102—111.
 О работе советских историков в области всеобщей истории. Доклад (К встрече с итальянскими историками в октябре 1964 г.). М., 69 с. Ротапринт.
 Жирондисты.— В кн.: СИЭ, т. 5, с. 551—552.
 Жорес Жан.— В кн.: СИЭ, т. 5, с. 559—561.
Член авт. колл.: Дипломатический словарь, т. III, М., 559 с.
 [Выступление в прениях по докладам В. М. Хвостова и Б. Г. Гафурова].— В кн.: Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва, 1962. М., с. 451—454.
Отв. ред.: Белоусова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 298 с.
Отв. ред.: Рагиани Г. М. Конец Третьей республики во Франции. М., 283 с.
Член ред. колл.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX в. Сб. ст. к 80-летию акад. И. М. Майского. М., 560 с.

1965

- Важнейшие проблемы новой истории в советских исследованиях (Обзор).— «Новая и новейшая история», № 3, с. 20—34.
 СССР и Франция в мировой политике.— «Коммунист», № 8, с. 120—123.
 [Вступит. статья].— В кн.: Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х т. Пер. с франц. Т. 1. М., с. 7—85.
 Робеспьер в историографии.— В кн.: Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х т. Пер. с франц. Т. III, М., с. 267—282.
 Robespierre dans l'historiographie russe et soviétique.— In: Actes du colloque Robespierre (Congrès International des Sciences historiques. Vienne), p. 237—250.
Ред. и сост.: Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х т. Пер. с франц. М. Т. 1. 378 с.; Т. 2. 396 с.; Т. 3. 318 с.
Член ред. колл.: Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западно-европейских государств (конец XV — начало XIX в.). М., 427 с.

1966

- Краткая всемирная история. В 2-х книгах. М. Кн. 1. 591 с.; кн. 2. 508 с. *Автор глав:*

- Великая французская буржуазная революция, с. 344—363;
 Дворянско-монархическая реакция в Европе и революционно-освободительное движение 20—30-х годов XIX в., с. 379—392;
 Европа в период наполеоновских войн, с. 364—378 (совместно с М. В. Нечкиной);
 Империализм — высшая и последняя стадия капитализма, с. 517—525;
 Капиталистический мир в конце XIX в., с. 486—502 (совместно с Л. Н. Кутаковым);
 Национально-буржуазные движения в Европе и Америке, с. 458—473;
 Парижская Коммуна 1871 г., с. 474—485;
 Первая мировая империалистическая война и свержение царизма в России, с. 555—574 (совместно с А. А. Фадеевым);
 Развитие капитализма в Европе и Америке. Рост рабочего движения и возникновение научного коммунизма, с. 393—403;
 Революции и революционное движение 1848—1849 гг., с. 404—417.
- О работе советских историков в области всеобщей истории (с XVIII в. до 1917 г.).— В кн.: Проблемы советско-итальянской историографии. М., с. 61—104; Выступления: с. 236—245, 276—284.
- Конгресс историков в Вене.— «Вестник АН СССР», № 1, с. 99—103.
- Николай Михайлович Лукин.— В кн.: Европа в новое и новейшее время. Сб. ст. памяти акад. Н. М. Лукина. М., с. 3—20.
- Марат.— В кн.: СИЭ, т. 9. М., с. 65—67.
- Мирабо.— В кн.: СИЭ, т. 9. М., с. 479—480.
- Наполеон I.— В кн.: СИЭ, т. 9. М., с. 892—897.
- Общественно-политические идеи в 1815 г.— «Вопросы истории», № 5, с. 54—64.
- Пер. на франц. яз.: Idées sociales et politiques en 1815.— In: Bilan du monde en 1815. Rapports conjoints (XIIe Congrès Intern. des Sciences historiques). Paris, 1966, p. 25—38.*
- Робеспьер в русской и советской историографии.— «Новая и новейшая история», № 2, с. 56—64.
- [Вступит. статья].— В кн.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., с. 5—20.
- Традиции и интересы.— «Международная жизнь», № 10, с. 110—118.
- Ущербный договор.— «Новое время», № 15, с. 23—25.
- Франция, Советский Союз и Европа. Записки историка.— «Новое время», № 25, с. 12—13.
- Les traditions de l'amitié.— «Etudes soviétiques». Paris, № 249, p. 3—7.
- Добрые традиции.— «Известия», 13 июля.
- Зори Победы. К 95-летию Парижской Коммуны.— «Известия», 17 марта.
- Традиционные узы сотрудничества.— «Правда», 18 июня.
- Гл. ред.:* Краткая всемирная история. В 2-х кн. М. Кн. 1. 591 с.; Кн. 2. 508 с.
Ред.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Пер. с франц. М., 591 с.
- Член ред. колл.:* Европа в новое и новейшее время. Сб. ст. памяти акад. Н. М. Лукина. М., 685 с.
- Член ред. колл.:* Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы сов.-итал. конференции историков. 12—14 окт. 1964 г. М., 403 с.

1967

- Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 332 с.
- Пер. на франц. яз.:* France — Russie, France — URSS, Traditions d'amitié et de coopération. М., 1974, 329 p.
- Рец.:* Варфоломеева Р. С.— «Вопросы истории», 1969, № 1, с. 159—162;
 Сказкин С. Д. Чему учит исторический опыт.— «Правда», 1968, 24 апр.;
 Sch. H.— «Deutsche Aussenpolitik» (Berlin), 1968, № 11, S. 1393—1394;
 Willard Cl.— «Cahiers d'histoire de l'Institut M. Thorez» (Paris), 1975, № 11, p. 178.

Третья франко-советская конференция историков.— В кн.: Французский ежегодник. 1966. М., с. 285—286.

Рец.: Коньо Ж. Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба трудящихся масс Франции за социальный прогресс. Пер. с франц. М.— «Мировая экономика и международные отношения», № 11, с. 141—144.

1968

Не укрывая знамя в тень. К 150-летию со дня рождения К. Маркса.— «Комсомольская правда», 4 мая.

Рец.: Королев Н. Е. Ленин и международное рабочее движение. 1914—1918. М.— «Вопросы истории КПСС», № 9, с. 120—123.

1969

Итальянский поход Бонапарта в 1796—1797 гг.— «Новая и новейшая история», № 5, с. 45—58; № 6, с. 67—83.

О природе якобинской власти.— «Вопросы истории», № 5, с. 92—107. № 150, р. 60—83.

Пер. на франц. яз.: La nature du pouvoir jacobin.— «Pensée» (Paris), 1970. [Вступит. статья].— В кн.: *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции. 1893—1905 (Гедисты). Пер. с франц. М., с. 5—22.

[Предисловие].— В кн.: *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX в., М., с. 5—11.

Робеспьер.— В кн.: СИЭ, т. 12, с. 98—99.

La storiografia russa e sovietica sull'epoca di Napoleone.— «Rassegna sovietica», (Roma), № 2, р. 143—157.

Рец.: В. И. Ленин в переломные годы мирового рабочего движения. [О кн.: *Темкин Я. Г.* Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917 гг. М., 622 с.].— «Проблемы мира и социализма» (Прага), № 11, с. 93—95.

Ред.: Виллар К. Социалистическое движение во Франции. 1893—1905. (Гедисты). Пер. с франц. М., 583 с.

Отв. ред.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Пер. с франц. М., 703 с.

1970

С. С. Бантке (по личным воспоминаниям).— В кн.: Памяти С. С. Бантке. Кишинев, с. 70—77.

Работы советских ученых в 1965—1969 гг. по истории Западной Европы и Северной Америки.— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. Работы советских историков за 1965—1969 гг. М., с. 88—104.

То же на англ. и франц. яз.

Члену-корреспонденту АН СССР Ф. В. Потемкину — 75 лет.— «Новая и новейшая история», № 3, с. 167—169 (Совместно с С. Д. Сказкиным и Е. Б. Черняком).

Ф. Энгельс и научное предвидение.— «Мировая экономика и международные отношения», № 11, с. 33—42.

[Вступит. статья].— В кн.: *Шури М.* Коммуна в сердце Парижа. Пер. с франц. М., с. 5—20.

Рец.: Путь борьбы [О кн.: *Duclos J. Mémoires*, t. 1—3. Paris, 1968—1970].— «Международная жизнь», № 9, с. 139—142.

Ред.: Шури М. Коммуна в сердце Парижа. Пер. с франц. М., 494 с.

Член ред. колл.: Век просвещения. Москва — Париж, 332 с.

То же на франц. яз.: Au Siècle des lumières. Paris — Moscou, 309 p.

Член ред. колл.: Франко-русские экономические связи. Москва — Париж, 434 с.

То же на франц. яз.: La Russie et l'Europe XVIe—XXe siècles. Moscou — Paris.

Наполеон Бонапарт. М., 724 с.

Пер. на армянск. яз.: Ереван, 1975; *Пер. на болг. яз.:* София, 1972; *на словацк. яз.:* Братислава, 1975; *на чешск. яз.:* Прага, 1975; *на сербо-хорват. яз.:* Белград, 1975.

Рец.: Гавриличев В.—«В мире книг», 1972, № 7, с. 8—9; Жуков Е. Новое исследование по истории Франции.—«Правда», 1972, 28 марта; Кузнецов Б.—«Наука и жизнь», 1972, № 9, с. 134—135; Сироткин В. Г.—«Новая и новейшая история», 1972, № 6, с. 201—205; Чубарьян А.—«Комсомольская правда», 1972, 2 апр.; McConnell A.—«Slavic Review», Seattle, 1974, № 3, p. 536—538; Markov W.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (Berlin), 1972, Hf. 10, S. 1307—1309; Markov W.—«Annales historiques de la révolution française» (Paris), 1973, № 4, p. 623—625; Nesterenko E. A.—«Deutsche Literaturzeitung» (Berlin), 1973, Hf. 7/8, S. 615—617.

История Парижской Коммуны 1871 г. М. Автор глав:

Развитие капитализма в 50—60-х годах XIX века. Мир накануне Коммуны, с. 13—50;

Революционное правительство Центрального комитета Национальной гвардии, с. 222—272;

Историческое значение и традиции Парижской Коммуны, с. 758—783.

То же на франц. яз.— В кн.: La Commune de Paris, 1871, М., 1974, 442 р.

Историческое значение и традиции Парижской Коммуны. *На франц., англ., и др. яз.*—«Sciences sociales», № 2, М., p. 64—80.

Египетский поход Бонапарта.— В кн.: Французский ежегодник. 1969. М., с. 212—232.

Дело Парижской Коммуны бессмертно (К 100-летию Парижской Коммуны).— «Партийная жизнь», № 6, с. 74—79.

В. И. Ленин и всемирно-исторический опыт.— «Коммунист», № 9, с. 53—65. Парижская Коммуна. 100 лет спустя.— «Мировая экономика и международные отношения», № 3, с. 3—14.

Перед решающим столкновением (глава из книги «Наполеон Бонапарт»).— «Вопросы истории», № 1, с. 132—143; № 2, с. 116—127.

Поиски союза с Россией (1800—1801 гг.).— «История СССР», № 4, с. 38—59.

Советская историография Парижской Коммуны.— «Вопросы истории», № 5, с. 34—36.

Рец.: М.—«Szazadok» (Budapest), 1972, évf. 106, № 2, 503—504 old.

СССР и Франция в европейской мировой политике.— «Международная жизнь», № 10, с. 121—126.

100-летие Парижской Коммуны.— «Вестник Академии наук СССР», М., № 6, с. 87—89.

Великая французская революция.— В кн.: БСЭ, т. 4, с. 405—407.

Москва — Париж, пути дружбы.— «Литературная газета», 27 окт., с. 14.

Перев. на франц. яз.: Moscou — Paris ou les chemins de l'amitié.— «Oeuvres et opinions», № 157. М., p. 137—140.

Историческое значение Парижской Коммуны.— «Советская Латвия» (Рига), 4 марта.

То же под загл.: Историческое значение и традиции Парижской Коммуны.— «Советская Молдавия» (Кишинев), 11 марта.

Прообраз нового общества.— «Коммунист Таджикистана» (Душанбе), 13 марта; «Московский комсомолец», 18 марта; «Казахстанская правда» (Алма-Ата), 18 марта; «Советская торговля», 18 марта (под загл.: Знамя великой победы).

Член ред. колл.: История Парижской Коммуны 1871 года. М., 804 с.

1972

Государственный переворот 18 брюмера VIII года.— «Прометей», т. 9. М., с. 248—272.

Крупнейший советский историк Владимир Михайлович Хвостов.— «История СССР», № 4, с. 239—250 (совместно с Ю. А. Поляковым).

[Предисловие].— В кн.: *Шури М.* Здравствуйте, господин Курбе. Пер. с франц. М., с. 5—28.

Проблемы якобинской диктатуры. [Вступит. слово, выступление и заключит. слово на симпозиуме в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР в мае 1970 г.].— В кн.: Французский ежегодник. 1970. М., с. 278—279, 302—305, 311—313.

Ленин и проблемы истории Франции. [Доклад на международной конференции в Москве в ноябре 1969 г.]. Изложение содержания в статье: *Сиволла И. И.* Ленин и проблемы истории Франции. Хроника.— В кн.: Французский ежегодник. 1970, М., с. 315—316.

Дантон.— В кн.: БСЭ, т. 7. М., с. 547.

Отв. ред.: История Франции в 3-х т. Т. 1. 359 с.

1973

Наполеон Бонапарт. Изд. 2-е. М., 775 с.

Рец.: *Дангулов С.*— «Знамя», 1974, № 4, с. 229—237.

Великая Французская революция.— В кн.: История Франции в 3-х т. Т. 2. М., с. 5—70.

Третья республика.— Там же, с. 460—512.

Новая история. 1870—1918. Изд. 2-е. М., 688 с. *Автор глав*:

Парижская Коммуна 1871 г., с. 15—34;

Франко-прусская война. Революция 4 сентября 1870 г. и установление Третьей Республики, с. 5—14;

Франция в 1871—1898 г., с. 89—107;

Франция в 1899—1914 гг., с. 263—284.

Конвент.— В кн.: БСЭ, т. 12, с. 610.

Тарле.— В кн.: СИЭ, т. 14, с. 122—123.

Термидорианский переворот.— Там же, с. 194—195.

Термидорианцы.— Там же, с. 195—196.

Дороги, ведущие к миру.— «Литературная газета», 24 окт.

Свет над Европой.— «Правда», 26 июля.

Пер. на франц. яз.: Europe: l'aube des espoirs.— «Sputnik», № 12, М., р. 85—89.

L'Histoire de France en trois volumes.— «Etudes soviétiques» (Paris), № 303, р. 78—81.

Отв. ред.: История Франции. В 3-х т. М., Т. II. 663; Т. III. 599 с.

Рец.: *Молчанов Н.* Генерал де Голль. М., 495 с.— «Журналист», № 12, с. 66—67.

1974

СССР — Франция: традиции дружбы и сотрудничества.— «Международная жизнь», № 10, с. 51—61.

В. И. Ленин и пути мировой истории.— «Мировая экономика и международные отношения», № 1, с. 4—17.

Молодой Руссо.— «Новая и новейшая история», № 4, с. 162—171; № 5, с. 132—148.

Сергей Данилович Сказкин.— В кн.: *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., с. 3—9.

Борис Федорович Поршнев.— В кн.: Французский ежегодник. 1972. М., с. 339—340.

Марат.— В кн.: БСЭ, т. 15, с. 354.

Наполеон I.— В кн.: БСЭ, т. 17, с. 240—242.

Фоше.— В кн.: СИЭ, т. 15, с. 256.

Французская буржуазная революция 18 века.— Там же, с. 370—383.

[Вступит. статья].— В кн.: *Собуль А.* Первая республика 1792—1804. Пер. с франц. М., с. 5—16.

[Предисловие].— В кн.: *Кривов Н. Т.* Париж коммунаров (Альбом репродукций). М., 136 с.

- L'amitié soviéto-française facteur de stabilité et de paix en Europe.— «Etudes soviétiques» (Paris), № 319, p. 46—49.
- L'échanges culturelles.— «Oeuvres et opinions» (М.), № 10, p. 160—164.
- Рец.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1—3.— «Наука и жизнь», № 11, с. 8—10.
- Рец.: Париж коммунаров (альбом худ. Н. Т. Кривова).— «Книжное обозрение», № 31, 2 авг.
- Рец.: *Свенцицкая О. В.* Фриц Платтен. М., 183 с.— «Новая и новейшая история», № 6, с. 174—175.
- Рец.: *Собуль А.* Первая республика 1792—1804. Пер. с франц. М., 392 с.
- Член ред. колл.: *Герцен А. И.* О социализме. Избранное. М., 696 с.

1975

- Образование русско-французского союза. М., 376 с.
- Рец.: *Нечкина М. В., Далин В. М.*— «Новая и новейшая история», 1976, № 4, с. 181—183; *Силин А. С.* К истории русско-французских отношений.— «Вестник Академии наук СССР», 1977, № 11, с. 147—153.
- Монументальный труд об Октябрьской революции.— В кн.: Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии акад. И. И. Минца. М., с. 29—31.
- Сергей Данилович Сказкин.— В кн.: Французский ежегодник. 1973. М., с. 292—294 (Совместно с А. А. Сванидзе).
- Немеркнущая слава исторической Победы.— «Мировая экономика и международные отношения», № 5, с. 5—16.
- О работе советских историков в области новой истории.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., с. 187—196.
- Оформление русско-французского союза.— «Новая и новейшая история», № 6, с. 114—132.
- Перев. на франц. яз.: La formation de l'alliance russo-française.— ¹п: La France dans les recherches des historiens soviétiques. Problèmes du monde contemporain (№ 41). М., 1977, p. 90—105.
- [Предисловие].— В кн.: *Сабатье Р.* Шведские спички. М., с. 5—10.
- Робеспьер.— В кн.: БСЭ, т. 22, с. 147—148.
- Modern history.— «Social sciences» (М.), № 2, p. 125—131.
- То же на франц. яз.: «Sciences sociales» (М.), № 2, p. 134—140.
- То же на исп. яз.
- Новая глава истории.— «Правда», 26 авг.
- Талант историка. К 100-летию со дня рождения академика Е. В. Тарле.— «Комсомольская правда», 12 ноября.
- То же в кн.: Вопросы теории и жизнь. Сб. ст. Вып. 3. М., 1976, с. 354—359
- Член ред. колл.: *Бабёф Г.* Сочинения. В 4-х т. Т. I. М., 391 с.
- Член ред. колл.: *Волгин В. П.* Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в. М., 295 с.
- Член ред. колл.: Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии акад. И. И. Минца. М., 423 с.

1976

- СССР — Франция. История и современность.— В кн.: Французский ежегодник. 1974. М., с. 33—37.
- Милица Васильевна Нечкина — мастер исторического повествования.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., с. 22—28.
- Академик Евгений Викторович Тарле.— «Вестник АН СССР», № 3, с. 110—118.
- [Вступает. статья]: Жан Жорес и его труд об истории Великой французской революции.— В кн.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской революции в 6-ти т. Пер. с франц. Т. 1, кн. 1. М., с. 5—26.
- Франция после поражения 1870—1871 гг. и Россия.— В кн.: Вопросы исто-

- рии внешней политики СССР и международных отношений. Сб. ст. памяти акад. В. М. Хвостова. М., с. 313—336.
- Октябрь и проблемы войны и мира.— «Коммунист», № 15, с. 98—105.
- Annuaire d'études françaises.— «Sciences sociales» (М.), № 1, p. 243—245.
- То же на англ., испан., бенгали и япон. яз.*
- Отв. ред.:* Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. Сб. ст. памяти акад. В. М. Хвостова. М., 399 с.
- Ред.:* Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. В 6-ти т. Пер. с франц. Т. 1, кн. 1. М., 519 с.
- Член ред. колл.:* Бабёф Г. Сочинения. В 4-х т. Т. II. М., 527 с.
- Член ред. колл.:* Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей (первая половина XIX в.). М., 419 с.
- Член ред. колл.:* Советско-французские отношения 1965—1976. Документы и материалы. М., 255 с.
- То же на франц. яз.:* Les relations franco-soviétiques. Textes et documents 1965—1976. Paris, 184 p.
- Член ред. колл.:* Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений. Избр. труды. М., 543 с.

1977

- Три портрета эпохи Великой Французской революции. М., 440 с.
- [Вступит. статья]: О Галине Серебряковой.— В кн.: *Серебрякова Г. И.* Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., с. 5—21.
- Введение.— В сб.: La France dans les recherches des historiens soviétiques. Problèmes du monde contemporain. (№ 41). М., p. 5—6.
- Некоторые тенденции зарубежной историографии.— «Коммунист», № 10, с. 106—115.
- Наследники благородных традиций.— «Литературная газета», 26 янв., с. 14.
- Рец.:* Великая национальная сила. [На кн.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7 т. Т. 1 (Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса). М., 1976, 672 с.]— «Рабочий класс и современный мир», № 1, с. 164—167.
- Ред.:* Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. В 6-ти т. Пер. с франц. Т. 1, кн. 2. М., 407 с.

1978

- Смерть Жан-Жака.— «Новый мир», № 3, с. 288—237.

ЛИТЕРАТУРА ОБ А. З. МАНФРЕДЕ

- Манфред.— В кн.: СИЭ, т. 9, М., 1966, с. 55.
- Манфред.— В кн.: БСЭ, т. 15, М., 1974, с. 342.
- Краткие биографические сведения.— В кн.: 40 лет ЖЗЛ. Каталог. 1933—1973. М., 1974, с. 228—229. Портрет, с. 229.
- А. З. Манфреду — 60 лет.— «Новая и новейшая история», 1966, № 5, с. 181.
- Далин В. М. и Зубок Л. И.* К шестидесятилетию А. З. Манфреда.— «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 169—170.
- [О присвоении французским университетом в Клермон-Ферране почетного звания доктора университета].— «Известия», 1967, 28 июня; то же:— «Вестник АН СССР», 1967, № 9, с. 77.
- Г. З.* Советский историк — почетный доктор французского университета.— «Новая и новейшая история», 1968, № 1, с. 181—182.
- Корнеев С. Г.* Советские ученые — почетные члены иностранных научных учреждений. М., 1973, с. 66.
- Короستовец М. А., Миц И. И.* 70-летие А. З. Манфреда — «Вопросы истории», 1976, № 8, с. 157—159.
- Погосян В.* Неустанный труженик науки (К 70-летию проф. А. З. Манфре-

да). — «Ереванский университет», № 3, с. 60—63. На армян. яз. Резюме на русск. яз.

Mazauric C. Chronique.— «Annales historiques de la Révolution française» (Paris), 1966, № 185, p. 478—481. [О выступлении А. З. Манфреда на семинаре, организованном Société des études Robespierriistes в Париже 5 февр. 1966 г.]

См.: также раздел «Хроника». — В кн.: Французский ежегодник. 1958—1977. Некролог.— В кн.: Французский ежегодник. 1976. М., 1978.

Некролог.— «Советская культура», 1976, 24 дек.

Некролог.— «L'Humanité», 1976, 18 дс.

От редакции.— «Литературная газета», 1977, 26 янв., с. 14.

Жекова Е. А. З. Манфред — выдающийся представитель советской исторической науки.— «Векове» (София), 1977, № 5, с. 82—85.

Willard Cl. Un grand historien soviétique Albert Manfred.— «Cahiers d'histoire de l'Institut M. Thorez» (Paris), 1977, No. 23, p. 189—193.

Bruhat J. Albert Manfred (1906—1976) — «L'Humanité», 1977, 28 janv.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

XXV съезд КПСС и задачи изучения и преподавания историографии	
И. Д. Ковальченко, А. М. Сахаров	5
Научно-техническая революция и рабочий класс СССР (К историографии проблемы)	
В. С. Лельчук, Е. И. Пивовар	17
Основные направления советской историографии Великой Отечественной войны за 1965—1975 гг.	
В. П. Наумов	51
Деятельность КПСС в годы Великой Отечественной войны (Обзор советской исторической литературы за 1970—1975 гг.)	
Г. А. Куманев, И. В. Ставицкий	67
Периодизация русского освободительного движения XIX в. в мелкобуржуазной историографии	
М. Г. Вандалковская	87

II. ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

Вопросы истории Финляндии в трудах А. М. Коллонтай	
П. Н. Зырянов, Г. Д. Петров	109
Е. В. Тарле — историк Крымской войны	
Е. И. Чапкевич	131
Движение декабристов в исторической концепции Н. П. Огарева	
Е. Л. Рудницкая	154
В. И. Модестов как историк античности	
А. С. Шофман	173

III. К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК

Центры изучения истории в дореволюционной Академии наук	
Г. И. Щетинина	191
Историческая проблематика периодических изданий Академии наук (1725—1917 гг.)	
Ю. Н. Емельянов	214

IV. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О современной буржуазной историографии Первой русской революции 1905—1907 гг.

Т. П. Придворова, В. И. Салов 236

V. СООБЩЕНИЯ

Общество истории и древностей российских при Московском университете

И. А. Демидов, В. В. Ишутин 250

Однодворцы XVIII века в отечественной историографии

Н. К. Ткачева 281

К вопросу о знакомстве представителей русской исторической науки XVIII в. с идеями Жана Бодена

Ф. А. Коган-Бернштейн 300

«Русские источники» и проблемы их обработки в английской историографии конца XVI—начала XVII в. (По данным хроники Д. Стоу — Э. Хауэса)

Л. А. Никитина 317

VI. БИБЛИОГРАФИЯ

Проблемы культурной революции в трудах А. В. Луначарского. (Библиография)

Составитель Е. С. Почерняева 334

А. З. Манфред (1906—1976)

В. М. Далин, С. В. Оболенская 349

Библиография трудов А. З. Манфреда 352

Литература об А. З. Манфреде 364

Составители С. Н. Гурвич, М. И. Ковальская

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник
1975

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства М. М. Медведев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Ф. М. Хенох
Корректоры Ф. А. Дебабов, Ю. Л. Косорыгин

[ИБ № 4379

Сдано в набор 4.10.78
Подписано к печати 31.03.78
Формат 60×90^{1/8} Бумага № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 23 Уч.-изд. л. 27,2
Тираж 5 000 Т-04069 Тип. зак. 2927
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94-а
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-69, Шубинский пер., 10